Irag Pezechk-zod
Дядюшка Наполеон (пер. Н.Кондырева, А.Михалев)

Ирадж Пешек-зод
Дядюшка Наполеон

Глава первая

Жарким летним днем, а точнее – тринадцатого мордада[1], примерно без четверти три я… влюбился. Горечь и боль разлуки, которые мне пришлось впоследствии испытать, не раз наводили меня на мысль о том, что, влюбись я, скажем, двенадцатого или четырнадцатого мордада, все могло бы сложиться иначе.

После обеда меня с сестрой, как обычно, суровыми угрозами вперемежку с заманчивыми обещаниями развлечений, ждущих нас вечером, заставили отправиться спать в нижнюю комнату. В раскаленном от солнца Тегеране послеполуденный сон был обязательным для всех детей. Но в тот день, как, впрочем, и всегда, мы выжидали, пока отца сморит сон, чтобы удрать в сад и поиграть там в свое удовольствие. Когда наконец отец захрапел, я высунул

голову из-под простыни и взглянул на стенные часы. Было полтретьего. Сестренка, дожидаясь, пока заснет отец, уснула сама, и мне пришлось красться на цыпочках в одиночку.

Лейли, дочка моего дядюшки, и ее младший брат уже полчаса как ждали нас с сестрой. Дома, в которых жили наши семьи, стояли в большом общем саду, и между ними не было ни забора, ни стены. Лейли, ее брат и я укрылись в тени раскидистого орехового дерева и играли, стараясь не поднимать шума. И вдруг я встретился с Лейли взглядом. Ее черные, большие глаза смотрели прямо в мои. Я не смог отвести взгляда. Не знаю, как долго мы глазели друг на друга, но неожиданно над нашими головами выросла фигура моей матери с пучком прутьев в руках. Лейли с братом помчались к себе домой, а меня мать, угрожающе размахивая прутьями, водворила на место, в нижнюю комнату. Прежде чем натянуть простыню на голову, я снова взглянул на стенные часы – было без десяти три. Мать, залезая под свою простыню, проворчала:

– Слава богу, что не проснулся дядюшка – он бы от вас мокрого места не оставил!

И она знала, что говорила. Дядюшка очень сурово расправлялся с теми, кто нарушал его приказы. А один из них гласил, что до пяти часов дня детей должно быть не слышно и не видно. («Чтоб и дышать не смели!») Не только

мы, дети, испытали на себе, чем чреваты игры и шум в часы дядюшкиного послеобеденного отдыха, но даже вороны и голуби – и те старались в это время держаться подальше от нашего сада: дядюшка не раз пускал против них в ход свое охотничье ружье и был беспощаден. До пяти часов дня обходили стороной нашу улицу, прозванную в честь дядюшки его именем, и бродячие торговцы, потому что два олуха: один торговавший дынями, а другой – луком, заработали от дядюшки по оплеухе.

Но в тот день мои мысли были целиком заняты другим, и слова матери не заставили меня вспомнить о дядюшкиных скандалах и о его приступах дурного настроения. Ни на секунду не мог я забыть глаза Лейли, ее взгляд. Как я ни ворочался с боку на бок, как ни старался отвлечься, я все равно видел перед собой ее черные глаза, видел еще яснее, чем наяву.

И ночью, когда я лежал под москитной сеткой, меня преследовало это же наваждение. В тот день я больше не встречался с Лейли, но ее глаза, ее ласковый взгляд были со мной неразлучно.

Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг мой мозг пронзила дикая мысль: «Боже мой, неужто я влюбился?!» Я попытался расхохотаться, но у меня ничего не получилось. Впрочем, что тут особенного: бывает, человеку совсем не смешно от какой-нибудь дурацкой мысли, но ведь это еще не

доказывает, что эта мысль на самом деле не дурацкая! Но разве может человек так просто взять и влюбиться, без всякой подготовки?

Я попытался проанализировать все, что мне было известно про любовь. К сожалению, я располагал скудными сведениями по этому вопросу. Хотя мне уже шел четырнадцатый год, я еще ни разу в жизни не видел настоящего влюбленного. Любовные романы и жизнеописания влюбленных в ту пору издавались у нас мало, да и, кроме того, нам не разрешали их читать. Родители и родственники – а прежде всего дядюшка, чьи убеждения, взгляды и образ мыслей довлели над всей нашей обширной родней, – запрещали детям выходить со двора без сопровождения взрослых, и мы не осмеливались якшаться с соседскими ребятишками. А радио изобрели не так давно, и его ежедневные двух-трехчасовые передачи не несли в себе никакой важной информации, способной помочь непросвещенным умам.

Раскладывая по полочкам багаж своих знаний о любви, я первым делом наткнулся на историю о Лейли и Меджнуне. Эту историю я слышал много раз. Но сколько я ни копался в закоулках своих мозговых извилин, я не мог припомнить, чтобы кто-нибудь рассказывал, ***как*** Меджнун влюбился в Лейли. Обычно просто говорили: «Меджнун влюбился в Лейли». И все.

Вообще-то, наверное, лучше было бы не втягивать Лейли и Меджнуна в мои дела, потому что, хоть я и не отдавал себе в этом отчета, тот факт, что легендарная Лейли была тезкой дядюшкиной дочки, повлиял на мои дальнейшие умозаключения. Но я не видел другого выхода – самыми значительными из известных мне влюбленных были именно эти самые Лейли и Меджнун. Кроме них, я слышал еще о Фархаде и Ширин, но ничего существенного о том, ***как*** они влюбились друг в друга, я опять же не знал. Некоторое время тому назад я прочел в какой-то газете любовный рассказ, но не целиком, а только конец – у меня не было предыдущих номеров газеты. Один парень из нашего класса пересказал мне начало, но в результате я все равно не узнал, ***как*** возникла эта любовь.

Стенные часы пробили двенадцать. Господи, уже полночь, а я еще не сплю! Сколько я себя помнил, эти часы висели у нас всегда, но я впервые услышал, как они отбивают полночь. Может быть, моя бессонница тоже доказывает, что я влюбился? Сквозь москитную сетку я различал в полутьме двора неясные силуэты деревьев и розовых кустов, казавшихся диковинными призраками. Мне стало страшно – хоть я и не успел еще окончательно разобраться, влюбился я или нет, но судьбы влюбленных, чьи истории я припомнил, повергли меня в ужас. Почти все эти истории были трагичны и почти все кончались смертью

героев.

Лейли и Меджнун – смерть! Ширин и Фархад – смерть! Ромео и Джульетта – смерть! Поль и Виргиния – смерть! И даже тот рассказ в газете тоже кончался смертью.

Не дай бог, я и на самом деле влюбился. Значит, я тоже умру? А в ту пору детская смертность была высокой, и мне доводилось слышать, как взрослые в разговорах подсчитывали, сколько та или иная женщина родила детей, и сколько из них умерли. Но неожиданно во мне вспыхнула надежда: знаменитый Амир Арслан![2]Историю о нем я много раз слышал и читал сам. Амир Арслан – единственный влюбленный, которому удалось стать счастливым!

Мысли об Амире Арслане и о благополучном исходе его любви слегка меня приободрили, но в то же время утяжелили чашу весов, содержащую утвердительный ответ на важнейший вопрос, а именно: влюблен я или нет. А каким образом влюбился Амир Арслан? Он увидел портрет Фаррохлеги и в тот же миг навсегда отдал ей свое сердце. Так, может быть, я тоже влюбился с одного-единственного взгляда?

Я пытался уснуть. Я крепко зажмурил глаза, чтобы погрузиться в забытье и выбраться из лабиринта неотвязных мыслей. К счастью, даже когда мальчишка влюблен, сон одерживает над ним верх и не позволяет бодрствовать до

2

утра. По всей видимости, бессонные ночи – удел взрослых влюбленных.

Наступило утро, но я не успел вернуться к своим думам, потому что заспался дольше обычного, а разбудил меня голос матери, повторявшей:

– Подымайся, подымайся же! Тебя дядя зовет.

Я вздрогнул, как будто меня ударило током. У меня пропал дар речи. Я хотел спросить: «Какой дядя?», но не смог выдавить из себя ни звука.

– Вставай! Ага[3]приказал, чтобы ты явился к нему домой.

Я отказывался что-либо понимать. Вопреки здравому смыслу, вопреки всякой, даже детской, логике я почему-то был уверен, что дядюшка проник в мою тайну, и от страха меня била дрожь. Чтобы отсрочить надвигающуюся пытку, я сказал первое, что пришло в голову:

– Я еще не завтракал.

– Так вставай же быстрее. Позавтракаешь и пойдешь.

– А вы не знаете, зачем дядюшка меня вызывает?

Ответ матери меня несколько успокоил:

– Он велел созвать к нему всех детей.

Я вздохнул с облегчением – очередное сборище у дядюшки. Он часто собирал у себя детвору и читал нам нотации и наставления, а потом раздавал сладости. В общем,

---

3

я постепенно пришел в себя и сообразил, что дядюшка никак не мог раскрыть мою тайну.

Завтрак я съел, можно сказать, спокойно, и впервые с того момента, как проснулся, мне вновь привиделись черные глаза Лейли – они глядели на меня сквозь клубы вырывавшегося из самовара дыма.

Выйдя в сад, я увидел Маш-Касема, дядюшкиного слугу. Подвернув шаровары, он поливал цветы.

– Маш-Касем, ты не знаешь, зачем я дядюшке понадобился?

– Э-э, милок. Зачем мне врать?! Ага приказали собрать у них всех детей. А по правде, мне и невдомек, какое у них к вам дело…

Только родственники пользовались привилегией называть дядю «дядюшкой». Все остальные – и друзья, и знакомые, и просто жители нашего квартала – величали его не иначе, как «ага». И в глаза, и за глаза. У дядюшки было длинное витиеватое имя, аж из семи слогов. Да, да, из семи. Надо было ровно семь раз открыть и закрыть рот, чтобы прозвучало имя, закрепляющее за дорогим дядюшкой право на существование в этом мире. У отца дядюшки имя тоже было не из коротких – шесть слогов. И его тоже все величали только «ага», а его настоящее имя постепенно забылось. Отец дядюшки, заботясь о том, чтобы, когда он умрет, союз его семерых сыновей и дочерей не дал трещину,

построил в своем огромном саду семь домов и еще при жизни разделил их между детьми. Дядюшка был старшим сыном и унаследовал от отца почетное звание «аги». И то ли по причине своего старшинства, то ли в силу особенностей натуры, после смерти отца дядюшка стал считать себя главой семьи и настолько прочно «сел на трон», что члены нашего довольно большого семейства без разрешения дядюшки не смели и воды глотнуть. Он так рьяно вмешивался в жизнь своих родственников, что большинство его братьев и сестер отвоевали себе по суду отдельные участки сада и отгородились от дядюшки заборами. А некоторые вообще продали свои дома и уехали.

На оставшейся территории жили мы, дядюшка со своей семьей и один из дядюшкиных братьев, дом которого был отделен от нашего изгородью.

Дядюшка сидел в своей «зале» – большой комнате с пятью дверьми, а явившиеся по его приказу дети тихо играли или шептались друг с дружкой во внутреннем дворике.

Черноглазая Лейли вышла ко мне навстречу. И снова наши взгляды встретились. Я почувствовал, что сердце у меня бьется необычно. Казалось, даже слышно, как оно гулко стучит: «тук-тук, тук-тук…» Но я не успел толком разобраться в своих ощущениях – из залы вышел дядюшка.

Высокий и худой, он был одет в тонкую абу[4] и обтягивающие трикотажные рейтузы. На лице его застыло угрюмое выражение. Все дети, даже совсем еще малыши, почувствовали, что на этот раз их собрали вовсе не для того, чтобы они выслушивали назидания, – надвигалась гроза.

Дядюшка стоял, возвышаясь над нами. Глаза его глядели сквозь толстые стекла дымчатых очков куда-то ввысь. Наконец он сухим и грозным тоном спросил:

– Кто из вас испачкал мелом дверь?

И длинным костлявым пальцем показал на ведущую из дворика в дом дверь, которую только что закрыл за ним Маш-Касем. Все мы невольно посмотрели в ту сторону. На двери было коряво выведено мелом: «Наполеон – осел». Большинство детей – а нас было человек восемь-девять, – не сговариваясь, уставились на Сиямака, но не успел еще дядюшка глянуть на нас с высоты своего роста, как мы уже осознали собственную оплошность и опустили глаза. Никто из нас не сомневался, что надпись на двери – дело рук Сиямака, потому что мы часто обсуждали между собой симпатии дядюшки к Наполеону, и Сиямак, самый отчаянный среди нас, обещал в один прекрасный день увековечить свое отношение к Наполеону на двери дядюшкиного дома. Тем не менее, чувство элементарной гуманности не позволяло нам выдать виновного.

4

Стоя перед нами с видом коменданта лагеря для военнопленных, обращающегося к шеренге узников, дядюшка начал говорить. Но в своей полной угроз и страшных обещаний речи он, обходя молчанием оскорбление, нанесенное Наполеону, напирал в основном лишь на то, что кто-то испакостил дверь.

Когда дядюшка сделал паузу, воцарилась пугающая тишина. Неожиданно голосом, никак не соответствующим его высокому росту, дядюшка завизжал:

– Я спрашиваю, кто это сделал?

И снова мы исподтишка посмотрели на Сиямака. На этот раз дядюшка перехватил наши взгляды и вперил свой гневный взор прямо в Сиямака. Тут случилось непредвиденное. (Мне, право же, стыдно об этом упоминать, но надеюсь, что необходимость правдиво излагать факты послужит оправданием моей откровенности.) Сиямак от страха написал в штаны и заикающимся голосом стал просить прощения.

Когда виновный понес наказание как за свое основное преступление, так и за преступление, совершенное в ходе следствия, и, заливаясь слезами, поплелся домой, остальные дети двинулись следом за ним. Мы уходили в полном молчании. Это объяснялось, с одной стороны, робостью перед дядюшкой, а с другой – данью уважения и сострадания к мучениям, выпавшим на долю Сиямака,

причем в большой степени по нашей же вине.

Рыдая, Сиямак жаловался своей матери на дядюшку. Та, хотя и догадывалась, о ком из родственников идет речь, все же спросила:

– Какой дядюшка?

И несчастный мальчишка, не задумываясь, выпалил:

– Дядюшка Наполеон!

Мы оцепенели от ужаса. Прозвище, которым мы давно между собой наградили дядюшку, впервые было произнесено вслух в присутствии взрослых.

Конечно же, Сиямак еще раз получил по заслугам, теперь уже от собственных родителей, но зато мы вздохнули с облегчением, потому что давно задыхались от нетерпения произнести дядюшкино прозвище во весь голос.

Дядюшка с юных лет поклонялся Наполеону. Впоследствии мы узнали, что в дядюшкиной библиотеке были собраны все книги о Наполеоне, вышедшие в Иране в переводе на персидский и даже на французском (дядюшка немного знал французский язык). Да и вообще, на его полках не было ни одной книги, так или иначе не связанной с Наполеоном. О чем бы ни заходил разговор: о науке, литературе, истории, юриспруденции или философии – дядюшка непременно умудрялся процитировать какое-нибудь изречение французского императора. И так уж получилось, что большинство родни под влиянием дядюшки

считало Наполеона величайшим философом, математиком, политиком и даже поэтом.

Во времена Мохаммада Али-шаха[5] дядюшка состоял в жандармерии и вроде бы дослужился до подпоручика. Все мы сотни раз слышали дядюшкины рассказы о его боевой деятельности и о борьбе, которую он вел в ту пору с разбойниками и мятежниками.

Мы, дети, дали каждой из этих историй свое название: например, «Рассказ о битве при Казеруне», «Рассказ о битве при Мамасени» и так далее. Первые несколько лет эти рассказы сводились к повествованию о стычках дядюшки, командовавшего пятью-шестью другими жандармами, с горсткой разбойников и грабителей, орудовавших близ Казеруна или Мамасени. Но со временем число противников росло, а стычки превращались в кровавые бои. Так, если в ранних рассказах дядюшку вместе с пятью жандармами взяли в окружение около Казеруна двенадцать разбойников, то года через два-три стычка при Казеруне превратилась в дядюшкином изложении в кровопролитную битву, в которой четыре тысячи разбойников – конечно же, подстрекаемых англичанами, – окружили сто пятьдесят жандармов.

И лишь много позже, когда мы были уже достаточно знакомы с историей, нам стало понятно, что в результате крепнущей симпатии дядюшки к Наполеону эпизоды при

5

Казеруне и Мамасени не только разрослись до головокружительных масштабов, но и обрели явное сходство с битвами Наполеона; рассказывая о Казерунской кампании, дядюшка точно описывал битву при Аустерлице и даже без всякого стеснения упоминал о вводе в бой пехоты и артиллерии. А еще мы узнали, что после того, как в Иране жандармерия была реорганизована, ветераны получили ранги, соответствующие их способностям и знаниям, а поскольку дядюшка был мало сведущ в той области, в которой сам он претендовал на гениальность, ему пришлось уйти в отставку в одном из низших чинов.

Итак, началась вторая бесконечная ночь. И снова передо мной – черные глаза Лейли, ее ласковый взгляд. И снова тринадцатилетнего мальчишку одолевают путаные беспокойные мысли. И снова я ищу ответ своим догадкам, но теперь меня мучает еще и новый вопрос: «А вдруг и Лейли в меня влюблена?» О господи, сжалься надо мной! Если влюбился только я, то остается хоть какая-то надежда на спасение, но если и Лейли…

Даже в то время, пока мы стояли в тревожном ожидании пред дядюшкиными очами, и никто из нас не был уверен, что дядюшка сумеет правильно дознаться до истины и свершит свой суд справедливо, даже тогда я то и дело ловил на себе взгляд Лейли или чувствовал, что она на меня смотрит.

Теперь передо мной возникла новая проблема, которую следовало срочно решить, – что лучше: безответная любовь или взаимная?

Кого же мне об этом спросить? С кем посоветоваться? Вот если бы Лейли была сейчас рядом… Нет, вне всякого сомнения, я влюбился – иначе с чего бы мне так хотелось, чтобы Лейли была рядом? Надо бы кого-нибудь обо всем этом порасспросить. Но кого?

А что, если спросить саму Лейли? Но это же просто глупо! Спрашивать у Лейли, влюблен я в нее или нет! А может быть, спросить у нее… Что?… Спросить, влюблена ли она в меня? Тоже глупо. Да и потом, вряд ли я наберусь храбрости задать ей подобный вопрос. Может, поговорить с ребятами?

Нет, ничего из этого не выйдет… Брат Лейли младше меня и в таких вещах не смыслит… Может, спросить Али?… Нет. Он – трепло, побежит и все доложит моему отцу, а еще хуже – дядюшке. О господи, неужели же мне некого спросить, влюблен я или нет?

Внезапно кромешный мрак, в котором блуждали мои мысли, озарился светом надежды – «Маш-Касем»!

Да, что если спросить Маш-Касема? Дядюшка взял его в услужение из деревни, и в нашей семье часто хвалили Маш-Касема за набожность и благочестие, к тому же он как-то раз уже доказал мне свою порядочность. Однажды я мячом

разбил в дядюшкином доме окно. Маш-Касем это видел, но не сказал никому ни слова.

И вообще Маш-Касем всегда был на стороне детворы и часто рассказывал нам всякие удивительные истории. Основным достоинством Маш-Касема было то, что он обязательно отвечал на любой вопрос. Когда его о чем-то спрашивали, он прежде всего говорил: «Зачем же врать?! До могилы-то… ять… ять…» – и непременно растопыривал четыре пальца правой руки. Потом уже мы узнали, что этим он хотел сказать, что, поскольку человека отделяет от могилы ничтожное расстояние – не больше, чем четыре пальца, – врать не следует. Хотя мы иногда понимали, а скорее даже чувствовали, что Маш-Касем врет, нам было интересно, как он умудряется отвечать на абсолютно все вопросы, даже если они касаются сложнейших наук, открытий и изобретений. Когда мы спросили его, существуют ли на самом деле драконы, он, не задумываясь, ответил: «Э-э, милые вы мои… Зачем же врать?! До могилы-то ать… ать… Я ведь дракона собственными глазами видел… Иду это я однажды по дороге из Гиясабада в Кум… Дошел до поворота и гляжу – дракон! Он сначала взлетел, а потом прямо передо мной опустился. Ну и зверь! Не приведи бог с таким встретиться. Наполовину тигр, наполовину буйвол, помесь коровы с осьминогом и с совой… Из пасти у

него огонь полыхает, на три зара[6]вокруг. Я думаю: „Была не была!“ – и как садану ему в пасть лопатой, чтоб он поперхнулся. Он захрипел, да так, что весь город разбудил… А что толку, милые вы мои? Никто Маш-Касему и „спасибо“ не сказал…»

Маш-Касем всегда был готов объяснить любой факт истории и любое хитроумное изобретение рода человеческого. Если бы в ту пору уже создали атомную бомбу, Маш-Касем наверняка взялся бы растолковать нам, как происходит ядерный взрыв.

В общем, в ту ночь Маш-Касем стал для меня символом надежды выпутаться из плена неразрешимых вопросов, и я спал довольно спокойно.

Утром я проснулся рано. Маш-Касем всегда вставал на рассвете и, как только поднимался с постели, сразу же шел поливать цветы и ухаживать за садом. Вот и сейчас, выйдя в сад, я увидел, что он, взобравшись на табуретку, подравнивает ветки шиповника, вившегося вокруг дядюшкиной беседки.

– Что, родимый, не спится?… Чего это ты сегодня ни свет ни заря?

– Я вчера рано лег, а утром уже не спалось.

– Ну что ж, тогда иди поиграй. А то ведь скоро и школа откроется, тогда не до игр будет.

6

Я минуту стоял в нерешительности, но потом подумал, что впереди меня ожидает третья полная кошмаров ночь, и отважился:

– Маш-Касем, я хочу у тебя кое-что спросить.

– Так спрашивай, милый. Спрашивай.

– У нас в классе один парень думает, что он влюбился… Только как бы это сказать… В общем, он не уверен… А спрашивать у других стесняется… Ты не знаешь, как люди определяют, влюблены они или нет?

Маш-Касем чуть не свалился с табуретки и в изумлении пробормотал:

– Что?… Как ты сказал? Влюбился?! Твой одноклассник?

Я встревожено спросил:

– А что такое, Маш-Касем? Это очень опасно?

Глядя на садовые ножницы, Маш-Касем неспешно ответил:

– Эх, милок, зачем же врать?! До могилы-то… ать… ать… Я сам не влюблялся… то есть, конечно влюблялся! В общем, знаю, что это за несчастье. Не дай бог! Клянусь пятью святыми[7], никому не пожелаю испытать мученья любви! Любовь, она и взрослых людей на тот свет отправляет, а уж про детей – и говорить нечего!

У меня от ужаса подкосились ноги. Но ведь я

7

намеревался расспросить Маш-Касема о признаках и симптомах влюбленности, а он вместо этого описывает ее страшные последствия. Ну нет. Я так просто не отступлюсь. Раз уж Маш-Касем – единственный знающий человек, который может дать мне необходимые сведения о любви и признаках влюбленности, я должен быть твердым.

– Но, Маш-Касем! Мой приятель… ну, тот, который думает, что влюбился, хочет сначала узнать, вправду ли с ним это случилось. А уж когда он убедится, что влюбился, тогда будет думать, как ему от этой напасти избавиться.

– Э-э, милок. Разве ж от нее так просто излечишься! Эта штука пострашней любой болезни будет, И не приведи господь! Хуже тифа, хуже колик!

Я решительно его перебил:

– Маш-Касем, об этом мы потом поговорим. Сейчас ты скажи, как человек узнает, что он влюбился?

– Ей-богу, милок, зачем же врать?! Что знаю, скажу. Когда влюбляешься… В общем, если не видишь любимую, сердце у тебя будто в лед превращается… А как ее увидишь, сердце горит, словно в нем печку разожгли, и ты готов подарить своей любимой все богатства мира, будто ты шах какой… Короче говоря, не будет тебе покоя, пока ты на ней не женишься. Но уж если – а ведь и так бывает – ее за другого отдадут, тогда… О-ох, горе-горькое! Один мой земляк тоже… Влюбился… А однажды вечером его

любимую за другого выдали, так он наутро в пустыню убежал. С тех пор уж двадцать лет прошло, а никому и не ведомо, где он, что с ним… Как в воду канул…

И Маш-Касема понесло. Он рассказывал историю за историей о своих земляках, об однополчанах, а мне хотелось скорее закончить нашу беседу: я боялся, что кто-нибудь войдет в сад и услышит нас.

– Маш-Касем, как бы дядюшка не догадался, о чем я тебя спрашивал… А то ведь он будет докапываться, кто да что…

– Разве ж я аге чего скажу? Думаешь, мне жизнь надоела?! Ага ведь, если прослышит, что кто-то о любви заговорил, такой шум подымет!… Да он за это убить может! – И, покачав головой, Маш-Касем добавил: – Не приведи бог, кто-нибудь влюбится в барышню Лейли. Ага того человека в порошок сотрет.

Стараясь сохранять хладнокровный вид, я спросил:

– Это почему же, Маш-Касем?

– Да вот помню, много лет назад какой-то парень влюбился в дочку одного приятеля аги…

– Ну и что же случилось?

– Зачем же врать?! До могилы-то… ать… ать… Правда, я своими глазами не видел… Но тот парнишка исчез – поминай как звали. Точно сквозь землю провалился. Тогда поговаривали, будто ага всадил ему пулю прямо в сердце, а

потом бросил покойника в колодец… Это еще во времена Казерунской кампании было…

И Маш-Касем принялся излагать дядюшкин «Рассказ о битве при Казеруне».

Мы не знали, с какого точно времени Маш-Касем работал у дядюшки, но постепенно выяснилось, что, во-первых, Маш-Касем попал к нему уже после того, как тот оставил службу в провинции и вернулся в Тегеран, во-вторых, Маш-Касем был, так сказать, дядюшкой в миниатюре. Богатство его воображения ничуть не уступало дядюшкиному. Когда в первые годы Маш-Касем поддакивал хозяину во время его рассказов о боевом прошлом, тот сердился и кричал: «А ты что встреваешь? Ты ведь там не был!» Но Маш-Касем делал вид, что это к нему не относится. И, наверное, по той причине, что никто не стал бы слушать его собственные небылицы, он на протяжении многих лет всеми силами старался убедить окружающих, что воевал под дядюшкиным началом. Дядюшка же, чувствуя, что слушатели начинают терять должное доверие к его рассказам, особенно к историям о его ратных подвигах, – может быть, в силу необходимости иметь при себе живого свидетеля, а может быть, и потому, что Маш-Касем сумел-таки загипнотизировать его своими фантазиями, и дядюшка уже явственно представлял себе его на поле брани, – постепенно признал, что Маш-Касем был его солдатом и

вместе с ним участвовал в боях. Ведь Маш-Касем до мельчайших подробностей помнил дядюшкины рассказы о битвах при Казеруне, Мамасени и о других военных приключениях и иногда даже подсказывал ему, что следует за чем.

Но официальное признание нового статуса Маш-Касема произошло всего за два-три года до описываемых событий. В тот день дядюшка был крайне раздосадован; Маш-Касем, подправляя водосток, по неосторожности перерубил лопатой корень дядюшкиного любимого куста шиповника. От гнева дядюшка чуть не потерял рассудок. Щедро наградив Маш-Касема подзатыльниками, он закричал:

– Убирайся вон! Чтоб ноги твоей в этом доме больше не было.

Маш-Касем, печально опустив голову, сказал:

– Ага, меня может заставить покинуть ваш дом только полиция или собственная смерть! Вы же мне жизнь спасли! И, пока я жив, мой долг вам служить! Кто другой сделал бы для меня то, что сделали вы?

Он повернулся к дядюшкиным братьям, сестрам и их детям, собравшимся на шум, но не решавшимся заступиться за виновного, и с чувством заговорил:

– Вы только себе представьте… Во время битвы при Казеруне меня ранило. Я упал между двумя большими камнями… А пули дождем – и с этой стороны, и с той… Я

лежу при последнем издыхании, а на меня уже с неба вороны и стервятники целятся. И вдруг откуда ни возьмись появляется мой ага – дай ему бог счастья, сохрани его в здравии и благополучии!… Пробрался он сквозь град пуль и – прямо ко мне. Герой, каких мало! Взвалил меня себе на спину и потащил. А тащить-то далеко. Но пока мы не добрались до своего окопа, ага меня ни разу на землю не опустил… По-вашему, человек такое забывает?

Все мы с волнением слушали рассказ Маш-Касема. И лишь, когда он замолчал, обратили внимание на дядюшку. Гневное выражение исчезло с его лица. Он стоял, устремив взор куда-то далеко, и, казалось, видел сейчас перед собой поле боя. На губах его играла мягкая, спокойная улыбка.

Маш-Касем, от которого также не укрылась перемена в дядюшкином настроении, проворковал:

– Если б не ага, покоился б я сейчас в сырой земле, как бедняга Солтан Али-хан!

Дядюшка задумчиво прошептал:

– Бедный Солтан Али-хан! Я ведь и его хотел спасти, но не успел… Да простит ему господь грехи его…

Этими словами дядюшка официально признал, что Маш-Касем сражался под его началом. Человек, еще совсем недавно категорически утверждавший, что в то далекое время не был даже знаком с Маш-Касемом, с этих пор в бесконечных рассказах о боевом прошлом начал именовать

Маш-Касема своим ординарцем и даже иногда просил его напомнить, как звали того или иного из персонажей, или уточнить названия населенных пунктов. Более того, целых два года после этого эпизода дядюшка заставлял Маш-Касема рассказывать при гостях и родственниках, как тот был спасен от смерти, и таким образом Маш-Касем, самым большим событием в жизни которого, как слышали мы от него в детстве, была схватка с бродячими собаками в Куме, занял место в ряду героев сражений при Казеруне и Мамасени.

Вот и сейчас Маш-Касем увлекся описанием Казерунской битвы, а я, не дослушав его, потихоньку вернулся домой.

В результате долгих и мучительных раздумий я пришел к выводу, что действительно влюбился в Лейли. Окончательно я убедился в этом вечером, когда к нам заглянул продавец мороженого, и я охотно отдал половину своей порции Лейли, вспомнив при этом мудрые слова Маш-Касема: «Когда ты влюблен, то готов подарить своей любимой все богатства мира, будто ты шах какой…» До сих пор не было случая, чтобы я с кем-нибудь поделился мороженым. Постепенно я обнаружил у себя все признаки и симптомы влюбленности, о которых говорил Маш-Касем. Если Лейли не было рядом, я и на самом деле ощущал в сердце какой-то холод, а когда я ее видел, жар моего сердца

заставлял гореть даже лицо и уши. Пока Лейли была перед моими глазами, я забывал о роковых последствиях любви. И только по вечерам, когда она возвращалась к себе, а я оставался один, меня охватывали раздумья о губительной силе этого чувства. Но через несколько дней мои опасения ослабели. Даже по ночам меня теперь не очень-то одолевали страхи, потому что ночи были заполнены воспоминаниями о встречах с Лейли днем. Один из наших родственников, служивший в министерстве иностранных дел, привез дядюшке из Баку несколько флаконов русского одеколона. Благоухание, исходившее от Лейли – а она душилась именно этим одеколоном, – иногда оставалось на моих руках, и я в таких случаях не желал их мыть, боясь, что смою запах Лейли. Постепенно я почувствовал, что мне доставляет наслаждение быть влюбленным. После терзаний первых двух-трех дней я был теперь счастлив, но все же в глубине души ощущал некоторое беспокойство. Мне хотелось узнать, а влюблена ли в меня Лейли? Вообще-то я чувствовал, что так оно и есть, но хотел быть уверен.

Однако, несмотря на эти сомнения, дни проходили для меня вполне радостно. И светлый небосвод моего счастья омрачался облачком лишь в те минуты, когда я начинал думать, а не пронюхал ли о моей тайне дядюшка. Иногда мне снилось, что он с ружьем в руках стоит у меня в изголовье и сверлит меня гневным взглядом. От ужаса я

просыпался в холодном поту. Хотя я старался не думать о том, чем завершится моя любовь, все же я был почти уверен, что дядюшка ее не одобрит. Между дядюшкой и моим отцом издавна существовала неприязнь. Во-первых, дядюшка с самого начала был против того, чтобы его сестра выходила замуж за моего будущего отца. Он считал, что его семья – благородных кровей, а союз, по его собственному выражению, «аристократки» с простым смертным, да к тому же родом из деревни, абсолютно недопустим. И если бы брак моих родителей не был заключен еще при жизни дядюшкиного отца, он, наверное, вообще бы не состоялся.

Во-вторых, мой отец не выказывал должного уважения к личности Наполеона и на разных семейных сборищах – иногда даже в присутствии дядюшки – отзывался о нем, как об авантюристе, навлекшем на Францию немало бед и позора. Дядюшка считал эти высказывания величайшим преступлением, и именно в них, по-моему, крылась основная причина конфликта.

В обычных условиях этот конфликт, естественно, носил скрытый характер и вспыхивал ярким пламенем лишь в особых случаях, чаще всего за партией в нарды, но спустя несколько дней, благодаря вмешательству родственников, все снова возвращалось в прежнюю колею. Нас, детей, мало трогали распри дядюшки с отцом, потому что мы были заняты своими играми. Но после того, как я понял, что

влюбился в Лейли, их взрывоопасные отношения стали тревожить меня чуть ли не больше всего на свете. И, к несчастью, вскоре между дядюшкой и отцом разгорелась бурная ссора, повлиявшая на всю мою дальнейшую жизнь.

Инцидент, вызвавший новый подъем застарелой вражды, произошел в доме дяди Полковника.

Шапур, сын дяди Полковника, – все родственники, следуя примеру дядиной жены, называли его просто Пури – только что окончил университет, и уже с начала лета пошли разговоры о пышном званом вечере, который дядя Полковник намеревался устроить в честь своего дипломированного сына.

Зубрила Шапур, то бишь Пури, был среди нашей обширной родни единственным, получившим высшее образование. В «аристократической» семье дядюшки дети обычно завершали курс наук в третьем или четвертом классе средней школы, и поэтому диплом Пури стал событием первостепенной важности. Все родственники только и говорили что о гениальности Пури. Хотя ему едва исполнился двадцать один год, из-за высокого роста и сутулости он казался старше своих лет. Как мне думается, Пури не был умен, просто обладал отличной памятью. Заучивал все назубок и получал хорошие отметки. До восемнадцати лет мать переводила его через дорогу за ручку. В общем-то, Пури не был уродом, но зато слегка

пришепетывал. Все родственники – а дядюшка в особенности – прожужжали нам уши о гениальности Пури, и мы между собой дали парню прозвище «Светило». Нам столько раз говорили о пышном вечере, который дядя Полковник устроит в честь своего Светила, что эта тема занимала нас все каникулы. Наконец было объявлено, что торжество приурочат ко дню рождения Пури.

Впервые в жизни я готовился к походу в гости целых полдня: сходил в баню и в парикмахерскую, выгладил рубашку, брюки, начистил ботинки ваксой – в общем, приготовления заняли у меня все время до вечера. Мне хотелось предстать перед Лейли в наилучшем виде. Я даже вылил на себя часть содержимого из маминого флакона духов «Суар де Пари».

Дом дяди Полковника стоял в том же саду, что и наш, но был отделен деревянным забором.

Дядя Полковник на самом деле был не полковником, а майором, но несколько лет назад, а точнее с того времени, когда, по его собственным подсчетам, он должен был получить очередное звание, по негласному приказу дядюшки Наполеона, неожиданно обратившегося к нему со словами: «Послушай, братец полковник», – вся наша семья стала называть его полковником и за глаза и в глаза.

Войдя во внутренний дворик дяди Полковника, я начал шарить взглядом среди гостей. Лейли еще не было. Зато мне

сразу бросился в глаза Светило Пури. На нем была белая рубашка с пристяжным полосатым воротничком и жуткого цвета галстук.

Отведя взгляд от воротничка и галстука Пури, я обратил внимание на «оркестр» из двух музыкантов, сидевших в стороне от гостей, рядом со своими инструментами – таром и тамбурином. Перед музыкантами стоял маленький столик, на котором лежали фрукты и сладости. Человек, игравший на таре, показался мне знакомым. Приглядевшись, я узнал в нем учителя арифметики и геометрии из начальной школы. Позже мне стало известно, что скудость учительского жалованья заставляла его подрабатывать на вечеринках. Толстый слепой тамбурист заодно выступал и в роли певца. К восьми часам вечер был уже в разгаре, и «оркестр» время от времени услаждал слух гостей ритмичными мелодиями и песнями. Мужчины столпились в углу сада, где стоял стол с крепкими напитками. Я то и дело запускал руку в вазы со сладостями и фруктами и каждый раз брал по две штуки: одну давал Лейли, другую съедал сам. Керосиновые лампы заливали весь сад светом, и поэтому я поглядывал на Лейли с величайшей осторожностью и старался угощать ее сладостями незаметно. Светило Пури бросал в нашу сторону злые взгляды.

Прискорбное событие произошло примерно в половине десятого.

Дядя Полковник показал гостям свое новое охотничье ружье, которое ему привез из Баку служивший в министерстве иностранных дел Асадолла-мирза, и, расписав достоинства подарка, теперь ждал, что скажет о ружье дядюшка Наполеон.

Дядюшка взял ружье в руки, повертел его так и сяк, делая вид, что прицеливается. Женщины начали суетливо приговаривать, что ружье не игрушка, но дядюшка, усмехаясь, ответил, что он в этом деле собаку съел и знает, что делает.

По-прежнему не выпуская ружья из рук, дядюшка ударился в воспоминания о своих боевых подвигах.

– Да-а… было и у меня точно такое же ружье. Помню, однажды в самый разгар битвы под Мамасени…

Маш-Касем, который, завидев в дядюшкиных руках ружье, вероятно, догадался, что сейчас пойдет разговор о былых сражениях, подошел поближе и, стоя за спиной дядюшки, вмешался:

– Ага, это было в Казерунскую кампанию.

Дядюшка метнул в него сердитый взгляд:

– Не говори чепуху. Это было под Мамасени.

– Ей-богу, зачем мне врать?! Как мне помнится, под Казеруном это случилось.

Тут до дядюшки дошло то, что уже поняли все остальные: Маш-Касем, еще не зная, о чем дядюшка будет

рассказывать, назвал место битвы – это подрывало авторитет Дядюшки и явно снижало достоверность истории, которую он собирался поведать. Дядюшка зло прошипел:

– Послушай-ка, умник, я ведь не успел еще и слова сказать.

– Оно, конечно, наше дело маленькое, ага, но только это случилось в битве при Казеруне, – выпалил Маш-Касем и замолк.

Дядюшка продолжил:

– Так вот, значит, однажды, в самый разгар битвы при Мамасени, мы оказались в ущелье. А на склонах гор с обеих сторон – вооруженные бандиты.

Увлекшись рассказом, дядюшка то вставал со стула, то снова садился. Держа ружье под мышкой правой руки, он размахивал левой, поясняя свое повествование жестами.

– Представьте себе ущелье шириной в три-четыре раза больше, чем этот дворик… Вот здесь стою я и человек сорок-пятьдесят стрелков…

В полной тишине прозвучал голос не преминувшего вмешаться Маш-Касема:

– А рядом с вами ваш слуга Касем…

– Да. Касем был тогда моим, как теперь это называют, ординарцем…

– Так разве ж я не говорил, ага, что дело было под Казеруном?

– Я кому сказал, не мели чепуху! Под Мамасени это случилось. Старый ты стал, память у тебя отшибло, из ума выживаешь!

– А я что? Я молчу!

– Оно и лучше! В самый раз тебе сейчас заткнуться!… Так вот, значит… Стою я и сорок – пятьдесят стрелков… А уж стрелки-то мои… видеть надо было этих бедняг! Как говорил Наполеон, полководец с сотней сытых солдат добьется больших успехов, чем с тысячей голодных… И тут вдруг пули – градом! Я первым делом спрыгнул с лошади и Касема тоже за собой потянул… А может, это и кто-то другой из моих солдат был… В общем, схватил я его за руку и стащил с лошади.

– Это я был, ага, я! – снова встрял Маш-Касем и робким трусливым голосом добавил: – Не сочтите за дерзость, ага, но осмелюсь доложить, это все же было в битве при Казеруне.

Наверное, впервые в жизни раскаявшись, что некогда допустил Маш-Касема к участию в своем военном прошлом, дядюшка заорал:

– Где было, там и было! Да хоть у черта на рогах! Ты дашь мне когда-нибудь договорить?!

– Молчу, молчу! Откуда ж мне знать, ага?!

И в гробовой тишине, воцарившейся среди напуганных дерзостью слуги гостей, которые, не знай они о благочестии

и набожности Маш-Касема, сочли бы его стоящим одной ногой в аду, дядюшка продолжил:

– Так вот, значит, стащил я этого идиота с лошади – уж лучше б я себе руку сломал и не спасал его! – а сам укрылся за скалой. Большая такая скала… С эту комнату… А что же делалось вокруг? Двоих, а может, троих из наших людей подстрелили, остальные тоже попрятались за скалами… По характеру стрельбы и манере боя противника я сразу же понял, что мы имеем дело с бандой Ходадад-хана… Да, тот самый, знаменитый Ходадад-хан, из давних прислужников англичан.

Дядюшкин захватывающий рассказ, по всей видимости, напрочь лишил Маш-Касема разума, и он снова не удержался:

– Разве ж я не говорил, что это было в битве при Казеруне.

– Молчать! И вот, значит, решил я перво-наперво разделаться с самим Ходадад-ханом… Бандиты, они храбрые, пока жив их главарь, а как только его убьют, бегут без оглядки… Добрался я ползком до вершины скалы… Была тогда на мне кожаная шапка. Я надел ее на палку и приподнял над краем скалы, чтобы они подумали, что…

Маш-Касема снова прорвало:

– Ага, ну прямо будто вчера это было! Так и вижу перед глазами вашу кожаную шапку… Если вы припомните, так

ведь вы же потеряли эту шапку в битве при Казеруне, то есть я хотел сказать, ее пулей пробило… Во время битвы при Мамасени у вас кожаной шапки и в помине не было…

Мы все ждали, что дядюшка сейчас треснет Маш-Касема по башке либо дулом, либо прикладом, но, вопреки нашим ожиданиям, дядюшка слегка смягчился: то ли он хотел заставить Маш-Касема умолкнуть, чтобы закончить свой рассказ, то ли силой воображения с легкостью перенес битву в другое место. Как бы там ни было, он дружелюбно сказал:

– А ведь, кажется, Касем-то прав… Вроде бы и вправду это под Казеруном случилось… вернее, в самом начале Казерунской кампании…

В глазах Маш-Касема зажглись радостные огоньки.

– А я что вам говорил, ага?! Зачем мне врать?! До могилы-то… Ну как будто вчера – все-все помню!

– Да-а. Так вот, значит, одна у меня была тогда мысль: как бы пристрелить Ходадад-хана. Когда я поднял на палке свою кожаную шапку, Ходадад-хан – а он был первоклассным стрелком – высунул голову из укрытия. И вот мы с ним – один на один… Помянул я в душе пророка и прицелился…

Дядюшка поднялся со стула и стоял теперь во весь свой немалый рост, приложив приклад к правому плечу. Он целился и даже зажмурил левый глаз.

– Мне из-за скалы был виден только лоб Ходадад-хана, но я этот лоб хорошо знал… Густые брови… Над правой бровью шрам… Прицелился я, значит, прямо ему меж бровей…

И вдруг, как раз в тот миг, когда дядюшка в наступившей мертвой тишине прицелился в лоб Ходадад-хану (точно меж бровей), случилось непредвиденное. Неподалеку от того места, где стоял дядюшка, раздался некий звук. Довольно подозрительный звук. Как будто двинули ножкой стула по камню… или ненароком скрипнуло старое кресло… или… Позже я узнал, что большинство гостей приписали происхождение этого звука именно стулу и не позволили себе избрать менее достойную версию.

Дядюшка Наполеон на секунду застыл, как изваяние. Все присутствующие словно окаменели, замерев на месте. Через мгновенье взор дядюшки вновь обрел подвижностью и налитые кровью глаза – казалось, вся кровь, струившаяся по дядюшкиным жилам, бросилась ему сейчас именно в глаза – обратились туда, откуда раздался звук.

Там сидело всего двое – мой отец и придурковатая толстуха Гамар, дочка одной из наших родственниц.

Никто не решался нарушить тишину. Неожиданно Гамар по-идиотски засмеялась, да так, что ее смехом заразились не только дети, но даже и кое-кто из взрослых, в

том числе и мой отец. Я хоть и не разобрался толком, что к чему, нутром чуял приближение бури и крепко сжимал руку Лейли. Дядюшка повернул ружье и направил его прямо в грудь моему отцу. Все притихли. Отец изумленно озирался по сторонам. Внезапно дядюшка швырнул ружье на стоящий рядом диванчик и глухо произнес:

– Как сказал Фирдоуси: «Кто недостойных возвышает, на них надежды возлагает, дорогу верную теряет, змею на сердце пригревает». – И, направившись к выходу, громко крикнул: – Пошли отсюда!

Супруга дядюшки двинулась за ним. Лейли, хотя и не поняла как следует, что произошло, вероятно, почувствовала, что случилось нечто ужасное. Высвободив свою руку из плена моих пальцев, она попрощалась со мной коротким взглядом и устремилась вслед за родителями.

Глава вторая

Судя по всему, мне опять предстояла бессонная ночь. Я ворочался под москитной сеткой сбоку на бок, но заснуть не мог. Мы возвратились из гостей уже больше часа назад. После случившегося скандала и демонстративного ухода дядюшки, вслед за которым отец увел и нашу семью, званый вечер был почти испорчен. Наверное, разошлись еще не все гости, но разговаривали они так тихо, что их голоса до меня

не долетали. Во всяком случае, я был уверен, что сейчас они обсуждают недавний прискорбный инцидент.

Я перебрал в памяти последние события. Итак: я неожиданно влюбился в Лейли, дочь дядюшки Наполеона; по прошествии нескольких полных тревоги и волнений дней я начал чувствовать, что моя влюбленность приносит мне радость, но достойное сожаления происшествие нарушило мой – да и не только мой – душевный покой. По гневной реакции отца на оскорбительное заявление дядюшки Наполеона я догадывался, что отец не повинен в происшедшем. Сквозь москитную сетку до меня доносились обрывки разговора, который вели родители. Отец то и дело угрожающе повышал голос, но мать тотчас зажимала ему рот рукой. Несколько раз я расслышал, как она умоляла: «Боже мой, тише!… Дети могут услышать… Что бы там ни было, а ведь он мой старший брат… Бога ради, не обращай ты внимания!» И наконец, когда я уже совсем засыпал, до меня отчетливо долетели слова отца, со злостью говорившего: «Я ему такую Казерунскую битву покажу, что на всю жизнь запомнит!…» «Кто недостойных возвышает!…» Это кто же «недостойный»?!

Утром я выбрался из-под москитной сетки, со страхом и беспокойством ожидая дальнейшего развития событий.

За завтраком ни отец, ни мать не проронили ни слова. В саду также стояла полная тишина. Все вокруг – и деревья, и

цветы, – казалось, замерло в ожидании. Даже слуга дяди Полковника, принеся обратно стулья и посуду, которые дядя одалживал на вечер, не осмелился посмотреть нам в глаза.

До десяти утра я слонялся по саду, ожидая появления Лейли. В конце концов я не вытерпел и подошел к Маш-Касему:

– Маш-Касем, а почему сегодня дети не выходят в сад?

Маш-Касем, сворачивая цигарку, покачал головой:

– Ей-богу, милок, зачем мне врать?! По правде сказать, не знаю я. Но, может быть, ага запретил им выходить из дома. А разве ты вчера не был на вечере у господина Полковника? Разве сам не знаешь, что случилось?

– А что, дядюшка очень рассердился?

– Зачем мне врать?! Я его сегодня с утра еще и не видел. Матушка Билкис носила ему чай и говорит: рвет и мечет, точно раненый тигр… Но ведь, милок, если ж разобраться, так ага прав… Сам посуди. Рассказывает он про битву при Казеруне, а тут на самом интересном месте… на тебе! Если б он про битву при Мамасени говорил – другое дело. Но уж, когда речь зашла про Казерунскую кампанию, тут не до шуток! Я-то своими глазами видел, какие ага подвиги совершал… Нынешним порядком да покоем те места аге обязаны – продли господь его жизнь! Ох, бывало, сядет он на своего гнедого, в руках – сабля, и как понесется на поле битвы!… Чистый лев! Уж мы-то свои вроде, и все равно

пугались, ну а про врага – и говорить нечего!

– Значит, Маш-Касем, ты думаешь, что вчера из-за этого случая…

– Не иначе, милок, не иначе… Конечно, зачем мне врать?! Я как следует и не расслышал… то есть расслышал, но думал в это время о том, что рассказывал ага. Зато сам ага услышал… то есть, когда мы домой возвращались, этот Пури все воду мутил…

– А разве Пури пошел с вами к дядюшке?

– Да, милок. До двери нас проводил… то есть и в дом тоже вошел… И все уши хозяину прожужжал, что, мол, оскорбили агу, обидели…

– Но почему, Маш-Касем? Какая Пури польза с того, что дядюшка и мой отец перессорятся?

Ответ Маш-Касема – впоследствии я убедился, что он соответствует действительности, – заставил меня оцепенеть.

– Сдается мне, милок, что Пури на барышню Лейли виды имеет. Его мать как-то раз говорила матушке Билкис, что он собирается посвататься к Лейли-ханум. А вчера, небось, он ее к тебе приревновал – вы там все шушукались да переглядывались. Он знает, что Лейли-ханум сейчас четырнадцатый год пошел и ее уже можно замуж выдавать, а того не понимает, что ты, хоть тебе столько же, сколько ей, жениться еще не можешь.

Маш-Касем еще что-то говорил, но я уже не слушал его.

Оказывается, размышляя о своей любви, я учел все, кроме возможного появления соперника. А ведь это надо было иметь в виду в первую очередь. Во всех прочитанных мною любовных историях неизменно присутствовал соперник, а я-то, живо представляя себе Лейли и Меджнуна, Ширин и Фархада, совсем забыл об этом обстоятельстве.

Господи, что же мне теперь делать? Будь я повзрослее, пошел бы сейчас и влепил этому типу пару увесистых пощечин. Перед моими глазами возникло длинное ухмыляющееся лицо великого Светила, и в этот миг Пури казался мне куда уродливее, чем был на самом деле.

Стараясь хотя бы внешне сохранять хладнокровие, я спросил:

– Маш-Касем, а, по-твоему, Лейли может выйти замуж за Пури?

– Э-э, голубчик, зачем мне врать?! Лейли совсем большая. На выданье… А Пури-ага уже и образование получил. Да и как-никак отцы их – братья. Так что, можно сказать, союз ихних деток благословен небесами. Пури, оно конечно, вроде как маленько недотепа и маменькин сынок, да ведь и в тихом омуте черти водятся…

И меня вновь охватил страх перед превратностями любви. Мне захотелось найти какой-то выход, избавить себя от страданий. Ох, прав я был, когда в самом начале испугался, что влюблен! Сейчас я был бы и рад забыть об

этом, да поздно.

Промучившись сомнениями и страхами почти до полудня, я снова пошел к Маш-Касему.

– Маш-Касем, можно тебя кое о чем попросить?

– Проси, милок, проси.

– Мне нужно поговорить с Лейли насчет учебников. Может, ты скажешь ей, чтобы она постаралась на минутку выйти в сад, когда дядюшка заснет после обеда?

Маш-Касем помолчал. Потом, удивленно подняв брови, внимательно поглядел на меня и, улыбаясь краешками губ, сказал:

– Ладно, родимый… Что-нибудь придумаем.

– Спасибо, Маш-Касем, спасибо!

После полудня, убедившись, что отец заснул, я потихоньку пробрался в сад и ждал там почти полчаса. Наконец дверь внутреннего дворика дядюшкиного дома отворилась, и оттуда пугливо выскользнула Лейли. И вот мы стояли с ней друг перед другом, под тем самым деревом, под которым тринадцатого мордада примерно без четверти три я влюбился.

Прежде всего, она сказала, что должна как можно скорее вернуться к себе, потому что ее отец грозился, что если она посмеет появиться в саду и хоть словом перекинется со мной или моей сестрой, он подожжет весь дом.

Я не знал толком, что хочу ей сказать, и зачем попросил ее прийти. Как мне казалось, я должен был сказать что-то очень важное. Но что?

– Лейли… Лейли… Знаешь, что мне рассказал Маш-Касем? Он говорит, что Пури тебя любит и собирается…

Поняв по глазам Лейли, что ей ничего об этом не известно, я неожиданно почувствовал себя в дурацком положении: не успев объясниться в собственной любви, я сообщил Лейли, что ее любит мой соперник.

Лейли стояла молча. Она, как и я, не знала, что сказать. Мы с ней оба были высокими, совсем как взрослые, но, конечно же, оставались еще детьми. Лейли, вероятно, искала слова, чтобы как-то мне ответить, но не могла их найти. Наконец я нарушил молчание:

– Пури хочет к тебе посвататься!

Лейли все так же молча вскинула на меня изумленные глаза, а потом, покраснев, спросила:

– А что ты сделаешь, если это случится?

Да, действительно, что я тогда сделаю? Ну и трудные же вопросы она задает! Я и сейчас-то не знаю, что делать, не говоря уж о том, как быть, когда посватается Пури. О, боже мой! Что ж это за сложная штука быть влюбленным! Сложнее, чем арифметика и даже геометрия. Я не знал, что ответить.

– Я… ну… ничего… то есть…

Лейли на секунду заглянула мне прямо в глаза, а потом неожиданно заплакала и, всхлипывая, побежала к своему дому. Прежде чем я успел хоть как-то отреагировать на ее слезы, она скрылась за дверью.

Так что же мне теперь делать?… Вот если б я тоже мог заплакать. Но ведь нельзя! Я не должен плакать. С того дня, как я появился на свет, еще когда и говорить-то не умел, я хорошо понимал смысл слов, которые мне твердили со всех сторон: «Ты – парень! Тебе нельзя плакать… Ты что – девчонка разве? Чего же ты плачешь?… Плакса! Если парень плачет, значит, он – девчонка… Ступай тогда к цирюльнику, пусть он тебе отрежет то, что мальчика от девочки отличает!»

Когда я вновь вернулся в спальню и накрылся с головой простыней, у меня в мозгу отчетливо пронеслись слова которые я должен был сказать Лейли: «Я убью Пури, как собаку! Я проткну ножом его подлое сердце!»

Постепенно я ужасно разволновался и сам испугался, заметив, что говорю вслух: «Что я, покойник, что ли? Неужели я позволю этому дураку приблизиться к тебе?! Ты принадлежишь мне! Ты моя любовь… Никто в мире не посмеет нас разлучить!…»

Сердитый голос отца вернул меня на землю:

– Чего ты орешь, ишак?! Ты что, не видишь разве, что все давно спят?!

Казалось, ночь никогда не кончится. Утром я снова отправился разыскивать Маш-Касема. Но, когда я его увидел, старого слугу было не узнать. С серьезным и даже мрачным видом, держа в руках лопату, он стоял у арыка как раз в том месте, где начиналась наша часть сада. Нужно пояснить, что арык, подведенный к саду с улицы, проходил сначала через участок, на котором стоял дом дядюшки Наполеона, потом – мимо нашего дома и в последнюю очередь орошал территорию, принадлежавшую дяде Полковнику.

Я еще подыскивал слова, чтобы, не вызывая особых подозрений Маш-Касема, расспросить его о Лейли, когда в саду появился дядя Полковник. Он шагал в нашу сторону, накинув на плечи пиджак. Длинные подштанники были заправлены в носки. Негодующим и удивленным тоном дядя Полковник крикнул Маш-Касему:

– Маш-Касем, это что же такое? Мой слуга сказал, что ты вчера не пустил воду ко мне в сад. А?

Маш-Касем, не двигаясь с места и не глядя на дядю Полковника, сухо ответил:

– Да, ага, так уж вышло.

– То есть как это так?! Что значит «так уж вышло»?

– Зачем мне врать?! Я ничего не знаю.

– Это как же так, ничего не знаешь?! Воду ведь ты перекрыл!

– Вы об этом моего хозяина спросите! Мне что сказали, то я и сделал.

– Так, значит, это ага приказал тебе перекрыть воду?

– Вы у самого аги спросите. Я ничего не знаю.

Дядя Полковник, все еще не веря, что его старший брат мог отдать такое распоряжение, направился к Касему, собираясь вырвать у него из рук лопату, чтоб раскидать запруду и пустить воду к себе на участок, по суровому лицу Маш-Касема, неподвижно стоявшего с видом отважного и знающего свои обязанности служаки, понял, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем он предполагал. Так и не дойдя до Маш-Касема, дядя вдруг остановился, потом повернулся и зашагал к дому дядюшки Наполеона.

Маш-Касем спокойно сказал:

– Ну что ж, сейчас и вам всыплют по первое число.

Что затем произошло между дядюшкой Наполеоном и дядей Полковником осталось для меня тайной, но очень скоро я понял, что приказ перекрыть воду, поступавшую на наш участок, в результате чего лишился воды и дядя Полковник, был одним из звеньев в цепи карательных акций, задуманных дядюшкой Наполеоном против моего отца.

Страшнее подобной мести и придумать было трудно, потому что в те годы у нас еще не было водопровода: раз в неделю воду из квартального арыка пускали на нашу улочку, и мы наполняли ею свои маленькие крытые хранилища, и

если мы сегодня не запасемся водой, нам придется сидеть без нее целую неделю, пока снова не подойдет наша очередь.

Уже целых два дня я не видел Лейли и даже поплакал, вспоминая ее полные слез глаза, но все вокруг так суетились, так старались путем дипломатических переговоров добиться мирного решения конфликта между дядюшкой Наполеоном и моим отцом, что я постепенно начал забывать о своих душевных муках. В водохранилище дяди Полковника не оставалось уже ни капли воды. Его цветы и деревья сохли на глазах. Отец упрямо молчал и не делал ни малейших попыток протестовать – у нашей семьи вода еще была, и отец, вероятно, выжидал, пока начнет действовать дядя Полковник, чья судьба была неразрывно связана с нашим общим арыком. Несколько раз я слышал из-за закрытых дверей обрывки разговоров: родственники предлагали моему отцу извиниться перед дядюшкой Наполеоном, но отец был неумолим и даже заявлял, что, если дядюшка сам не попросит у него прощения и будет по-прежнему перекрывать воду, он восстановит свои законные права с помощью суда и полиции! Упоминание о суде и полиции приводило родню в трепет, все начинали причитать, что отец хочет подорвать веками складывавшуюся репутацию аристократической семьи. Однако отец чувствовал себя уверенно и не только не собирался извиняться перед дядюшкой, но, напротив, упрямо ждал, что дядюшка сам

публично попросит у него прощения. А от всей этой истории ни за что ни про что страдали я, бедняжка Лейли и без вины виноватый дядя Полковник.

В пятницу в доме дяди Полковника началось непонятное движение. Надеясь встретиться с Лейли, я подобрался поближе. Но Лейли нигде не было видно, а детей вообще не пускали в залу. От стекавшихся в дом родственников я узнал, что собирается целый семейный совет. Прибыли два брата дядюшки Наполеона, жившие отдельно. Появился и работавший в министерстве иностранных дел Асадолла-мирза. Вслед за ним в залу проследовали сестры дядюшки. Пришла ханум Азиз ос-Салтане. В общем, к дяде Полковнику пожаловало человек десять – двенадцать. Дети толпились в коридоре и во внутреннем дворике.

Когда мы узнали, что взрослые ждут еще и Шамсали-мирзу, стало понятно, что дело приняло весьма серьезный оборот. Шамсали-мирза служил в Хамадане следователем, но с недавних пор, по-видимому, ожидая нового назначения, жил в Тегеране.

Примерно через час после того, как собрались все приглашенные, по любезным возгласам дяди Полковника: «Прошу вас, почтеннейший… Вот сюда, досточтимый…» – мы догадались, что наконец прибыл и Шамсали-мирза.

Хотя нам всегда говорили, что стоять под дверьми, а

иными словами, подслушивать – некрасиво, я весь превратился в слух и прижал ухо к двери залы. Если рассудить по совести, я больше, чем сидевшие там, имел право быть в курсе дела, потому что взрослые в этой ситуации теряли лишь свои цветы, деревья да еще нерушимое семейное единство, а я… В опасности была моя любовь и вся моя жизнь!

Дядя Полковник произнес короткую речь о преимуществах сохранения священного семейного союза и о бедах, которые несет с собой его распад, и закончил так:

– Дух покойного отца трепещет от возмущения! Я сделал все, что в моих силах, для сохранения сплоченности нашего древнего рода, я призывал моего старшего брата и мужа моей сестры помириться, но оба уперлись и стоят на своем. И вот теперь я призываю вас помочь мне сохранить освященное веками единство нашей семья и не допустить, чтобы вмешались суд и полиция.

Мне в этот момент не было видно лица дяди Полковника, но его взволнованный голос красноречиво свидетельствовал о том, как он любит свои цветы и фруктовые деревья.

Затем взял слово Шамсали-мирза. Он служил следователем с первых дней введения новой системы правосудия и твердо верил, что следствие и допрос служат ключом к решению абсолютно всех проблем – как

общественных, так и семейных. Поэтому в своей весьма деловой и логичной речи он предложил: во-первых, определить природу, породившего конфликт подозрительного звука и установить, был ли он произведен человеком или неодушевленным предметом; во-вторых, если подозрительный звук имеет «одушевленное» происхождение, уточнить, исходил ли он с той стороны, где сидел мой отец; и наконец, в-третьих, если он исходил именно с той стороны, выяснить, был ли он произведен умышленно или случайно.

Когда большинство присутствующих возразило против предложенного им скрупулезного расследования, Шамсали-мирза, по своему обыкновению водрузил на голову шляпу и заявил:

– В таком случае, господа, разрешите откланяться.

Работавший в министерстве иностранных дел Асадолла-мирза, призывая собеседников не спешить с выводами или обратить на что-то особое внимание, всегда восклицал: «Моменто, моменто!» Позже я узнал, что в переводе на нормальный язык, это означало: «Минуточку, минуточку!» Вот и сейчас, увидев, что его брат Шамсали-мирза надел шляпу и собирается уходить, Асадолла-мирза закричал:

– Моменто, моменто!

Поскольку родня была заинтересована в том, чтобы, найти выход из тупика, все тоже начали уговаривать

Шамсали-мирзу остаться и, усадив его на прежнее место, занялись расследованием.

На первый выдвинутый Шамсали-мирзой вопрос, а именно: произведен ли подозрительный звук человеком или неодушевленным предметом, не было получено четкого ответа, потому что мнения родственников разделились. Одни утверждали, что подозрительный звук был произведен стулом, другие – таких было меньше – склонялись к тому, что звук был «одушевленного» происхождения. Несколько человек вообще не имели определенного мнения.

Попутно обсудили второстепенный вопрос, всплывший в связи с основным: кто находился в непосредственной близости от места, где раздался подозрительный звук? Были названы мой отец, дядюшка Наполеон, придурковатая Гамар и Маш-Касем…

Расследовать причастность к инциденту двух первых лиц было невозможно. Гамар, в силу того, что судьба обделила ее разумом, также не могла быть полноценным свидетелем. Поэтому ключом к разгадке мог стать только Маш-Касем.

Шамсали-мирза распорядился, чтобы позвали Маш-Касема, и в точности как следователь, ведущий допрос обвиняемого, прежде всего заставил слугу присягнуть, что он будет говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Затем он подчеркнул, что свидетельство Маш-

Касема может сыграть немаловажную роль в сохранении священного единства благородного семейства, и, призвав его давать показания, ничего не утаивая, спросил:

– Господин Маш-Касем, вы в тот вечер собственными ушами слышали подозрительный звук, прервавший рассказ вашего хозяина на середине?

Маш-Касем, помолчав, ответил:

– Э-э, ага, зачем мне врать?! До могилы-то… ать… ать… Один мой земляк, царствие ему небесное, говаривал, что…

– Господин Маш-Касем, вы даете свидетельские показания… Прошу вас, не отклоняйтесь от темы и отвечайте на поставленный мной вопрос!

– Конечно же, ага. Рад буду услужить… Вы, значит, спрашиваете про тот обозрительный…

– Подозрительный!

– А разве что не так?

– То есть как это «разве что не так?». Вы сказали «обозрительный», а нужно говорить «подозрительный»!

– Ей-богу, ага, зачем мне врать?! Грамоте ведь я не обучен… Но все же хотелось бы знать, какая тут разница…

– Разница?

– Ну да. Разница между тем, что сказал я, и что сказали вы.

Потеряв терпение, Шамсали заорал:

– Господин Маш-Касем, я сказал «подозрительный», а вы сказали «обозрительный»! Я потребовал, чтобы вы говорили «подозрительный»!

– А что значит «подозрительный» и что значит «обозрительный»?

В разговор вмешался Асадолла-мирза, вечно над всем посмеивавшийся и без конца отпускавший шуточки. Не стесняясь в выражениях, он объяснил Маш-Касему, что имеется в виду под подозрительным звуком, и этим вывел из себя Шамсали-мирзу, который тотчас заявил, что с правосудием не шутят, снова водрузил на голову шляпу и собрался уйти. Все повскакивали с мест и кое-как уговорили Шамсали-мирзу остаться.

– Ну что ж, Маш-Касем, теперь, когда вы поняли, о чем речь, скажите, вы собственными ушами слышали этот подозрительный звук?

– Но ведь, ага, зачем мне врать?!

Шамсали-мирза раздраженно прервал его:

– Да, да, знаем – «до могилы-то… ать… ать… четыре пальца»! Но отвечайте же на мой вопрос!

– Ей-богу, зачем мне… А вы хотите, чтобы я вам правду сказал или соврал?

– Да что ж это такое?! Вы шутите, что ли?! Если я вас о чем-то спрашиваю, значит, конечно же, хочу знать правду!

– Хорошо, тогда скажу правду. И вообще, зачем мне

врать?! До могилы-то… Слышал я какой-то звук, что да, то да… Но вот только, был он подозрительный или не был…

– Я же сказал, что следует говорить «подозрительный»!

– А я что сказал?

– Вы сказали «обозрительный»!

– Ей-богу, насколько мне помнится, я сказал «подозрительный». Короче говоря, я слышал какой-то подозрительный звук.

– Как вы считаете, этот звук был произведен ножкой стула или?…

– Что – или?

– Господин Маш-Касем, не выводите меня из терпения! Мой брат вам только что все объяснил!

Асадолла-мирза, услышав, что ссылаются на него, немедленно влез в разговор и, хохоча во все горло, рассказал анекдот про казвинца, который, выбирая в лавке ткань, случайно издал непристойный звук и немедленно начал рвать куски материи, чтобы скрыть свою оплошность. Но торговец схватил казвинца за руку и сказал: «Зачем зря портишь товар? Я за сорок лет, что торгую мануфактурой, как-нибудь научился отличать треск ткани от чего другого!»

И снова всем пришлось упрашивать Шамсали-мирзу не уходить с совета. Допрос продолжался.

– Ну так что же, Маш-Касем? Мы ждем ответа.

В наступившей тишине присутствующие смотрели в рот

Маш-Касему.

– Э-э, ага, зачем мне врать?! Да вроде бы так и было, как ваш братец сказали.

Шамсали-мирза облегченно вздохнул с видом следователя, сумевшего после нескольких часов допроса вытянуть признание из опасного преступника, и удовлетворенно улыбнулся.

– Итак, ответ на первый вопрос получен. Перейдем ко второму вопросу. Господин Маш-Касем, кто находился в том месте, откуда раздался подозрительный звук?

Маш-Касем задумался, потом ответил:

– Зачем мне врать?! До могилы-то… Я в ту минуту слушал агу, а он толковал про битву при Казеруне. И как раз, когда ага рассказывал, как он прицелился прямо в лоб Ходадад-хану и спустил курок, но первая пуля проскользнула у Ходадад-хана за ухом…

Дядя Полковник перебил его:

– Постой, постой, Маш-Касем. Ага до этого места не дошел. Он успел только рассказать, как прицелился в голову Ходадад-хана.

– Верно, ага, верно. Но я-то ведь все это собственными глазами видел, вот и рассказываю вам, что было дальше.

– Это от тебя не требуется. Ты просто отвечай на вопросы!

– Ну что ж. Зачем мне врать?! Когда раздался этот звук,

я мыслями был вместе с моим агой… Ну, я, конечно, обернулся, смотрю: там вот этот ага и Гамар-ханум… А уж кто из них?… Зачем мне врать? До мо…

– Мне в голову пришла одна мысль, – перебил его Дядя Полковник. – Если, конечно, согласится ханум Азиз ос-Салтане… Мы бы попросили ее ради сохранения священного семейного единства пойти на небольшую жертву…

– А что я должна сделать?

– Если бы вы согласились, мы сказали бы аге, что это маленькое недоразумение… в общем, что Гамар-ханум…

– Не понимаю, при чем здесь Гамар?

– Я хочу сказать, что если бы мы объяснили аге, что в тот вечер Гамар-ханум неважно себя чувствовала, тогда все бы обошлось и…

До ханум Азиз ос-Салтане наконец дошло, куда гнет дядя Полковник. Она поджала губы, секунду помолчала, а потом неожиданно обрушила на дядю Полковника и всю родню поток громкой брани:

– У вас совесть есть?! Постыдились бы такое при мне говорить! Не срамили бы пожилую женщину! Чтоб моя дочь… чтоб моя дочь такое себе позволила!!!

Она так вопила, что все растерялись. С большим трудом ее успокоили. Ханум Азиз ос-Салтане плакала и причитала, но уже без прежней злости:

– Вот, вырастила я дочку, чисто цветочек она у меня… А теперь, когда к ней уже и посватались, когда девочку счастье ждет, – ее же собственная родня хочет ей пакость учинить… Опозорить ее хотят, осрамить!… Зачем я только до этого дня дожила?! Да пропади оно пропадом это ваше семейное единство!…

Последовавшая минута общего молчания была скорее выражением соболезнования будущему зятю ханум Азиз ос-Салтане, нежели свидетельством скорби в связи с невозможностью решить актуальную семейную проблему. Первым в воцарившейся тишине прозвучал голос Фаррохлеги-ханум. В нашей большой семье Фаррохлега-ханум славилась своим длинным языком и склонностью к злым сплетням. Она вмешивалась во все на свете, и ее толкование любого пустяка неизменно порождало ссоры и скандалы. И было просто удивительно, что она до сих пор вообще молчала. Воспользовавшись тишиной, наступившей после криков и рыданий ханум Азиз ос-Салтане, Фаррохлега-ханум открыла рот и заявила:

– Вы правы, Азиз-ханум. Они ведь и не думают, что могут девушку навсегда осрамить…

Азиз ос-Салтане, не дожидаясь, пока Фаррохлега-ханум закончит, воскликнула, утирая слезы платком:

– Воздай вам бог, милая!… Разве ж они понимают, каких трудов стоит матери вырастить дочку и выдать ее

замуж?!

Фаррохлега-ханум, всегда одевавшаяся только в черное и не ходившая почти никуда, кроме похорон, спросила своим ровным и бесстрастным тоном:

– А кстати, Азиз-ханум, почему это у Гамар ничего не вышло с ее первым женихом? Вроде бы даже и до свадьбы не дошло, так?

Азиз ос-Салтане снова расплакалась и, всхлипывая, сказала:

– Ах, милая, это все тоже из-за родни… Околдовали они ее жениха… Силу в нем заперли… Моя бедняжка целый год прождала… Он, бедолага, тоже души в ней не чаял… Но, сами посудите, милая, если у мужчины сила заперта, разве можно его в том винить?

Шапур, все это время молча сидевший в углу залы, пришепетывая спросил:

– Тетушка, а што жначит «сила жаперта»?

Дурацкий вопрос! Даже мы, дети, тысячу раз слышали это выражение от Азиз ос-Салтане, да и, кроме того, женщины так часто шушукались об этом, что мы давно поняли, что к чему. Но не успел еще никто из заинтересованных сторон ответить на вопрос Шапура, как вмешался Асадолла-мирза:

– Моменто! Неужто ты до сих пор не знаешь, что значит «у мужчины сила заперта»?

И Шапур, известный иначе как Светило Пури, с присущей ему гениальностью ответил:

– А откуда мне знать?!

Асадолла-мирза подмигнул и ухмыльнулся:

– Это значит, у него не получается Сан-Франциско.

Тут уж все поняли, даже малыши, собравшиеся за дверью залы, потому что когда Асадолла-мирза или кто-нибудь другой рассказывал любовную историю, и речь заходила о том, что парень с девушкой остались наедине, Асадолла-мирза неизменно восклицал: «И тут у них получилось… Сан-Франциско!», или: «И они отправились… в Сан-Франциско!»

Сопроводив свое объяснение раскатистым хохотом, Асадолла-мирза добавил:

– Если бы мне об этом раньше сказали, я бы что-нибудь придумал. Как-никак у нас в семье найдется целая связка ключей – что хочешь отопрем. Да ведь ради своих родичей на любую жертву пойдешь!

Его шутка заставила рассмеяться всех, даже угрюмого Шамсали-мирзу. Ханум Азиз ос-Салтане стиснула зубы, на секунду замерла и вдруг, схватив блюдо с нарезанной ломтиками дыней, грохнула его об пол:

– У вас стыд и совесть есть?! Не срамили бы пожилую женщину! Да чтоб ты сдох вместе со своими ключами!

Стремительно поднявшись, она направилась к двери.

Дверь распахнулась, и нам, стоявшим в коридоре, было хорошо видно все, что за этим последовало. Дядя Полковник попробовал было вмешаться, но разъяренная Азиз ос-Салтане оттолкнула его и покинула семейный совет.

Родственники, сердито поглядывая на Асадолла-мирзу, начали его ругать, но он, нисколько не смущаясь, заявил:

– Моменто, моменто! Чего вы меня зря ругаете?… Я это сказал с самыми добрыми намерениями, чтобы знала, что, если следующего жениха тоже вдруг «запрет», мы по-родственному готовы за него поработать. – И он снова раскатисто захохотал, но, поймав на себе злой взгляд дяди Полковника, осекся.

– Сейчас нам не до шуток!… Прошу всех подумать, как уговорить моего брата не упрямиться. Во всех случаях мы обязаны прекратить раскол и вражду в нашей семье.

Асадолла-мирза, стараясь загладить свой легкомысленный поступок, заговорил очень серьезно:

– Давайте вернёмся к проблеме подозрительного звука. Я хотел бы знать, откуда вообще нам известно, что он раздался не по вине Гамар?… Такая толстая девушка… Ест-то она – дай ей бог здоровья! – в десять раз больше вашего покорного слуги. Разве нельзя допустить, что она… случайно…

Шамсали-мирза, снова закипая, злобно сказал:

– Как я погляжу, здесь все сводится к шуточкам… В

таком случае, дорогие друзья, я, с вашего разрешения, откланяюсь…

– Моменто, моменто! Прошу тебя, братец, не сердись. Я совершенно серьезно пытаюсь найти выход из положения… Позвольте спросить вас, господин Полковник, зачем нам вообще нужно разрешение ханум Азиз ос-Салтане? Вы же сами можете сказать аге, что виновата Гамар…

Предложение Асадолла-мирзы заставило присутствующих задуматься. А действительно, зачем вообще было ставить в известность Азиз ос-Салтане?

Немного помолчав, дядя Полковник сказал:

– Я так старался помирить брата с шурином, что теперь он мне не поверит. А что, если мы попросим доктора Насера оль-Хокама сделать это вместо меня?

Все одобрили его идею и послали Маш-Касема за доктором Насером оль-Хокама, нашим семейным врачом, жившим через улицу.

Вскоре доктор, человек с припухшими глазами и тройным подбородком, вошел в залу. Любимым присловьем доктора было: «Жить вам не тужить!»

Вот и сейчас, раскланиваясь с собравшимися, он повторял:

– Жить вам не тужить!… Жить не тужить!…

Когда дядя Полковник изложил ему суть дела, доктор почти без колебаний согласился взять на себя ответственную

миссию и даже, для успокоения собственной совести, немедленно признал Гамар главной виновницей случившегося:

– Да, ага… Конечно… Я и так неоднократно говорил ханум Азиз ос-Салтане, что Гамар лечиться нужно… Она девушка тучная, ест много, любит пищу, от которой пучит… Да и умом слабовата. Естественно, что когда ума не хватает, то и живот раздувается, а значит, подобные случаи неизбежны…

Осыпаемый благодарностями дяди Полковника и всех членов семейного совета, доктор, повторяя неизменное: «Жить вам не тужить!», направился в дом к дядюшке Наполеону.

Полчаса ожиданья пролетели, в шутках и легкомысленных анекдотах, которыми сыпал Асадолла-мирза. Наконец доктор вернулся. У него был очень радостный и довольный вид.

– Жить вам не тужить!… Ну, слава богу, недоразумение улажено. Ага очень сожалеет, что поспешил с выводами. Он дал мне слово, что завтра же все встанет на свои места. Ну, мне, конечно, пришлось долго его убеждать… Я даже поклялся памятью своего отца, что в тот вечер собственными ушами слышал этот звук и тогда же определил, с какой стороны он исходил.

Излишне описывать радость, охватившую всю родню, а

особенно дядю Полковника. Ну а я – я, казалось, сейчас лопну от переполнявшего меня счастья. Мне хотелось броситься к доктору и поцеловать ему руку, Асадолла-мирза весело щелкал пальцами и, похохатывая, заверял доктора, что выдвинет его кандидатуру в члены ООН, а я смеялся над его шутками.

Уже собираясь уходить, Асадолла-мирза со смешком сказал:

– Моменто! Семейное единство спасено, но смотрите, чтобы о случившемся не прослышал новый жених Гамар, а то его «запрет» на этот раз без всякого колдовства. Ведь если у молодых снова сорвется поездка в Сан-Франциско, ханум Азиз ос-Салтане от всей нашей родни мокрое место оставит.

Родственники начали прощаться с дядей Полковником, и в это мгновение мой взгляд упал на Светило Пури. Он сидел с надутым мрачным видом. Я понял, что он взбешен ликвидацией кризиса. Но в тот миг я был так счастлив, что не придал этому значения и побежал домой сообщить приятную новость отцу.

Он не выразил особой радости и пробормотал под нос:

– Вот уж верно говорят, глупость – дар божий!

Мать снова начала его умолять:

– Ну раз он готов пойти на попятный, ты тоже не упрямься. Ради всего святого, во имя памяти твоего покойного отца, забудь ты это!

Было уже поздно, и я не рассчитывал увидеться сегодня с Лейли, но зато я лег спать, думая о ней и надеясь встретиться с ней завтра.

Глава третья

Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг меня разбудили чьи-то крики. Они доносились издалека. Человек вскрикивал коротко и невнятно, словно ему зажимали рот.

– Вор!… Во… о… ор! Вор!

Я подскочил. Отец и мать тоже уже не спали. Мы внимательно прислушались. Очередной крик развеял все наши сомнения – да, это вопил дядюшка Наполеон. Это его голос несся с балкона в сад. Неожиданно крики смолкли, раздался топот и шум возни. Родители, я и сестра откинули москитные сетки и выбежали во двор. Наш слуга, прихватив палку, ринулся к дому дядюшки. Мы – кто в пижаме, кто в ночной рубашке – помчались следом.

Маш-Касем, видать, только что продравший глаза, открыл нам дверь. На пороге своей комнаты застыли перепуганные Лейли и ее брат.

– Что случилось, Маш-Касем?

– Зачем мне врать?! Я…

– Это ага кричал?

– Вроде как они.

Через анфиладу бесконечных комнат мы бросились к балкону, где на широкой деревянной кровати обычно спал летом дядюшка Наполеон. Но дверь, ведущая из комнаты дядюшки на балкон, была заперта. На наш энергичный стук никто не ответил.

Маш-Касем с силой хлопнул себя по лбу:

– Ох, горе горькое! Украли нашего агу!

Мать Лейли, женщина сравнительно молодая, запричитала:

– Ага! Ага! Где же ты?… Господи, боже мой, похитили его, похитили!

Мой отец попытался успокоить ее.

Мать Лейли была второй женой дядюшки. Со своей первой супругой он прожил тринадцать лет и развелся под тем предлогом, что она не рожала ему детей. Этот развод оставил в жизни дядюшки глубокий след, поскольку он усматривал в нем разительное сходство с разводом Наполеона Бонапарта и Жозефины, расставшихся после тринадцати лет супружеской жизни. Лишь впоследствии мы догадались, что именно это обстоятельство побудило дядюшку в дальнейшем строить свою жизнь, копируя судьбу французского императора.

Отец приказал Маш-Касему принести лестницу и первым полез по ней со двора на балкон. За ним с ружьем в руке последовал дядя Полковник, подоспевший из своего

дома в белой ночной рубахе и подштанниках. Пури и я тоже торопливо вскарабкались наверх. Одна из двух веревок, натягивавших москитную сетку над ложем дядюшки Наполеона, была оборвана, и сетка криво свисала прямо на кровать. Но самого дядюшки нигде не было. Мать Лейли спросила из-за двери дрожащим голосом:

– Что там случилось? Где ага?… Откройте дверь!

– Зачем же врать?! Вроде как сгинул наш ага. Пропал вовсе.

И тут раздался чей-то тихий стон. Мы огляделись по сторонам. Стон доносился из-под кровати. Отец первым нагнулся и заглянул туда.

– Вот-те на! Ага, что это вы там делаете?

Из-под кровати снова раздался слабый голос, но слов было не разобрать, точно у дядюшки отнялся язык. Отец с Маш-Касемом отодвинули кровать от стены и с помощью остальных ухватили дядюшку Наполеона под мышки, подняли с пола и положили на постель.

– Ага, чего это вы вдруг под кровать залезли? Где вор?

Но глаза дядюшки были закрыты, а побелевшие губы дрожали.

Маш-Касем принялся растирать ему руки. Дверь открыли, и на балкон ворвались женщины и дети. Лейли, увидев, в каком плачевном состоянии пребывает ее отец, ударилась в слезы, а ее мать стала исступленно бить себя в

грудь.

Маш-Касем пробормотал:

– Похоже, змея агу ужалила!

Мать Лейли крикнула:

– Ну что вы стоите? Сделайте что-нибудь!

– Маш-Касем, беги за доктором Насером оль-Хокама!… Скажи, пусть немедленно идет сюда!

Вскоре подоспел и доктор Насер оль-Хокама. Он был в нижнем белье, но в руке держал неизменный саквояж. Осмотрев дядюшку, доктор сказал:

– Жить вам не тужить!… Ничего страшного. Просто он слегка испугался, – и, накапав в стакан с водой несколько капель, влил лекарство в рот дядюшке.

Через минуту-две дядюшка открыл глаза. Первые несколько секунд он недоуменно озирался по сторонам, потом взгляд его остановился на докторе. Неожиданно дядюшка яростно сбросил со своей груди руку доктора и хриплым от злости голосом выдавил:

– Уж лучше умереть, чем видеть перед собой предателя и лжеца!

– Жить вам не тужить!… Что такое, ага? Шутить изволите?

– Нисколько! Я вполне серьезно говорю!

– Ничего не понимаю, ага… Что, все-таки случилось?

Дядюшка слегка приподнялся на своем ложе и,

указывая пальцем на дверь, сказал:

– Вон отсюда!… Вы что, вообразили, будто я ничего не знаю о заговоре в доме моего брата? Мне не нужен врач, который продает свою совесть! Такому врачу нечего делать в моей семье!

– Ради бога успокойтесь! Вам вредно волноваться, поберегите свое сердце!

– Мое сердце вас больше не касается! Так же как не касается вас, пучит ли живот у Гамар!

Столпившиеся на балконе уже догадались, куда клонит дядюшка. Мы поглядывали друг на друга, пытаясь определить доносчика. Я увидел, что Маш-Касем с подозрением смотрит на Пури. А Пури с некоторым беспокойством отводил глаза в сторону, стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

Дядюшка, повысив голос, заявил:

– И вообще, я прекрасно себя чувствую!… И в докторах не нуждаюсь!… Извольте удалиться, господин доктор!… Разводите свое вранье и плетите свои интриги в другом месте!

Дядя Полковник, чтобы сменить тему, спросил:

– Братец, что все-таки случилось? В дом воры залезли?

Дядюшка Наполеон, который, увидев доктора, напрочь забыл о причине переполоха, тотчас спохватился и, в ужасе оглядевшись по сторонам, кивнул головой:

– Да, да, вор… Я сам слышал, как он тут ходил… своими глазами видел его тень… Эй, быстро закройте все двери!

Неожиданно дядюшка заметил моего отца. Гневно поджав губы, дядюшка уставился в пустоту и закричал:

– А этому-то что здесь надо? Превратили мой дом в караван-сарай! – и, указав длинным костлявым пальцем на дверь, рявкнул: – Вон!

Отец пронзил его взглядом и, направляясь к двери, вполголоса заметил:

– Ну и дураки же мы все! Спали бы себе спокойно до утра… Так нет ведь – ринулись спасать знаменитого героя Казерунекой битвы, который от страха чуть не окочурился под кроватью.

Дядюшка рывком вскочил и хотел вырвать ружье из рук дяди Полковника, но тот успел спрятать его за спиной.

Доктор, подхватив саквояж, в ужасе почти бегом кинулся к двери. Я тоже двинулся к выходу вслед за матерью. Уже с порога я бросил прощальный взгляд на Лейли и ушел, унося в памяти ее заплаканные глаза.

Голос дядюшки Наполеона, громко излагавшего стратегический план поимки вора, провожал меня до самого дома.

Однако розыски, предпринятые дядюшкой и его соратниками, ничего не дали. Вор как сквозь землю

провалился. Через полчаса в саду снова воцарилась тишина.

Я был настолько взбудоражен, что никак не мог заснуть. Я ничуть не сомневался, что именно Пури свел на нет усилия всей семьи, пытавшейся помирить дядюшку с моим отцом. По тому, как Пури вел себя на балконе, было ясно, что это он донес дядюшке Наполеону о разговоре с доктором Насером оль-Хокама. Ух, с каким удовольствием я бы выбил Пури его длинные зубы! Вот ведь подлец! Вот ябеда! Хорошо бы дядя Полковник догадался о предательстве собственного сына. А если он до сих под ничего не понял, я должен ему об этом рассказать!

Хотя я не спал почти всю ночь, наутро я поднялся раньше всех и бесшумно выскользнул в сад.

Маш-Касем поливал цветы. Его вид привел меня в изумление: штаны его были, как обычно, закатаны до колен, но на плече висела дядюшкина двустволка.

– Маш-Касем! Чего это ты с ружьем?

Он беспокойно огляделся, потом сказал:

– Беги-ка, милок, обратно! Домой к себе беги!

– Но почему, Маш-Касем? Что случилось?

– Черный сегодня день, дурной! Самый что ни на есть настоящий день Страшного суда. Ты и отцу своему скажи, и матушке, чтоб сюда не ходили.

– А в чем дело-то?

– Э-э! Зачем мне врать?! Тяжело у меня сегодня на

душе, ох как тяжело! Ага приказ отдали, ежели кто из вашей семьи хоть на шаг зайдет вот за это дерево, стрелять такому прямо в самое сердце!

Если бы не понурый, насупленный вид Маш-Касема, я бы подумал, что это шутка. Поправив на плече ружье, Маш-Касем продолжал:

– Сегодня спозаранку Аббас-ага… ну тот, который голубей разводит, вчерашнего вора поймал, когда тот через крышу нашу лез.

– Ну и что с ним сделали?

– Зачем мне врать?! Ага поначалу хотел прикончить его прямо на месте, да я за беднягу заступился… Связали его, сейчас сидит под арестом в подвале. Меня приставили к нему караульным…

– В подвале?… А почему не сдали его в полицию?

– Да какое там! Ага, чего доброго, сегодня же его и повесит, прямо тут, в саду.

Я оторопело молчал, Маш-Касем снова огляделся по сторонам.

– Ты, милок, того… не нужно тебе со мной разговаривать, а то, если ага узнает, что я с тобой разговоры разговариваю, глядишь, и меня заодно прикончит.

– Маш-Касем, но при чем тут наша семья? Почему дядюшка на нас сердится?

Маш-Касем покачал головой:

– Ты вот, голубчик, спрашиваешь, при чем тут ваша семья… Да, ежели б ты знал, кто вором-то оказался, тогда бы понял, что дело дрянь… Ой-ё-ёй… Дай-то бог, чтоб все обошлось!…

Теряя голову от тревоги, я спросил:

– А кто же этот вор, Маш-Касем? Что он украл?

– Э-э! Зачем мне врать?! До могилы-то… Ох, ты ж господи! Смотри-ка! Ага идет!… Беги отсюда быстро! Беги! Пожалей свои годы молодые, беги!… Или хоть спрячься куда!

Поняв, что убежать я уже не успею, Маш-Касем подтолкнул меня к большому самшитовому дереву, в густой листве которого можно было легко спрятаться, а сам отошел в сторону и продолжал поливать цветы. На дорожке показался дядюшка Наполеон. При виде его хмурого лица меня охватил ужас.

А когда дядюшка заговорил, я понял, что он страшно разгневан.

– Касем! Разве тебе не было приказано караулить вора?! Нашел время цветами заниматься!

– Не извольте беспокоиться, ага! Я и отсюда за ним слежу.

– Это как же ты отсюда следишь за вором, который в подвале сидит?

– А я то и дело бегаю, его проверяю… Что решили-то с

ним делать, ага? Кормить ведь его придется… в расход он вас введет… Может, лучше сдадите в полицию – нам же спокойнее будет.

– В полицию? Пока он во всем не признается, я его не отпущу. Тем более, что я и так почти наверняка знаю – его это происки! – И дядюшка махнул рукой в сторону нашего дома.

Маш-Касему было явно не по себе: он тайком посматривал на самшит, укрывший меня густыми ветвями.

– Этот Хамадолла слугой у него был несколько лет, – продолжал дядюшка. – Вроде и не воровал никогда. Работящий был, набожный… А теперь – нате вам! – в дом мой залез. Не-е-т, дело ясное, подучили его! Это все заговор против меня!

– Да вы лучше меня послушайте, ага. Зачем мне врать?! До могилы-то… Без работы он сидел, обнищал. Хотел небось дела свои поправить.

Дядюшка задумался и молчал. Маш-Касем продолжал поливать цветы, изредка посматривая в сторону моего убежища.

Неожиданно дядюшка хрипло сказал:

– Знаешь, Касем, меня сейчас больше всего беспокоит длинный язык этого мерзавца.

– Вы о ком, ага?

Дядюшка снова махнул рукой на наш дом.

– Кто свою честь не бережет, тот и другого ославит почем зря. Боюсь, распустит он сплетни по всей округе.

Маш-Касем покачал головой:

– Что ж, ага, в драке халву не раздают, – и, наверняка, вспомнив о невидимом, но все слышащем свидетеле, решил сменить тему, чтобы дядюшка не углубился в опасные дебри. – А почему бы вам не забыть все обиды. Взяли бы да и расцеловали друг друга! Глядишь, ссоры как не бывало.

– Чтоб я помирился с этим человеком?! В дядюшкином голосе звучали такая злоба и ярость, что Маш-Касем перепугался:

– Да я ничего и не сказал, ага… Оно конечно, мириться, с ним никак нельзя… Уж больно он вас обидел…

– Одним словом, боюсь я, начнет он распускать сплетни, наговорит людям ерунду всякую.

– Чего ж тут бояться, ага? По моему разумению, вы с ним все, что хотели, уже друг другу сказали.

Потеряв терпение, дядюшка раздраженно проворчал:

– Неужто ты так ничего и не понимаешь?! Забыл, что ли, что вчера случилось? Нездоровилось мне слегка, не по себе было… Ты помнишь, что он сказал уходя?

– Зачем мне врать?! До могилы-то… Нет, не помню.

– Как это не помнишь? В общем, из того, что он сказал, можно было понять, будто я вора испугался.

– Господи помилуй! Вы?! Испугались?! Да вам страх и

неведом!

– А я тебе про что толкую! Уж кто-кто, а ты-то лучше других знаешь – ведь ты был рядом со мной и в битвах, и в походах, и в разных опасных передрягах. Тебе-то уж должно быть известно, что для меня самого слова «страх» не существует.

– Ей-богу, зачем мне врать? До могилы-то… Аллах свидетель, никак невозможно о вас такое сказать! Еще до Казерунской кампании покойный Солтан Али-хан говорил, что второго такого смельчака, как ага, поискать надо!… Помните ту ночь, когда в нашу палатку ворвались бандиты?… Господи, прямо будто вчера это было! Как сейчас помню… Вы тогда одной пулей троих наповал уложили…

– Да, в те времена бандиты свирепые были, грозные… Нынешние воры против них, что младенцы грудные.

Маш-Касем взволнованно воскликнул:

– Я-то сам, хоть тоже был смельчак и сорвиголова, но, чего греха таить, в ту ночь здорово перетрухнул… А потом атаман ихний в ноги вам как кинется и давай умолять о пощаде!… Ну прямо как сейчас помню!… Его, случаем, не Сеид-Морадом звали?

– Да… мы на своем веку много таких Сеид-Морадов повидали.

– Ни дна ему ни покрышки!… До чего ж подлый был,

до чего свирепый!

Маш-Касем пришел в неописуемое волнение и, казалось, напрочь забыл о моем присутствии. У дядюшки Наполеона настроение тоже вроде бы поднялось. Лица обоих были в эту минуту такими просветленными и вдохновенными, что чувствовалось: и тот, и другой безоговорочно верят в собственные сочинения и сейчас перед ними словно оживают яркие картины далекого прошлого.

Несколько минут они оба молчали. Глаза их смотрели куда-то вдаль, на сияющих лицах играла улыбка. Дядюшка первым вернулся из мира грез и, вновь нахмурившись, сказал:

– Так-то так, Маш-Касем, но об этом только ты да я знаем. А если… если этот клеветник начнет вместе с простофилей доктором людям рассказывать, что дескать кое-кто от страху чуть богу душу не отдал… что тогда останется от моей репутации?

– Да кто им поверит, ага? Кто в этой стране не знает о вашей отваге, о мужестве вашем?!

– Если б люди головой думали! А то ведь только ушам своим да глазам верят. Что ни говори, а я убежден: этот человек на все пойдет, только бы подорвать мой авторитет, только бы ославить на всю округу.

Тут Маш-Касем вроде бы снова вспомнил, что я

прячусь рядом, за ветвями самшита. Он покосился в мою сторону:

– Об этом сейчас не время говорить, ага. Пока ведь ничего такого не случилось.

– Не соображаешь, что ли?! Да они уже сегодня начнут языками чесать!

– А мы скажем, что вранье это… Скажем, что аге, мол, нездоровилось…

– Да, конечно, но… – Дядюшка ушел в раздумья и замолчал.

– Можно, к примеру, сказать, что вас змея ужалила.

– Не городи вздор! Где это видано, чтобы человека змея у жалила, а наутро он уже здоровый был?

– А что тут такого?… Один мой земляк…

– Да провались ты вместе с твоим земляком!… В общем, история со змеей нам не годится.

Маш-Касем тоже погрузился в мысли.

– Кажется, придумал! А что, если сказать, что вы дыню с медом кушали, а потому у вас живот схватило?

Дядюшка ничего не ответил, но по всему было видно, что эта идея его тоже не вдохновила. Немного помолчав, Маш-Касем сказал:

– Ага, знаете что?

– Что?

– Ежели б вы у меня совета спросили, так, по-моему,

лучше вам отпустить вора подобру-поздорову.

– Отпустить? Вора?!

– Потому что, ежели вокруг узнают, что вы поймали вора, разговоры пойдут: что да как? А там и про вчерашнее припомнят.

– Ерунда!

– Я-то что… мое дело сторона. Да только, ежели вы его отпустите, разговоры сами собой и утихнут. Сейчас ведь никто, кроме Аббаса-голубятника, и знать не знает, что мы вора поймали… Другими словами, никто чужой про это пока не прослышал… А голубятник, он и пикнуть не посмеет.

Дядюшка долго молчал. Потом сказал:

– Ты прав, Касем… Нашей семье всегда были присущи великодушие и благородство. Может, этот бедняга и в самом деле от нищеты на такое решился. Простим ему, детей его пожалеем… – и после паузы добавил: – Ты твори добро, о себе забудь, и господь тебе твой укажет путь!… Иди, Касем, развяжи его и скажи, чтобы бежал без оглядки. А самое главное, скажи ему, что это ты сам решился его отпустить и что, если, мол, ага прослышит, шкуру с тебя сдерет!

Маш-Касем рысцой побежал выполнять приказ, а дядюшка принялся в задумчивости расхаживать по дорожке.

Через несколько минут Маш-Касем вернулся. На плече у него по-прежнему болталась двустволка. С довольной улыбкой он приблизился к дядюшке, успевшему присесть на

скамейку в увитой шиповником беседке.

– Воздай вам господь за ваше благородство, ага! Уж как он благодарил! Я так скажу: благородство это у вас в крови! Помните, когда Сеид-Морад начал вас о пощаде молить, вы его на все четыре стороны отпустили, да еще и еды ему дали на дорогу?

Дядюшка, вперив глаза в ветви орехового дерева, с грустью сказал:

– Ах, Касем, кто нынче ценит доброту и благородство?! Может, лучше было бы, если бы я действовал круто и беспощадно, как все остальные… Может, именно из-за собственной мягкости и не преуспел я в жизни…

– Зачем же вы так, ага?! И я, и все вокруг знают, что вы тут ни при чем. Иностранцы окаянные во всем виноваты. Да вот даже третьего дня на базаре мы про вас разговорились, так я прямо и сказал, что, ежели б, говорю, англичаны против моего аги зла не затаили, ага бы таких делов понаделали!…

– Да если б не англичане и их пособники, я бы далеко пошел…

Маш-Касем, тысячу раз слышавший из уст дядюшки историю его вражды с англичанами и давно знавший наизусть все подробности, не преминул спросить:

– А правда, ага, почему англичаны так на вас взъелись?

– Волки они двуличные, англичане эти! Ненавидят

каждого, кто родину свою любит. Что такого Наполеон сделал, что они его на горе обрекли? За что с женой и детьми разлучили? За что заставили на чужбине чахнуть? Только за то, что он родину свою любил! А это для них самое тяжкое преступление!

Дядюшка говорил взволнованно, с пафосом. Маш-Касем, слушая его, кивал головой и посылал проклятья англичанам.

– Разрази их громом! Да чтоб они провалились!

– Как поняли они, что я родину свою люблю, что о свободе ее пекусь, что за Конституцию[8] жизнь готов положить, так с той минуты и превратились во врагов моих заклятых…

Я устал стоять в одной позе, ноги у меня затекли, и я попробовал осторожно переступить с ноги на ногу. Но тут произошло нечто, заставившее меня замереть от страха: к увитой шиповником беседке медленно приближался мой отец, вероятно, заслышавший голоса дядюшки и Маш-Касема. Сердце у меня ушло в пятки. О господи! Что же теперь будет? Из своего укрытия я хорошо видел отца, а дядюшка и Маш-Касем, отделенные от него кустами шиповника, не замечали его. Без сомнения, отец вознамерился подслушать их разговор, потому что он подобрался к беседке совершенно бесшумно… Господи,

---

8

сохрани и помилуй!

Дядюшка тем временем продолжал расписывать свои подвиги во имя торжества Конституции:

– Теперь-то все у нас патриоты… Все кричат, что за независимость боролись… А я что? Я молчу, вот обо мне и забыли.

Неожиданно отец громко расхохотался и сквозь свой нарочито пронзительный смех выкрикнул:

– Теперь и казаки полковника Ляхова[9] стали героями борьбы за Конституцию!

Отца отделяла от дядюшки лишь живая изгородь из шиповника. Дрожа от ужаса, я вытянул шею, чтобы увидеть, как поведет себя дядюшка. Лицо у него исказилось и посинело. На какое-то мгновенье он застыл, потом сорвался с места и ринулся к Маш-Касему, сдавленным от гнева голосом выкрикивая:

– Ружье!… Касем, ружье!

Он протянул руку, чтобы выхватить у Маш-Касема двустволку.

– Я кому сказал! Ружье!

Маш-Касем рывком скинул ружье с плеча и немедленно спрятал за спину. Свободную руку он выставил вперед и уперся ею в грудь дядюшки.

Гневный крик дядюшки, вероятно, заставил отца

9

задуматься о последствиях своей выходки, и он поспешно ретировался. Дядюшка в ярости взревел:

– Предатель безмозглый! Тебе говорю – дай мне ружье!

Маш-Касем проворно высвободился из дядюшкиных объятий и, не выпуская ружья из рук, ударился в бегство. Дядюшка, словно обезумев, погнался за ним по саду, не разбирая дороги.

Маш-Касем на бегу заорал:

– Ага, всеми святыми заклинаю, простите вы его!… Ага, жизнью детей ваших заклинаю! Глупость он сказал! Сдуру!

Я выскочил из-за самшита и остолбенело наблюдал за происходящим, не в силах сдвинуться с места и ничего не соображая.

Сад у нас был очень большой, и бегать по нему можно было долго. Маш-Касем удирал с неожиданным проворством, дядюшка, тяжело дыша, гнался за ним по пятам. Вдруг Маш-Касем зацепился ногой за какой-то сучок и грохнулся на землю. В тот же миг раздался выстрел.

– Ой, помираю!… Ой, господи, боже мой!…

Крики Маш-Касема вывели меня из оцепенения, и я кинулся к нему. Дядюшка ошеломленно застыл над неподвижным телом Маш-Касема, свалившегося прямо на винтовку.

Дядюшка нагнулся, чтобы поднять Маш-Касема с

земли, но тот с душераздирающим стоном запротестовал:

– Нет, нет, не трогайте меня, ага… Позвольте мне прямо здесь умереть.

Дядюшка отдернул руку и, увидев меня рядом с собой, крикнул:

– А ну давай, беги скорее за доктором Насером оль-Хакама!… Беги же! Скорее!

Я со всех ног помчался к дому доктора, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. К счастью, доктор как раз в этот момент выходил из дома со своим саквояжем – вероятно, направлялся к больному.

– Господин доктор, скорей бегите со мной. Маш-Касема ранило!

Слуга дяди Полковника стоял у ворот сада и объяснял любопытным прохожим, что ничего страшного не случилось, просто в руках у одного из мальчишек разорвалась петарда.

Мы с доктором вбежали в сад и закрыли за собой ворота.

Домочадцы окружили толпой Маш-Касема и утешали его, а он жалобно постанывал:

– Ой-ё-ёй! Больно-то как!… Жжет до чего!… Так и умру, не побывав в Мекке!…

Прорвавшись вместе с доктором сквозь кольцо зрителей, я увидел заплаканную Лейли. Она прикладывала

ко лбу Маш-Касема мокрый платок.

– Ага, дайте слово, что похороните меня возле мечети святой Масуме.

Доктор опустился на колени возле Маш-Касема. Но едва он попытался перевернуть его на спину, тот пронзительно вскрикнул:

– Не трогайте меня!

– Маш-Касем, это же доктор!

Маш-Касем, который лежал, припав щекой к земле, чуть повернул голову вбок и, увидев доктора, все тем же грустным стонущим голосом произнес:

– Здравствуйте, доктор… Пусть сначала господь со мной разберется, а потом уж вы приступайте.

– Жить вам не тужить! Жить не тужить! Что случилось, Маш-Касем? Куда тебя ранило? Кто в тебя стрелял?

Отец, стоявший неподалеку от Маш-Касема, показал пальцем на дядюшку и громко заявил:

– Это он! Он – убийца. Даст бог, своими руками на виселицу его отправлю!

Дядюшка не успел ничего на это ответить, потому что моя мать, причитая, оттащила отца подальше.

– Жить вам не тужить!… Маш-Касем, скажи, куда пуля попала?

Маш-Касем, неподвижно лежа на животе, плаксиво ответил:

– Ей-богу, зачем мне врать… Прямо в бок угодила…

Доктор Насер оль-Хокама махнул рукой дядюшке, чтобы тот ему помог, и снова попытался перевернуть Маш-Касема на спину.

– Жить вам не тужить! Только очень осторожно… полегоньку… потихоньку…

– Ой!… Господи!… Ведь сколько кампаний пережил, сколько в бой ходил, так надо же было, чтоб смерть настигла меня в саду моего аги!… Господин доктор, ради всего святого… ежели увидите, что рана смертельная, так прямо и скажите, чтоб я успел отходную по себе прочитать.

Когда доктор разорвал на Маш-Касеме рубаху, все от удивления разинули рты: на теле Маш-Касема не было ни царапины.

– Так куда все-таки тебя ранило?

Маш-Касем, не открывая глаз, ответил:

– Э-э! Зачем же врать?! Я и сам толком не знаю. А вам разве не видно?

– Жить вам не тужить!… Да ты цел и невредим, меня еще переживешь!

Все с облегчением вздохнули и радостно расхохотались.

Дядюшка лягнул в зад приподнявшегося с земли Маш-Касема:

– Сейчас же вставай и проваливай отсюда! Уже и мне стал врать, мерзавец!

– Значит, меня не ранило?! А почему ж тогда так болело и жгло? Куда же пуля-то угодила?

– Ей надо было в башку твою безмозглую угодить!

Увидев, что его помощь не нужна, доктор Насер оль-Хокама, не говоря дядюшке ни слова, захлопнул свой саквояж, вместо «до свиданья» буркнул в очередной раз: «Жить вам не тужить» – и пошел прочь. Дядюшка Наполеон побежал за ним и догнал уже у выхода из сада. Они несколько минут постояли у ворот, дядюшка что-то говорил доктору – вероятно, извинялся перед ним за вчерашнее. Потом они обнялись и горячо расцеловались. Доктор ушел, а дядюшка вернулся к толпившимся в саду домочадцам.

Пока критическая ситуация благополучно разрешалась, я успел подойти к Лейли. После всех этих бурных событий мне было настолько приятно увидеть ее, что я молчал и просто глядел на нее, а она в ответ молча смотрела на меня своими огромными черными глазами.

Мне так и не удалось ничего ей сказать, потому что дядюшка заметил, что мы с Лейли стоим рядом, подошел к нам, не раздумывая, дал дочери увесистую затрещину, потом указал ей на дверь и сухо скомандовал:

– Домой! – Затем, не глядя на меня, ткнул пальцем в сторону нашего дома и еще более резким тоном заявил: – Вы тоже извольте отправиться к себе и больше здесь не появляйтесь!

Я побежал домой. От обиды и горечи у меня наворачивались на глаза слезы. Я закрылся в одной из дальних комнат и растянулся там на скамье, чувствуя себя несчастным и вконец обессиленным. Мысли мои путались, но одно я знал твердо: я должен принять окончательное решение.

Измотанный бурными событиями утра, я заснул на жесткой скамье в пустой комнате и проснулся уже почти в полдень – меня разбудил необычный шум и оживленное движение за окном. Подойдя к матери, я спросил:

– Что еще случилось? С чего это вы все носитесь как угорелые?

– Сама ничего не пойму. Твой отец утром вдруг надумал пригласить сегодня на ужин всех родственников.

– Но с какой стати?

Мать раздраженно огрызнулась:

– А я откуда знаю?! Иди, сам у него спроси! Может, он решил в могилу меня свести и поминки справить! Оно б и лучше было!

В это время вернулся отец, ходивший куда-то по делам. Я подбежал к нему:

– Отец, а что сегодня за вечер такой особый?

Неестественно рассмеявшись, он ответил:

– Сегодня у нас с матерью юбилей свадьбы… Праздновать будем… Отметим знаменательное событие,

связавшее меня с этой благородной семьей, славной своим единством!

Я заметил, что отец говорит нарочито громко, повернувшись лицом к саду. Я взглянул туда и увидел неподалеку Пури. Он сидел, уставившись в какую-то книгу, но уши его явно ловили каждое слово, раздававшееся у нас во дворе.

– Вот так-то… Я уже и музыкантов нанял… Вся родня соберется. – И, повернувшись к матери, отец все так же громко спросил: – Кстати, Шамсали-мирзе и Асадолла-мирзе уже передали мое приглашение? А ханум Азиз ос-Салтане? – Перечислив имена остальных гостей, он добавил: – Вечер должен удаться на славу. Я намерен развлечь гостей весьма интересными историями… Так что и музыка будет, и песни, и занимательные рассказы…

Я сразу понял замысел отца. Он хотел рассказать гостям, как дядюшка Наполеон, испугавшись вора, грохнулся в обморок, и сейчас говорил, конечно, не для меня, а для Пури, рассчитывая, что тот обо всем донесет дядюшке. И точно, Пури поднялся со скамейки и не спеша побрел к дядюшкиному дому. Выждав несколько минут, я решил рискнуть и двинулся за ним. Дверь дядюшкиного дома была закрыта, и изнутри не доносилось ни звука.

Меня разбирало любопытство. Как бы узнать, что теперь предпримет дядюшка? Я немного постоял,

раздумывая, потом приложил ухо к двери: издалека доносились голоса, но слов было не разобрать. В конце концов мне в голову пришла дельная мысль. Дом одной из моих теток стоял вплотную к дядюшкиному, и крыши у них смыкались. С помощью моего двоюродного брата Сиямака я залез на крышу теткиного дома, осторожно переполз на дядюшкину территорию и притаился там.

Мне было видно, как Пури, успешно справившийся с миссией доносчика, вышел из дядюшкиного дома. Дядюшка нервно расхаживал по внутреннему дворику. Поодаль задумчиво стоял Маш-Касем. По лицу и резким движениям дядюшки было видно, что он крайне озабочен и взволнован.

– Необходимо что-то придумать, любой ценой сорвать сбор гостей у этого мерзавца… Без сомнения, он хочет ославить и меня и тебя. Уж я-то этого негодяя не первый год знаю.

– Давайте скажем всем, что сегодня годовщина смерти вашего дяди и ни в какие гости ходить нельзя.

– Почему ты вечно несешь всякий вздор?! Годовщина его смерти только через месяц.

В это мгновенье дядюшку словно озарило – он на секунду замер как вкопанный, и лицо его просветлело. Он поманил Маш-Касема и что-то ему объяснил, но я не расслышал ничего, кроме имени Сеид-Абулькасем. Маш-Касем торопливо выбежал со двора, а дядюшка продолжал

расхаживать взад-вперед, бормоча что-то себе под нос. Я ждал, но Маш-Касем не возвращался. Делать было нечего, я слез с крыши и, надеясь раскрыть тайну исчезновения Маш-Касема, отправился в сад. Не обнаружив его и там, я разочарованно вернулся домой. Наш слуга с помощью поденщика выносил в сад большие ковры.

Да, отец усиленно готовился к контрнаступлению. Более того, он хотел принять гостей в саду, чтобы дядюшка слышал все, что там будет сказано.

Примерно к пяти часам сцена для задуманного отцом спектакля была подготовлена: на расстеленных под деревьями коврах лежали груды подушек, в тазу со льдом охлаждалось несколько бутылок со спиртным.

А я все это время не сводил глаз с закрытой двери дядюшкиного дома и мучился догадками о том, что происходит у него во внутреннем дворике. Я понимал, что дядюшка не будет сидеть сложа руки и примет ответные меры. Меня томило ощущение надвигающейся грозы, я ждал грома и молний.

И вдруг дверь дядюшкиного дома открылась. Маш-Касем, служанка и Пури начали выносить в сад ковры и коврики и расстилать их в двадцати метрах от того места, где отец подготовил все для приема гостей.

Я осторожно приблизился к Маш-Касему, но на мои вопросы он лишь коротко ответил:

– Иди, милок, не путайся под ногами. Не мешай нам.

Когда участок сада перед дядюшкиным домом был устлан коврами, Маш-Касем и матушка Билкис, подхватив с двух сторон деревянную лестницу, двинулись к воротам. Маш-Касем взобрался на лестницу, хладнокровно укрепил над воротами треугольный черный флаг, который дядюшка обычно вывешивал в дни оплакивания мусульманских мучеников. Флаг размотался и на черном полотнище стали видны слова: «Оплачем же убиенных!»

Я изумленно спросил:

– Чего это ты делаешь, Маш-Касем? Зачем флаг вывесил?

– Зачем мне врать, милый?! Сегодня у нас роузэ[10]проводят. Да еще какое!… Не то семь, не то восемь проповедников пригласили… И плакальщики придут, в грудь себя бить будут.

– А разве сегодня день какого-то святого?

– Да неужели ты не знаешь, голубчик? Сегодня день кончины святого Мослема ибн Акиля. Если не веришь, пойди спроси у господина Сеид-Абулькасема.

За моей спиной раздался сдавленный возглас. Я обернулся и увидел отца. С перекошенным и белым, как мел, лицом он уставился на Маш-Касема и черный флаг. От гнева глаза его были готовы вылезти из орбит.

10

Я стоял и беспокойно поглядывал то на отца, то на Маш-Касема. Маш-Касем, видя, в какую ярость пришел отец, не решался слезть с лестницы и щелчками сбивал с флага комочки грязи и пыли. Я боялся, что отец со злости свернет лестницу. Наконец, нарушив молчание, отец хрипло спросил:

– Ты с чего это черный флаг вывесил, Маш-Касем? У тебя что, в этот день папаша богу душу отдал, или как?

Маш-Касем со всегдашней невозмутимостью ответил:

– Если бы мой папаша, упокой его господи, в такой великий день умер, я бы только радовался. Сегодня же день мученической кончины святого Мослема ибн Акиля.

– Да порази этот Мослем ибн Акиль и тебя, и твоего хозяина, и всех других лжецов вместе взятых!… Не иначе как хозяину твоему, когда он, перепугавшись вора, в обморок плюхнулся, сам архангел Гавриил явился и сообщил, что сегодня святой день!

– Ей-богу, зачем мне врать?! До могилы-то… четыре пальца! Ни про какого архангела я не знаю, зато знаю, что сегодня день кончины святого Мослема ибн Акиля… И господин Сеид-Абулькасем тоже это знает. Хотите, можете у него самого спросить!

Отец, дрожа от бешенства, закричал:

– Да я такое устрою тебе, твоему хозяину и Сеид-Абулькасему, что по вам все святые хором плакать будут!

И словно в подтверждение своих слов отец принялся трясти лестницу. Маш-Касем истошно заголосил:

– Ой, спасите, ой, помогите! Заступись за меня, святой Мослем ибн Акиль!

Я испуганно схватил отца за руки:

– Отец, дорогой, не трогайте вы его! Бедняга же здесь ни при чем!

Услышав мой крик, отец немного смягчился. Метнув в Маш-Касема гневный взгляд, он повернулся и быстро зашагал к дому.

Еле дышавший от страха Маш-Касем посмотрел на меня с лестницы и благодарно сказал:

– Награди тебя аллах, сынок! Ты мне жизнь спас!

Когда я вернулся домой, отец, срывая злость на матери, кричал во дворе:

– Да если б я взял себе жену из нищей, неграмотной семьи, и то было бы лучше!… Ладно, мы еще посмотрим, куда люди пойдут – ко мне в гости веселиться или оплакивать мучеников к Наполеону Бонапарту!

Я впервые услышал, как отец назвал дядюшку его императорским прозвищем. Распря зашла настолько далеко, что враждующие стороны пустились во все тяжкие, чтобы досадить друг другу. Пустяковое недоразумение – неуместный скрип стула, или, допустим даже, злополучный «подозрительный звук» – не только грозило, как говорил

дядя Полковник, «священному единству», но и могло подорвать устои всей нашей семьи.

Мать хватала отца за руки и умоляла:

– Если не хочешь вдовой меня оставить, одумайся! Посуди, как можно гостей сегодня принимать?… На той половине сада люди плакать будут, в грудь себя бить, а здесь – музыка, песни, водка!… Да кто смелости наберется в гости к тебе сегодня прийти?! Плакальщики такого живьем на части раздерут!

– Но я же знаю, что сочинил он все про Мослема ибн Акиля! Вранье это, знаю.

– Ты знаешь, но люди-то – нет! Плакальщики-то не знают! Ославишь нас на всю округу! Убьют ведь и тебя, и детей наших!

Отец задумался. Мать верно говорила. Вряд ли кто-нибудь осмелится беззаботно веселиться в саду, когда рядом в это время читают молитвы и оплакивают мучеников. Отцу угрожала опасность быть на собственной вечеринке и хозяином и единственным гостем.

Маш-Касем, который проносил вместе с матушкой Билкис лестницу мимо нашего дома, услышав разговор моих родителей, остановился и, минуту помолчав, мягко сказал:

– Уж, ежели по правде, то ханум дело говорит… Вы бы перенесли вашу вечеринку на другой день.

Отец зло посмотрел на него, но потом, словно

передумав, сказал, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно:

– Да, да, все правильно… Великий день ведь. Так ты говоришь, сегодня поминают святого Мослема ибн Акиля?…

– Ох, и горькая ж у него была судьба!… Да лучше б меня вместо него убили!… Ох, злодеи! Голову ему отрезали!…

– Только ты скажи своему хозяину, что Мослема ибн Акиля не зарезали, а с башни скинули. И еще скажи, что на этих днях одного человека тоже с башни скинут, да так, что он потом костей не соберет! – И с напускной печалью отец добавил: – Как бы то ни было, святой нынче день! Я вот, хоть и собирался гостей позвать, все теперь отменил ради того, чтобы пойти на роузэ, которое ага затеял… Обязательно вечером туда приду!… В такой святой день нельзя мне к аге не прийти… Всенепременно приду.

Маш-Касем машинально ответил:

– Да уж, конечно, ага, милости просим. Благое дело.

Но тут же, вероятно, сообразив, что на самом деле на уме у отца, встревожился и поспешил к дядюшкиному дому.

Немного подождав, я побежал вслед за ним и нашел его на краю сада в сарае, куда он ставил лестницу.

– Маш-Касем, ты ведь наверняка догадался, что мой отец задумал?

Маш-Касем с опаской огляделся по сторонам.

– Ты бы, милок, шел себе играть с ребятами. Если ага узнает, что мы тут с тобой разговоры разговариваем, шкуру с меня сдерет.

– Но Маш-Касем, надо же что-то сделать, чтобы покончить с этой ссорой! Они с каждым днем друг друга все больше ненавидят. Страшно подумать, что дальше будет.

– Э-э, голубчик! Зачем мне врать?! До могилы-то… Я и сам смерть как боюсь! О том уж и не думаю, что мне теперь по сто раз на день приходится в сад к господину Полковнику лейки с водой таскать, чтоб цветы ихние не засохли!

– В общем, надо что-то сделать, чтобы отец либо совсем не ходил сегодня на роузэ, либо ни словом там не обмолвился про вчерашнюю историю с вором… А иначе одному богу известно, чем все это кончится!

– Ты за сегодняшний вечер не волнуйся, милок. Ага об этом тоже подумал… По моему разумению, отцу твоему сегодня не дадут и рта раскрыть. Только смотри, папаше об этом не проболтайся!

– Ну что ты, Маш-Касем! Будь спокоен. Я себе слово дал, если этой ссоре конец придет, непременно в молельне свечку поставлю.

– А раз так, то за сегодняшний вечер не переживай. Ага договорился с Сеид-Абулькасемом, что, ежели твой отец придет на роузэ, тот не позволит ему и слова сказать.

Я понял, что Маш-Касем полностью признал во мне серьезного сторонника мирного урегулирования конфликта – он говорил со мной совершенно откровенно.

– И ты, милок, тоже постарайся сделать как-нибудь так, чтобы твой отец много-то не разговаривал.

В этот момент в саду показался Пури. Маш-Касем вполголоса пробормотал:

– Вот ведь беда, милок! Господин Пури пожаловал. Сейчас пойдет, лошадиная морда, и донесет аге, что мы тут с тобой разговоры разговариваем. Беги-ка, голубчик, к себе!

Мать спешно разослала гонцов по домам наших родственников, чтобы предупредить их, что из-за неудачного стечения обстоятельств прием гостей у нас сегодня отменяется. Родичи, к тому времени успевшие получить от дядюшки приглашение на роузэ, конечно же, сами догадались, что вечеринка не состоится, и поэтому не слишком удивились.

Едва село солнце, как началось организованное дядюшкой траурное собрание. Дядюшка, одетый в черную абу, восседал на подушке поближе к собственному дому. Для женщин разостлали ковры по другую сторону увитой шиповником беседки. Когда отец направился принять участие в роузэ, меня охватили противоречивые чувства. С одной стороны, меня беспокоили последствия его встречи с дядюшкой, а с другой – я со сладостным томлением

предвкушал момент, когда снова увижу Лейли.

Дядюшка, встречая каждого вновь прибывшего, подымался навстречу, но когда к собравшимся приблизился отец, дядюшка не шелохнулся и сделал вид, что не видит его. На роузэ прибыли почти все наши родственники, жившие неподалеку. Странным казалось лишь отсутствие Азиз ос-Салтане и ее мужа.

Отец сел рядом с Асадолла-мирзой, который устроился по соседству с женской половиной общества. Я, боясь дядюшки, не осмелился сесть отдельно от отца. Отец сразу же попытался завязать разговор с Асадолла-мирзой о событиях вчерашней ночи, но тот уже перебрасывался шуточками с одной из женщин, отделенной от него изгородью из шиповника. В конце концов отцу удалось прервать веселую беседу Асадолла-мирзы, и, как раз в тот момент, когда какой-то проповедник начал повествование о трагической кончине святого, отец сказал:

– Ох жалко, вас вчера здесь не было! Тут у нас такие события развернулись…

Я невольно взглянул в сторону дядюшки Наполеона. Он напряженно следил за движениями губ моего отца, и в лице его я прочитал глубокое беспокойство. Дядюшка повернул голову и со значением посмотрел на Сеид-Абулькасема. Тот громко призвал к порядку моего отца и Асадолла-мирзу:

– Господа! У нас траурное собрание. Извольте слушать

внимательно!

Отец еще несколько раз пытался продолжить свой рассказ, но Сеид-Абулькасем неизменно прерывал его.

С последней проповедью выступал сам Сеид-Абулькасем. Начав говорить, он ни на секунду не спускал глаз с моего отца, и как только видел, что тот собирается открыть рот, немедленно скороговоркой повторял страшную историю мученичества святого, неизменно вызывавшую новую волну громких женских причитаний. Отец каждый раз бросал на него злобные взгляды.

Проповедь Сеид-Абулькасема длилась почти полчаса. Говорить старику становилось все труднее. Наконец он на несколько секунд замолчал, чтобы перевести дыхание. Отец, давно поджидавший этого момента, довольно громко – так, что его услышали многие, – сказал:

– А вчера у нас здесь преинтереснейшая история приключилась…

Дядюшка подошел к сидевшему на стуле Сеид-Абулькасему, и тот вдруг подскочил, будто ему ткнули шилом в зад, подал знак десятку плакальщиков, в ожидании своей очереди уже снявших рубахи, и, затянув из последних сил траурную песню-плач, начал бить себя в грудь:

– О безвинно убиенный!… О безвинно убиенный!…

Дядюшка, подпевая ему, одной рукой тоже бил себя в грудь, а другой ободряюще махал плакальщикам.

Плакальщики, исступленно колотя себя в грудь, дружно подхватили траурную песню. Собравшиеся с некоторым удивлением – обычно на роузэ не принято бить себя в грудь – переглянулись, но, увидев, что дядюшка стоит, выпрямившись во весь рост, один за другим поднялись с подушек и тоже принялись колотить себя в грудь.

Только отец не сдвинулся с места.

В этот момент Сеид-Абулькасем – не знаю уж, по собственной ли инициативе или по знаку дядюшки – подошел к отцу и закричал:

– Если вы, сударь, не разделяете общей скорби… Если исповедуете другую веру… Если вы враг правоверных… Идите лучше к себе домой, избавьте нас от вашего общества! Идите к себе и молитесь своему богу!…

Отец был разъярен. Однако, почувствовав враждебные взгляды плакальщиков, он все же встал и, колотя себя в грудь, медленно побрел прочь. Войдя в дом, он так хлопнул дверью, что слышно было даже здесь, в саду.

И тем не менее, я вздохнул с облегчением, потому что на этот раз все обошлось достаточно спокойно. Плакальщики сделали несколько кругов по саду и вышли на улицу, а гости снова уселись на свои места.

Проповедники уже ушли. В саду остался только вконец измученный Сеид-Абулькасем. Он мелкими глотками пил

сэканджебин[11] и утирал платком пот со лба.

Дядюшка по-прежнему пребывал в беспокойстве. Я догадывался, что он тревожится, как бы не вернулся отец. Но я прекрасно знал отца и понимал, что сейчас он в таком состоянии, что ни за что не вернется.

Глава четвертая

В саду возле дядюшкиного дома осталось совсем немного гостей – ближайшие родственники. Женщины уже подсели к мужчинам, все, казалось, давно забыли, по какому поводу собрались, распивали чай и шербет, ели сладости и весело болтали. И как раз в тот момент, когда Фаррохлега-ханум начала расспрашивать, почему не пришли на роузэ Азиз ос-Салтане, ее муж и Гамар, и уже явно готовилась предложить собственное объяснение, с ближайшей к саду крыши раздались вопли о помощи. Кричал какой-то мужчина:

– Помогите!… Спасите, люди добрые!… Спасите! На помощь!

Мы оглянулись. По крыше, как безумный, бегал мужчина в белой рубахе и подштанниках.

От изумления все притихли. Дядя Полковник первым нарушил молчание:

11

– Никак Дустали-хан!… Вроде бы он самый.

Яркий свет керосиновых ламп бил нам в глаза и мешал толком разглядеть кричавшего. Все вскочили с ковров и бросились на крик.

Да, это был Дустали-хан, муж Азиз ос-Салтане. Его дом вплотную примыкал к стене, огораживающей сад. В воплях Дустали-хана слышались неподдельный ужас и отчаяние. То и дело он вскрикивал:

– На помощь!… Спасите!…

Дядюшка Наполеон громко спросил:

– Что случилось, Дустали?

Тот ответил:

– Господом богом вас заклинаю… Скорее принесите лестницу! Спасите меня!

– Да зачем тебе лестница? Слезай, как забрался.

– Не могу… Спасите, ага!… Лестницу, скорее… Потом все объясню.

В его голосе звучала такая мольба, что никто и не подумал возразить. Дядюшка крикнул:

– Касем! Лестницу!

Его приказ был излишним, поскольку Маш-Касем уже бежал с лестницей через сад.

Мы не отрывали глаз от Дустали-хана, метавшегося по крыше, как полночный призрак. Маш-Касем приставил лестницу к стене и помог Дустали-хану спуститься.

Через несколько секунд Дустали-хан ступил на землю и без чувств упал в объятия Маш-Касема. Его почти волоком оттащили от стены и осторожно опустили на ковер. Все столпились вокруг и оживленно обсуждали происшествие, строя различные догадки и предположения.

Дядюшка Наполеон тихонько похлопывал Дустали-хана по щекам и повторял один и тот же вопрос:

– Что случилось? Что случилось?

Волосы у Дустали-хана были всклокочены, белая рубаха и подштанники – вымазаны в грязи. Он лежал недвижимо, лишь губы его слегка подрагивали.

Растиравший ему ноги, Маш-Касем сказал:

– Вроде как змея его куда-то укусила.

Дядюшка метнул в него сердитый взгляд:

– Опять вздор городишь!

– Ей-богу, ага, зачем мне врать?! Один мой земляк…

– Да провались ты вместе с твоим земляком! Ты дашь мне разобраться, в чем дело, или нет?!

И дядюшка снова легонько шлепнул Дустали-хана по лицу.

Дустали-хан приоткрыл глаза. Придя в себя, он встревоженно огляделся по сторонам и, судорожно схватившись за низ живота, завопил:

– Отрезала!… Ой, отрезала!

– Кто отрезал? Что отрезали?

Дустали-хан, не отвечая, продолжал в ужасе повторять:

– Отрезала!… Отрезать собиралась… Ножом… кухонным… Уже и резать начала…

– Да кто? Кто отрезать-то хотел?

– Азиз… Стерва эта… Азиз… жена моя… Ведьма! Убийца чертова!…

Навостривший уши Асадолла-мирза, с трудом сдерживая смех, вмешался:

– Моменто, моменто! Погодите! Дайте-ка я разберусь. Значит, ханум Азиз ос-Салтане собиралась, господи спаси, вас…

– Да, да. Если б я еще хоть на секунду замешкался, как пить дать, отрезала бы!

Асадолла-мирза, трясясь от хохота, спросил:

– Под корень?

Общий смех заставил дядюшку Наполеона вспомнить о присутствии женщин и детей. Выпрямившись во весь рост, он растопырил руки в стороны, загородил своей абой Дустали-хана от женских глаз и крикнул:

– Женщины и дети, кыш отсюда!

Те отошли на несколько шагов. Пури, сын дяди Полковника, с глупым видом спросил:

– А что ему хотела отрезать Азиз-ханум?

Дядя Полковник со злостью глянул на сына:

– Ты что, осел?

На вопрос Пури со всегдашней невозмутимостью ответил Маш-Касем:

– Она, милок, хотела ему честь его отрезать.

– И себя же счастья лишить! – сквозь хохот проговорил Асадолла-мирза. – Кто отрежет под корень рог, не поможет тому и бог…

Дядюшка Наполеон прикрикнул на него:

– Князь, достаточно! – Затем, продолжая заслонять Дустали-хана от женщин, строго приказал: – Объясни все как следует, Дустали. Почему это она вдруг решила отрезать? Что за чушь ты несешь?

Дустали-хан, по-прежнему держась за низ живота, запричитал:

– Я же сам видел… Она принесла с собой в постель кухонный нож… И уже начала резать… Нож-то холодный, я и почувствовал…

– Но зачем ей это? Она что, с ума спятила?

– Вечером она скандал мне закатила… На роузэ к вам не пошла… Сказала, что ей кто-то из родни донес, будто я завел молодую любовницу… Вешать надо таких родственников! В этой семье все – убийцы!… Ох, господи! Замешкайся я еще на секунду, отрезала бы подчистую!…

Неожиданно дядюшка Наполеон глухо сказал:

– Вот оно что! Теперь понял.

Мы все невольно посмотрели на него. Стиснув зубы,

дядюшка добавил срывающимся от ярости голосом:

– Я знаю, какой подлец все это подстроил!… Этот человек хочет опозорить всю нашу семью… Он готовит заговор против семейной чести!

Всем было совершенно ясно, кого имеет в виду дядюшка.

Асадолла-мирза, стараясь сохранять серьезность, с деланной озабоченностью спросил:

– Ну, и удалось ей отрезать хоть кусочек?

Дядюшка Наполеон, не обращая внимания на общий смех, процедил:

– Ох и проучу же я его!… С семейной честью не шутят!

Шамсали-мирза с видом судьи поднял руку, призывая всех к тишине, и заявил:

– Правосудие не терпит суеты… Вначале необходимо провести расследование, и лишь потом можно выносить приговор. Господин Дустали-хан, прошу вас, отвечайте на мои вопросы точно и без утайки.

Жертва неудавшегося покушения, Дустали-хан по-прежнему неподвижно лежал на ковре, обхватив себя руками под животом.

Шамсали-мирза взял стул и уселся поближе к пострадавшему, собираясь начать допрос, но вмешался дядя Полковник:

– Князь, отложите это до завтра. Бедняга так напуган,

что ему сейчас не до разговоров.

Шамсали-мирза неодобрительно посмотрел на него:

– Следствие дает наибольшие результаты, когда его начинают немедленно после совершения преступления. До завтра факторы, способствующие установлению истины, могут потерять эффективность.

Маш-Касем, с интересом наблюдавший за этой сценой, подтвердил:

– Это уж точно. Еще неизвестно, кто из нас до завтра доживет-то. Вот, к примеру, один мой земляк…

Поймав неодобрительный взгляд Шамсали-мирзы, Маш-Касем оборвал себя на полуслове, а Шамсали-мирза вновь повернулся к Дустали-хану:

– Итак, как я уже сказал, отвечайте на мои вопросы точно и правдиво.

Дядюшка Наполеон, уставившись в пространство, пробормотал:

– Без сомнения, это дело рук того негодяя… Он взял на вооружение стратегию Наполеона, о которой я же ему и рассказывал. Наполеон говорил, что в бою надо наносить удар в самое слабое место противника. Этот человек понял, что мое слабое место – Дустали-хан. Мерзавец знает, что я вырастил Дустали-хана и он мне все равно как сын, что и Дустали, и жена его – близкие мне люди…

И дядюшка еще несколько минут распространялся о

чувствах, связывающих его с Дустади-ханом особыми душевными узами. Он, конечно, и до этого не раз сообщал всем, что вырастил и воспитал Дустали-хана. И хотя тому уже перевалило за пятьдесят, дядюшка до сих пор относился к нему, как к ребенку. Покончив с воспоминаниями, дядюшка повернулся к Дустали-хану:

– Дустали, прошу тебя, в благодарность за ласку и заботу, которыми я окружал тебя с малолетства, отвечай на вопросы Шамсали-мирзы со всей искренностью, потому что мы обязаны сегодня установить истину. И всем должно стать так же ясно, как уже ясно мне, кто именно донес на тебя Азиз ос-Салтане… Это обстоятельство важнее всех других, потому что настал критический момент в жизни нашей семьи. Мы стоим на грани катастрофы… И первой это должна осознать моя сестра. Ей необходимо понять, с каким человеком она связала свою судьбу, и сделать выбор между ним и нашей семьей.

Но Дустали-хан, вероятно, пропустил мимо ушей речь дядюшки и продолжал пребывать во власти своих кошмарных видений, потому что неожиданно он дико вытаращил глаза, снова прижал руки все к тому же месту и в испуге заорал:

– Ой, отрезала!… Спасите! Ножом кухонным отрезала! Острым, как бритва…

Дядя Полковник зажал ему рот рукой и прикрикнул:

– Замолчи, дурак! Не позорь нас! Ничего тебе никто не отрезал. Целый ты, невредимый!

Дядюшка Наполеон бросил на Дустали-хана презрительный взгляд:

– Что за люди пошли! Что за времена!… В меня из ружей стреляли, штыками меня кололи, саблями рубили, шрапнелью засыпали – и хоть бы раз я испугался! А тут, увидел кухонный нож – и от страха уже сам не свой!

Маш-Касем с готовностью подхватил:

– Ага-то наш, слава тебе господи, храбрый, чисто лев!… Помните, в битве при Кахкилуйе этот самый Джан-Мамад как прыгнет на вас с кинжалом!… Прямо, как сейчас, помню! Но ага одним ударом сабли мигом его пополам разрубил – от макушки до пупа!… А тут увидел человек кухонный нож и уже чуть богу душу не отдал!… Да ведь у него ничего и не отрезали-то. Уж если он сейчас так убивается, что б с ним было, если б и вправду отрезали?

Асадолла-мирза, из страха перед дядюшкой и своим братом Шамсали-мирзой усиленно сдерживавший смех, предложил:

– Надо бы посмотреть. Может, и на самом деле отрезали?

Шамсали-мирза смерил его гневным взглядом:

– Брат!

По знаку дядюшки Маш-Касем поднес к губам Дустали-

хана плошку с сэканджебином и заставил беднягу сделать несколько глотков. Шамсали-мирза собрался начать допрос, но дядюшка Наполеон жестом остановил его:

– Минутку, ваше сиятельство… Женщины и дети, марш по домам! Здесь останется только моя сестра.

Дядюшка взял мою мать за руку и отвел в сторону. Итак, он хотел, чтобы мать непременно присутствовала при допросе!

Женщины без разговоров покорно направились по домам. Я с тоской проводил взглядом Лейли, которая под черной ажурной чадрой казалась в тысячу раз красивее. Сам я тоже двинулся домой, но неожиданно громкий всплеск голосов заставил меня изменить решение, и я, крадучись, вернулся и притаился за беседкой. Шум подняла Фаррохлега-ханум, отказавшаяся выполнить дядюшкин приказ. Дядюшка Наполеон сурово сказал:

– Ханум, дорогая, вам здесь не место. Извольте уйти.

– Почему же этой ханум можно остаться, а мне, видите ли, здесь не место?

– Моя сестра имеет к этому делу непосредственное отношение.

Дядюшка, видно, забыл, что за поганый язык у Фаррохлега-ханум.

– Интересно! Азиз ос-Салтане хотела своему мужу кое-что отрезать, а оказывается, ваша сестра имеет к этому

непосредственное отношение?!

Асадолла-мирза, не в силах больше сдерживаться, пробормотал:

– К этому происшествию имеют отношение все женщины. Это событие – трагедия для всей прекрасной половины человечества!

Дядюшка сердито зыркнул на него и, сделав вид, что забыл о присутствии Фаррохлега-ханум, приказал:

– Начинайте, ваше сиятельство.

И Шамсали-мирза приступил к допросу с таким видом, будто вел разбирательство в зале суда.

– Господин Дустали-хан, назовите свое имя… простите, я хотел сказать, познакомьте нас с подробностями происшествия.

Тот, слегка приоткрыв глаза, простонал:

– Какие еще подробности?! Чуть было не отрезала – и все тут! Уже и резать начала!

– Прежде всего скажите, когда точно имело место это событие?

– Откуда я знаю? Сегодня вечером, когда же еще?! О господи, ну и вопросы!

– Господин Дустали-хан, я прошу вас указать точное время.

– Оставьте меня в покое! Не приставайте!

– Господин Дустали-хан, я повторяю свой вопрос: в

котором именно часу случилось это событие?

– Ну откуда же мне знать?! Я протокол не вел… Просто увидел вдруг, что она вот-вот отрежет.

Шамсали-мирза начал злиться.

– Дорогой мой, вы стали жертвой покушения. Замышлялось членовредительство… Обвиняемая была намерена отрезать вам… э-э… фрагмент вашего уважаемого организма, а вы не можете даже назвать час этого прискорбного события!

Дустали-хан, окончательно выйдя из себя, взорвался:

– Знаете что, ага! Я на этом, как вы говорите, «фрагменте» часы не ношу!

Асадолла-мирза оглушительно захохотал. Он так смеялся, что из глаз у него потекли слезы. На повелительные жесты дядюшки и брата, призывавших его к порядку, он лишь бормотал сквозь смех:

– Моменто… моменто…

Постепенно его смех заразил дядю Полковника, а за ним захихикал и Маш-Касем. Шамсали-мирза в гневе нахлобучил на голову шляпу:

– В таком случае, господа, разрешите откланяться. Не хочу мешать вашему веселью!

Его с трудом усадили обратно. Асадолла-мирза невероятным усилием воли взял себя в руки. Допрос возобновился.

– Господин Дустали-хан, отвлечемся от этого вопроса… Скажите, нож, о котором вы упоминали, был по форме и размерам ближе к кинжалу или к столовому ножу?

Между тем, у Дустали-хана снова началась истерика, но едва он выкрикнул: «Ой, отрезали!» – как его заставили замолчать. Чуть отдышавшись, он ответил:

– Кухонный он был! Кухонный!

Все присутствовавшие расселись на стульях вокруг Дустали-хана и внимательно слушали.

– В какой руке она держала нож?

– Ну откуда ж я знаю?! Я на это не обратил внимание.

Вместо него решил ответить Маш-Касем:

– Ей-богу, зачем же врать?! Мясник, к примеру, когда мясо режет, завсегда нож в правой руке держит – я сам видел.

Шамсали-мирза повернулся к Маш-Касему и хотел что-то сказать, но в этот момент Дустали-хан завопил:

– Мясник! А-а-а! Ты сказал: «Мясник»?! Мяс-ни-и-и-к!

Дядя Полковник снова зажал ему рот рукой, а Шамсали-мирза продолжил:

– Итак, обвиняемая, по-видимому, держала нож в правой руке. А в левой у нее что-нибудь было?

Тут уж, конечно, не утерпел Асадолла-мирза:

– А в левой она небось держала тот самый уважаемый фрагмент!…

Фаррохлега-ханум пришла в негодование и, заявив, что подобные высказывания оскорбляют ее зятя – его фамилия была Фаргемен, – в виде протеста покинула сад, хотя ей страсть как хотелось остаться, чтобы заполучить новую тему для сплетен.

Шамсали-мирза повел следствие дальше:

– Господин Дустали-хан, сейчас будьте особенно внимательны, поскольку следующий вопрос имеет огромную важность. Скажите, а в момент покушения вы… – Он замялся, а затем тоном прокурора объявил: – Для обсуждения этого вопроса я вынужден попросить очистить зал суда от посторонних.

Дядюшка Наполеон запротестовал:

– Что значит «посторонних», ваше сиятельство?! Мы здесь все свои, а сестре я скажу, чтобы пока отошла в сторонку… Сестрица, ты пойди прогуляйся, потом приходи обратно.

Моя мать, обычно боявшаяся выражать свое мнение при дядюшке, неожиданно резко ответила:

– Ага, я ухожу домой! Всему есть предел!… В мои годы не пристало играть в детские игры!

Но дядюшка властно взглянул на нее и непререкаемым тоном заявил:

– Я сказал, отойди на минутку в сторону!

У перепуганной матери не хватило смелости возразить,

и она подчинилась. Шамсали-мирза с минуту помолчал, потом поднялся с места, нагнулся к уху Дустали-хана и шепотом что-то спросил. Дустали-хан энергично запротестовал:

– Да вы что!… Господь с вами! Да чтоб я с этой старухой… Вы сами разве не знаете, какая она уродина?!

Асадолла-мирзу снова прорвало. Подмигнув, он громко сказал:

– Вопрос-то был не иначе как про Сан-Франциско! – и захохотал.

Дядюшка Наполеон, потеряв терпение, гаркнул:

– Как не стыдно! – а потом повернулся к Шамсали-мирзе: – Ваше сиятельство, основной вопрос совсем в другом. Я хочу, чтобы этот бедняга признался нам, кто сообщил его жене, что у него якобы есть молодая любовница. Вы же спрашиваете его бог знает о чем…

Шамсали-мирза поднялся со стула и надел шляпу.

– В таком случае, милостивый государь, сами и ведите допрос. А я позволю себе откланяться. Судье нечего делать там, где не уважают служителей правосудия!

Родственники суетились вокруг Шамсали-мирзы, упрашивая его не уходить, когда с крыши дома Дустали-хана раздался крик:

– Так вот куда этот негодяй смылся!… Я его сейчас в порошок сотру!

Все повернулись в ту сторону. На крыше стояла ханум Азиз ос-Салтане. Как видно, не дождавшись возвращения мужа, она отправилась на поиски.

Дядюшка крикнул:

– Не шумите, ханум! Что вы затеяли?

– Спросите лучше у этого никчемного мерзавца!… Я-то знаю, и он знает… – Не договорив, она торопливо спрыгнула с невысокой крыши к себе во двор и скрылась из виду. Дустали-хана от страха колотила дрожь.

– Сейчас она сюда придет! – вопил он. – Спасите меня!… Спрячьте куда-нибудь! – и было вскочил с места, чтобы убежать, но его заставили сесть обратно.

– Успокойтесь же… Мы все здесь, рядом… Надо в конце концов разобраться.

Но Дустали-хан все порывался вскочить и удрать, и Маш-Касем, повинуясь знаку дядюшки, крепко схватил его за плечи:

– Да ты сиди, милок, сиди… Ага наш здесь… Да и вообще, чего из-за пустяка волноваться-то…

Дустали-хан взревел:

– Ты что, тоже спятил?! Она меня чуть не убила – это, по-твоему, пустяк?!

Асадолла-мирза сказал:

– Маш-Касем имел в виду тот фрагмент, который она хотела отрезать. И он совершенно прав: вряд ли этот

предмет так уж значителен.

Маш-Касем невозмутимо подхватил:

– Я и говорю, зачем мне врать?! До могилы-то…

Дядюшка Наполеон хотел было на них цыкнуть, но не успел – в ворота с силой заколотили.

Дустали-хан вцепился в полу дядюшкиной абы:

– Душой отца вашего покойного заклинаю!… Не открывайте! Боюсь я этой ведьмы!…

В голосе его звучала такая мольба, что все на мгновенье застыли в нерешительности. А стук молотка в ворота не утихал ни на секунду. Наконец дядюшка Наполеон сказал:

– Беги, Маш-Касем, открой. Ну и позор!

Дустали-хан, трясясь от страха, почти забрался, к дядюшке под абу. Едва ворота открылись, в сад, как вырвавшаяся из клетки тигрица, влетела Азиз ос-Салтане. Неприбранная, без чадры, она, угрожающе размахивая веником, двинулась в нашу сторону.

– Где этот мерзавец? Где эта голь перекатная?… Он у меня сейчас попляшет! Места живого на нем не оставлю!…

Дядюшка Наполеон, мужественно заслоняя своим телом Дустали-хана, властно приказал:

– Замолчите, ханум!

– И не подумаю!… А вы-то тут при чем? Чей он муж: мой или ваш?

Родственники попытались ее утихомирить, но дядюшка

Наполеон поднял руку, призывая всех к тишине:

– Ханум, честь и достоинство нашей семьи выше подобных дурацких скандалов. Прошу вас, объясните, в чем дело.

– Вы лучше спросите у этого подлеца!… Пусть вам этот потаскун сам все объясняет!

– Может быть, вы скажете нам, кто сообщил вам о связи вашего супруга с некой молодой особой?

– Кто сообщил, тот сообщил!… А этот-то мерзавец, враль бесстыжий, уже год как придуривается. Я, мол, устал, заболел, сил нету, и еще не знамо чего!… А сам-то с женой мясника Ширали… Да я его на клочки разорву, паразита!…

Собрав последние силы, Дустали-хан выдавил из себя полукрик-полустон:

– О, святые, заступитесь!

Дядя Полковник, повинуясь безотчетному порыву, зажал рот Азиз ос-Салтане. Имя мясника Ширали словно пригвоздило всех к земле.

Наш квартальный мясник Ширали был человеком крайне опасным. Ростом под два метра, весь вдоль и поперек разукрашенный татуировкой, на бритой голове – многочисленные следы ножевых ран. Характер и повадки Ширали вполне соответствовали его устрашающей наружности. Рассказывали, что Ширали одним ударом своего секача отрубил голову человеку, водившему шашни с

его женой, а поскольку любовников застали в весьма неприглядной ситуации, Ширали отделался всего шестью месяцами тюрьмы. Я не раз слышал об этой истории от взрослых, сам же доподлинно помню, что лавка Ширали порой пустовала по три-четыре месяца – говорили, что мясник в это время сидел в тюрьме. По натуре он не был злобным человеком, но жену свою ревновал необычайно. Несмотря на свирепость супруга, жена Ширали, которая, по всеобщему утверждению, была одной из первых красавиц города, продолжала тайком погуливать.

Когда я однажды попросил Маш-Касема рассказать мне про Ширали, ой сказал: «Э-э, милок, зачем же врать?! До могилы-то… Ширали, он ведь на ухо туговат, пересудов людских не слышит. И до него только тогда доходит, когда он своими глазами видит, чем его женушка занимается. Ну а уж тогда кровь в нем вскипает, и он со своим секачом на людей бросается… Нынче-то, говорят, он поумнел… А когда в деревне жил, говорят, четырех дружков своей благоверной на куски порубил…»

И поэтому в тот вечер я прекрасно понял причину ужаса Дустали-хана, и изумление собравшихся в саду при упоминании имени Ширали – я сам однажды на базаре видел, как, вспылив, мясник запустил своим секачом в пекаря. Попади секач в голову, черепушка пекаря, без сомнения, раскололась бы пополам, но, к счастью, секач

врезался в дверь пекарни, и потом только сам Ширали сумел вытащить его.

Голос Асадолла-мирзы вывел из оцепенения оторопевших от страха и удивления людей:

– Моменто!… Вот уж действительно моменто!… Чтобы такой слабак, как Дустали-хан, умудрился съездить в Сан-Франциско с женой Ширали?! Боже праведный!… – И, повернувшись к Азиз ос-Салтане, продолжил: – Азиз-ханум, напрасно, честное слово, напрасно хотели вы его обкорнать! Дустали за это расцеловать следовало. Да на вашем месте за такой подвиг я наградил бы его уважаемый фрагмент именными часами!…

Но Азиз ос-Салтане было не до шуток. Она остервенело завопила:

– А ты заткнись! Тоже мне князь, вместо денег – грязь! – и замахнулась веником, но Асадолла-мирза ловко увернулся от удара.

Отойдя на безопасное расстояние, он сказал:

– Моменто, моменто! А чего вы на меня-то взъелись? Этот ишак ездит с женой Ширали в Сан-Франциско, а я почему-то должен выслушивать вашу ругань… Пусть уж ее Ширали слушает, – и закричал в сторону дома мясника: – Эй, Ширали!… Ширали!… Иди сюда!…

Дустали-хан бросился на Асадолла-мирзу и зажал ему рот.

– Умоляю вас, князь, молчите! Если этот медведь узнает, он своим секачом из меня котлету сделает.

Все загалдели, заспорили. Вопли Азиз ос-Салтане перекрывали общий шум. И в этот самый, момент я заметил, что в нескольких метрах от меня за кустом роз сидит на корточках наш слуга и так же, как я, тайком наблюдает за происходящим. Этот слуга по натуре не был человеком любопытным, и поэтому я сразу догадался, что отец, заслышав гвалт на дядюшкиной половине сада, подослал лазутчика для сбора сведений. Он и прежде поручал этому слуге подобные задания.

Увидев отцовского шпиона, я встревожился, но, увы, ничего не мог сделать. Громкий голос дядюшки Наполеона заставил остальных притихнуть:

– Ханум Азиз ос-Салтане, по праву главы нашей семьи я требую, чтобы вы сказали, кто сообщил вам, что Дустали-хан состоит в любовной связи с женой мясника Ширали?

Дустали-хан умоляюще вскрикнул:

– Бога ради, не повторяйте вы без конца это имя! Моя жизнь в опасности!

Дядюшка, учтя его просьбу, слегка изменил свой вопрос:

– Скажите, кто сообщил вам, что этот недоумок состоит в связи с женой известного нам бандита?

Азиз ос-Салтане, немного поостыв, ответила:

– Я не могу этого сказать.

– Прошу вас, скажите!

– Говорю вам – не могу!

– Ханум, я и так знаю, какой подлец и негодяй это сделал, но хочу услышать его имя от вас самой. Ради сохранения репутации нашей великой семьи, ради того, чтобы не запятнать честь вашего супруга, я требую…

Тут Азиз ос-Салтане, вновь разъярившись, запустила веником в мужа, который, повесив голову, сидел подле дядюшки Наполеона, и завизжала:

– Честь? Да какая у этого мерзавца честь?! Да чтоб мне сто лет без мужа жить!… Завтра же с самого утра пойду к Ширали и расскажу ему все, как на духу! Тогда посмотрим, что останется от этого обманщика!

Дядюшка Наполеон твердо сказал:

– Вот именно этого делать не следует. Ширали… я хотел сказать, известный нам бандит потому-то каждый раз до последней минуты не догадывается о своем несчастье, что ни у кого не хватает смелости сказать ему правду… В прошлом году мой слуга, вот этот самый Маш-Касем, всего-то и сказал ему: «Ты бы держал свою жену в узде…» – так Ширали на целую неделю забросил торговлю и сидел с секачом наготове возле наших ворот. Пришлось Маш-Касема от него прятать. А уж сколько мы его упрашивали, сколько уговаривали, пока он согласился вернуться к своим

дохлым баранам… Не так разве было, Касем?

Маш-Касем обрадовался возможности поговорить:

– Ей-богу, зачем же врать?! До могилы-то – четыре пальца!… Я ему и этого-то не сказал. Всего-навсего посоветовал: «Ты, мол, не разрешай жене своей больно часто из дому выходить». Я потому так сказал, что у него недавно со двора ковер украли. Я и хотел сказать, что, мол, ты своей жене прикажи, чтоб дома сидела, тогда и воры к вам не заберутся… А он как услышал, так от базара до самого дома за мной с секачом гнался, бандюга! Я едва успел ворота за собой закрыть, как сразу в обморок и упал… Дай бог здоровья нашему аге – они дней двадцать с ружьем меня охраняли…

Асадолла-мирза, решив, что ему пора вмешаться, серьезно сказал:

– Ханум, дорогая, бог свидетель, даже если я собственными глазами увижу, что Дустали решился на какое-нибудь непотребство, и то не поверю. Куда ему – хилый он, еле-еле душа в теле… Песок вон уже из него сыплется. Каким же образом он мог…

Азиз ос-Салтане, неожиданно снова выйдя из себя, заорала:

– А-а! Теперь уже Дустали, видите ли, и старый, и песок из него сыплется!… Говоришь, у него еле-еле душа в теле? А сам-то?! Была б у тебя душа в теле, твоя жена с тобой бы

не развелась!

Дядюшка Наполеон и дядя Полковник с трудом подавили этот новый взрыв. Шамсали-мирза сказал:

– Ага, если вы разрешите, я задам ханум Азиз ос-Салтане всего один вопрос, ответ на который внесет полную ясность в эту проблему.

Но не успел Шамсали-мирза задать этот вопрос, как в ворота снова постучали. Все переглянулись.

– Кто бы это мог быть в такой поздний час?… Касем, пойди открой.

Взоры всех присутствующих были прикованы к воротам. Маш-Касем отправился исполнять приказ дядюшки. Послышался скрип ворот, и немедленно вслед за этим – возглас Маш-Касема:

– Ох, ты ж, господи!… Ширали!…

Напряженная тишина нарушилась сдавленными стонами Дустали-хана:

– Ширали… Ширали… Шир… Ши-и-и… – И, рухнув на подушки, несчастный почти лишился чувств.

Поблескивая бритой головой, испещренной шрамами старых ножевых ран, Ширали тяжелыми шагами приблизился к сидевшим в саду. Поздоровавшись, он обратился к дядюшке Наполеону:

– Смотрю, а у вас в саду свет горит. Думаю, надо зайти поздороваться… Простите меня великодушно, ага, никак не

мог я на роузэ к вам прийти… Ездил в Шах Абдоль-Азим[12].

– Святыне поклониться – благое дело.

– Золотые ваши слова!… Я-то не за тем туда ездил. Мне надо было с плешивым Асгаром разобраться, у которого я овец на мясо покупаю. Не приведи вам господь иметь дело с такими проходимцами… Подлец всучил мне на днях больную овцу.

Дядюшка, повысив голос, сказал:

– Надеюсь, с божьей помощью вы с ним разобрались и получили назад свои деньги?

– Уж будьте спокойны, ага!… Свои-то деньги я у любого из глотки вырву. Вначале, известное дело, он отнекивался, но когда я его излупил тушей той самой овцы, он и за нее деньги вернул, да еще и на дорогу мне дал.

– А чем же она была больна, Ширали?

– Этого я не знаю, только совсем плохая была… Я все боялся, не дай бог, потом кто в квартале заболеет. Раздуло ее всю, не при вас будь сказано. Я вначале-то не докумекал, двоим-троим по куску продал… Короче говоря, вечером сегодня возвращаюсь домой, а жена мне и говорит, что, мол, вы роузэ проводили. Уж как я огорчился, что не был…. Думаю, пойду посмотрю – если не спите, загляну, скажу, что вины тут моей нету, потому как в отъезде был. Так что простите уж меня.

12

Асадолла-мирза, конечно же, не мог удержаться от озорства. Показав рукой на Дустали-хана, он сказал, обращаясь к Ширали:

– Тут вот господин Дустали-хан как раз о вашем здоровье справлялся… Очень он к вам расположен. Ровно за минуту до вашего прихода о вас вспоминал.

Дядюшка с удовольствием оборвал бы Асадолла-мирзу, потому что видел, в каком плачевном состоянии пребывает Дустали-хан, и так же, как и все мы, понимал, что шуточки Асадолла-мирзы могут выйти Дустали-хану боком, но не находил возможности вмешаться. А князя уже понесло.

– Вот вы, Ширали, сказали, что овца эта вся раздулась. Так вы ее ножом резали или секачом?

К счастью, глуховатый Ширали не разобрал вопроса. Зато Дустали-хан при этих словах схватился руками за низ живота, и с его трясущихся, побелевших губ сорвался жалобный стон.

Дядюшка строго глянул на Асадолла-мирзу:

– Асадолла, постыдись! – А затем громко обратился к Ширали: – Как бы там ни было, спасибо, что зашли… Даст бог, в следующий раз вместе с нами на роузэ посидите.

– За честь почту. Самого вам наилучшего. – И, по очереди попрощавшись со всеми, Ширали благополучно отбыл.

Закрыв за ним ворота, Маш-Касем вернулся и вздохнул

с облегчением:

– Слава богу, он и не догадался, что господин Дустали-хан… то есть я очень даже боялся, как бы…

Дядюшка, выбитый из колеи визитом мясника, сердито оборвал его:

– Еще один оратор выискался!… Я считаю, что нам лучше отложить продолжение этого разговора на завтра. И конечно, я не успокоюсь, пока не докопаюсь до истины! – Повернувшись к Азиз ос-Салтане, он распорядился: – Ханум, вы тоже идите к себе, отдыхайте до утра.

Азиз ос-Салтане окликнула мужа:

– Подымайся, пошли домой!

Только что очухавшийся от нервного потрясения, Дустали-хан с круглыми от ужаса глазами изумленно переспросил:

– Что?… Домой?… Чтоб я с тобой вошел в дом?!

– Я при Ширали ни слова не сказала, потому что должна сама с тобой разобраться. Но сегодня я тебя не трону. Подымайся, чтоб тебя черти взяли! Иди спать!

– Да я лучше под секач Ширали лягу, чем вернусь с тобой обратно в…

Дядюшка Наполеон перебил его:

– Ханум, пусть уж сегодня Дустали переночует у меня, а завтра поговорим.

Азиз ос-Салтане собралась было запротестовать, как

вдруг в ворота снова постучали. Потом раздался голос Гамар, толстой и придурковатой дочери Азиз ос-Салтане:

– Маменька моя здесь?

Войдя в сад и увидев свою мать и Дустали-хана, Гамар глупо захихикала:

– Ну как, маменька, отрезали вы папе Дустали его бутончик?

Азиз ос-Салтане сердито прикрикнула на нее:

– Гамар! Как тебе не стыдно!

Дустали-хан, увидев падчерицу, завопил:

– Когда эта ведьма гналась за мной с ножом, ее дочечка кричала: «Отрежь, маменька, отрежь!…» Девицу эту тоже надо в тюрьму упечь!

Все зашумели, пытаясь утихомирить супругов. А Гамар, звонко хохоча, спросила мать:

– Неужто не отрезали?

Заливаясь смехом, Асадолла-мирза заговорил с Гамар, как с маленькой:

– Ты ж наша умница!… А если твой муж будет плохо себя вести, ты ему отрежешь?

– Конечно, отрежу.

– Под корень?

– Под корень!

– Ни кусочка не оставишь?

– Ни кусочка!

Громовым голосом Азиз ос-Салтане заорала:

– Ни стыда, ни совести! Учит ребенка бог знает чему, а она это завтра при женихе своем повторит!… Господи, боже ты мой! Да чтоб я сто лет без родни на свете жила! Вы кто, родственники или гадюки ядовитые?!

Но Асадолла-мирза не такой был человек, чтобы сдаться без боя.

– Моменто, моменто! Погодите, ханум. Если вы не одобряете взгляды вашей дочери, почему же сами собирались обкорнать несчастного сиротку?! Если б он вовремя не опомнился, был бы сейчас святейшим евнухом!

– Ишь ты, куда повернул! Князь голозадый!… Что я, по-твоему, не могу собственным мужем распоряжаться?! Да тебе-то что? Может, ты начальник полиции?…

Асадолла-мирза тоже начинал терять самообладание. Перекрывая шум, поднятый родственниками, старавшимися положить конец ссоре, он крикнул:

– Моменто, моменто!… Мне вообще на все это наплевать! Провались он вместе со своим уважаемым фрагментом!…

Никто никогда не слышал, чтобы Асадолла-мирза так кричал, и от неожиданности все притихли. Но Асадолла-мирза, не в силах совладать со своей озорной натурой, воспользовался общим молчанием. Достав из кармана миниатюрный перочинный нож, он открыл его и уже гораздо

спокойнее сказал:

– Прошу вас, ханум, в следующий раз возьмите этот ножичек, потому что кухонным там делать нечего!

Гамар залилась идиотским смехом. Азиз ос-Салтане, трясясь от злости, завизжала:

– Дура я, дура, что стою тут и еще разговариваю с этим охальником, с рожей этой бесстыжей!… Пошли отсюда, деточка! – и, схватив Гамар за руку, потащила дочку к воротам.

Гамар, плетясь за матерью, сквозь хохот повторяла:

– Жалко, маменька, что так и не отрезали. Вот смеху было бы!…

Покачав головой, Маш-Касем сказал:

– Ей-богу, зачем врать?! Да я б на этой Гамар-ханум и за миллион не женился!… Господи, спаси и помилуй ее будущего мужа!

Дядюшка из-за того, что его план сорвался, и моего отца опозорить не удалось, пребывал в подавленном настроении. Сидевшие вокруг ожидали его решения. Шамсали-мирза, все это время молчавший, поднялся со стула и заявил:

– В общем, только время зря потеряли, а результатов – никаких. Следствие и допрос в подобной обстановке бессмысленны. С вашего разрешения я откланяюсь. Асадолла, пошли!

Асадолла-мирза, которому явно не хотелось уходить, встал и, прощаясь, сказал:

– Ну, я пошел… Надеюсь, господь услышал наше сегодняшнее роузэ… Дай бог, Дустали-хан будет сегодня спать спокойно и не увидит во сне ни львов, ни других страшных зверей. И дай бог, чтобы все пять его конечностей вечно пребывали в целости и сохранности. Аминь!

Шамсали-мирза и Асадолла-мирза вышли за ворота, дядюшка Наполеон тоже направился к дому.

– Вставай, Дустали! Подымайся! Сегодня у меня ночевать останешься. До утра мы с тобой что-нибудь придумаем.

– Ни за что я тут не останусь, – выкрикнул Дустали-хан. – Уйду.

– Да куда ты уйдешь, дурачок? Вставай, хватит вздор городить!

– Не останусь!… Не останусь… Видеть никого не хочу! Мне вся ваша семья поперек горла стоит!… Все вы убить меня хотите! Убийцы!…

Дядюшка Наполеон потерял терпение:

– Заткнись, Дустали! Сейчас же вставай и иди в дом, не то прикажу Маш-Касему – он тебя палкой туда загонит!

Дустали-хан притих и поплелся за дядюшкой и Маш-Касемом. Моя мать ушла самой первой и, едва войдя в дом, тотчас легла спать. Я, крадучись, пробрался к своей постели.

Отец, уверенный, что все в доме уже спят, сидел в углу и тихонько о чем-то разговаривал с нашим слугой. Я залез под москитную сетку и прислушался. Как я уже догадался, отец действительно посылал слугу в сад со шпионским заданием, и сейчас тот давал отчет о недавних событиях. Отец то и дело перебивал его, говоря: «Это я и сам слышал». Я понял, что отец не ограничился засылкой разведчика и сам также прятался где-то неподалеку от дядюшкиной беседки.

Когда отец наконец улегся, я услышал, как они тихонько переговариваются с матерью:

– Господом богом тебя заклинаю, – с отчаянием и тревогой шептала мать, – подумай хоть обо мне! Уступи ты ему, не лезь на рожон!… Теперь до того уже дошло, что брат и на меня злится.

– Ай-я-яй! До чего ж он благородный, до чего ж почтенный этот твой брат! И вообще, о котором брате ты говоришь?… О герое битвы при Казеруне?… О Наполеоне нашего времени? О человеке с железной волей? О благочестивом мусульманине?… Ну, конечно, конечно, он у тебя богобоязненный. Сегодня вот роузэ устроил, почтил память Мослема ибн Акиля!… Ай, молодец!… То-то про него говорят, набожный! То-то про него говорят, бесстрашный и отважный!… Родную сестру опозорил!… Ну, подожди! Завтра все по-иному повернется! Да, кстати, приготовь-ка завтра на ужин зеленый плов с рыбой… Я

давно уже обещал мяснику Ширали угостить его зеленым пловом.

Так ничего и не добившись мольбами и уговорами, мать в конце концов расплакалась.

Глава пятая

Мной овладели грусть и растерянность. Я уже не надеялся, что ссора между дядюшкой и отцом когда-нибудь закончится миром… Боже мой! Почему я раньше не ценил те прекрасные времена, когда дядюшка и отец сидели на подушках под сводами увитой шиповником беседки, потягивали кальян и играли в нарды, а дети весело носились до саду. Мне и Лейли нравилось, устроившись возле беседки, наблюдать, как играют наши отцы. Пожалуй, нам было не столько интересно следить за самой игрой, сколько слушать, как они читают при этом стихи и похваляются друг перед другом. Когда дядюшке везло, он долго тряс в руке игральные кости, и, прежде чем бросить их, поглядывал на отца, и нараспев декламировал из «Шах-наме»: «Ты не гнался бы за славой боевой, а шагал бы себе мирно за сохой». В ответ отец нетерпеливо кричал: «Бросайте же, ага! Цыплят по осени считают». А когда везло ему самому, отец серьезным тоном обращался к Лейли: «Лейли-джан, можно тебя кое о чем попросить?» – и Лейли простодушно

отвечала: «Да, конечно». Тогда отец все так же серьезно говорил: «Пойди к своей матушке и от моего имени попроси ее принести твоему отцу несколько орехов. Пусть лучше в орехи играет!» И мы с Лейли покатывались со смеху.

Я и поныне помню дни, когда нас возили в Логанте. От нашего дома до Логанте было совсем недалеко – сейчас на машине поездка заняла бы минут пятнадцать – двадцать, но в те годы путешествие длилось целый час. Нередко на козлах рядом с кучером восседал Маш-Касем, потому что вечером на обратной дороге ему полагалось освещать наш путь фонарем. Электрические лампочки на улицах были такими тусклыми, что их самих-то почти не было видно, а рытвины и ямы попадались на каждом шагу. У меня до сих пор остались щемящие и сладостные воспоминания о том, как мы ели в Логанте мороженое и иногда катались на лодке по пруду. Тогда я не понимал еще всего счастья общения с Лейли, но в ту ночь, когда я вернулся с дядюшкиного роузэ, у меня перед глазами одна за другой оживали картины недавнего прошлого, дни, которые я провел рядом с моей возлюбленной.

Поездки к святыне Шах Абдоль-Азим, паровозные гудки, путешествия к гробнице святого Давуда… Воспоминаниями о днях, проведенных с Лейли, можно было бы заполнить всю мою жизнь. Но тогда Лейли была для меня всего лишь дочерью дядюшки, а воспоминаний о встречах с

Лейли-возлюбленной не хватило бы и на час. Почти в тот же миг, как я влюбился в Лейли, начались бесконечные беды. Черт бы побрал подозрительный звук, прервавший рассказ дядюшки о его боевых подвигах!… Черт бы побрал вора, забравшегося в дядюшкин дом!… Черт бы побрал дядюшкин, патриотизм!… Черт бы побрал полковника Ляхова, упомянутого отцом!… И, в довершение всего, черт бы побрал идиотское покушение Азиз ос-Салтане!… Получилось так, словно в нашу чистую детскую любовь вторглись самые разные люди и события. Даже мясник Ширали, и тот оказался причастным. И теперь, когда я мечтал о Лейли, мои мысли невольно обращались к покушению Азиз ос-Салтане на «уважаемый фрагмент» Дустали-хана, а затем и к Ширали. Самое большое несчастье заключалось в том, что я не мог больше видеться с Лейли и был вынужден довольствоваться лишь мыслями о ней, а стоило мне начать о ней думать, как рано или поздно я вспоминал о мяснике.

Я проснулся от громкого стука в дверь. Кто-то звал отца. Я прислушался.

– Простите, ради бога, что побеспокоил в неурочный час… Я просто хотел выяснить, мираб выполнил ваше распоряжение или нет?

– Огромное вам спасибо, господин Разави! С вами не пропадешь… И питьевой водой впрок запаслись, и водой для

поливки сада, и бассейн наполнили.

– Это нелегко было устроить. Для того, чтобы пустить воду на ваш участок на сутки раньше очереди, мираб должен был лишить очереди кого-то другого из квартала, а это – дело хлопотное. Но ваше слово для нас закон.

– Премного благодарен, господин Разави. Будьте спокойны, до конца недели вопрос о вашем переводе будет решен. Сегодня же вечером я поговорю с господином инженером.

Как только Разави ушел, мы вскочили с постелей. Бассейн посреди двора был полон до краев. Отец, с удовольствием поглядывая на чистую воду, расхаживал по двору. Мы, вытаращив глаза от изумления, ждали, когда он что-нибудь скажет. Наконец с довольной усмешкой отец заговорил:

– «И поразила стрела глаз закованного в кольчугу Шемра[13], и стала пустыня Кербёлы изобильна водою. И только земля за пустыней осталась безводной…» Придется господину полковнику брать у нас воду взаймы по бурдюку.

Я так и обмер. Водой мы теперь были обеспечены, но я знал, что дядюшка Наполеон жестоко отплатит отцу за это свое поражение. Я с беспокойством кинул взгляд на другую половину сада. Там пока все спали.

После прошедшего в полном молчании завтрака я

13

выскользнул в сад и, прячась за деревьями, подобрался к дядюшкиному дому. Вдруг с выходившего в сад балкона, где в летнее время дядюшка ночевал, раздался какой-то шум. Я тотчас юркнул за дерево.

Голос дядюшки прерывался от злости, слова с трудом слетали с губ. Я взобрался на пригорок, откуда был хорошо виден весь балкон. Дядюшка стоял в ночной рубахе, на шее у него висел полевой бинокль. Рассматривая в бинокль наш бассейн, дядюшка поносил Маш-Касема:

– Болван! Предатель!… Пока ты дрых, ему воду пустили… Маршал Груши предал Наполеона в битве при Ватерлоо… И ты – не лучше: предал меня в разгар войны с этим дьяволом!

Стоявший у него за спиной Маш-Касем виновато понурил голову и умоляюще заскулил:

– Ага, бог свидетель, нет тут моей вины. Чего мне врать?! До могилы-то…

– Если бы в тот день во время Казерунской битвы я знал, что ты когда-нибудь предашь меня, как предал своего командира маршал Груши, не стал бы, рискуя собственной жизнью, спасать тебя от неминуемой смерти, бросил бы тебя там лежать, не тащил бы на спине!

– Да чтоб мне на месте провалиться! Не виноватый я! Зачем мне врать, ей-богу! А этот ваш господин Груша – откуда я знаю, что он был за человек? Что до меня, так я вам

по гроб жизни благодарен. Пусть еще хоть сто раз придется в бой идти, все равно буду вам служить до последней капли крови… А тут они меня провели, это точно! Вчера в наш квартал вообще не должны были воду пускать… Наверняка мирабу в карман кой-чего положили… Наша-то очередь только сегодня вечером. Я спал, а они пришли и запруду раскидали…

Дядюшка еще несколько минут костерил Маш-Касема. Как он только его не обзывал! И предателем, и шпионом, и продажной шкурой, и английским наемником… Потом дядюшка повернулся и ушел с балкона в дом. Маш-Касем поплелся следом, хныкая и умоляя простить его. Хотя я знал, что дядюшка направился разрабатывать план страшной мести моему отцу, мне в первую очередь было жалко Маш-Касема. Вернувшись домой, я застал нашу служанку за разделкой копченой рыбы. Я подумал, что отец, кажется, и в самом деле намерен позвать вечером Ширали.

В нижней комнате мать разговаривала с отцом.

– Хочешь угощать Ширали зеленым пловом, угощай! Только, памятью твоего покойного отца заклинаю, не заводи ты с ним разговор об этой истории… Ширали – бандит, сумасшедший! Зарежет он кого-нибудь, а ты потом виноват будешь… Ты Азиз ос-Салтане рассказал – и угомонись. Она одна семерых таких, как бедняга Дустали, со свету сживет…

– Я ничего Азиз ос-Салтане не говорил. Но если бы

знал, непременно сказал бы. Зачем же скрывать от мира великие дела благородного семейства? У вас же в семье все – избранные, все – аристократы. То-то теперь этот цвет иранской аристократии от стыда в глаза людям не смотрит! Помилуйте, как можно! Человек из знатного рода спутался с бабой из низкого сословия! Да такого за то, что запятнал честь аристократа, надо стереть с лица земли!

– Ненаглядный ты мой, свет очей моих, себя-то хоть пожалей. Ведь если ты хоть слово бандиту этому скажешь, он тебя же первого своим секачом изрубит!

– Во-первых, ты еще не знаешь, о чем я собираюсь поговорить с Ширали, во-вторых, если я захочу открыть ему правду, для этого у меня есть и другие возможности, в-третьих, я не дитя малое и сам соображаю, что делаю… и, в-четвертых, мне надоело все тебе объяснять!

И не обращая внимания на мать, отец куда-то ушел.

А я отправился дописывать любовное послание Лейли.

Я уже потратил на это произведение, наверное, часов двадцать, но качество меня по-прежнему не удовлетворяло и отослать его я не решался.

Около полудня мое внимание привлек шум, доносившийся со стороны дядюшкиного дома.

Выйдя в сад, я узнал, что произошло еще одно совершенно непредвиденное событие. Среди ночи пропал без вести Дустали-хан. С вечера ему выделили в

дядюшкином доме комнату, и он улегся там спать. Утром, когда пришли звать его на завтрак, обнаружили, что он бесследно исчез. По распоряжению дядюшки домочадцы обзвонили и обошли всех родственников, но Дустали-хан так и не нашелся.

Поиски продолжались весь день. Безрезультатно. Уже на закате, услышав вопли Азиз ос-Салтане, я подобрался поближе к дядюшкиному дому. Вероятно, от страха перед Азиз ос-Салтане дядюшка где-то прятался, и она, застав во дворе только Маш-Касема, за неимением лучшего напала на него.

– Сгубили моего мужа!… На тот свет его спровадили! Да я вам всем покажу, окаянные!… Бедный мой муженек! Убили его, небось… В колодец, небось, бросили… Дустали ведь у меня сам-то никуда б не ушел. Так где же он?!

– Ей-богу, зачем мне врать?! До могилы-то… Я своими глазами видел, как муж ваш в той комнате спать лег… Наверно, вышел куда-нибудь погулять… Да, ей-богу, ага больше вашего разволновался!

– Думай, что говоришь, дурья башка! Куда это он пошел бы гулять в ночной рубашке?! – И для пущей убедительности грозя пальцем, Азиз ос-Салтане заявила: – Скажи своему хозяину, что он моего мужа вчера силой оставил тут ночевать, так что, где б вы его сейчас ни прятали, утром выдайте его мне живым и здоровым! Не то

завтра же пойду в полицию, пойду в сыскное управление, встану прямо перед машиной министра юстиции… – И, громко хлопнув дверью, Азиз ос-Салтане вышла в сад. Она уже приближалась к воротам, когда перед ней, словно из-под земли, вырос мой отец:

– Ханум, дорогая, да вы не волнуйтесь! Дустали, он не такой человек, чтобы далеко от дому уйти… Давайте я лучше вас чайком угощу… Нет, нет, как так можно?! Обязательно зайдите, выпейте чаю…

Азиз ос-Салтане неожиданно расплакалась и, шагая за отцом к нашему дому, сквозь всхлипывания запричитала:

– Я знаю, они его где-то заперли и держат!… Они с самого начала и меня и мужа моего ненавидели!…

Отец, провожая ее в гостиную, с напускным участием воскликнул:

– Бедная вы моя!… Бедняга Дустали-хан!… Только не надо волноваться, он обязательно объявится.

Они вошли в гостиную, и отец закрыл за собой дверь. Я немного покрутился во дворе, ожидая, когда они выйдут, но, так и не дождавшись, вернулся в дом и прижался ухом к двери. Азиз ос-Салтане говорила:

– Вы правы. Мне надо будет сказать, что его убили… У них и на самом деле были споры из-за земли… Пока не начнешь действовать силой, они ни за что не признаются, где его прячут… Да, завтра же с утра и пойду… К кому вы

сказали лучше обратиться?

Отец тихо назвал какое-то имя, потом погромче добавил:

– Это прямо в здании полицейского управления… Как войдете, сразу – направо, спросите службу безопасности, сыскное отделение…

После ухода Азиз ос-Салтане отец приказал слуге, чтобы тот пошел и пригласил на ужин Ширали, но мать принялась так причитать и умолять отца не делать этого, что он в конце концов смилостивился и ограничился тем, что послал Ширали судок с зеленым пловом и рыбой.

Через некоторое время к нам заглянул дядя Полковник. Он, абсолютно ни в чем не повинный, пострадал больше других – деревья и цветы вокруг его дома сохли на корню. До сегодняшнего утра он надеялся, что, оставшись без воды, мой отец пойдет на попятный, но тот, как известно, ухитрился пополнить наши водные ресурсы, а дядюшка Наполеон явно собирался продолжать свою блокаду по меньшей мере еще неделю. Когда я увидел дядю Полковника, в моей душе затеплилась надежда. Мы с ним оба были заинтересованы в прекращении этой войны: дядя думал о своих многочисленных цветах, а я – о моем единственном цветке – Лейли.

Но увещевания и просьбы дяди Полковника на отца не подействовали. Он несколько раз повторил:

– Пока тот не попросит у меня прощения в присутствии всех родственников, я не отступлю ни на шаг.

А дядя Полковник прекрасно знал, что его брат ни за что на свете не будет просить прощения. Лишь на одну свою просьбу дядя Полковник получил от отца более или менее приемлемый ответ. Когда дядя, заметив, что у отца теперь вода запасена впрок, сказал, что хорошо бы открыть дорогу воде и на его участок, отец ответил:

– Если ага пустит воду ко мне, я пущу ее дальше к вам.

Это обещание заставило дядю Полковника вмиг забыть обо всех тревогах. Он тотчас прекратил повторять, что из-за тебя, мол, у меня цветы погибнут, что я, мол, пекусь о семейном единстве, и, обрадованно улыбаясь, пошел к себе домой.

Но перед тем, как уйти, он все-таки успел взять с отца слово, что тот забудет про историю с вором, так напугавшим дядюшку Наполеона, а взамен пообещал, что приложит все усилия, чтобы уговорить дядюшку извиниться.

Когда я услышал, как мой отец дает слово, я понял, что он уже истосковался по партии в нарды с дядюшкой Наполеоном. У нас в семье все умели играть в нарды, но отец играл только с дядюшкой, и с того дня, как между ними вспыхнула вражда, ни из дядюшкиного дома, ни из нашего не доносилось больше знакомое щелканье игральных костей. Я додумался даже до того, что будто бы в глубине души

дядюшка и отец, сами того не зная, любят друг друга, но эта дурацкая мысль тотчас же заставила меня рассмеяться.

Когда стемнело, отец пошел к доктору Насеру оль-Хокама. Мать сидела с задумчивым и печальным видом. Я подсел к ней. Стоило мне заговорить о последних событиях, бедняжка расплакалась и сквозь слезы сказала:

– Ей-богу, лучше бы мне умереть, только б ничего этого не видеть.

Ее слезы подействовали на меня так сильно, что я почти забыл о собственных переживаниях. Всхлипывая, мать говорила:

– А я-то мечтала, когда ты подрастешь, когда тебе и Лейли по двадцать лет будет, поженим мы вас…

От смущения я залился румянцем и с трудом сдержал слезы, готовые вот-вот закапать из глаз.

Потом я вернулся к себе в комнату и погрузился в размышления. Итак, я любил Лейли. Между нашими отцами возник серьезный конфликт, а я до сих пор ничего не сделал для его разрешения. Конечно, верно, что четырнадцатилетнему пареньку подобная задача не по плечу, но если этот паренек влюблен по-взрослому, он должен и защищать свою любовь, как взрослый. И вот я ломал себе голову: что же я могу сделать? Не в моих силах приказать отцу или дядюшке, чтобы они прекратили ссору. Эх, было бы мне столько же лет, сколько Пури, тогда бы я

женился на Лейли, и мы бы с ней уехали подальше отсюда! Но, увы, пока что я еще слишком мал. И тем не менее… тем не менее… если я напрягу все свои умственные способности, может быть, мне удастся найти выход из этой запутанной ситуации и помирить дядюшку с отцом… И тут я понял: мне нужно найти себе единомышленника и союзника!

Но сколько я ни перебирал в уме разные кандидатуры, так и не мог остановиться ни на ком, кроме разве что Маш-Касема. А почему бы действительно мне не открыть свою тайну Маш-Касему – он ведь и вправду хороший человек – и не попросить его помочь? Но согласится ли он?

Я потихоньку вытащил из маминого кошелька монетку в один риал и, сказав, что мне надо купить тетрадку, побежал на базар. Там я купил свечку и, зайдя в маленькую мечеть неподалеку от базара, зажег ее.

– Господи! Во-первых, прости меня за то, что я поставил эту свечку на краденые деньги, а во-вторых, помоги уладить ссору между дядюшкой и отцом или сам ее уладь!

Я был уверен, что если бог пожелает мне помочь, то выберет второй предложенный мною путь, то есть будет действовать сам – первый вариант я предложил всевышнему просто из вежливости. Как бы то ни было, я попросил бога прежде всего отыскать пропавшего без вести Дустали-хана.

Рано утром в дверь нашего дома постучали. Я

проснулся и прислушался. Отец разговаривал с аптекарем. Отцу принадлежала небольшая аптека возле базара, но все дела в ней вел другой человек, которого и называли аптекарем. Он получал от отца скромное жалование и, кроме того, участвовал в прибылях от торговли лекарствами, а отец взамен был избавлен от забот и регулярно в конце месяца клал в карман выручку.

В голосе аптекаря звучало волнение и тревога:

– Вчера проповедник Сеид-Абулькасем заявил в мечети прямо с минбара[14], что в нашей аптеке все лекарства и микстуры делаются на спирту и на водке и пользоваться ими – грех! Ума не приложу, какой негодяй распустил такие слухи! Прошу вас, займитесь этим без промедления, придумайте что-нибудь… Сеид-Абулькасем арендует дом у брата вашей жены. Вы бы поговорили со своим шурином, чтобы он помог утихомирить арендатора, потому что, я уверен, больше никто и через порог нашей аптеки не переступит.

Отец молчал, и аптекарь продолжил:

– То, что лекарства перестанут покупать, это еще полбеды. Но ведь может случиться, что жители квартала подожгут аптеку, а меня разорвут на части!

– Я знаю, чьих рук это дело! – вскипел отец. – Такое ему устрою, что и внуки и правнуки помнить будут! А вы,

---

14

пока я все не улажу, не обращайте внимания.

– Но я теперь боюсь ее даже открывать!

Речь отца о необходимости проявить отвагу и упорство не возымела никакого действия. В конце концов отец сдался:

– Хорошо, сегодня аптеку не открывайте, подождем до завтра, посмотрим, как дело повернется… Но на дверь обязательно повесьте объявление…

– А что в нем написать?

– Не знаю, но что-нибудь религиозного содержания… Например, можно написать, что аптека временно закрыта в связи с паломничеством аптекаря к святым местам в Кум… Потому что, если вы это не напишете, они какую-нибудь новую пакость придумают.

– Как прикажете. Только, пожалуйста, не забудьте поговорить с вашим шурином, чтобы он повлиял на проповедника.

Стиснув зубы, отец процедил:

– Да, да, я обязательно что-нибудь ему скажу… Я с ним так поговорю, что из него не один, а семь шуринов получится…

Аптекарь, по всей видимости, не поняв последние слова отца, ушел, а отец принялся нервно расхаживать по двору.

В лагере противника царила мертвая тишина. Вероятно, после удачной атаки Сеид-Абулькасема армия неприятеля отдыхала. В саду не появлялся даже Маш-Касем. Он,

наверно, полил цветы рано утром и уже ушел. Эта цепенящая тишина меня беспокоила. Несколько раз я подкрадывался к дверям дядюшкиного дома, но и оттуда не доносилось ни звука. Наконец я увидел Маш-Касема, он приближался по улочке к воротам, неся купленное на базаре мясо.

– Маш-Касем, про Дустали-хана что-нибудь слышно?

– Э-э, милок, зачем мне врать?! Бедняга как сквозь землю провалился. Все вокруг обыскали – нет его!

– Маш-Касем, необходимо что-то придумать. Азиз-ханум собиралась сегодня пойти в полицию. Она думает, что Дустали-хана в вашем доме убили.

– Ох ты ж, господи! Теперь, неровен час, к нам сыщики да полицейские нагрянут! – И не дав мне договорить, он опрометью бросился домой.

Через час я снова увидел Маш-Касема в саду. Поравнявшись со мной, он сказал:

– Милок, я знаю, ты тоже хочешь, чтобы эта ссора кончилась… Ага всем приказал, если придет сыщик, ни слова не говорить, что Дустали-хан водил знакомство с женой Ширали, и про то, что Азиз ос-Салтане собиралась ему – да минует нас чаша сия! – честь отрезать, тоже, молчать велел. Так что ты помалкивай!

– Не беспокойся, Маш-Касем, я ничего не скажу, но…

Маш-Касем, опять не дослушав меня, поспешно

вернулся в дом.

Ближе к полудню у нас во дворе раздался визгливый голос Азиз ос-Салтане:

– Теперь они узнают, с кем имеют дело!… Оказалось, что начальник уголовной полиции с моим покойным отцом в приятелях был… Он говорит: пришлю к вам инспектора Теймур-хана, еще до полудня придет. Это тот самый сыщик, что поймал Али-Асгара… того, который целую кучу народа поубивал… А уж какое мне уважение оказали!… Ханум, говорит, не волнуйтесь, инспектор Теймур-хан за сутки вашего мужа отыщет – живого или мертвого… Система инспектора Теймур-хана, говорит, и за границей известна…

Отец провел Азиз ос-Салтане в гостиную и закрыл дверь. Сгорая от любопытства, я подбежал к двери гостиной.

– Ханум, дорогая моя, – говорил отец. – Мой вам совет, твердите, что Дустали-хана убили. Скажите, что его тело закопали под большим кустом шиповника. Потому что, если полицейские решат выкорчевать куст, ага тотчас признается, где он прячет вашего мужа. За этот шиповник ага душу отдать готов. Он его больше детей родных любит…

– Но ведь, чтобы закопать такого видного мужчину, как мой Дустали, пришлось бы глубокую яму вырыть А вокруг шиповника-то земля нетронутая – кто же поверит?

– Об этом вы не беспокойтесь. Я ведь к вам всей душой расположен и хочу, чтобы Дустали-хан скорее отыскался,

так что все необходимые меры уже предпринял. Главное – чтобы срочно нашли Дустали-хана, потому что, вы сами это лучше меня знаете, его родня мечтает вас с ним развести, чтобы женить на их сестре, на той старой деве, которую еще много лет назад замуж за него прочили.

– Ишь чего захотели! Как же, держи карман шире! Ту старую перечницу разве что Азраил[15] себе возьмет! Я их всех так расчехвощу, что об этом еще и в книгах напишут! Сначала с агой счеты сведу, потом и до остальных доберусь!… А уж князя этого голозадого и вовсе изничтожу! Будет ему «моменто, моменто»!

Почти вслед за этими словами придурковатая Гамар ввела в сад знаменитого сыщика, инспектора Теймур-хана. Отец вышел ему навстречу:

– Добро пожаловать, господин инспектор. Прошу вас, входите… Сынок, быстро принеси чаю!

– Премного благодарен… Но при исполнении служебных обязанностей чай не пью! – сухо отказался инспектор. У него была весьма примечательная наружность. Голова и руки огромные, как у людей, страдающих слоновой болезнью. Пенсне на его необъятном лице казалось совсем крошечным. Он говорил по-персидски со странным акцентом, похожим на индийский.

Опираясь на трость и уставившись в одну точку,

15

инспектор сказал:

– Осмелюсь доложить, что… Лучше сразу же начать розыск. Ханум, прошу вас, проводите меня на место преступления.

– Пожалуйста, пожалуйста, вот сюда.

Но отец не собирался так просто отпускать сыщика:

– Если вы мне позволите, инспектор, я хотел бы разъяснить вам некоторые обстоятельства…

Теймур-хан сухо прервал: его:

– Осмелюсь доложить, что… Никаких разъяснений мне не надо!… Если понадобится, я расспрошу вас позже, – и следом за Азиз ос-Салтане двинулся к дому дядюшки.

Я и Гамар пошли за ними. Будь что будет, решил я, но надо узнать все до конца, даже если это и вызовет недовольство дядюшки. А кроме того, я надеялся, что хоть мельком снова увижу Лейли.

Маш-Касем осторожно приоткрыл входную дверь. Азиз ос-Салтане оттолкнула его:

– Пошел вон! Это господин сыщик из уголовной полиции!

Не оказав ни малейшего сопротивления, Маш-Касем отступил в сторону. В те времена люди, не только подобные Маш-Касему, но и занимавшие куда более высокое положение, были очень почтительны с полицией. Инспектор Теймур-хан, Азиз ос-Салтане, а за ними Гамар и я вошли в

дом дядюшки. Дядюшка, видно, поджидал прихода сыщика, потому что вырядился в военный мундир и «наполеоновские» трикотажные рейтузы, а поверх всего этого накинул на плечи абу. Рядом с ним был и Шамсали-мирза. Я понял, что, узнав о возможном визите инспектора, дядюшка, чтобы не остаться в одиночестве, немедленно призвал к себе Шамсали-мирзу, который, как известно, некогда служил в Хамадане следователем, а теперь вот уж сколько времени ожидал нового назначения. Едва сыщик вошел, дядюшка представил ему Шамсали-мирзу, назвав его «следователем из Хамадана». Теймур-хан поздоровался, но особого уважения не проявил. Увидев меня, дядюшка указал пальцем на дверь:

– А вы вон отсюда!

Но не успел я сделать и шагу, как сыщик запротестовал:

– Нет, нет… пусть останется! – И немедленно приступил к следствию: – Осмелюсь доложить… Скажите, в какой комнате убитый провел последнюю ночь в своей жизни?

Дядюшка и Шамсали-мирза хором изумились:

– Убитый?! Дустали-хан?!

Сыщик тоном человека, поймавшего вора за руку, завопил:

– А откуда вы знаете, что, сказав «убитый», я имел в виду Дустали-хана?… Ну ладно. – И стремительно

повернувшись к Азиз ос-Салтане, попросил: – Покажите мне комнату убитого.

Дядюшка попытался возразить:

– Но, инспектор…

Сыщик оборвал его:

– Молчать!… Вмешиваться в расследование запрещается!

Азиз ос-Салтане со скорбной миной ответила:

– Да откуда ж мне знать, господин инспектор?! Если б я, несчастная, знала, куда моего мужа ночевать отправили, небось и не горевала бы сейчас… Может, Маш-Касем…

Сыщик резко перебил ее:

– Кто тут Маш-Касем?

Маш-Касем смиренно опустил голову:

– Э-э, зачем мне врать?! До могилы-то… Я и есть Маш-Касем. Рад буду услужить.

Теймур-хан смерил его подозрительным взглядом:

– Осмелюсь доложить… Кто тебе сказал, что ты врешь?! Может, и на самом деле соврать собрался?… Отвечай! Отвечай!… Говори! Не молчи! Может, тебя подучили, чтоб ты врал? А ну отвечай! Быстро, немедленно, срочно!

– Да, ей-богу, зачем мне врать?! Вы у меня еще ничего и не спросили.

– Тогда зачем врать?

– А зачем мне врать?! До могилы-то… ать, ать… Всего четыре пальца!… Почему ж это я соврал?

– Я не спрашиваю, почему ты соврал, а спрашиваю, почему сказал «зачем врать»?

Азиз ос-Салтане вмешалась:

– Извините, господин инспектор… У него привычка такая. Что его ни спроси, он всегда в ответ говорит: «Зачем мне врать?!»

– Ладно. Итак, Маш-Касем, где провел последнюю ночь убитый?

– Зачем мне врать?! Убитый в ту ночь в этой самой комнате…

Сыщик поверх пенсне уставился в глаза Маш-Касему:

– Так, значит, ты признаешь, что он убит… что произошло убийство?…

Дядюшка Наполеон сердито крикнул:

– Не ловите моего слугу на слове!

– А вы… молчать! Этот господин сейчас не ваш слуга, а свидетель.

– Но вы же беднягу…

– Молчать!… Маш-Касем, проводи меня в комнату убитого!

Маш-Касем обалдело поглядел на дядюшку и направился к одной из дальних комнат. За ним двинулись Азиз ос-Салтане, дядюшка и насупленный Шамсали-мирза.

Замыкали шествие мы с Гамар.

Войдя в комнату, инспектор Теймур-хан воздел руки кверху, призывая всех замереть на месте и молчать.

– Осмелюсь доложить… Сейчас посмотрим! Где постель убитого?

Маш-Касем ответил:

– Зачем мне врать?! Я утром, как увидел, что господина Дустали-хана здесь нет, так постель и собрал.

Сыщик минуту помолчал. Потом неожиданно схватил Маш-Касема двумя пальцами за подбородок и закричал:

– Кто тебе приказал убрать постель убитого, а? А? Кто? Кто? Отвечай! Быстро!

Совершенно растерявшись, Маш-Касем пробормотал:

– Ей-богу, зачем врать?! До моги…

– Опять врать? Кто тебе приказал врать? А? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно, точно!

Шамсали-мирза возмущенно воскликнул:

– Господин инспектор! Этот метод допроса несколько необычен! Вы хотите, сбивая людей с толка, заставить их говорить то, что вам нужно.

– Осмелюсь доложить, что… Прошу не вмешиваться! Завтра можете навести справки об инспекторе Теймур-хане! Нет на свете такого убийцы, который устоял бы под натиском моей всемирно известной системы мгновенного ошарашивания!… Господин Маш-Касем, вы не ответили на

вопрос! Кто приказал тебе убрать постель убитого?!

– Да зачем же мне врать?! До могилы-то… По утрам мы с матушкой Билкис все постели убираем. Вчера, стало быть, и постель господина Дустали-хана убрали.

– Постель убитого?

– Я и говорю…

– Так, так… Осмелюсь доложить, что… Ты уже второй раз признал, что убитый, о котором я говорю, и есть тот самый Дустали-хан. Осмелюсь доложить… Это уже шаг вперед, серьезный шаг вперед: факт убийства установлен, но убийца…

Дядюшка запротестовал:

– Инспектор, это же вздор!…

– Осмелюсь доложить, что… Молчать! Маш-Касем, ты заявил, что по утрам убираешь в доме постели. Кто приказал тебе это делать? Твой хозяин? Его жена? Этот господин? Или этот? Кто? Молчать! Можешь не отвечать! Кто последним видел убитого? Ты, Маш-Касем?… Отвечай! Быстро! Быстро! Ты видел Дустали-хана перед тем, как его убили? Можешь не отвечать!… Осмелюсь доложить… А почему вообще Дустали-хан здесь ночевал? У него что, своего дома, своей семьи, не было?

– Да я… зачем мне врать…

Дядюшка Наполеон поспешно вмешался в разговор:

– Дустали-хан вчера здесь допоздна…

– А вы… молчать! Маш-Касем, отвечай на мой вопрос!

Маш-Касем оказался в опасном тупике.

– Что вы спросили?

– Я спрашиваю, почему убитый, вместо того чтобы вернуться к себе домой, остался ночевать здесь? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно!

– Зачем же врать?! Здесь вчера все были. И господин Асадолла-мирза, и…

– Кто такой Асадолла-мирза? Отвечай! Быстро!

– Он родственник нашего аги…

– К убитому он также имел отношение?

– Да, с убитым они тоже в родстве…

Дядюшка Наполеон заскрежетал зубами:

– Какой еще, к черту, убитый?! Болван безмозглый! Понимаешь хоть, что говоришь?!

Маш-Касем в отчаянии сказал:

– Ей-богу, ага, не виноватый я. Это меня господин сыщик с толку сбивает. Я хотел сказать, что господин Асадолла-мирза…

Инспектор, пристально глядевший в глаза Маш-Касему, оборвал его:

– А ну-ка расскажи мне про этого Асадолла-мирзу!

– Да господин сыщик, тут никакой вины Асадолла-мирзы нету!…

– Осмелюсь доложить, что… Когда происходит

убийство, я подозреваю всех!… Убийцей может оказаться любой – вы… он… он… этот мальчик… даже ты сам! Может, ты и убил Дустали-хана?! Да, это ты! Ты!… Сознавайся!… Даю слово, что приговор тебе будет смягчен… Ну!… Быстро, быстро! А?…

Оторопев, но в то же время и обозлившись, Маш-Касем закричал:

– Это я-то убийца?! Господи помилуй! Почему ж это другие ни при чем, а я убийца?

Теймур-хан вплотную приблизил свою огромную физиономию к лицу Маш-Касема:

– Вот как! Другие?… Кто же эти другие? А ну говори! Говори!

– Да господин хороший, зачем мне врать?! До могилы-то… Я… то есть я… Да я просто так, сдуру сказал! Вы спрашивали меня про господина Асадолла-мирзу, как же потом вдруг получилось, что…

Сыщик снова перебил его:

– Да, да. Что он за человек, этот Асадолла-мирза?

Шамсали-мирза, от гнева потерявший дар речи, с трудом прохрипел.

– Да будет вам известно, что Асадолла-мирза брат вашего покорного слуги!

– Осмелюсь доложить… Так он ваш брат?! А разве ваш брат не может быть убийцей?… Разве этот ваш Асадолла-

мирза не мог убить Дустали-хана?! И вообще, с какой стати вы вмешиваетесь в расследование? А? Отвечайте! Быстро! Быстро!

Казалось, еще немного и Шамсали-мирзу хватит удар. Он уже открыл рот, чтобы что-то ответить, как вдруг со двора раздался громкий голос Асадолла-мирзы:

– Моменто, моменто! Что за шум? Никак, опять зашел разговор об уважаемом фрагменте Дустали?

Мы дружным хором охнули:

– Асадолла-мирза!

Инспектор вздрогнул, но тут же застыл, как изваяние. Подняв руку, он призвал всех к тишине, а затем вполголоса пробормотал:

– Прекрасно! Прекрасно! Значит, появился и Асадолла-мирза. Убийцу всегда тянет на место преступления! Всем молчать! Тишина! Дышать запрещается!

Глава шестая

Поскольку из дома теперь не доносилось ни звука, Асадолла-мирза в сомнении постоял на пороге, потом крикнул:

– Эй! Есть тут кто-нибудь?… Мой брат Шамсали-мирза здесь?

Инспектор Теймур-хан, по-прежнему жестом

приказывая нам молчать, медленно подошел к двери и громко сказал:

– Да, он здесь… Все здесь. Прошу вас, ага!

Дядюшка Наполеон успел сообщить о визите сыщика всем ближайшим родственникам, кроме Асадолла-мирзы, который в это время был на службе. И князь до сих пор пребывал в неведении, что в дело вмешалась полиция. Увидев перед собой незнакомое лицо, Асадолла-мирза поправил галстук-бабочку и спросил:

– Моменто, вы что, новый слуга аги? – И, не дожидаясь ответа, добавил: – Бедняга Маш-Касем! Неужто и его принесли в жертву уважаемому фрагменту Дустали?!

Сыщик от негодования стиснул зубы, однако невозмутимо сказал:

– Прошу вас, входите. Сюда, пожалуйста…

Асадолла-мирза, слегка удивившись, вошел в дом.

– А-а! Приветствую! Никак, у нас снова семейный совет?… Так почему же вы все стоите? Пошли, сядем в зале… – и, повернувшись к сыщику, распорядился: – А ты сбегай, скажи, чтобы приготовили чай!

Шамсали-мирза сдавленным голосом сказал:

– Этот господин не слуга. Это инспектор Теймур-хан из уголовной полиции!

Асадолла-мирза, уже направившийся в залу, остановился:

– Простите великодушно, инспектор! Вы, наверно, пришли в связи с исчезновением Дустали? А что, Азиз-ханум, Дустали так и не объявился? Куда же подевался этот бедолага?

Азиз ос-Салтане не успела ничего ему ответить, как Теймур-хан уже ринулся в наступление:

– Да, да. В этом-то и вопрос: куда же он подевался? Вы, уважаемый, случаем не знаете? Где бы он мог быть?

– Моменто, моменто… Как раз сейчас я вспомнил… Как же, как же, я кое-что знаю!

Сыщик придвинул свою страшную рожу к Асадолла-мирзе и заорал:

– Быстро, быстро, немедленно, срочно говорите, где? Где?

Дядюшка Наполеон и Шамсали-мирза старались тайком от сыщика дать Асадолла-мирзе знак, чтобы он молчал, но тот уже почувствовал себя в родной стихии. С таинственным видом он спросил:

– А что, могут и награду дать?

– Возможно, возможно. Говорите же! Быстро, немедленно, срочно!

– Если вы действительно даете слово, что за розыск Дустали-хана я получу награду, могу вам сообщить, что он совсем рядом от вас. – И с этими словами Асадолла-мирза начал рыться в карманах. – Странно! Куда же я его

положил?… Моменто, моменто… Мне казалось, я клал его в этот карман… Нет? Тогда, наверное, в боковом…

От злости лицо сыщика приобрело цвет спелого помидора. Он прошипел сквозь зубы:

– Невероятно… Невероятно! Убийство… сокрытие трупа… Оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей… препятствия, намеренно чинимые в ходе расследования… Вместо этой бабочки мы очень скоро увидим на шее уважаемого господина веревку висельника!

Асадолла-мирза оторопело уставился на необозримую физиономию инспектора. А в это время дядюшка Наполеон и Шамсали-мирза из-за спины сыщика энергично подавали князю какие-то знаки: они то делали вид, что правой рукой отрезают кисть левой, то махали обеими руками у себя перед ртом – мол, не говори! Даже я мгновенно догадался, что они упрашивают Асадолла-мирзу не заикаться о покушении Азиз ос-Салтане и вообще молчать о семейных скандалах. Но тот, не обращая внимания на их отчаянную жестикуляцию, продолжал изумленно разглядывать рожу сыщика. Инспектор, решив, что его угроза произвела впечатление, продолжал свой натиск:

– Не мешкая сознайтесь – это в ваших же интересах!… Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно, точно! Как все это случилось? Немедленно отвечайте!

– Моменто, моменто! Вот уж действительно моменто! В чем я должен сознаться? Что я такого сделал, чтобы в чем-то сознаваться? Спросите лучше его жену, ведь это она отрезать собралась!

Теймур-хан резко вздрогнул, взметнул руки кверху и закричал:

– Что? Как?… Отрезать?… Кто резал?… Что резали?… Что его жена собиралась отрезать? Ханум, это вы резали?… Что вы хотели отрезать?… Быстро, немедленно, срочно! Отвечайте!

В подавленном молчании мы переглядывались между собой. И тут придурковатая Гамар, разглядывая принесенную с собой куклу, с идиотским хихиканьем заявила:

– Бутончик папы Дустали!

Сыщик подскочил к Гамар, схватил ее за подбородок и начал трясти.

– Говори! Быстро, немедленно, срочно! Отвечай!

Шамсали-мирза вмешался:

– Инспектор, учтите, эта девушка слабоумная…

Вопль Азиз ос-Салтане заглушил его слова:

– Сам ты слабоумный! Брат у тебя слабоумный! Отец твой слабоумный!… Попробуйте-ка выдать девочку замуж, когда про нее такое говорят!!!

Но сыщик, не обращая внимания на шум, по-прежнему

держал Гамар за подбородок и кричал:

– Отвечай!… Какой еще бутончик? Где он?… Кто сорвал бутончик? Быстро, немедленно, срочно! Если сразу ответишь, тебе смягчат наказа…

Не договорив, он истошно заорал, потому что Гамар изо всей силы укусила его за палец и не отпускала. Когда наконец ее заставили разжать зубы, из пальца инспектора ручьем хлынула кровь. Азиз ос-Салтане схватилась за голову:

– Ох, господи! Да лучше б я умерла!

– Собаки! Убийцы! Людоеды!… Быстро, немедленно, срочно! Принесите бинт или платок! Йод несите! Быстро, немедленно, срочно!… Заговор!… Намеренно чинимые препятствия в ходе расследования!… Нанесение телесных повреждений должностному лицу при исполнении служебных обязанностей!… Три года исправительных работ!…

Когда в сумятице общего переполоха, беготни и усиленных извинений инспектору наконец перевязали палец, вновь наступило относительное затишье. Все молча смотрели на сыщика, размашисто шагавшего по комнате. Наконец он открыл рот и в крайнем возмущении забормотал:

– Соучастие в убийстве… сокрытие трупа… оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей… нанесение телесных повреждений

представителю закона… Ваша дочь тоже будет в скором времени болтаться на виселице. С этой минуты вы находитесь под арестом по обвинению в соучастии в убийстве. Но пока что снова займемся основным преступником… – И инспектор неожиданно установился прямо перед Асадолла-мирзой. – Осмелюсь доложить… Вы, кажется, изволили сказать, что… Кто резал? Что отрезали? В котором часу резали?

Дядюшка Наполеон рискнул вмешаться:

– Господин инспектор… Если вы разрешите, детям лучше выйти… Я говорю об этом мальчике.

И дядюшка показал на меня пальцем.

Сыщик оборвал его:

– Это почему же он должен уйти? Какой он вам ребенок? Да он ростом выше меня! Почему ему лучше уйти? А? Ну? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно!… Может быть, его присутствие вам мешает? А?… Ну?… Отвечайте! Быстро!… Впрочем, можете не отвечать… Если в доме есть и другие дети, пусть тоже идут сюда. Устами младенцев всегда глаголет истина! У вас в доме есть еще дети? А? Быстро, немедленно, срочно отвечайте!

У дядюшки Наполеона внутри все кипело, но он старался сохранять хладнокровие. Пожав плечами, он ответил:

– Нет, инспектор. Других детей здесь нет.

Я, не подумав, выпалил:

– Как это нет? А Лейли?

Сыщик подскочил ко мне:

– Где она?… Кто такая Лейли? Где Лейли? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно!

Я растерянно ответил:

– Лейли – это дочка дядюшки, – и тотчас покосился на дядюшку. Глаза его метали молнии, и меня охватил ужас. Ведь дядюшка пытался избавиться от вражеского лазутчика, а получилось еще хуже.

Сыщик повелительно приказал:

– Позовите Лейли!

– Это нарушение всех моральных и юридических норм! Чтобы десятилетнюю девочку…

Не соображая, что говорю, и не сознавая, насколько глубже станет пропасть между мной и дядюшкой, я думал лишь о том, что, может быть, сейчас увижу Лейли, и крикнул:

– Лейли уже четырнадцать!

На этот раз я не осмелился покоситься на дядюшку и лишь услышал его голос:

– Мальчишка говорит чепуху, инспектор! Моей дочери всего двенадцать – тринадцать лет, и я не позволю…

Сыщик прервал его:

– Убийство… сокрытие трупа… оскорбление

должностного лица при исполнении служебных обязанностей… намеренно чинимые препятствия в ходе расследования… нанесение телесных повреждений представителю власти… Ваше положение, ага, также не вызывает у меня оптимистических прогнозов!

Переменившись в лице, дядюшка крикнул:

– Лейли! Лейли! Иди сюда!

Вошла Лейли, и, словно солнышко, выглянувшее в пасмурный осенний день, ее появление согрело мне душу. Казалось, со времени нашей последней встречи прошла целая жизнь. Ее огромные черные глаза поймали мой зовущий взгляд. Но не успел я насладиться радостью встречи, как крик инспектора Теймур-хана вывел меня из счастливого забытья:

– Господин Асадолла-мирза, вы рано радуетесь! Я не забыл о своем вопросе. Кто что резал?

– Моменто, господин поручик! Я не заведую учетом частей тела господина Дустали-хана. Почему вы спрашиваете меня? Спросите его жену!

– А я вот хочу спросить именно вас! Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно, точно!

Вероятно, во время сумятицы, вызванной попыткой Гамар откусить палец сыщику, дядюшка и Шамсали все-таки успели предупредить Асадолла-мирзу, чтобы он молчал о покушении Азиз ос-Салтане. Князь хладнокровно ответил:

– Я, ей-богу, ничего толком не знаю.

– Поразительно! Не знаете!… Вы знали, что не знаете, когда сказали, что знаете, или не знали, что знаете? А? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно! Итак, вы ничего не знаете!… Убийство, сокрытие трупа, оскорбление должностного лица при…

– …исполнении служебных обязанностей, – продолжил за него Асадолла-мирза, – препятствия, намеренно чинимые в ходе расследования…

Сыщик угрожающим тоном перебил его:

– Глумление и издевательство над должностным лицом при исполнении служебных обязанностей…

– Моменто, моменто! Вы рано заводите на меня дело. Если желаете знать правду…

– В чем же правда? А? Ну? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно!

– Да, да. Быстро, немедленно, срочно! А правда в том, что, поскольку в свое время Дустали-хану не сделали обрезания, его супруга решила исправить это упущение.

– Поразительно! Поразительно! А сколько же лет было покойному Дустали-хану?

– Покойному было около…

– Стоп! Так вы признаете, что Дустали-хана нет в живых? Вот у нас есть и еще одно признание!… Говорите же! Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно! Сколько ему

было лет?

– Моменто, инспектор! Я ему метрику не выписывал! По виду ему было все шестьдесят!

Азиз ос-Салтане взорвалась:

– Самому тебе шестьдесят! Ни стыда, ни совести! Господин инспектор, бедняжке Дустали только-только пятьдесят исполнилось!

Не слушая Азиз ос-Салтане, сыщик продолжал допрашивать Асадолла-мирзу:

– Итак, вы говорили… Быстро, немедленно, срочно отвечайте! Значит, к господину Дустали-хану привели цирюльника… А как звали цирюльника?

– Цирюльника звали… Азиз ос-Салтане!

Азиз ос-Салтане открыла было рот, чтобы завопить, но сыщик остановил ее:

– А вы… молчать! Как, говорите, звали этого цирюльника? Быстро, немедленно, срочно, точно! Нет, вы не отвечайте! Ну-ка вы, господин Маш-Касем! А ну говори! Быстро, немедленно, срочно! – Где сейчас находится цирюльник Азиз ос-Салтане?

– Зачем же врать?! До могилы-то… Азиз ос-Салтане вот эта самая ханум и есть, которая сейчас здесь находится.

– Ах-ха! Поразительно!… Дело принимает интересантный оборот!

– Он, конечно, хотел сказать – интересный, – объяснил

присутствующим Асадолла-мирза.

– Вы… молчать! Меня поправлять не требуется. Я, между прочим, еще и русский и стамбульский-турецкий как свои пять пальцев знаю! – И он снова склонился над сидящим на стуле Асадолла-мирзой. – Так, значит, по-вашему, ханум собственноручно… Молчать! Вы что, издеваетесь надо мной?… Делать обрезание мужчине, которому не то пятьдесят, не то шестьдесят? И чтобы я поверил, что его жена взяла бритву и…

Тут вмешался Маш-Касем:

– Господин сыщик, она вовсе не бритвой, она…

– Молчать!… Не бритвой? А чем же? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно!

– А чего ж мне врать?! До могилы-то… Кухонным ножом… Знаете, каким хозяйки мясо режут…

С язвительной усмешкой инспектор Теймур-хан заметил:

– Становится еще интересантнее. Значит, решили сделать обрезание человеку, которому давно за пятьдесят, и обрезание ему делала собственная жена, причем кухонным ножом…

Асадолла-мирза решил вступить в разговор:

– Видите ли, Дустали-хан и его супруга – очень экономная пара. Чтобы не тратиться на цирюльника, ханум Азиз ос-Салтане решила обойтись собственными силами…

Да и, кроме того, у Азиз-ханум в этой области уже имеется опыт. Своему покойному первому мужу она тоже сама обрезание сделала. И надо вам сказать, прекрасно его обработала. Я однажды в бане…

Азиз ос-Салтане с такой отчаянной решимостью бросилась на Асадолла-мирзу, что, если бы не помешал инспектор, бедный князь не собрал бы костей. Сыщик закричал:

– К порядку! Ханум… на место! Быстро, немедленно, срочно! – И, повернувшись к Асадолла-мирзе, потребовал: – Продолжайте, продолжайте. Все это крайне интересантно!

Асадолла-мирза поерзал на стуле, огляделся по сторонам, ища кого-нибудь, кто пришел бы к нему на выручку, но дядюшка и Шамсали-мирза, хоть их и трясло от досады и тревоги, опустили глаза. Князь был вынужден продолжать:

– Но я должен сообщить, что ханум не удалось завершить эту операцию, поскольку пациент сбежал до того, как она успела срезать его бутончик…

Теймур-хан, описывавший круги по комнате, внезапно, словно учитель, который решил застать врасплох нерадивого ученика, занятого посторонним делом, резко остановился перед Маш-Касемом и закричал:

– Теперь ты говори! Почему он сбежал?… Почему сбежал покойный Дустали-хан? Быстро, немедленно,

срочно! Молчать!

– А чего мне врать?! До моги…

– Молчать!… Говори! Быстро! Почему он сбежал?

Вместо Маш-Касема ответил Асадолла-мирза:

– Моменто, моменто! А вы, если какая-нибудь женщина вроде этой захотела срезать ваш бутончик кухонным ножом, разве не сбежали бы?

Инспектор обернулся к Асадолла-мирзе и метнул в него испепеляющий взгляд:

– Кто вам дал слово?… Впрочем, ладно, говорите… посмотрим. Раз уж у вас имеются столь обширные сведения по этому вопросу, скажите, пожалуйста, почему это вдруг ханум Азиз ос-Салтане решила сделать покойному Дустали-хану обрезание в таком почтенном возрасте?

– Ну, это уж вам лучше спросить у ханум…

– Молчать! Я сам знаю, что мне у нее спрашивать!… Вопрос задан вам! Почему она решила это сделать? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно, точно!

– Тут я могу только предполагать… Вероятно, это было необходимо, чтобы устранить некоторые неудобства во время путешествий в Сан-Франциско.

Сыщик, стоявший посреди комнаты, стремительно подскочил к Асадолла-мирзе и воскликнул:

– Так, так!… Значит, разгадка тайны – в Сан-Франциско?! Вот оно что!… Сан… Фрациско! Быстро

отвечайте! Что произошло в Сан-Франциско? Быстро, немедленно, срочно!

Дядюшка Наполеон, готовый лопнуть от негодования, вскочил на ноги и закричал:

– Хватит!… Инспектор, разрешите детям уйти!… Это уже переходит все границы! Я не могу разрешить, чтобы в присутствии детей…

– Молчать! Молчать! – И, прищурив глаза, Теймур-хан впился взглядом в дымчатые очки дядюшки, а затем, чеканя каждое слово, добавил: – Сейчас, когда благодаря моей научной системе мгновенного ошарашивания удалось напасть на важный след, вы поднимаете шум?! Кстати, откуда вообще известно, что вы сами не являетесь соучастником преступления?!

Шамсали-мирза взял дядюшку за локоть:

– Не связывайтесь, ага… Пусть вся эта комедия кончится, а уж тогда мы разберемся…

Сыщик, снова приближавшийся к Асадолла-мирзе, резко остановился и, не оборачиваясь, в который уже раз напомнил присутствующим о страшной ситуации, в которую они попали:

– Убийство… сокрытие трупа… оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей… препятствия, намеренно чинимые в ходе расследования… нанесение телесных повреждений

должностному лицу… и, наконец, применение угроз по отношению к служителю закона!

Асадолла-мирза замахал руками, пытаясь вступиться за Шамсали-мирзу:

– Моменто, моменто! Извините, господин инспектор. Брат немного нервничает…

Сыщик немедленно набросился на него:

– Прекрасно! Зато вы не нервничаете, а потому расскажите о тайне, связанной с Сан-Франциско. Быстро, немедленно, срочно! Мое шестое чувство подсказывает мне, что ключ к разгадке всей этой запутанной криминальной истории именно в Сан-Франциско. Отвечайте!

– Вы совершенно правы. Но позвольте, я объясню вам на ухо.

– Молчать! На ухо запрещено!

Асадолла-мирза, с трудом сдерживая смех, почесал затылок и сказал:

– Да, но как бы мне вам растолковать… Сан-Франциско – это такой город… Очень большой город…

– Молчать! Приберегите ваши уроки географии для кого-нибудь другого! Я сам знаю, что Сан-Франциско – большой город, расположенный в Европе… Ну а дальше-то что? Отвечайте!

– Моменто! Нам не столь уж важно, в Европе или в Америке находится Сан-Франциско, но главное, что это –

порт… И поскольку корабль Дустали-хана не мог благополучно швартоваться в этом порту… Дело в том, что корабль был в аварийной ситуации, а от порта тоже остались одни развалины…

Воплии Азиз ос-Салтане прервали рассказ Асадолла-мирзы:

– Заткнись! Князь голозадый! Так тебя сейчас двину, что собственными зубами подавишься! – И она разразилась неправдоподобно горестными рыданиями.

Сыщик подошел к ней:

– Ханум, я понимаю вашу скорбь, но прошу, потерпите еще немного. Убийца от меня не скроется!

– Воздай вам господь за вашу доброту, господин инспектор, но… я… я… уж совсем духом упала. Я твердо знаю, что убийца моего несчастного мужа – этот самый князь Он с давних пор, еще когда виды на меня имел, мужа моего терпеть не мог.

Асадолла-мирза так и подпрыгнул:

– Моменто! Вот уж действительно моменто! Это вы о ком говорите, ханум? Я имел на вас виды?!

– Известное дело… А ну посмотри мне в глаза своими бесстыжими буркалами и скажи – разве ты за мной не ухлестывал?!

– Господи спаси! Да чтоб мне тем самым кухонным ножом оба глаза выкололи!

– Я сейчас в рожу твою наглую плюну! Разве еще когда мой покойный первый муж жив был, ты на меня не поглядывал? А когда бедняга уже при смерти лежал, разве не ты меня в коридоре поцеловал?

– Да я бы скорее самовар раскаленный поцеловал, чем тебя!

Азиз ос-Салтане бросилась на Асадолла-мирзу, но сыщик и дядюшка Наполеон встали между ними. Поднялся невообразимый гвалт, кричали все, но пронзительный голос Азиз ос-Салтане был громче всех:

– Господин сыщик!… Он, он убил моего мужа!… Я знаю, сведения у меня есть верные! Это он, князь голозадый, мужа моего порешил! С виду про него и не подумаешь, а он – убийца! Убийца! Зверь!… Я даже знаю, куда тело моего мужа закопали!

Крик Теймур-хана заставил всех вздрогнуть.

– Молчать! – Вплотную подойдя к Азиз ос-Салтане, сыщик тихо произнес: – Ханум, эта минута может стать критической!… Вы сказали, что знаете, куда убийца спрятал труп вашего мужа?

– Да, да! Знаю!

– Почему же вы до сих пор мне об этом ничего не говорили?

– Потому что сначала арестуйте убийцу!… Чтобы он от вас не убежал!

– Молчать!… Где труп? Быстро, немедленно, срочно, точно!

– В саду его закопали!

Дядюшка Наполеон взревел:

– Ханум, постыдились бы! Что за чепуху вы несете?!

– А вы… молчать! Пойдемте в сад!

Сыщик проворно ощупал карманы Асадолла-мирзы, выясняя, не прячет ли тот оружие, и заявил:

– Вы арестованы! Без моего разрешения не имеете права делать ни шага! Молчать!

Вслед за Азиз ос-Салтане мы все отправились в сад к огромному кусту шиповника необыкновенной красоты, который дядюшка Наполеон любил больше всего и, наверное, больше всех на свете.

Приглядевшись, я различил за ветвями самшита прятавшегося там отца. С дьявольской усмешкой он наблюдал за развитием подготовленных им событий. Но я в тот момент держал за руку Лейли, и все остальное потеряло для меня важность. Азиз ос-Салтане топнула ногой оземь и заявила:

– Дустали закопали под этим шиповником!

Сыщик властно приказал Маш-Касему:

– Лопату и мотыгу!

Маш-Касем испуганно покосился на дядюшку. А дядюшка с пеной на губах яростно схватил сыщика за

воротник и закричал:

– Вы что это задумали? Хотите мой шиповник выкорчевать?!

Теймур-хан вырвался из дядюшкиных когтей и заорал:

– Молчать! Выполняйте мой приказ!… Получено абсолютно четкое показание!… Лопату и мотыгу! Быстро, немедленно, срочно, точно! Совершенно ясно, что тут недавно копали!

Дрожа от гнева, дядюшка пригрозил:

– Если вы только дотронетесь до моего шиповника, я вам мотыгой голову размозжу!

– Ах вот как?! Прекрасно!… Убийство… сокрытие трупа… препятствия, намеренно чинимые в ходе расследования… оскорбление должностного лица и нанесение ему телесных повреждений при исполнении служебных обязанностей… а теперь и подготовка к убийству представителя закона… Молчать! С этой минуты вы тоже под арестом!… Молчать!

Сыщик нагнал на всех страху. Побледневший Шамсали-мирза взял дядюшку за руку и заставил сесть на каменную скамейку. В наступившей тишине инспектор повернулся к Маш-Касему:

– Молчать! Где мотыга?

– Э-э-э… Зачем мне врать?! До могилы-то… Нужно, чтоб сначала мне мой хозяин приказал, тогда и принесу…

Сыщик взбеленился:

– Что? Моего приказа тебе недостаточно?… Убийство… Сокрытие трупа… уклонение от выполнения приказов представителя…

Стук в ворота прервал его. Инспектор вздрогнул и прижал палец к губам:

– Молчать! Всем молчать! Дышать запрещается!… Открывай ворота, но очень медленно!… Если подашь хоть малейший знак, пеняй на себя!

И он на цыпочках двинулся к воротам вслед за Маш-Касемом. Едва большие ворота чуть приоткрылись, как сыщик весь подобрался, словно готовясь прыгнуть на входящего. Но увидев, кто это, он выпрямился и закричал:

– Болван! Кладезь тупости! Где тебя до сих пор носило?

Вошедший был одет в потрепанный штатский костюм. Он щелкнул каблуками и, вместо того чтобы по-человечески поздороваться, приложил руку к шляпе с полями:

– Здравия желаю!

Теймур-хан несколько минут пошептался у ворот с этим человеком, затем вместе с ним подошел к примолкшей толпе допрашиваемых.

– Молчать!… Распоряжения моего помощника, практиканта Гиясабади выполнять так же беспрекословно, как мои собственные!

Маш-Касем с волнением устремился к новому гостю:

– Вы из какого Гиясабада будете? Из того, что под Кумом?

– Да. А что?

– Добро пожаловать! Я любому, кто из Гиясабада, рад сердечно! Я сам ведь оттуда родом!… Как здоровьечко?… Поживаете-то как? Не болеете?… Радость-то какая! А где вы в Гиясабаде…

Окрик побагровевшего от злости сыщика не дал ему договорить:

– Молчать! Вместо того чтобы языком молоть, принеси своему земляку мотыгу!

– Господин начальник, чего мне врать?! До могилы-то… Мотыга у нас сломалась, я ее чинить отдал!

Сыщик с ядовитой улыбочкой процедил:

– Поразительно! Поразительно! Значит, сломалась мотыга, чинить отдали?… Не иначе как пробки в ней перегорели, да? Отвечай! Быстро, срочно, немедленно, точно! Отвечай! А может, у нее маятник оторвался? А?

– Ей-богу, зачем мне врать?! Я грамоты не знаю, мне вас и не понять… У нее посредине… то есть сбоку… Вот, скажем, это мотыга, да? А там, где железяка к палке крепится… Здесь, значит, сама железяка, а тут вот палка…

– Молчать! Той бы палкой да тебя по башке! Издеваешься?! Молчать!…

Дядюшка собрался вмешаться, но не успел еще сказать

ни слова, как сыщик опять заорал:

– А вы… молчать! Практикант Гиясабади! Наверняка у них в сарае есть мотыга. Беги, принеси!

Шамсали-мирза хрипло запротестовал:

– Инспектор! Это нарушение неприкосновенности жилища и посягательство на частную собственность! Вы понимаете, что вы делаете?!

– Молчать! Когда ваш брат посягал на неприкосновенность личности несчастного, безвинно убиенного, он об этом не думал? Молчать!

Асадолла-мирза крикнул:

– Моменто, моменто! Он же вполне серьезно приписывает мне убийство этого ишака, провались тот пропадом вместе со своей неприкосновенностью!

И снова последовал окрик:

– Молчать!

Практикант Гиясабади, который, не обращая внимания на протесты присутствующих, отправился на поиски мотыги, вернулся и щелкнул каблуками:

– Докладываю: дверь сарая заперта!

Сыщик протянул руку к Маш-Касему:

– Ключ!

– Ей-богу, зачем мне врать… Ключ от этого сарая…

– Может, в ключе тоже пробки перегорели и его тоже отдали в починку?

– Нет, господин сыщик, нет! Зачем мне врать?! Этот ключ… то есть, доложу я вам, ключ этот… упал в бассейн… Как я ни старался багром его оттуда вытащить, не получилось.

Инспектор Теймур-хан с перекошенным лицом сверлил глазами Маш-Касема, а тот так же невозмутимо продолжал:

– Сами же знаете, ключ, он ведь махонький, его багром не подцепишь… Если хотите, я принесу лонг[16], пусть господин Гиясабади слазает в бассейн и его выудит… День нынче, как я погляжу, не больно жаркий, может, земляку моему…

– Молчать!… Убийство, сокрытие трупа, оскорбление должностного лица и нанесение ему телесных повреждений при… – Внезапно сыщик замолк, а потом на цыпочках, подкрадываясь к самшиту, продолжил: – …при исполнении служебных обязанностей… насмешки и издевательство над служителем закона… Так, так! А вы что тут делаете?

Притаившийся за ветвями самшита отец был застигнут врасплох.

– Молчать!… Что вы здесь делаете? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно, точно!

Дядюшка вздрогнул и с круглыми от удивления глазами наблюдал за этой сценой. Я невольно шагнул от Лейли к отцу.

16

Сыщик обошел самшит кругом и остановился лицом к лицу с отцом. Придвинувшись к отцу вплотную, он спросил:

– Почему за самшитом спрятались? Почему не подошли к нам? А? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно, точно!

– Потому что по эту сторону дерева я нахожусь на своей территории, а по ту сторону – владения людей, которые из-за пустякового имущественного спора с полным хладнокровием безжалостно убили ни в чем не повинного молодого человека! Да еще и разрубили его труп на куски, а потом закопали!

Дядюшка от ярости лишился дара речи, но я, даже стоя на внушительном расстоянии от него, слышал его учащенное дыхание.

Вдруг Азиз ос-Салтане оглушительно разрыдалась и заголосила:

– Видит бог, глаза выплачу, убиваясь по муженьку моему ненаглядному, по телу его несчастному, на куски разрубленному, в сырую землю закопанному!

Асадолла-мирза, передразнивая ее, тоже слезливо запричитал:

– Видит бог, глаза выплачу, убиваясь по животу его толстому да жирному! За какие ж грехи не дали ему, несчастному, попировать на празднике по случаю его обрезания!

Сыщик заорал так, что все вздрогнули:

– Молчать! Это еще что за комедия!

Отец воспользовался общей паузой:

– Инспектор, как я уже вам говорил, у меня имеются важные и достоверные сведения об этом происшествии. Если вы позволите, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

– Молчать! С глазу на глаз запрещено!

– Но, инспектор, ваша система мгновенного ошарашивания знаменита на весь город, и вы сами должны знать, что, если я дам показания в присутствии убийцы и соучастников преступления, это может помешать раскрытию истины.

Лесть сделала свое дело. Оглядев кучку людей, столпившихся возле шиповника и ожидающих авторитетного решения, сыщик приказал:

– До моего возвращения никто не имеет права уходить отсюда. Молчать! Практикант, карауль их здесь, пока я не приду!

Дядюшка, стараясь сохранять присутствие духа, сказал:

– Надеюсь, вы разрешите моей дочери вернуться в дом и пообедать?

– Пусть идет. Но из дому – ни шагу! Возможно, мне понадобится ее допросить.

По знаку дядюшки Лейли вернулась в дом. Я был рад, что она ушла, потому что мне не хотелось, чтобы ее

невинные уши слышали все эти дурацкие истории.

Асадолла-мирза подбежал к моему отцу и закричал:

– Братец, всяким шуткам есть предел! Этот осел Дустали кутит у каких-нибудь своих подонков-приятелей, а тут не в шутку, а всерьез меня обвиняют в его убийстве! Жена у него сумасшедшая, а дочка и того хуже. Сделай же что-нибудь! Если у тебя спор с твоим шурином, то я-то тут при чем? Если ты или кто-то другой прервал рассказ аги непотребным звуком, то мне до этого какое дело?! Ханум хотела сделать своему мужу обрезание, но мне что до того?! Ты же знаешь, что я тут ни в чем не виноват!

Не глядя ему в глаза, отец покачал головой.

– Я ничего не знаю… Где Дустали и кто его убил – мне не известно. Все, что знаю, сообщу господину инспектору Теймур-хану. Он в этой области специалист, сам выводы и сделает. Справедливость должна восторжествовать. Разве не так, господин инспектор? – И отец двинулся вслед за сыщиком.

Азиз ос-Салтане, чтобы придать своей истории пущую убедительность, присела на корточки возле куста шиповника и, воткнув палец в то место, где, по ее утверждениям, закопали тело ее мужа, читала заупокойную молитву. Сыщик окликнул ее:

– Ханум, вы тоже идите со мной!

Я увязался следом, но у гостиной сыщик прогнал меня

прочь.

Собираясь вернуться к кусту шиповника, я заметил, что дядюшка и Асадолла-мирза сидят в беседке и о чем-то тихонько разговаривают. Неподалеку от них Маш-Касем беседовал с помощником сыщика. Шамсали-мирза в одиночестве расхаживал перед дядюшкиным домом.

Меня охватило искушение подслушать разговор дядюшки и Асадолла-мирзы – уж больно таинственные у них были лица. Я бесшумно подкрался к беседке сзади.

– Да вы понимаете, что вы говорите?! Как это я…

– Дослушай же до конца, Асадолла! Я почти наверняка знаю, где спрятался Дустали. А этот мерзавец подучил Азиз ос-Салтане, чтоб она сказала, что нужно копать под моим шиповником. Негодяй знает, как я люблю этот куст. Если в это время года повредить корни, то он, конечно же, засохнет. Надеюсь, ты обратил внимание, что землю под кустом кто-то уже слегка разворошил лопатой…

– Моменто! Значит, из-за того, что могут повредить корни вашему любимому шиповнику, я должен заявить, что убил Дустали?

– Мне нужно всего два-три часа, и я доставлю Дустали домой целого и невредимого. Тебе достаточно будет сознаться в убийстве и под предлогом, что ты собираешься показать, где спрятан труп, увести отсюда этого идиота сыщика, а я тем временем найду Дустали… Дело в том, что я

должен непременно сам разыскать Дустали и успеть с ним переговорить.

– А предположим, вы его не разыщете. Или даже если разыщете… Теймур-хан арестует меня по обвинению в обмане должностного лица! Вы ведь и не подумали, какой это будет для меня позор на службе!

– Как бы то ни было, ты сейчас находишься под следствием, Асадолла! И, возможно, тебя и так арестуют!

– Моменто, моменто! Нельзя же арестовать человека только на основании заявлений сумасшедшей бабы! Если это произойдет, будет скандал!

– И тем не менее, если это произойдет, ты ничего не сможешь поделать. Пока дойдет до суда, ты будешь оставаться под арестом!… Я даю тебе слово, что найду Дустали еще до вечера, а об остальном не беспокойся – у меня в полиции много друзей, и тебе вряд ли придется ночевать в тюрьме.

Асадолла-мирза вскипел:

– Не понимаю, как вы с вашим умом и порядочностью вообще можете предлагать мне подобные вещи! Уж лучше бы я сломал ногу и не появлялся здесь!

– Послушайся меня, Асадолла! Я тебя очень прошу! Это же так просто. Когда сыщик вернется сюда, сделай вид, что тебя замучили угрызения совести, и немедленно заяви, что это ты убил Дустали, а труп закопал у себя во дворе. А я тем

временем найду Дустали, поскольку почти наверняка знаю, где он. Потом я пришлю к тебе Маш-Касема с сообщением, что Дустали найден, и, даю тебе слово, я не допущу, чтобы у тебя были неприятности.

– Нет уж, увольте!… Пусть лучше меня арестует Теймур-хан!… Безвинного человека не повесят! Я не собираюсь ради того, чтобы ваш шиповник цвел пышным цветом, становиться убийцей! – И Асадолла-мирза поднялся, намереваясь уйти.

– Сядь! Я еще не все сказал. Дустали оставил мне записку.

– Записку?! Тогда почему же вы об этом молчали? Почему не сказали, чтобы меня, несчастного…

– Слушай! Наутро после того, как он у меня ночевал, я пошел в его комнату. Постель была пуста, но там лежала записка на мое имя. Дустали написал, что некоторое время будет скрываться, а мы, члены семьи, должны в его отсутствие утихомирить его жену и замять историю, связанную с мясником Ширали.

– Моменто, моменто! Этот ишак где-то развратничает, а его несчастные родственники должны еще покрывать его распутство!

– Не спеши, Асадолла! Члены нашей семьи, как выяснилось, не такие уж святые. Если у Дустали будут неприятности, пострадают очень многие из нас!

– А я тут при чем? Я за поступки своей родни не отвечаю!

– Думаю, будет лучше, если я прочту тебе его записку. – Дядюшка полез под свою абу и достал из кармана рейтузов сложенный вдвое листок бумаги, по всей видимости вырванный из ученической тетрадки.

– До чего же красивый почерк у Дустали! Вот умница!

Дядюшка отдернул руку и поднес листок к глазам так, чтобы Асадолла не мог ничего прочитать, а затем тихо сказал:

– Слушай внимательно. Он пишет: «Если в течение двух дней скандал не будет замят, мне придется предать известности имена тех, кто водил шашни с Тахирой…»

Асадолла-мирза вздрогнул:

– Тахира – это жена мясника Ширали?

Дядюшка многозначительно посмотрел на него:

– Совершенно верно. Слушай… Дальше Дустали перечисляет имена нескольких мужчин, которые он лично слышал от этой женщины…

Асадолла-мирза, прикрыв рот рукой, расхохотался:

– Моменто! Вот потеха!

– Нечего сказать, потеха! Тебе будет особенно приятно узнать, что твое имя тоже есть в этом списке!

– Что?! Как это? Не понимаю!… Мое имя?… Я? Да я клянусь хлебом-солью, которые мы вместе съели… Да чтоб

я умер, да чтоб вы умерли…

– Ты еще памятью отца своего поклянись!… Нахал бесстыжий! Дустали видел на пальце у Тахиры кольцо, которое ты сделал из сердоликовой печатки покойного отца, а ты ведь говорил, что потерял это кольцо! Может, ты ослеп?! На, возьми, читай сам!

Асадолла-мирза совершенно растерялся:

– Я… да чтоб я… бог свидетель… вы сами подумайте… – и забыв закрыть рот, замолчал. Было ясно, что страшный призрак Ширали лишил беднягу присутствия Духа. Дядюшка по-прежнему испытующе глядел на него. Побледнев, Асадолла-мирза сказал дрожащим голосом: – Вы же сами знаете, что подобные обвинения против меня не имеют оснований.

– Уж против тебя-то они выдвинуты с полным основанием, наглец!

Помолчав, Асадолла взволнованно спросил:

– А кто там еще назван?

– Это тебя не касается!

– Моменто! Как так не касается?!

И, словно вернув себе былую уверенность, Асадолла-мирза категорически заявил:

– Либо я прочту эту записку, либо раз и навсегда выхожу из игры!

Дядюшка заколебался, но потом, вероятно, снова

скользнув взглядом по любимому кусту шиповника, резко протянул записку Асадолла-мирзе. Тот начал внимательно читать. В изумлении он то кусал себя за палец, то хлопал ладонью по колену, то принимался хохотать.

– Ого! Ну и дела! Господин Полковник?! Ты скажи! Вот ведь молодец – и виду не подает! Удивительно!… Как?! И Мамад Хосейн-хан?!

Внезапно Асадолла-мирза зажал себе рот ладонью, и уж если бы его смех вырвался на свободу, то наверняка был бы слышен в другом конце сада. От хохота по щекам его катились слезы. Он еле выговорил:

– Ну уж это… это невероятно!… Братец Шамсали!… Моменто… моменто…

Дядюшка одной рукой прикрыл ему рот, а другой – вырвал записку:

– Тихо! Если Шамсали догадается, все вверх дном перевернет!… Теперь ты понимаешь, почему я не показал записку сыщику? Теперь понимаешь, что дело тут не только в шиповнике?! Представь себе, что будет, если эти сведения попадут в руки тому негодяю! Думаешь, он пожалеет тебя или остальных, и особенно моего брата?

С трудом подавив смех, Асадолла-мирза спросил:

– А кстати, ага, где же Полковник?

– Поскольку я сказал ему обо всем, он со стыда и не показывается.

Асадолла-мирза, решив, что если уж пропадать, то с музыкой, смеясь воскликнул:

– Черт побери! А я-то в списке стою первым!

Дядюшка схватил его за руку:

– Асадолла, пораскинь умом как следует! Возможно, Ширали и не поверит про других, но ты-то известный бабник! Ты человек развязный, нахальный, пролаза! И к тому же недурен собой. Первым делом он со своим секачом за тобой погонится. Так что, как знаешь!…

Асадолла-мирза, мигом посерьезнев, задумался, потом сказал:

– Сделаю, как вы решили… Рад стараться! С этой минуты я – убийца. Да, это я отрезал голову Дустали! Кстати, ну и собака же он был! Честно говоря, окажись он сейчас здесь, я бы с удовольствием на самом деле отрезал ему голову. Вот ведь досада, что такая красотка, как Тахира, досталась этому шакалу… вернее, стае шакалов!

– Даю слово, у тебя не будет никаких неприятностей. Но мы не должны допустить, чтобы тот мерзавец и здесь одержал над нами верх. Подожди, пусть только скандал уляжется, и тогда, если моя сестра не бросит этого негодяя, я до конца своих дней имени ее вслух не произнесу! Как говорил Наполеон, иногда отступление и бегство с поля боя – лучшая стратегия… Но в чем же дело? Почему инспектор так долго разговаривает с этим пакостником? Боюсь, не

готовит ли он новый подвох. Как бы то ни было, Асадолла, сейчас я делаю ставку на тебя! И моя победа в этой битве зависит теперь только от тебя!

– Не волнуйтесь, я хорошо сыграю свою роль, потому что, если хотите знать правду, кабы я не боялся, то не только Дустали, но и эту ведьму Азиз ос-Салтане собственными руками задушил бы!… Да, но если сыщик спросит, почему я его убил, что мне говорить?

– Это неважно. Во-первых, я уверен, что тот негодяй рассказал сыщику про историю с Алиабадской усадьбой, половину которой когда-то купил Дустали, – споры о ней тянутся до сих пор. Во-вторых, тебя все равно подозревают, так что в случае чего можешь повторить то же, что говорила Азиз ос-Салтане.

– Моменто! То есть вы хотите, чтобы я признал, что у меня были виды на эту ведьму?!

Дядюшка не успел ему ответить, так как в ворота постучали, и в сад вошел проповедник Сеид-Абулькасем. С расстроенным и озабоченным видом он, тяжело дыша, приблизился к дядюшке и начал:

– Ага, спасите, помогите!… После того, как я рассказал в мечети насчет аптеки вашего зятя, его управляющий прикрыл торговлю. Но сегодня аптекарь явился ко мне и пригрозил, что, если я до завтра не возьму свои слова обратно, он, мол, расскажет всему кварталу, что мой сын

вступил в греховную связь с женой мясника Ширали!

Асадолла-мирза подскочил:

– Моменто, моменто! Значит, и ваш сын?! Прекрасно! Да здравствует Тахира-ханум!

– Господи, сохрани и помилуй!… Ничего подобного! Это ложь, клевета, злостные измышления!

Внезапно Асадолла-мирза, подражая инспектору Теймур-хану, вплотную приблизил свое лицо к лицу проповедника и заорал:

– Покайтесь! Сознайтесь! Повинитесь! Говорите правду! Только правду! Быстро, немедленно, срочно, точно!

Напуганный Сеид-Абулькасем замотал головой:

– Ложь! Клевета… Может, когда по малолетству, по глупости…

Асадолла-мирза, продолжая успешно применять знаменитую систему мгновенного ошарашивания, наскакивал на проповедника:

– Что по малолетству? Что по глупости? Быстро, немедленно, срочно, точно! В Сан-Франциско ездили?… Быстро, немедленно, срочно!…

– Асадолла, погоди, дай выслушать…

Но Асадолла перебил дядюшку:

– Моменто! Быстро, немедленно, срочно! Отвечать!

Оторопевший Сеид-Абулькасем забормотал:

– Я своего негодника допросил с пристрастием. Он

говорит, что, ежели Ширали разведется с женой, он, мол, не прочь на ней жениться, но что до непотребной связи, то сохрани господи!

Асадолла-мирза победно задрал нос и, смеясь, заявил:

– А у инспектора неплохая система… И прекрасно, мой дорогой! Дай бог ему счастья! Всячески вашего сынка в этом настроении поддерживайте! Жалко, когда такая добродетельная женщина, такая прекрасная хозяйка прозябает замужем за ишаком и бандитом Ширали, мимо дома которого человеку-то и пройти страшно. Нет, такой женщине нужен муж ласковый, обходительный. Как ваш сынок, к примеру. Чтоб людей не отпугивал. Даст бог, так оно и будет!… А что же это вашего сыночка совсем и не видать?… Пусть к нам почаще заходит, особенно после того, как на этой ханум женится.

Дядюшка Наполеон сердито оборвал его:

– Асадолла, ты когда-нибудь закроешь рот?! Вы, уважаемый, возвращайтесь к себе домой, я до вечера сам к вам загляну, поговорим. Не волнуйтесь, мы найдем какой-нибудь выход из положения… Идите же домой. Побыстрее! У нас тут своих хлопот хватает, сначала надо с ними разобраться… До свидания, до свидания…

Боясь, что вернется сыщик и, увидев Абулькасема, заварит новую кашу, дядюшка вытолкал проповедника за ворота. Но сам не успел ничего сказать князю, потому что,

едва подошел к беседке, как по саду раскатился зычный голос инспектора Теймур-хана:

– Эй! Где этот кладезь тупости?… Практикант Гиясабади! Идиот! Вместо того, чтобы сторожить подследственных, пошел чесать язык про свой Гиясабад?!

Практикант со всей прытью, на которую были способны его тощие ноги, примчался на зов сыщика, щелкнул каблуками и, вытянувшись по стойке «смирно», отдал честь:

– Докладываю: все подследственные на месте!

Сыщик и Азиз ос-Салтане приблизились к дядюшке и Асадолла-мирзе. Азиз ос-Салтане по-прежнему изображала глубокую скорбь. Внезапно сыщик сунул указательный палец под нос князю и рявкнул:

– Господин Асадолла-мирза! Против вас имеются столь веские улики и доказательства, что, будь я на вашем месте, я бы немедленно во всем сознался!… Сознавайтесь! Быстро, немедленно, срочно, точно!

Асадолла-мирза опустил голову и тихо сказал:

– Да, господин инспектор, вы, вероятно, правы. Я сознаюсь: это я убил Дустали-хана.

Глава седьмая

Услышав неожиданное признание Асадолла-мирзы, инспектор Теймур-хан на мгновенье оторопел, потом

беззвучно засмеялся.

– Молчать!… Еще одна победа всемирно известной системы мгновенного ошарашивания!… Еще один убийца попался в руки правосудия!… Практикант Гиясабади, наручники!

Все вокруг оцепенели. Я неслышно подошел поближе. Тишину нарушил глухой, будто идущий из колодца, голос Шамсали-мирзы:

– Асадолла… Асадолла, что я слышу?

Дядюшка, не успевший предупредить Шамсали-мирзу о своем сговоре с его братом и потому, вероятно, чувствовавший себя неловко, сказал:

– Князь… Ваше сиятельство… Не волнуйтесь. Наверняка это какое-то недоразумение.

Внезапно все сбились в кучу, стараясь удержать Азиз ос-Салтане, которая пыталась наброситься на Асадолла-мирзу:

– Так, значит, ты и вправду убил Дустали?! Подлец! Убийца!

Шамсали-мирза без чувств упал на скамейку. Все говорили одновременно. Даже дядюшка, чтобы придать событию правдоподобность, поносил князя на чем свет стоит. Наконец голос инспектора Теймур-хана перекрыл общий шум:

– Молчать! Кому говорю! Молчать!

Но Азиз ос-Салтане не прекращала отчаянных попыток атаковать Асадолла-мирзу, который молча стоял с опущенной головой.

– Я тебе глаза выцарапаю!… Господи, дай мне дожить до того дня, когда этого негодяя обмывать понесут!… Я не я буду, если собственными руками тебя не убью!… Господин сыщик! Господин сыщик! Разрешите мне вот этими самыми руками задушить подлого убийцу!… Да чтоб ты от чумы подох! Что тебе сделал мой несчастный муж?! Чем он, чистая душа, тебе не угодил?!

По знаку инспектора практикант Гиясабади подскочил сзади к Азиз ос-Салтане и обеими руками зажал ей рот. Но прошло еще несколько минут, пока она наконец успокоилась. Утирая пот со лба, инспектор сказал:

– Ханум! Люди не должны вершить расправу собственноручно… Богиня правосудия сама обо всем позаботится! Убийца понесет заслуженную кару за свое злодейское преступление. Я даю вам слово, что меньше, чем через месяц его труп будет болтаться на виселице! – Затем, повернувшись к своему заместителю, спросил: – Практикант, где наручники?

– Докладываю! Когда я пришел в управление, мне передали, что вы приказывали, чтоб я явился по этому адресу… Я хотел по дороге забежать за наручниками, но не успел… К тому же, если помните, у них замок сломался, и

мы их отдали в починку.

– Болван! Кладезь тупости!…

Маш-Касем предложил:

– Ежели хотите, я принесу бельевую веревку, и мы его свяжем.

Вмешался дядюшка:

– Господин инспектор… Я все еще не могу в это поверить… Но настоятельно прошу вас, не надо ни наручников, ни веревки! Ручаюсь вам за Асадолла-мирзу – он не сбежит… Сами подумайте, может ли сбежать человек, который послушался голоса совести и так чистосердечно во всем признался?! Вы только посмотрите на его лицо!

Асадолла-мирза напустил на себя такой покаянный и пристыженный вид, что, не знай я всей подоплеки, тоже наверняка бы поверил, что он действительно убил Дустали-хана. Инспектор притворился, будто его убедили слова дядюшки, хотя на самом деле у него и так не было иного выхода, поскольку практикант Гиясабади не принес наручники.

– Если я не надену на тебя наручники, даешь слово, что смиришься со своей судьбой, как подобает мужчине, и не вздумаешь бежать?

– Да, даю слово.

Маш-Касем предложил сходить за водой, чтобы привести в чувство Шамсали-мирзу, но сыщик

воспротивился:

– Молчать! Этот господин слишком горяч. Пусть лучше так полежит, пока мы не закончим расследование.

Затем он встал напротив Асадолла-мирзы и, протирая пенсне мятым носовым платком, победно заявил:

– При использовании системы мгновенного ошарашивания преступник не может не сознаться… Как бы то ни было, поскольку ты быстро понял, что надо последовать голосу разума, видно, ты человек неглупый. А сейчас я хочу, чтобы ты со всей откровенностью ответил на несколько моих вопросов. Естественно, правдивость показаний повлияет на твою дальнейшую судьбу.

Азиз ос-Салтане снова бросилась на Асадолла-мирзу, но практикант Гиясабади вовремя оттащил ее и усадил на каменную скамейку, а сам навалился на ханум всем телом, чтобы она не попыталась начать все сначала.

Инспектор продолжил следствие:

– Молчать!… Когда ты убил этого беднягу?

Асадолла-мирза, не подымая головы, ответил:

– В ту самую ночь, когда он сбежал из своего дома.

– Так, так. А почему покойный сбежал из своего дома? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно, точно!

– Моменто! Во-первых, раз я уже сознался, то зачем теперь быстро, немедленно, срочно? Во-вторых, сколько надо вам это повторять?… Я уже говорил, что ханум

собиралась кое-что ему отрезать…

– Кое-что?… Что именно? Кому? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно!

– Я ведь говорю о жертве, об убиенном… Мне совесть не позволяет произносить его имя.

– Ладно. Что дальше?

– Когда он, пришел сюда, то боялся возвращаться домой. Боялся, что ханум снова захочет сделать ему обрезание…

– Снова?! А разве она уже ему его сделала?

– Нет, инспектор, я хотел сказать, он боялся, что ему это сделают. Он сказал, что домой не пойдет. Ага настоял, чтобы он остался ночевать здесь. Когда я увидел, что ему и здесь неспокойно, то тайком предложил ему подождать, пока все лягут спать, а потом прийти ночевать ко мне домой.

– Так. И он пришел к тебе или нет?

– Моменто, инспектор! Ну что за вопрос! Если бы не пришел, ничего бы и не случилось.

– Ладно, что дальше?… Пришел… и что же?

– Было уже три часа ночи, когда он ко мне заявился. Брат мой давно спал. Я понял, что это самый подходящий момент, и отрезал ему голову…

Мощным рывком Азиз ос-Салтане сбросила практиканта на землю и кинулась на Асадолла-мирзу:

– Глаза тебе выцарапаю!… Чтоб у тебя руки отсохли!…

С большим трудом ее водворили на место.

– Значит, голову ему отрезал?

– Так точно. Отрезал.

– А что потом сделал? Быстро, срочно, немедленно!

– А потом быстро, срочно, немедленно выкинул эту голову.

Маш-Касем хлопнул себя по ляжке:

– Вай! Господи помилуй!… Вот что бывает, когда человек вино да водку пьет!

Дядюшка нетерпеливо приказал:

– А ты заткнись, Касем!

– Молчать!… Вы что собрались тут все надо мной издеваться?! Выкинул, говоришь, голову? Это что тебе, гнилой помидор или что?

– Я хотел сказать, что отделил голову от туловища.

– Чем?… Ножом?… Тесаком?… Стилетом?… Кинжалом?… Молчать! А в чем причина? Почему ты его убил?

– Ей-богу…

– Быстро, немедленно, срочно! Отвечай!

Асадолла-мирза снова опустил голову:

– Я все вам сказал, а это сказать не могу.

Сыщик прищурился и придвинул свою огромную физиономию вплотную к лицу Асадолла-мирзы:

– Так, так!… Не можешь сказать!… Удивительно!…

Именно это они, видите ли, сказать не могут!…

Когда Азиз ос-Салтане, глаза которой от гнева горели, как две раскаленные головешки, снова водворили на место, инспектор продолжил:

– Значит, не можешь сказать причину?… Посмотрим… Вероятно, это убийство лишь одно из целой серии подобных? А?… Отвечай! Быстро, немедленно, срочно!

– Моменто! Не делайте из меня второго Асгар-Али!

– Молчать! Ты еще хуже, чем Асгар-Али! Асгар головы людям не отрезал!… Почему ты его убил? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно!

– Мне очень жаль, инспектор, но я не могу ответить на этот вопрос.

– Молчать!… Удивительно!… Не можешь ответить?… Ну это мы еще посмотрим!… Гиясабади!

– Моменто, моменто!… Хорошо, скажу. Раз вы решили применить силу, я лучше скажу. Я… я… убил… Дустали… потому что…

– Потому что… что? Быстро, немедленно, срочно!

Асадолла-мирза опустил голову еще ниже и стыдливым тоном нашкодившего ребенка сказал:

– Потому что я любил его жену… Потому что Дустали украл у меня мою единственную любовь… Потому что он нанес мне страшную рану в самое сердце.

Все притихли. Инспектор от изумления онемел. Я

невольно покосился на Азиз ос-Салтане. Она застыла на месте с разинутым ртом и круглыми от удивления глазами… Инспектор тихо спросил:

– Ты про эту ханум говоришь?… Это ты ее любил?

Асадолла-мирза тяжело вздохнул:

– Да, господин инспектор… Теперь, когда мне жить недолго осталось, пусть уж все знают…

Азиз ос-Салтане, по-прежнему с открытым ртом, во все глаза смотрела на Асадолла-мирзу. Наконец она с трудом проглотила слюну и простонала:

– Асадолла!… Асадолла!

Князь, вероятно, вошедший в роль несколько больше, чем требовалось, с надрывом продекламировал:

– Не раз терзался Саади от тайной боли, На этот раз он тайну сохранить не волен!

Все замерли в молчании под впечатлением этой сцены. Взволнованная Азиз ос-Салтане растроганно и грустно пролепетала:

– О Асадолла! Горе мое горькое… О Асадолла! Что же ты наделал?! Почему же ты мне не сказал?

Князь тоном пылкого влюбленного ответил:

– Азиз, не надо! Не береди мои раны!

– О аллах, пусть лучше Азиз умрет! Асадолла!… Не горюй! Я обязана простить тебе это убийство, и я его прощаю!… Это был несчастный случай!

Нервы инспектора не выдержали. Он завопил:

– Молчать!… Ханум, убийца должен понести наказание! Простили вы его или нет – не имеет значения!

– Как это молчать?! Что за глупости!… Чьего мужа убили? Моего или вашего?… Мой был муж, захочу и прощу его убийство!

– Молчать! Что значит – простите?

– А вот так мне захотелось, и все тут!… И вообще, покойный свое уже прожил. Он говорил, ему пятьдесят, а ему шестьдесят с гаком было!…

Инспектор надвинулся на Азиз ос-Салтане и заорал:

– Молчать!… В таком случае вполне возможно, что вы и Асадолла-мирза действовали заодно. Вы сговорились извести этого несчастного! Молчать… Вы… сколько времени между вами… Ай!

Инспектор не успел договорить, потому что Азиз ос-Салтане вцепилась ногтями в его бычью шею.

– Я и тебя на тот свет отправлю! Ишь чего выдумал!

– Убийцы! Головорезы!… Молчать! Вы что, решили и меня прикончить, как того святого, безвинно убиенного?!

– Сам ты убийца! Покойный-то не больше тебя святым был. С женой мясника Ширали…

Дядюшка и Асадолла-мирза дружно загалдели, чтобы сыщик не услышал имени Ширали. Инспектор сделал вид, что и впрямь ничего не расслышал, но когда вновь

воцарилась тишина, резко повернулся к Асадолла-мирзе:

– Кто такой Ширали? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно, точно!

Дядюшка и Асадолла-мирза, не сговариваясь, снова начали что-то бессвязно кричать, но потом дядюшка сказал:

– Инспектор, это не имеет отношения к делу. Ширали держал в нашем квартале мясную лавку. Несколько лет назад бедняга скончался…

Асадолла-мирза со скорбной миной добавил:

– Прекрасный был человек, да будет ему земля пухом… Два года назад заболел тифом и умер.

– Молчать! Откуда известно, что и этого несчастного не ты убил?

– Моменто, моменто! Вы что же думаете, мне нечем больше заниматься, как только людей убивать?! С меня одного убийства Дустали с избытком хватит!

– Удивительно! Поразительно!… Ты до сих пор не сказал, куда спрятал труп.

– Отнес его в свой огород и там закопал.

Сыщик опять подскочил к нему:

– Кто тебе помогал? Быстро, немедленно, срочно! Отвечай!

– Никто, инспектор. Я сам его до огорода дотащил. – И, приложив руку к пояснице, Асадолла-мирза сморщился: – Ох… поясница!… До сих пор болит. Вы и представить не

можете, какой он был тяжелый!

Азиз ос-Салтане, закатив глаза, заметила:

– Покойный был не дурак пожрать.

Дядюшка крикнул:

– Ханум! Как не стыдно! Хватит!

Сыщик заорал:

– Молчать! И вы тоже… молчать! Всем молчать! Вперед, к месту сокрытия трупа!… До нашего возвращения никто не имеет права покидать сад! Молчать! Ханум, вы тоже оставайтесь здесь, пока я не приду!

– Ни за что! Я иду с вами!

– Ханум, вам вряд ли будет приятно увидеть обезглавленный труп. Вы лучше…

Азиз ос-Салтане решительным жестом заставила его замолчать и, указывая пальцем на Асадолла-мирзу, заявила:

– Что ж, по-вашему, я допущу, чтоб вы повели парня на закланье, как барана какого, а сама здесь останусь?! Пошли! Чьему мужу голову отрезали? Вашему или моему?

Двинувшись вслед за сыщиком и Азиз ос-Салтане, Асадолла-мирза пробормотал себе под нос:

– Спаси меня, святой Али!… Этого еще недоставало!

Как только троица ушла, дядюшка прежде всего посвятил Шамсали-мирзу в свой план, а затем начал энергичные поиски Дустали-хана. Он разослал родственников и слуг в несколько мест, где тот

предположительно мог спрятаться. В это же время появился до сей поры не выходивший из дома дядя Полковник и, узнав о последних событиях, бросил все силы на урегулирование конфликта – между дядюшкой Наполеоном и моим отцом. Первым делом он решил подготовить надлежащую почву и категорически заявил дядюшке Наполеону, что, если до вечера в семье не восстановится мир, он без размышлений выедет из завещанного ему отцом дома и сдаст его кому-нибудь из местных хулиганов. Следуя его примеру, моя мать пригрозила отцу, что, если ссора не прекратится, она отравится терьяком[17].

И вот, пока дядюшка и его гонцы обыскивали окрестности, а Асадолла-мирза и Азиз ос-Салтане в сопровождении инспектора уголовной полиции следовали к месту сокрытия трупа, под руководством дяди Полковника в его же доме был созван экстренный семейный совет.

Начались переговоры о прекращении конфликта. Дядя Полковник и Шамсали-мирза несколько раз ходили то к дядюшке Наполеону, то к моему отцу. Многие проблемы оказались вполне разрешимыми, и стороны не возражали в ряде случаев пойти на уступки. Дядюшка был согласен в дальнейшем не чинить препятствий свободному поступлению воды. Отец соглашался забыть о покушении Азиз ос-Салтане, а также о возможной связи Дустали-хана с

17

женой мясника. Дядюшка выразил готовность попросить проповедника Сеид-Абулькасема опровергнуть версию об использовании алкоголя для изготовления лекарств в отцовской аптеке, а отец обещал для облегчения миссии проповедника уволить своего управляющего и на его место взять другого. Отец был готов воздерживаться от публичных поношений Наполеона, но тем не менее отказывался восхвалять его. После нескольких визитов дяди Полковника и Шамсали-мирзы отец выразил согласие в присутствии всех родственников заявить, что хотя деятельность Наполеона оказалась пагубной для Франции, тем не менее император любил свою отчизну.

Однако, как ни старались родственники, отец отказывался признать вклад дядюшки в борьбу за Конституцию, и единственная уступка, на которую он все же пошел, заключалась в обещании не подвергать сомнению доблесть, проявленную дядюшкой на юге страны во время схваток с бандитами, особенно в Казерунской кампании и в битве при Мамасени.

Неразрешимой оставалась лишь проблема подозрительного звука. Дядюшка ожидал, что отец на общем семейном сборе признает, что, хотя подозрительный звук и раздался с той стороны, где он находился, произошло это без злого умысла. А отец категорически отрицал какую бы то ни было причастность к подозрительному звуку и требовал,

чтобы дядюшка извинился перед ним за язвительные стихи: «Кто недостойных возвышает…» В конце концов парламентеры постановили свалить подозрительный звук на кого-нибудь другого и заставить этого человека аргументированно доказать, что звук был произведен именно им.

Идея получила почти единогласное одобрение, но имелось три осложняющих обстоятельства. Во-первых, дядя Полковник и Асадолла-мирза, равно как и все другие, кто был готов принять вину на себя, в момент происшествия находились слишком далеко от дядюшки, а что касается Гамар, то ее мать была не намерена приносить дочь в жертву мирному урегулированию. Идея же как раз была в том, чтобы приписать подозрительный звук не кому угодно, а непременно человеку, находившемуся достаточно близко от дядюшки. Во-вторых, этому человеку следовало публично взять на себя грех. И наконец, третья трудность: парламентеры должны были убедить дядюшку, что признавшийся говорит чистую правду.

Вдруг в разгар всех этих дискуссий и споров Шамсали-мирза воскликнул:

– Погодите-ка! Если память мне не изменяет, в тот вечер рядом с агой, кроме тех двоих, находился еще и Маш-Касем.

Кто-то запротестовал:

– Но Маш-Касем стоял не сбоку от аги, а у него за спиной.

Шамсали-мирза с раздражением крикнул:

– У аги же не было акустического компаса!

Присутствовавшие один за другим согласились, что в тот вечер, когда дядюшка Наполеон рассказывал о битве при Казеруне и целился в лоб атаману разбойничьей шайки, и особенно в тот момент, когда раздался подозрительный звук, Маш-Касем действительно стоял рядом.

Но дядя Полковник озабоченно покачал головой:

– Вы рано радуетесь. Я Маш-Касема хорошо знаю. Он не из тех, кто поддается нажиму… Он убежден, что человек, имеющий понятие о чести, не позволит себе такой оплошности.

Шамсали-мирза задумался и, помолчав, сказал:

– Это правда. Если помните, Маш-Касем неоднократно рассказывал про свою племянницу, которая однажды на чьей-то свадьбе так же оконфузилась, а потом покончила самоубийством.

– Может, если мы предложим ему солидную сумму… Хотя вообще-то он не падок на деньги…

Опасаясь, как бы зыбкий призрак мира, начавший вырисовываться на горизонте, вдруг не растаял, я с жаром заявил:

– Знаете что, дядя! Маш-Касем давно говорит, что

больше всего на свете хотел бы построить в Гиясабаде крытое водохранилище и передать его в дар местным жителям.

Все шумно подтвердили мои слова. Была высказана надежда, что ради осуществления своей заветной мечты Маш-Касем согласится нам помочь.

Перед тем, как вызвать на совет Маш-Касема, решили обсудить второе осложняющее обстоятельство, а именно: как убедительно преподнести эту версию дядюшке Наполеону. Разгорелись споры. Один из родственников сказал:

– Заранее очень прошу меня извинить… Надеюсь, мое предложение вас не обидит, но это, на мой взгляд, единственный выход из положения. Тысячу раз прошу прощения, но все мы, все те, кто в тот вечер присутствовал в доме аги, или, по крайней мере, несколько человек из нас должны поклясться аге памятью Великого Праотца, что подозрительный звук был издан Маш-Касемом.

– Памятью Великого Праотца?!

– Памятью Великого Праотца?!

– Памятью Великого Праотца?!

Двое из родственников едва не упали в обморок. Поднялся неописуемый шум и гвалт. Через несколько минут в комнате повисла мертвая тишина. Все, вытаращив глаза, с негодованием глядели на человека, рискнувшего выступить

с таким невероятным предложением.

Великим Праотцом в семье называли деда дядюшки Наполеона, и никто из родственников никогда не осмелился бы поклясться памятью Великого Праотца, даже если бы в разгар лета потребовалось подтвердить, что на улице тепло.

Подумать только! В ту минуту, когда дядюшка Наполеон, не щадя сил, развил бурную деятельность ради спасения священного единства благородного семейства, а Асадолла-мирза пребывал в цепких когтях представителя закона и Азиз ос-Салтане и готов был принести себя в жертву во имя той же высокой цели, какой-то наглец осмелился подобным образом оскорбить память Великого Праотца, ставшего символом этого священного единства! У всех были такие лица, будто сам дух Великого Праотца трубным голосом возопил с того света.

Несчастный, выдвинувший нелепое предложение так растерялся, что не знал, что и сказать. В конце концов при поддержке нескольких родственников, по доброте душевной вошедших в его кошмарное положение, он поклялся всеми святыми, что сказал не «праотца», а просто «отца», имея в виду не деда, а всего лишь папашу дядюшки. После вынесения незадачливому родственнику всеобщего порицания, после пламенных речей, полных осуждения и негодования, а вслед за тем после рассмотрения «контрпредложения» о том, что надо бы слегка удлинить и

расширить дарственное водохранилище Маш-Касема, хотя это и сопряжено с дополнительными расходами, наконец было решено вызвать Маш-Касема и поставить перед ним вопрос ребром.

Шамсали-мирза сначала в трогательной и патетической форме сообщил Маш-Касему, что для спасения великой и знатной семьи от раскола и междоусобиц его решение имеет жизненно важное значение, а затем, глядя ему в глаза, сказал:

– Мы просим вас, господин Маш-Касем, проявить самоотверженность и пойти на жертву! Готовы ли вы помочь нам во имя этой священной цели?

– Э-э-э, зачем мне врать?! До могилы-то… ать… ать… четыре пальца, не больше. Во-первых, скажу, я в этой семье хлеб-соль ем, во-вторых, ага наш, дай ему господь здоровья и благополучия, не раз и не два, а может, все сто раз, спасал меня прямо из когтей Азраила. А в-третьих, мне на жертву идти – дело привычное… Вот помню, однажды в самый разгар битвы при Казеруне одному из наших ребят пуля прямо промеж глаз попала и из затылка вышла… Но он отчаянный был… Я все стараюсь взвалить его на лошадь, чтоб с поля боя вывезти, а он – ни в какую. Ты, говорит, Маш-Касем, брось меня, мне уж недолго осталось. Так разве ж я его бросил?…

Шамсали-мирза нетерпеливо перебил его:

– Господин Маш-Касем, об этом вы расскажете позже… Отвечайте, вы готовы помочь нам в этот критический момент?

Маш-Касем, рассчитывавший, что хоть на сей раз его дослушают, очень обиделся и ответил:

– Конечно. Я вам кругом обязан.

Шамсали-мирза торжественно произнес:

– Господин Маш-Касем, мы уже подготовили почву для решения почти всех спорных вопросов между двумя сторонами. Осталась только одна проблема, а именно – подозрительный звук, раздавшийся в тот вечер на торжестве.

Маш-Касем вдруг рассмеялся:

– Так до сих пор с этим звуком подозрительным и не разобрались? Только подумать, сколько от одного звука разных заковык получилось! – Но, увидев серьезные и насупленные лица членов семейного совета, подавил смех и решительно продолжил: – Будь проклят невежа, кто себе этакое позволил!… Если б тот нахал чуток последил за собой и честь свою соблюл, не было бы никаких ссор да споров!

– Маш-Касем, я слышал, у вас есть желание построить в деревне Гиясабад, что под Кумом, крытое водохранилище и передать его в дар вашим землякам. Это правда?

– Чего ж мне врать? Я еще с того времени, как младенцем был в четыре пальца ростом, и по сю пору это

желание имею, только господь мне на то денег не дал… Гиясабадцы, бедняги, и сейчас еще воду из соленого колодца берут. Да я как раз сегодня подручного инспектора, Практикана этого, расспрашивал, построил кто в Гиясабаде хранилище для воды или нет. Он говорит: как не было, так и…

Дядя Полковник оборвал его:

– Слушай, Маш-Касем, если мы дадим тебе на это денег, ты согласен нам помочь?

– Чего же врать?! Да если, к примеру, прикажете: иди, мол, на край света – ради такого дела пойду!

Шамсали-мирза, поднявшись со стула, сказал:

– Маш-Касем, помощь, о которой мы вас просим, заключается в том, чтобы вы согласились признать, что раздавшийся в тот вечер подозрительный звук происходил из района вашего местонахождения!

– Родом из нашего квартала, что ли?

– Нет, вы не поняли… Вы должны сказать, что этот звук произвели вы… Конечно, неумышленно… случайно…

Маш-Касем вдруг залился краской и в крайнем волнении забормотал:

– Да чтоб я свету белого не видел, чтоб с голоду помер… чтоб хозяина своего, которого больше жизни люблю, собственными руками в саван обрядил – если это я! Вы думаете, для меня честь моя не дорога?! Думаете, значит,

я честь свою и вовсе не блюду?!

Шамсали-мирза закричал:

– Хватит, Маш-Касем!… Неужели не понимаешь? Мы все знаем, что это не ты сделал, но просим тебя пойти на жертву и сказать, что это был ты, ради того, чтобы кончилась в семье вражда!

– Чтоб я соврал, значит? Соврал, да еще аге моему?! Господи, сохрани и помилуй! Сколько, по-вашему, до могилы-то?

– А ты подумай, подумай! Дарственное водохранилище… водохранилище Маш-Касема… гиясабадцы молиться за тебя будут… На том свете тебе воздастся… Неужто ты не можешь…

Маш-Касем не дал договорить:

– Выходит, я должен себя опозорить, чтоб гиясабадцы хорошую воду пили?… Да пусть они сто лет без воды сидят!… Ежели гиясабадцы узнают, что я им эту воду своим позором купил, они сто лет до нее не дотронутся, даже если соленый колодец пересохнет!… Но я тут кое-что припомнил, думаю, вам поможет…

Все с ожиданием уставились в рот Маш-Касему.

– Ежели помните, в тот вечер между гостями терлась киска… кошечка, стало быть. Барышни Лейли киска-то… Почему бы не решить, что она этот подозрительный звук и сделала?

Вопль Шамсали-мирзы взвился к небесам:

– Что еще за ахинея? Всему есть мера, Маш-Касем! По твоему, мы, солидные люди, пойдем к аге и скажем, что как раз в тот момент, когда ага целился между глаз главарю разбойников, кошка барышни Лейли произвела подозрительный звук?!

В комнате раздались возгласы протеста и смех. Маш-Касем пытался что-то сказать, но никто его не слушал. А я в это время кипел от негодованья. Мне хотелось влепить Маш-Касему увесистый подзатыльник за то, что он осмелился так гадко отозваться о кошке моей Лейли. Я сейчас переживал состояние сродни тому, что охватило родственников при упоминании Великого Праотца.

В конце концов Маш-Касему удалось выкрикнуть сквозь общий шум:

– Позвольте… позвольте… Я вот что скажу… Как про меня такое сказать, так это ничего, а как про кошку – плохо?! Выходит, честь кошки значит больше, чем моя?

– Да при чем здесь честь, дурак! Ну как может такое маленькое животное…

Маш-Касем перебил дядю Полковника:

– И вовсе нет! И вовсе нет! Тут ни при чем – маленькое или большое… Во-первых, все животные такой срам себе позволяют, а во-вторых, зачем мне врать?! Все они, от воробья до коровы – я своими ушами сколько раз слышал –

подозрительные звуки производят. А в-третьих, они это не нарочно! Помню, в самый разгар Казерунской битвы я одну змею видел… Так она, бесстыжая тварь, такой подозрительный звук учинила, что даже наш смельчак поручик Голамали-хан – а он к тому же на ухо туговат был – и тот со страху проснулся! А один раз смотрю, два дятла вроде как дерутся и вдруг….

Дядя Полковник истошно завопил:

– Ты когда-нибудь закроешь рот?! Что за чушь! Что за вздор! Да чтоб у тебя на сто лет вперед язык отсох! Пошел вон, болван!

Маш-Касем надулся и, обиженный, ушел.

После его ухода семейный совет сам собой распался. Один за другим участники совещания под разными предлогами разбрелись по домам. В гостиной не осталось никого, кроме дяди Полковника, Шамсали-мирзы и Пури. Я разочарованно и безнадежно бродил по коридору и, не смея себе в том признаться, втайне ждал, что искра озарения вдруг сверкнет в голове дяди Полковника и временно безработного следователя, но, судя по их разговорам, разум их по-прежнему блуждал во тьме.

Глава восьмая

Я вернулся в сад. Дядюшка Наполеон с озабоченным

видом расхаживал по дорожкам, Маш-Касем хладнокровно поливал цветы. Дядюшка так глянул на меня, что я понял: он считает меня соучастником отцовских преступлений. Чтобы обезопасить себя от стрел, летевших из дядюшкиных гневных очей, я отошел подальше.

Несколько минут я снова перебирал в уме возможные пути спасения от напастей любви, но безрезультатно. И я мысленно заговорил с богом. Всего второй раз в жизни я обращался к нему так искренно и чистосердечно. Первый раз я это сделал во время приключившегося ночью землетрясения – я просил всевышнего до наступления утра не обрушивать на нас потолок. Но сейчас я сам не понимал, чего я хочу, и не знал, что просить у бога. Может быть, лучше, чтобы он избавил меня от любви к Лейли, думал я, кусал себя за сложенные щепоткой пять пальцев и потом дул на них (не знаю, откуда пошел у ребят такой обычай замаливать грехи). Наверно, это было бы для меня самым простым выходом из положения, потому что, осмелься я просить о благополучном исходе любви, мне пришлось бы прежде уговорить всевышнего решить еще очень много сложных задач. …Господи, сделай так, чтобы дядюшка пустил воду на наш участок, а отец потом пустил бы ее дальше, к дяде Полковнику. …Господи, заставь отца поверить в отвагу и гений Наполеона. …Господи, пусть дядюшка прикажет проповеднику Сеид-Абулькасему снять

проклятие с лекарств в отцовской аптеке. …Господи, убеди отца, что дядюшка храбро сражался за Конституцию, и что юг страны обязан своей спокойной жизнью его героизму… Господи, сделай так, чтобы Азиз ос-Салтане больше не покушалась на своего мужа… Господи, помоги отыскать Дустали-хана, а когда он отыщется, пусть ведет себя как следует и не пристает к жене мясника Ширали…

Я был погружен в эти думы, когда ворота отворились, и в сад вошла Азиз ос-Салтане. Приблизившись к дядюшке Наполеону, она застыла, как готовый к нападению боевой петух, и молча впилась в дядюшку глазами. Наконец дядюшка с беспокойством спросил:

– Ханум, что случилось?

Не отвечая на его вопрос, Азиз ос-Салтане в свою очередь спросила:

– Могу я от вас позвонить по телефону?

– Кому вы хотите звонить, ханум?

– Начальнику уголовной полиции. – И после небольшой паузы она сорвалась на крик: – Его сыщики только и знают, что издеваться над молодыми парнями!… Сколько я ни говорила этому болвану инспектору, что Асадолла ни в чем не виноват, он и слушать не желает. Я сейчас позвоню начальнику и скажу, что Асадолла, сиротинка безвинная, тут ни при чем… Скажу, что кто-то из вас Дустали порешил! Скажу, что бедняга Асадолла, чтобы вас спасти, грех на

душу взял! Ох, если бы всем вам хоть капельку благородства Асадоллы!… Да разве такой порядочный, такой деликатный и чувствительный человек может кого-нибудь убить?!

– Ханум, дорогая, прошу вас, не кричите…

– Кричала и буду кричать! Вопить буду! Визжать буду!… Думаете, я ничего не понимаю? Либо вы сами с вашими родственниками убили Дустали и теперь сваливаете это на невиновного… либо спрятали его где-нибудь, чтоб потом женить на своей сестре, которая всю жизнь в девках просидела…

С большим трудом дядюшке удалось слегка утихомирить Азиз ос-Салтане.

– Ханум, ума не приложу, какой злодей вам это внушил… Никто вашего Дустали не убивал. Дустали еще нас с вами переживет. Просто он вас испугался и куда-то спрятался…

Азиз ос-Салтане, опять разъярившись, завопила:

– Это что же, выходит, я такая страшная, что от меня прятаться надо?! Ты хоть понимаешь, старый дурак, что говоришь?… Жалость берет, что Асадолла всем вам родственником приходится! Дадите вы мне от вас позвонить или я должна для этого на базар идти?

Дядюшка снова постарался успокоить Азиз ос-Салтане и мягко сказал:

– Ханум, я не знаю, где сейчас Дустали, но даю вам

честное благородное слово, что далеко он не ушёл, еще до утра я доставлю его вам в целости и сохранности. Разрешите, я пошлю за инспектором. Когда он придет, вы ему скажите, что Дустали нашелся, вернее, что вы знаете, где он… А если вы будете скандалить, беднягу Асадоллу отправят в тюрьму!

– Господи, пусть я лучше умру, чем увижу, как такого прекрасного человека в тюрьму посадят!… Я заявлю сыщику, что вообще забираю свою жалобу обратно.

– Ханум, это ничего не даст. Вы должны сказать, что Дустали жив и уже разговаривал с вами… э… по телефону. Даю вам слово, что к завтрашнему дню Дустали…

Азиз ос-Салтане раздраженно оборвала его:

– Да чтоб ему сто лет без головы оставаться! Я, может, вообще не хочу жить с этим вашим Дустали! Очень мне нужно его теперь видеть! – Помолчав, она подозвала Маш-Касема: – Эй, Маш-Касем! Беги домой к Асадолла-мирзе, скажи сыщику: ханум, мол, просила передать, скорее идите сюда – Дустали нашелся!

Маш-Касем поставил лейку на землю:

– Радость-то какая, ханум! С вас мне награда причитается за доставку счастливой вести!

– Не торопись, голубчик! Погоди, вот вернется Дустали на самом деле, тогда вы оба у меня награду получите дубинкой по башке!

Уже почти стемнело, когда наконец прибыл инспектор Теймур-хан. За ним в ворота вошел Асадолла-мирза вместе с помощником инспектора практикантом Гиясабади и Маш-Касемом. Едва ступив в сад, сыщик закричал:

– Молчать! Где убитый? Быстро, срочно, немедленно, точно!

Дядюшка пошел ему навстречу:

– Господин инспектор, я очень рад, что это недоразумение устранено. Муж ханум Азиз ос-Салтане жив, здоров и находится в доме у одного из родственников.

– Вы… молчать! Где убитый?… Быстро, срочно, немедленно!

И, вплотную приблизив свое огромное лицо к дядюшкиному, сыщик с подозрением спросил:

– Вы уверены, что убитый жив?

Тут вмешалась Азиз ос-Салтане:

– Господин инспектор, к счастью, выяснилось, что Дустали цел-целехонек… Что такому битюгу сделается? Он еще меня первую в могилу сведет!

Асадолла-мирза, который, войдя в сад, молча счищал с сюртука грязь и, судя по всему, не имел ни малейшего желания вступать в разговоры, с облегчением вздохнул:

– Фу ты! Благодарю тебя, господи, что ты вернул жене мужа!

Сыщик подскочил к нему:

– Рано радуетесь!… Мы еще посмотрим! Если убитый жив, то почему вы сознались в его убийстве? Что побудило вас сделать это признание? А? Быстро, срочно, немедленно! Отвечайте!

– Наверно, мне это во сне приснилось.

– Молчать! Издеваетесь?! Человека убивают, убийца лестью располагает к себе вдову убитого, та заявляет, что ее муж жив, а инспектору, ведущему уголовное расследование, остается только быть пай-мальчиком, пожелать всем спокойной ночи и вернуться к себе домой – так, по-вашему?! Молчать!… Даст бог, я еще сам накину тебе на шею петлю!

Азиз ос-Салтане разъяренной львицей бросилась на инспектора:

– Что, что?! Петлю?! На шею своему папаше ее накидывай! Да я тебе глаза выцарапаю!

Дядюшка в тревоге вмешался:

– Ханум, дорогая моя, прошу вас! Умоляю! Господин инспектор выполняет обязанности, предписанные ему законом. Вы должны все ему спокойно объяснить, а не…

– А вы чего вмешиваетесь? Да кто вы такой?! Мой муж-ишак развратничает. Я сама сюда сыщика привела. У него ума не хватает, так он по дурости своей возводит напраслину на ни в чем неповинного человека, а я хочу его вразумить… Вам-то что до всего этого?…

– Молчать! Всем молчать!… Я говорю, молчать!

– Как же, разбежалась! Да я сейчас так тебя этим совком огрею, что у тебя ни очков, ни глаз твоих слепых не останется! – И подкрепляя слова делом, Азиз ос-Салтане замахнулась совком на инспектора.

Асадолла-мирза схватил ее за руку:

– Ханум, милая, успокойтесь, прошу вас!

Рвавшаяся в бой Азиз ос-Салтане мгновенно присмирела и с несвойственной ей мягкостью сказала:

– Как прикажешь, дорогой.

Инспектор, слегка растерявшийся от нападок Азиз ос-Салтане, вернул себе присутствие духа:

– Молчать! Ханум!… Пока я собственными глазами не увижу убитого, я не могу освободить обвиняемого… Практикант Гиясабади, уведи задержанного!

Практикант щелкнул каблуками и потянул Асадолла-мирзу за руку:

– Пройдемте!

Но не успел еще никто ничего сообразить, как раздался дикий вопль. Азиз ос-Салтане с размаху огрела практиканта совком пониже спины.

Инспектор прерывающимся от гнева голосом крикнул:

– Молчать! Нанесение телесных повреждений должностному лицу при исполнении служебных обязанностей!… Ханум, вы с этой минуты тоже находитесь под арестом. Практикант! Уведи и ханум!

Практикант, держась рукой за зад, с перекошенным от боли лицом, ответил:

– Прошу прощения, но ханум вы уж сами ведите, а я поведу убийцу.

На шум прибежали дядя Полковник и Шамсали-мирза. Но, увидев полное решимости лицо Азиз ос-Салтане и совок, который она угрожающе занесла над головой, они замерли на месте.

Дядюшка Наполеон тихо попросил:

– Асадолла, сделай же что-нибудь.

Тот шепотом ответил:

– Моменто, моменто. Я вам что, укротитель хищников?

Тем не менее он приблизился к Азиз ос-Салтане и громко сказал:

– Азиз-ханум, бросьте-ка вы этот совок… Позвольте нам все объяснить господину инспектору. Дракой мы ничего не добьемся.

– Только ради такого ангела, как ты, я их прощаю!

Стоило Азиз ос-Салтане положить совок на землю, как практикант Гиясабади, преисполненный служебного рвения, подошел к Асадолла-мирзе и просительно сказал:

– Вам бы лучше пойти со мной… Вы человек умный…

Асадолла-мирза вырвал свою руку и посоветовал:

– А ну – на место! Смотри, ханум снова рассердится!

Дядюшка Наполеон вмешался:

– Господин инспектор, дело в том, что Дустали-хан уже нашелся. Он сам сообщил своей супруге, что пребывает в добром здравии. В связи с этим надобность в расследовании ее жалобы отпала.

Инспектор покачал головой:

– Вы, как видно, глава семьи, так объясните же им всем, что расследование, начатое по жалобе частного лица, в том случае, когда дело касается убийства, не может быть окончено, даже если истец отказался от своих претензий… Я вынужден задержать убийцу. А вы завтра приходите вместе с убитым в управление полиции и сами договаривайтесь, чтобы обвиняемого отпустили.

Асадолла-мирза не выдержал:

– Моменто, моменто, инспектор! А если убитый не захочет идти в полицию?

Инспектор заорал:

– Молчать! Практикант Гиясабади, в направления тюрьмы – шагом марш!

Но Азиз ос-Салтане заорала еще громче:

– А ну, вы оба, шагом марш на кладбище! – И, стремительно выхватив совок из рук Маш-Касема, добавила: – Пошли со мной, Асадолла! Я позвоню начальнику полиции и расскажу ему, что они тут вытворяют!

С этими словами она взяла Асадолла-мирзу за руку и потащила его в дом дядюшки Наполеона. Остальные

последовали за ними.

Пока, не выпуская совка из рук, Азиз ос-Салтане пыталась связаться с начальником инспектора, мужчины окружили ее кольцом, но сохраняли почтительную дистанцию и никто не решался подойти ближе. Только Асадолла-мирза стоял рядом с ней. Наконец ее соединили с кем надо:

– Алло… Здравствуйте, уважаемый… Уж и не знаю, как вас благодарить… Да, да, нашелся. Разобиделся, видите ли, сидит у одного нашего родственника. Спасибо… Премного благодарна… Но дело в том, что этот ваш инспектор Теймур-хан никак не хочет успокоиться… Да, вы только подумайте!… Он настаивает на том, что Дустали-хана убили, и хочет задержать Асадолла-мирзу… Да?… Совершенно верно, именно так. Да, да, сын дяди Рокнаддин-мирзы… Не помните? В тот год, когда вы с нами ездили в Демавенд, он тоже был… Да, да, совершенно верно. Добрейший человек, муху не обидит… Конечно. Я передаю трубку инспектору…

Азиз ос-Салтане протянула трубку сыщику:

– Извольте! – И, увидев, что тот боится подойти, заорала: – Не трону я тебя, не трону!

Инспектор взял трубку и щелкнул каблуками:

– Здравия желаю!… Да… Конечно, как вы прикажете… Но, видите ли, в деле, открытом по жалобе ханум Азиз ос-

Салтане, мы записали, что ее муж убит. И теперь, пока я собственными глазами не увижу убитого, и он не будет опознан… Да, да?… Сама ханум? Но как может сама ханум взять на поруки обвиняемого?… Да?…

Азиз ос-Салтане энергично отпихнула инспектора и вырвала у него трубку:

– Алло… Да, я сама возьму Асадолла-мирзу на поруки… О чем разговор?! Сегодня сама буду сторожить его в собственном доме, и ваш сотрудник тоже может там ночевать…

Асадолла-мирза с округлившимися от удивления глазами запротестовал:

– Моменто, моменто! Ханум, что это вы такое говорите? Что, значит, вы будете меня сторожить в своем доме?

Азиз ос-Салтане прикрыла ладонью трубку и ласково попросила:

– Угомонись, милый. Мне не слышно, что говорит господин начальник… Верхние комнаты у меня свободны, там и переночуешь. Господин инспектор, идите сюда! Ваш начальник снова хочет с вами поговорить.

– Алло… Да?… Слушаюсь! Будет сделано!… Обязательно… Рад стараться!

Теймур-хан положил трубку и, надвигаясь на изумленного и растерянного Асадолла-мирзу, гаркнул:

– Молчать! На сегодняшнюю ночь мы отдаем вас на

поруки ханум, но вы не имеете права отлучаться из ее дома ни на шаг! Практикант Гиясабади будет находиться в этом же доме и сторожить вас… Молчать! Практикант Гиясабади, ты меня слышал?! Сегодня будешь ночевать в доме ханум! Обвиняемый не имеет права никуда выходить! Если это случится, отвечать будешь ты!

Азиз ос-Салтане торжествующим и в то же время ласковым тоном сказала:

– Пока я жива, Асадолла, тюрьма тебе не грозит!

Асадолла-мирза вытер пот со лба и, почти теряя сознание, тяжело свалился на скамейку в дядюшкиной прихожей.

– Моменто, моменто! – испуганно забормотал он. – Вот уж действительно моменто! А если вдруг этот ишак Дустали вернется ночью домой, что тогда?! И вообще, что будут люди говорить?! Позвольте, я уж останусь ночевать здесь, а господин практикант тут меня и покараулит…

– Молчать!… Кому говорю… молчать! Мы не отправляем убийцу в тюрьму только потому, что ханум взяла его на поруки. Ханум, теперь вы обязаны сами за ним следить и отвечать за него перед законом!… Практикант Гиясабади, уведи обвиняемого! Молчать!

Временно безработный следователь Шамсли-мирза с пылающим лицом возопил:

– Господа! Что за безобразие! Что за безнравственность!

Как это здоровый молодой мужчина останется ночевать в доме почтенной женщины в отсутствие ее мужа?! Вы же ставите под угрозу честь всей семьи!

Дядюшка Наполеон попытался урезонить его:

– Не шуми, Шамсали! Главное, замять этот нелепый скандал… Чего ты боишься? Асадолла – не мышь, и кошка его не съест!

– Да о чем вы говорите, ага?! Покажите мне закон, запрещающий Асадолле ночевать в собственном доме или в крайнем случае здесь!

Инспектор Теймур-хан закричал:

– Молчать! Кто вам дал право вмешиваться в работу представителя закона? А? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно, точно! Молчать!

Шамсали-мирза собрал всю свою волю, чтобы говорить спокойно:

– Господин инспектор, я в законах тоже разбираюсь. И я спрашиваю вас, человека сведущего, что мешает моему брату, если его возьму на поруки я, ага, или та же ханум, ночевать сегодня у себя дома?

Его рассудительный тон несколько успокоил сыщика.

– Молчать! То, что за него можете поручиться вы, или ага, или кто-нибудь еще, мне не важно. Ханум Азиз ос-Салтане несет ответственность перед законом. Если она не будет возражать, мне все равно. Ханум, вы не возражаете?

Азиз ос-Салтане, все это время не считавшая нужным вмешиваться, внезапно вскипела:

– А откуда я знаю, что они не заставят беднягу сбежать, как заставили сбежать Дустали? Я могу за него отвечать только когда он у меня перед глазами.

У Шамсали-мирзы от ярости вздулись на шее жилы. Повернувшись к брату, он крикнул:

– Асадолла, а ты что молчишь? Сам-то скажи что-нибудь!

Асадолла-мирза кротко ответил:

– Братец, не могу я идти против закона!

Все ошеломленно уставились на него. Предполагалось, что борьба идет за спасение Асадоллы из цепких когтей Азиз ос-Салтане, а тут вдруг выяснилось, что он смирился с судьбой и, более того, вроде бы не так уж ею недоволен.

Асадолла-мирза заслужил в семье репутацию повесы и распутника, и женщины ни о ком не шушукались столько, сколько о нем. Но даже, когда ругая его, они говорили: «Вот ведь бесстыжий», или: «У, глаза нахальные, чтоб ему пусто было!» – в их словах проскальзывали нотки ласкового восхищения, доказывающего, что его бесстыдство и нахальство были им по душе.

Но хотя все знали о похождениях Асадолла-мирзы, никто и предположить не мог, что он не упустит своего, даже когда дело коснулось женщины лет на двадцать его

старше.

Голос инспектора Теймур-хана вывел присутствующих из оцепенения.

– Молчать! Ханум, вот вам бумага и перо, пишите то, что я буду диктовать!

Азиз ос-Салтане положила совок на пол и взяла бумагу и ручку.

– Пишите… Я… дальше пишите свое имя и фамилию… настоящей распиской обязуюсь, что завтра рано утром… доставлю в сыскное отделение уголовной полиции господина Асадолла-мирзу… Укажите его имя и фамилию полностью, а также имя и фамилию его отца… Написали?… И сдам его в руки соответствующих инстанций…

– Моменто, моменто! Она должна написать, что получила меня целым и невредимым и обязуется вернуть в том же виде…

– Молчать! Кто вам разрешил вмешиваться?! А? Кто? Быстро, немедленно, точно!

– Почему же молчать, инспектор?! Я сейчас в полном комплекте, все части и фрагменты моего организма, как уважаемые, так и неуважаемые, на месте и в порядке. Чтобы завтра не говорили, что чего-то у меня не хватает!

Азиз ос-Салтане, покусывая кончик пера, ласковым, влюбленным голосом пожурила:

– Ах ты, бесстыдник! Что это ты такое говоришь!

– Господин инспектор, чтобы все было по закону, надо составить точную опись всех имеющихся налицо частей моего организма!

Азиз ос-Салтане влюбленно засмеялась:

– Ну как тебе не совестно! Асадолла!

– Молчать! Я сам буду сопровождать вас до дверей дома ханум… Практикант Гиясабади, вперед!

Асадолла-мирза сел в кресло, вцепился в подлокотники и, хитро поблескивая глазами, заявил:

– Я не пойду! Ведите силой!

– Молчать! Практикант Гиясабади!

Инспектор и его помощник схватили Асадолла-мирзу за руки и, преодолев его притворное сопротивление, подняли с кресла. Шагая между двумя служителями закона, Асадолла-мирза крикнул дядюшке Наполеону:

– Моменто, моменто! Если, не дай бог, что-нибудь случится, отвечать будете вы – это вы сделали из меня убийцу!… Практикант Гиясабади! Вперед! Берем направление на Сан-Франциско!

Побагровевший от возмущения Шамсали-мирза хриплым голосом с трудом выговорил:

– Асадолла! Тебе в лицо плюнуть мало!

– Моменто, моменто! Удивительное дело! Я сегодня заглянул сюда на минутку, хотел поздороваться и идти дальше, а вместо этого стал убийцей, наслушался ругани,

перекопал весь свой огород, а теперь еще накануне путешествия меня же и оскорбляют!

Молча стоявший в углу Маш-Касем насмешливо осведомился:

– А разве вы в путешествие собрались? Куда же путь держите?

– В сторону Сан-Франциско.

– Счастливого пути! Про гостинцы не забудьте!

– Даст бог, через девять месяцев и гостинец вам всем будет!

– Молчать! Я сказал – вперед! До свиданья, господа!

Как только Асадолла-мирзу и Азиз ос-Салтане вывели за ворота, дядя Полковник принялся укорять дядюшку Наполеона:

– А вы что же стояли и молчали?… Вроде будто и не вы в семье старший!… До каких пор нам терпеть этот срам?! До каких пор мириться с позором?! Сами подумайте!… Теперь, когда ваш зять уже пошел на попятный, вам тоже пора сделать шаг навстречу! Он говорит, что готов пустить воду на мой участок… готов забыть о скандале…

Чаша дядюшкиного терпения переполнилась, и он завопил в точности как инспектор:

– Молчать! Теперь и вы наносите мне удар ножом в спину! С меня довольно!… С одной стороны этот негодяй, с другой – вы все! За что мне такое наказание!

Дядя Полковник уже гораздо мягче сказал:

– Братец, но раз уж этот негодяй готов забыть о случившемся, вам бы тоже следовало…

Дядюшка Наполеон резко перебил его:

– Да почему ж ты такой дурак? Ты что, не знаешь этого мерзавца?! Не знаешь, что ли, гадюку эту?! Как говорил Наполеон, нет ничего опаснее затишья на поле боя. Даю голову на отсечение, подлец сейчас готовит новую пакость!

В этот момент все стояли перед дверью дядюшки Наполеона. Я невольно кинул взгляд в сторону собственного дома. Догадка дядюшки показалась мне не лишенной оснований, но я нигде не увидел ни отца, ни нашего слугу, обычно выполнявшего роль отцовского лазутчика. Хотя все это время я старался держаться подальше от дядюшки, тем не менее по-прежнему существовала опасность, что он меня заметит. Как бы то ни было, оставаться здесь мне уже не имело смысла, и я, решив узнать, где отец и чем он занят, крадучись возвратился к себе домой.

Ни во дворе, ни в комнатах отца не было. Калитка была открыта. Я высунулся на улицу и, приглядевшись, различил в сумерках фигуру отца, притаившегося за большим деревом. Он явно ждал кого-то или чего-то.

Прошло несколько минут. Внезапно отец оживился. Я проследил за его взглядом. Из дома Азиз ос-Салтане показался инспектор Теймур-хан и зашагал по улице,

вероятно, направляясь восвояси. Когда он подошел поближе, отец выступил из-за дерева и сделал вид, что откуда-то возвращается домой.

– Здравствуйте господин инспектор… Надеюсь, расследование закончилось успешно?

– Молчать!… О, извините… Это вы?… Как здоровье?

– Премного благодарен, инспектор… Вы мне не ответили, какой результат дало расследование. Хотя, конечно, я и сам понимаю, вряд ли остались нерешенные вопросы… Кстати, я тут час назад встретил одного своего знакомого. Он как только услышал, что за дело взялись вы, сразу сказал: «Второго такого, как господин Теймур-хан, во всей стране нет!» Чем все же закончилось расследование?

– Истица заявила, что убитый жив, и я…

– Поразительно! И вы в это поверили? Вы сами видели Дустали-хана?

– Нет… но… Конечно, осмелюсь доложить, что… я вообще отношусь с подозрением к любым заявлениям и любым действиям… Я лично убитого не видел, но он позвонил истице по телефону, и я временно оставил обвиняемого на свободе.

– На свободе?! Ну, уж от вас-то я такого не ожидал!…

– Конечно, не совсем чтобы на свободе… Я отдал его под расписку на поруки истицы. Кроме того, мой помощник остался сейчас в ее доме, чтобы завтра утром… Да, в общем-

то, и это я сделал лишь по настоянию шефа, а иначе вряд ли дал бы обвиняемому такую поблажку.

Вот отец и узнал теперь обо всем, в том числе и о том, что Асадолла-мирза пребывает в доме Азиз ос-Салтане. Когда сыщик пошел дальше, отец вернулся домой и несколько минут задумчиво бродил по двору. По тому, как он все убыстрял шаги, я догадался, что нервы у него взвинчены и он чего-то ждет.

Послышался скрип калитки. Во двор вошел наш слуга и незамедлительно направился к отцу. Отец сердито зашептал:

– Осел! Ты где пропадал полдня? Всыпать тебе сейчас как следует!…

– Уж вы про обещанную награду, пожалуйста, не забудьте. Я нашел то место, где Дустали-хан спрятался!

– Что? Правда?… Ну говори быстро, где он?…

– Я поклялся, что никому не скажу.

Отец схватил слугу за ухо и прохрипел:

– Будешь говорить или оторвать тебе твое ослиное ухо?

– Хорошо, хорошо… Он в доме у доктора.

– Что? В доме у доктора Насера оль-Хокама?

– Да, ага… Только я честью своей поклялся, что никому не скажу.

Не слушая его, отец пробормотал:

– Вот ведь подлец! Нашел где спрятаться!… Прямо у всех под носом… Никто бы и не додумался!… Слушай!

Сейчас же беги к доктору, скажи, что у меня к нему дело, пусть срочно идет сюда. Понял?

Через несколько минут доктор Насер оль-Хокама в просторной полосатой пижаме вошел в наш двор. Отец взял его за руку и повел в гостиную. Я прилип ухом к двери. Начало разговора я уже пропустил.

– Согласен, но не могу же я его выгнать из своего дома, не могу же ему сказать…

– Послушайте, доктор! Чтобы он избавил вас от своего присутствия, а сам избавился от неприятностей, лучше того, что я вам предлагаю, вы ничего не придумаете. Скажите ему, что все решили, что он убит, и сыщик подозревает в убийстве мясника Ширали и уже отрядил людей, чтобы его арестовать… Скажите, что, когда Ширали арестуют, ему неизбежно сообщат, что подозрение на него пало потому, что Дустали путался с его женой. Уверяю вас, когда Дустали услышит от вас имя мясника, он пулей вылетит из вашего дома.

Бедняга Насер оль-Хокама очень разволновался. По его дрожащему голосу я понял, что отец успел расписать ему мрачные последствия укрывательства Дустали-хана.

С озабоченным и хмурым лицом доктор поспешил к себе домой, а отец притаился в засаде у калитки, поджидая появления Дустали-хана.

Прошло, наверно, с полчаса. Вдруг отец привстал,

высунул голову в калитку и тут же выскочил на улицу. Я было собрался за ним, но не успел, потому что во двор вошел Дустали-хан, а следом за ним – отец.

Обернувшись в темноту, отец остановил пытавшегося войти во двор доктора Насера оль-Хокама:

– А вы, доктор, идите отдыхайте. Даст бог, все уладится.

Потом отец повел Дустали-хана в гостиную, где незадолго перед этим совещался с доктором.

Для меня было важно услышать их разговор целиком. Хоть я и не знал отцовских планов, но догадывался, что вряд ли все это кончится добром, как обещал отец.

Пожурив Дустали-хана за то, что он сбежал, отец участливо сказал:

– Какие вы все-таки все дети! Ну разве так можно? Из-за пустяковой ссоры, какие бывают между всеми мужьями и женами, нельзя же бросать жену и сбегать!

– Чтоб я сто лет без такой жены жил! Не жена это, а смерть в юбке!

Отец ласково, словно наставляя ребенка, заметил:

– Милый ты мой, подумай, – сколько лет вы уже вместе прожили. И горе делили, и радость… И дальше вам вместе жить…

В голосе у отца было столько искренней теплоты, что мне даже стало стыдно, что я мог усомниться в его добрых

намерениях. Он все так же заботливо продолжал:

– Кто тебя поддержит и ободрит в горькую минуту одиночества? Кроме нее – некому. И ты у нее тоже единственная опора. Она ведь тебе, что ни говори, жена. Она ведь твою честь бережет, верность тебе хранит… Ты небось ведь о том и не думаешь, что бросаешь ее, оставляешь одну, а в это время волки похотливые вокруг дома твоего зубами жадно щелкают!…

Дустали-хан нетерпеливо сказал:

– Дай бог, чтоб эти волки ее и сожрали!

– Ну что ты говоришь, Дустали! Ты б мозгами пораскинул. Люди-то нынче плохие пошли… Ни человечности в них, ни благородства… Я ведь, к тебе как к своему младшему брату отношусь. Хочу до ума тебя довести. Если, не приведи господь, ты ненароком узнаешь, что за время твоего отсутствия кое-что случилось… то помни, жена твоя, бедняжка, в этом не виновата.

Дустали-хан насторожился:

– Вы вроде как что-то мне открыть хотите? В чем дело?

– Сначала поклянись никому не говорить, что ты это от меня услышал.

– Прошу вас, объясните, что произошло!

– Клянусь твоей жизнью и жизнью собственных детей, что если я тебе об этом и расскажу, то только из самых добрых побуждений!

– Но что случилось? В чем дело? Почему вы молчите?

– Когда ты исчез… они распустили слухи, что – типун мне на язык! – с тобой несчастье. Тогда этот князь Асадолла-мирза – потаскун паршивый, наглые глаза, порази его господь! – и говорит, что я, мол, сегодня пойду спать к ханум Азиз ос-Салтане, чтоб она, не дай бог, одна не испугалась!… Конечно, ханум Азиз ос-Салтане не из тех, к кому грязь пристанет, но ведь соседи…

Дустали-хан с минуту помолчал, потом срывающимся от ярости голосом переспросил:

– Князь сегодня пошел ночевать в мой дом? К моей жене?

– Да ты не волнуйся!… Князь он ведь тоже не такой человек, чтобы…

– Не такой человек, чтобы что?… Я сам боюсь с этим развратником наедине оставаться! Ну, я этому князю… ну я… ну…

Отец усадил Дустали в кресло, чтобы тот дал ему договорить.

Я, ошеломленный, какое-то время не мог прийти в себя и стоял как истукан. Это уже становилось опасно. Отец в своей ненависти к дядюшке и его семье шел на все. В голове у меня тут же созрело решенье, и я опрометью бросился к дому Дустали-хана.

Прибежав, я изо всех сил забарабанил в ворота. Почти

тотчас мне открыла сама Азиз ос-Салтане. Я влетел во двор. Азиз ос-Салтане была одета в кружевную ночную рубашку, а из окна высовывалась голова Асадолла-мирзы, пытавшегося разглядеть, кто пришел.

Я бросился в дом. Азиз ос-Салтане с криком погналась за мной.

– Чего тебе надо? Что случилось? В чем дело?

Прибежав к Асадолла-мирзе, я, тяжело дыша, сказал:

– Дядя Асадолла, быстро удирайте отсюда! Отец нашел Дустали-хана и сказал ему, что вы сегодня ночуете у ханум.

Асадолла-мирза секунду ошарашенно смотрел на меня, потом ринулся к креслу, на которое бросил свой пиджак и галстук-бабочку, и, напяливая пиджак, забормотал:

– Моменто, моменто! Сейчас придется давать отпор этому ишаку!

Азиз ос-Салтане взяла его за локоть:

– Я сама с ним разберусь! Не бойся!

Я с беспокойством сказал:

– Ханум, пусть уж он лучше бежит. У Дустали-хана от гнева глаза на лоб вылезли!… А где помощник инспектора? Вы ему скажите, что, если Дустали-хан сюда придет, пусть он ему ничего не говорит.

– Я его послала на базар, купить кое-что попросила.

Торопливо пристегнув бабочку, Асадолла-мирза сказал:

– Азиз-ханум, и не передать моего сожаления… Даст

бог, как-нибудь в другой раз увидимся.

В эту минуту в ворота дома заколотили.

– Ой, господи, что же делать? Пришел! – Азиз ос-Салтане в тревоге огляделась по сторонам.

Асадолла-мирза тоже совершенно растерялся и начал искать, где бы спрятаться. Мне в голову пришла спасительная мысль. Я предложил:

– А может, вам через крышу убежать?

– Верно, Асадолла! Беги!

Держа в руке туфлю, шнурок которой никак не хотел развязываться, Асадолла бросился к лестнице, ведущей на крышу. Я побежал за ним. Выпустив нас, Азиз ос-Салтане закрыла за нами дверь и пошла к воротам, которые дрожали под непрестанными ударами молотка.

Еще через секунду со двора донесся рев Дустали-хана:

– Где этот развратник?… Где этот бесчестный негодяй?

Асадолла-мирза шепотом заметил:

– Ну у него и глотка!… А тебе спасибо, что спас меня от этого медведя! Теперь я у тебя в долгу.

Между тем во дворе все громче орал Дустали-хан и истошно визжала Азиз ос-Салтане. Она клялась памятью Великого Праотца, что все это вранье, а Дустали-хан, рыча, обыскивал комнату за комнатой. В это время в ворота снова постучали. Азиз ос-Салтане настаивала, что нечего отворять, говорила, что это наверняка пожаловал какой-нибудь

поздний гость и он не даст им спать, но Дустали-хан, по-прежнему горя от возмущения, открыл ворота и оказался нос к носу с практикантом Гиясабади.

Практикант, едва ворота открылись, выпалил:

– Ханум, того вина, которое вы просили, не было. Я вот это купил… Постойте-ка, а где же Асадолла-хан?… А? Где он? Куда он ушел? Быстро, немедленно… Отвечайте!

Распластавшись на крыше, Асадолла-мирза пробормотал:

– О святой Али!… Бежим! Дело дрянь!

Во дворе хором вопили Дустали-хан, Азиз ос-Салтане и практикант Гиясабади, а мы, согнувшись пополам, крались по крыше. Уже перебравшись на крышу соседнего дома, мы услышали, как заходила ходуном дверь, через которую нас выпустила Азиз ос-Салтане. Дустали-хан кричал:

– Ключ!… Куда ты спрятала ключ?

Мы опрометью перебежали еще через две крыши и оказались в тупике – дальше нужно было пройти по очень узкой стене. В темноте мы метались в поисках безопасного пути, как вдруг чей-то бас словно пригвоздил меня к месту:

– Ах ты ж подлец! Воровать забрался!

Я обернулся. Чья-то огромная тень сгребла в охапку Асадолла-мирзу и подняла его над землей. Князь, не успел и пикнуть, как его по лестнице стащили с крыши во двор. Я побежал туда же. Когда во дворе вспыхнула лампа, я узнал в

похитителе князя мясника Ширали, а Ширали в свою очередь немедленно узнал Асадолла-мирзу. Он осторожно опустил князя на землю и сказал:

– Вы уж извините меня, дурака, господин Асадолла-мирза. Я вас сначала и не признал. А что вы делали на крыше?

Асадолла-мирза, еще не придя в себя от ужаса, пробормотал:

– Ну вы меня и напугали, господин Ширали!

– Виноват!… Уж вы не серчайте!… Я вашу доброту завсегда помню… Но что вы делали на крыше?

– И не спрашивайте, Ширали! Не спрашивайте! До чего ж бывают подлые люди!… Этот Дустали решил мне отомстить за свою давнюю обиду из-за раздела земельного участка и пригласил меня к себе домой. Я и пошел. А его самого, подлеца такого, дома не оказалось. Я сижу себе с ханум Азиз ос-Салтане, о том о сем разговариваем, вдруг врывается этот негодяй и обвиняет меня в разврате!…

– Неужто правда, ага? Вот уж ни стыда, ни совести! Тьфу! Только подумать! Чтобы другого опозорить, готов собственную жену оклеветать!

Ширали схватил лежавший у бассейна длинный нож и грозно заявил:

– Вы мне только слово скажите, я ему кишки выпущу!

– Моменто, моменто! Прошу вас, не связывайтесь, не

пачкайте рук! Я сегодня где-нибудь спрячусь, а до завтра этот олух успокоится.

– Вы уж сегодня оставайтесь здесь ночевать! Для меня это честь большая. Добро пожаловать!… Я вам в нижней комнате постелю. А о том, что случилось, и думать забудьте! Такое про вас сказать!… Да я вам бы и честь сестры своей, и матери, и жены бы доверил…

– Дай вам бог здоровья, Ширали. Вы мне теперь все равно что брат родной!

Повернувшись ко мне, Асадолла-мирза сказал:

– Ты, милый, иди домой. А о том, где я, никому ни гу-гу! – И, обращаясь к Ширали, добавил: – Если б не этот паренек, мне бы сегодня несладко пришлось. Только подумать!… Выдвигать подобные обвинения… и против кого?! Против меня?! Да чтоб я… и к тому же с этой ведьмой!…

– Бог с вами, господин Асадолла-мирза! – воскликнул Ширали со смехом. – Ни про вас, ни про ханум Азиз ос-Салтане никто ничего такого не подумает – она ведь вам в матери годится!… А вообще-то женщина сама должна, о своей чести заботиться. Вы мне как брат родной, я уж с вами откровенно буду… Жена у меня молодая, могла бы ханум Азиз ос-Салтане внучкой быть. А уж красивая! Один ее ноготок сотни таких, как Азиз ос-Салтане, стоит. А вы хоть раз ее на улице или на базаре видели?

– Никогда! Никогда!… О чем вы говорите?! Да как же вы можете сравнивать свою жену с этой ведьмой?

– Вообще-то, ага, когда у человека молодая жена… Одним словом, как бы там ни было, а вокруг нее обязательно начнут увиваться. Но моя-то женушка… во-первых, из дому – ни на шаг, во-вторых, сам, когда утром ухожу, каждый раз сначала молитву творю, препоручаю ее заботам пяти великих святых, а уж потом иду себе со спокойным сердцем в свою лавку. Сам я никогда на чужих жен не зарюсь – глядишь, господь и честь моей семьи убережет…

– Молодец!… Умница!… Это ж лучшая гарантия!… Дай тебе бог здоровья! Все правильно, поручай жену заботам пяти святых, а сам не волнуйся!

Ширали пошел в верхнюю комнату, чтобы принести постель для незваного гостя. Я собрался уже уйти, но вдруг заметил, как жарко блестят глаза Асадолла-мирзы. Посмотрев в ту сторону, куда глядел он, я увидел за открытой дверью женской половины прекрасные глаза Тахиры, жены Ширали. Чуть прикрыв лицо краем чадры, она с пленительной улыбкой наблюдала за гостем.

Я сказал:

– До свиданья. Может, вам что-нибудь сюда принести, дядя Асадолла?

Не отрывая глаз от красавицы Тахиры, Асадолла-мирза ответил:

– Нет, дорогой мой. Все, что мне надо, здесь есть. Иди, ложись спать. Только не забудь: ты понятия не имеешь, где я. И главное, ни в коем случае не выдай меня этой ведьме!… – И, скользя горячим взглядом по телу жены Ширали, добавил: – И в деяниях господних порой нет чувства меры!… Да, и помни, если когда-нибудь будет у тебя неприятность или помощь понадобится, обращайся к дяде Асадолле! Ты сегодня очень меня выручил! Дай тебе бог долгой жизни, парень!

Во двор вышел Ширали, неся охапку одеял и ковров. Я двинулся к воротам. Уже выходя на улицу, я обернулся и посмотрел на Асадолла-мирзу. Впившись глазами в грудь Тахиры, он бормотал:

– Меня когда-нибудь убьют, это точно… Скорей бы уж убили, избавили бы от таких мучений! Ох, скорей бы!

По двору раскатился бас Ширали:

– Если вас когда убьют, то только через мой труп!… Пусть только кто на ворота вашего дома не так посмотрит, я его мигом пополам разрублю!… Меня недаром Ширали зовут. Я двоих уже порешил, надо будет – и третьего к ним добавлю!

Глава девятая

Я неслышно выбрался из двора Ширали и поспешил

домой. Наша калитка была открыта, я тихонько вошел и неожиданно оказался лицом к лицу с отцом, который, как я тут же понял, прятался в засаде.

– Ты куда ходил?

– Я был у тети.

– Нельзя так поздно засиживаться… Иди быстро поужинай и ложись спать.

– А вы разве не пойдете ужинать?

– Нет, у меня еще дела есть. Иди.

Я догадался, что отец напряженно ждет результатов своих интриг. Поужинав вместе с матерью и сестрой, я ушел к себе в комнату, но у меня не было твердой уверенности, что треволнения этого полного событиями дня уже позади.

Хотя я был спокоен за Асадолла-мирзу, который надежно устроился у Ширали, оставалось еще слишком много не известных мне тревожных обстоятельств. Я не знал, чем все кончилось в доме Дустали-хана, не знал, что происходит за дверьми дядюшки Наполеона, и, самое главное, не знал, какой новый план зреет в голове у отца.

Чувствуя, что вконец вымотался, я залез под москитную сетку, но не надеялся, что усну, настолько меня мучили сомнения и любопытство. Особенно меня беспокоило то, что отец до сих пор кого-то караулит у калитки. Но стоило моей голове коснуться подушки, как все мои опасения куда-то исчезли, усталость взяла верх, и я погрузился в глубокий

сон.

Утром, когда я проснулся, в доме царили мертвая тишина и покой. Меня одолевало желание узнать, что произошло после того, как я заснул. Надеясь встретить Маш-Касема, я вышел в сад. Но Маш-Касема нигде не было видно. Я открыл ворота и выглянул на улицу, рассчитывая увидеть его там. Но вместо него неожиданно увидел Азиз ос-Салтане, которая торопливо шагала в мою сторону. Я пошел ей навстречу. Заметив меня, она обрадовалась.

– Как хорошо, голубчик, что я тебя встретила. Я как раз собиралась тебе покричать, чтоб вышел. Скажи, куда вчера пошел Асадолла?

– А я его потом не видел, Азиз-ханум. Мы с ним по крышам добрались до самой канавы, там спрыгнули со стенки на улицу, а потом Асадолла-мирза ушел.

– Он еще и со стенки прыгал?! Господи, не видать ему счастья!… И что он только вытворяет! А ты не знаешь куда он потом пошел?

– Не знаю. Наверно, к себе домой.

– Нет, вчера он домой не вернулся. Я очень беспокоюсь. Мой-то болван бог знает чего себе напридумал, клянется, что убьет Асадоллу. Конечно, где ему, но мало ли что. Ударило ему вишь в голову… Я и хотела тебя попросить, если Дустали начнет тебя о чем расспрашивать, ты уж молчи.

– Не волнуйтесь, Азиз-ханум. Я вообще ничего не видел… А что вы сделали с помощником инспектора?

– Ничего. Выпихнула его на улицу и ворота за ним закрыла. Раз уж Дустали нашелся, этому Практикану не стоило у меня в доме оставаться… Я сейчас пойду снова загляну к Асадолла-мирзе. Если он вернулся, скажу ему, чтобы сегодня здесь не показывался. И в полицию пусть тоже не идет, потому что Дустали, болван безмозглый, может сдуру всех нас опозорить… Так ты не забудешь? Если Дустали о чем-нибудь таком тебя спросит, ничего ему не говори!

– Будьте спокойны.

Азиз ос-Салтане поспешно ушла, а я вернулся в сад. Маш-Касем ходил с лейкой по дорожкам и поливал цветы. От него я узнал, что после того, как я лег спать, действительно кое-что случилось. Дустали-хан, прихватив ружье, отправился к дядюшке Наполеону и обыскал в его доме все комнаты, пытаясь найти Асадолла-мирзу. Дядюшка настолько рассердился, что дал Дустали-хану затрещину, но тот все равно поклялся, что не успокоится до тех пор, пока не разрядит свое ружье в живот князю.

Чтобы удостовериться, что Маш-Касем не знает, где скрывается Асадолла-мирза, я спросил:

– Маш-Касем, а где сейчас Асадолла-мирза?

– Э-э, милок, зачем мне врать?! До могилы-то… четыре

пальца. Ага меня сегодня спозаранку послали к нему домой, а дома-то он и не ночевал вовсе. Шамсали-мирза тоже очень тревожится, сейчас должен сюда прийти.

– А что же случилось с Асадолла-мирзой?

– Откуда ж мне знать, милок? Как ветром сдуло… Может, он Дустали-хана боится и где-нибудь спрятался.

– Значит, у нас теперь, пока его не найдут, новый скандал разгорится?

– Выходит, так, голубчик. Папаша твой рвет и мечет… Вчера среди ночи затащил к себе домой этого Гиясабади и начал ему втолковывать, что Дустали-хан, мол, убил Асадолла-мирзу… Слава богу, я все слышал и потом объяснил земляку моему, что у них тут ссора и они мстят друг дружке. Если б не я, сегодня б сюда снова сыщик заявился.

– Дай бог тебе здоровья, Маш-Касем!

Немного поколебавшись, я смущенно попросил Маш-Касема передать Лейли, чтобы она на минутку вышла в сад. Я не знал, что я ей скажу, но мне безумно хотелось ее увидеть. Я по ней очень соскучился. События разворачивались одно за другим с такой быстротой, что у меня не было времени даже думать о Лейли, но несмотря на это я ведь оставался влюбленным и поэтому обязан был видеть свою возлюбленную!

Маш-Касем покачал головой и усмехнулся:

– Как я погляжу, милок, ты, оказывается, по барышне Лейли сохнешь.

Я с жаром запротестовал, но Маш-Касем по моему смущенному лицу наверняка все понял. Продолжая улыбаться, он мягко сказал:

– Хорошо, хорошо, милок, не серчай.

Когда Лейли вышла в сад, Маш-Касем шепнул мне на ухо:

– Я буду стоять у двери. Если покажется ага, я кашляну, а ты уж тогда убегай без оглядки, голубчик.

Да, кажется, Маш-Касем раскрыл мою тайну, но тепло черных глаз Лейли заставило меня забыть обо всех опасениях. А кроме того, разве я сам не собирался посвятить Маш-Касема в свою тайну?!

– Здравствуй, Лейли.

– Здравствуй. У тебя ко мне дело?

– Да… то есть, нет… Я по тебе соскучился.

– Почему?

Ласковый взгляд Лейли словно пытался проникнуть мне в самое сердце и извлечь из него признание, которое не осмеливались произнести мои губы. Я был твердо намерен сказать ей о своей любви, но не мог найти нужных слов. В голове у меня с молниеносной скоростью проносились одна за другой фразы, вычитанные в книгах: «Я тебя люблю… Тебя люблю я… Ты – моя любовь…» Наконец, чувствуя, что

лицо мое заливает пунцовый румянец, я, заикаясь, пробормотал:

– Лейли, я люблю тебя! – И бросившись наутек, не успел опомниться, как уже очутился в своей комнате.

Боже мой! Почему я удрал? Почему не остался посмотреть, как она примет мое признание? Я ничего не понимал. Я начал рыться в памяти: нет, мне не приходилось ни читать, ни слышать, о том, чтобы, признавшись в любви, влюбленный сразу же давал деру.

Осыпав себя градом упреков, я после долгих размышлений снова понял, что лучшим выходом из положения будет дописать наконец мое любовное послание и передать его Лейли.

И я опять принялся писать и рвать написанное. Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг я услышал доносившийся из сада шум. Возле увитой шиповником беседки собрались почти все мои дядья и тетки. Был здесь и Шамсали-мирза. Увидев в толпе свою мать, я немедленно побежал в сад.

Из обрывков разговоров я узнал, что дядя Полковник решил организовать коллективную семейную акцию, и все родственники намерены под его предводительством пойти к дядюшке Наполеону и оставаться в его доме до тех пор, пока наконец не будет разрешен семейный конфликт. Однако всех несколько беспокоило исчезновение Асадолла-мирзы.

Вместе со взрослыми я пошел к дому дядюшки

Наполеона.

Дядя Полковник уже почти до половины договорил свою пламенную миротворческую речь, когда дядюшка Наполеон оборвал его гневным окриком:

– Вы что, не нашли больше куда пойти? Шли бы лучше в дом того негодяя и там свое собрание устраивали! О том вы не подумали, что мерзавец сейчас новый дьявольский план вынашивает? Неужто не поняли, что именно он разыскал Дустали и послал его домой, чтобы устроить скандал?! Вам, может, не известно, что бедняга Асадолла со страху дома не ночевал и до сих пор где-то прячется?!

Дядюшка Наполеон так распалился и так вопил, что ни у кого не нашлось смелости открыть рот.

И только когда Шамсали-мирза начал излагать свои догадки об исчезновении Асадолла-мирзы, родственники загудели. Все понимали, что князь сбежал из дома Дустали-хана, как только туда вернулся хозяин, но Азиз ос-Салтане, дабы не гневить супруга, утверждала, что Асадолла-мирза ушел еще до прихода Дустали, и ни словом не обмолвилась о путешествии князя по крышам.

Слегка успокоившись, дядюшка Наполеон сказал:

– Этот негодяй хотел вчера позвонить помощнику инспектора и сообщить, что Дустали убил Асадоллу. Вместо того, чтобы предъявлять мне тут всякие ультиматумы и устраивать сидячие забастовки, пошли бы лучше и привели

Асадоллу, – и немного помолчав, повернулся к Маш-Касему: – Скажи им все, что знаешь!… Дамы и господа, прошу внимания! Сейчас вы узнаете, какие несчастья сыпятся на мою голову… Касем, расскажи им про Асадолла-мирзу!

Маш-Касем почесал затылок:

– Ей-богу, зачем мне врать?! До могилы-то… Я ходил сегодня на базар, там ученик пекаря рассказывал, что он утром относил лепешки мяснику Ширали и, когда открыли ворота, увидел в том доме господина Асадолла-мирзу…

– Что?

– Как?

– Правда?

У всех от изумления открылись рты. Поднялся невообразимый шум. Родственники дружно поносили Асадолла-мирзу. Только и слышалось: «Осел!… Развратник!… Бесстыжий!… Глаза завидущие!… Наглец!…»

В конце концов дядя Полковник закричал:

– Замолчите! Дайте ему договорить!… А ученик пекаря уверен, что он не ошибся?… Ты сам не ходил проверять, он правду говорит или врет?

Маш-Касем сокрушенно покачал головой:

– И не приведи господь!… Я пошел в лавку Ширали, хотел спросить его, правда или нет, а он, злодей, услышал имя Асадолла-мирзы и как заревет, ну чисто бык! Кто,

говорит, тебе сказал? А потом схватил секач и за мной погнался. Я со страху признался ему, что мне ученик пекаря сказал, а потом – ноги в руки и бежать!…

– Так он небось сейчас за этим беднягой гоняется?

– Нет. Я потом встретил того парнишку на улице возле нашего дома, сказал ему: смотри, мол, возле лавки Ширали и не показывайся…

Дядя Полковник с вытянувшимся лицом проговорил:

– Ага, придумайте же что-нибудь!… Нужно послать кого-то к этому дураку и передать ему, чтобы немедленно убирался из дома Ширали. Он же позорит многовековую репутацию благородной семьи! Вы об этом хоть думаете?! Князь, человек знатного происхождения, и вдруг – в доме какого-то мясника!…

В это время прибыл и Дустали-хан. Вероятно, он уже немного отошел и сейчас решил принять участие в сидячем протесте, организованном дядей Полковником. Былой жажды мести в нем уже не чувствовалось. Но, стоило ему услышать, что Асадолла-мирза скрывается в доме Ширали, он снова воспламенился и начал на чем свет стоит крыть не только Асадолла-мирзу, но и вообще всех князей. Наконец, совсем обессилев, он прохрипел:

– Я… я… не мужчина, если не убью этого человека… У, развратник!… Будет знать как глумиться над честью других!…

Дядюшка Наполеон прикрикнул на него:

– Хватит, ага! Вашу честь вроде никто не задел. Чего ж вы за Ширали так переживаете?

– Я… пекусь о чести нашей семьи… о чести нашего квартала… Сами подумайте: член благородной семьи позволил себе оказаться в доме мясника!… Человек, представляющий цвет аристократии страны, – в доме какого-то Ширали!… Да еще рядом с молодой женщиной!… Если б я вчера его нашел, он сегодня не сумел бы навлечь на нас новый позор! Змею нужно убить, а иначе она ужалит! Подлец! Мерзавец!

В общем шуме лишь Дядюшка Наполеон сохранял относительное спокойствие. Все остальные – и не только мужчины, но и женщины – были в великом негодовании и вопили, что необходимо любой ценой заставить Асадолла-мирзу покинуть дом Ширали.

Наконец дядюшка Наполеон, предварительно познакомив собравшихся со стратегией Наполеона в аналогичных ситуациях, предложил направить для переговоров с Асадолла-мирзой делегацию и любым способом убедить его отбросить сомнения и тревоги и покинуть свое убежище. Дядя Полковник и Шамсали-мирза добровольно вызвались взять на себя эту миссию. Но дядюшка Наполеон решительно заявил:

– Нет. Пойду я сам.

Раздались возгласы протеста:

– Вам не подобает туда идти, ага!… С вашим положением не пристало идти в дом Ширали!…

Дядюшка оборвал протестующих:

– Очень даже пристало! Должен пойти человек незаинтересованный и беспристрастный.

Дядя Полковник хотел возразить, но дядюшка сердито повторил:

– Я сказал: должен пойти человек незаинтересованный и беспристрастный! – и сделал упор на словах «незаинтересованный и беспристрастный». Затем поправил абу и приказал: – Пошли, Маш-Касем! Покажешь мне дом Ширали… Пошевеливайся! Нам надо успеть поговорить с этим балбесом, пока Ширали не вернулся.

Я неслышной тенью последовал за дядюшкой и Маш-Касемом. Дядюшка шагал быстро, и было видно, что он не хочет привлекать внимания соседей.

Дядюшке пришлось несколько раз постучать в ворота, прежде чем с другой стороны раздался нежный голос Тахиры, жены Ширали:

– Кто там?

– Здесь живет господин Ширали?

– Нет его. Он у себя в лавке.

Дядюшка придвинулся к воротам почти вплотную и, стараясь говорить потише, попросил:

– Ханум, будьте добры, скажите Асадолла-мирзе, чтобы он подошел сюда.

– Кому?… У нас таких нет.

– Ханум, прошу вас, послушайте. Мы знаем, что Асадолла здесь. У нас очень важное дело. Если он не выйдет, потом пожалеет… Это вопрос жизни или смерти…

После паузы из-за ворот раздался голос Асадолла-мирзы:

– Вы меня звали, ага?

– Асадолла, выйди, я должен с тобой поговорить.

– Моменто! Это вы?! Как поживаете?

– Асадолла, открой ворота!

Князь испуганным голосом ответил:

– Боюсь, ага. Я теперь ни в чем не уверен. Моя жизнь в опасности…

– Послушай меня, Асадолла, открой! Даю тебе слово, что все уже улажено… Это было просто недоразумение. Дустали обещал мне, что обо всем забудет.

– Моменто, моменто! Если вы верите обещаниям этого бешеного осла – дело ваше! Я лично не верю!

Злым шепотом дядюшка приказал:

– Асадолла, кому я говорю, открой ворота!

Судя по голосу Асадолла-мирзы, его волнение и страх лишь возросли. Он нервно ответил:

– Ага, я не хочу уклоняться от выполнения ваших

приказов, но моя жизнь в опасности. Я знаю, что мне не спастись от этого дикого вепря!… И хоть от могилы меня отделяет всего один шаг, мне хочется пожить еще несколько часов.

– Заткнись, Асадолла! Открывай!

Асадолла-мирза скорбно запричитал:

– Почему вы не хотите сжалиться надо мной?… Да вы, если меня увидите, и не узнаете. Страх перед неминуемой гибелью состарил меня лет на двадцать!… Брату моему скажите, чтоб простил меня… Я тут думал, думал и решил: лучше я сам с собой покончу, избавлю Дустали от хлопот…

– Чтоб ты сдох! Вместе с твоим братом! – От злости у дядюшки на шее вздулись жилы, а багровое лицо почти почернело. Он повернулся и зашагал к нашему саду.

Я подскочил к воротам и в щелку между створками попытался разглядеть, что происходит во дворе. Мне очень хотелось хоть одним глазком увидеть постаревшее лицо Асадолла-мирзы. И еще я хотел сказать ему, что это не я выдал его убежище, и не из-за меня он теперь страдает и стареет. Князь был в рубашке и просторных шароварах. Все пуговицы на рубашке были расстегнуты. Лицо у Асадолла-мирзы еще больше прежнего цвело здоровьем и радостью. Он держал чашку с шербетом и пальцем размешивал лед. Неподалеку, прижав пальчик к губам, обнажавшим в улыбке сверкающие белые зубы, сидела, сдерживая смех, Тахира,

жена мясника Ширали. У меня отлегло от сердца.

Когда я вернулся в залу дядюшки Наполеона, тот хрипло докладывал родственникам о своем неудачном походе. Сквозь гул возмущенных криков прорвался голос Маш-Касема:

– Нужно скорее что-нибудь придумать… Бедному князю совсем плохо. Глядишь, сам на себя беду накличет.

Дядя Полковник заорал:

– Это на нас он беду накличет! Опозорит всех! С чего вдруг ему там плохо? Заболел, что ли? Уж лучше, чем там, где еще ему будет?

– Да, ей-богу, зачем мне врать?! До могилы-то… Я ведь голос его из-за ворот слышал. Уж больно печально он говорил, прямо будто на тридцать лет голосом постарел. Будто в пасти у льва побывал…

Дядюшка Наполеон нетерпеливо сказал:

– Хватит вздор нести, Касем!… Я считаю, что, если этому остолопу наплевать на семейную честь, надо придумать что-нибудь другое.

И снова начались шумные споры. Почти все были согласны, что надо послать за Ширали и сказать ему, что дальнейшее пребывание Асадолла-мирзы в его доме чревато неприятностями и может вызвать пересуды. Конечно, никто из присутствующих не хотел брать на себя такую тяжкую миссию, и все говорили, что единственный, кому это по

плечу, – дядюшка Наполеон.

Но дядюшка никак не соглашался, и тогда в неожиданном приступе героизма Дустали-хан закричал:

– Зовите сюда Ширали! Я ему все скажу!

Ненависть к Асадолла-мирзе настолько переполняла все его существо, что он внезапно превратился в отважного смельчака.

Маш-Касема послали за Ширали.

В ожидании мясника все шумно осуждали недостойное поведение Асадолла-мирзы. Наконец дверь открылась, и в залу вошел Маш-Касем. Один.

– Да славится воля аллаха!… Ни одно деяние в этом мире не остается без воздаяния!…

– Что случилось, Маш-Касем? Где Ширали?

– Ей-богу, зачем мне врать?! Лавка его закрыта. Подрался он, его в полицию увели… То есть, как дело было: ученик пекаря сказал своему хозяину, что, мол, господин Асадолла-мирза сидит в доме у Ширали… а пекарь над Ширали какую-то насмешку состроил. Тогда Ширали бараньей ногой заехал пекарю по голове. Пекарь без чувств и упади!… Известное дело, в больницу его увезли, а потом на базар пришли полицейские и увели Ширали.

Раздались крики:

– В полицию?…

– Что?! Ширали забрали?

– Сколько ж его продержат?

Когда шум поутих, Дустали-хан, до которого вдруг дошла истинная суть происшедшего, растерянно забормотал:

– Но… но… Если Ширали посадят в тюрьму… тогда… А если его там продержат двадцать дней… а если шесть месяцев? – И, повернувшись к дядюшке, возопил: – Ага! Думайте же, думайте!… Потом позору не оберемся!

Дядюшка в свою очередь закричал:

– Что случилось-то? Чего орешь? С чего это вдруг так переживаешь за Ширали?

Но новая перепалка не успела разгореться, потому что в залу вошла Азиз ос-Салтане. Позже выяснилось, что до этого она успела сходить в уголовную полицию, дабы окончательно закрыть дело, возбужденное по ее жалобе.

Увидев жену, Дустали-хан подбежал к ней и взволнованно сообщил:

– Слышала? Ширали в полицию забрали!

– Лучше б его вместе с мясом его вонючим Азраил забрал!

Дустали-хан схватил её за локоть и с еще большим волнением сказал:

– Но ведь этот развратник бесстыжий как раз в доме Ширали спрятался!… У, князь паршивый, наглая рожа!…

Азиз ос-Салтане не без кокетства засмеялась:

– Ох уж мне этот Асадолла! Чего только не выдумает!

Но внезапно ее словно пронзило молнией. Улыбка увяла у нее на губах, глаза уставились в одну точку. Она заскрежетала зубами:

– Что?… Асадолла… А та… та… та распутная бабенка тоже там?

Все молчали, глядя на вытянувшееся лицо Азиз ос-Салтане. Дустали-хан тоже молчал. От злости у него тряслась верхняя губа и ходили ходуном густые длинные усы. Наконец он сквозь стиснутые зубы процедил:

– Покойный Рокнаддин-мирза, выродив под старость такого сыночка, тоже честь семьи опозорил!… Нашел с кем путаться – с дочкой своего садовника!

Шамсали-мирза нахмурился и резко оборвал его:

– Господин Дустали-хан, прошу вас оставить мертвых в покое!

Дустали-хан ответил ему еще резче:

– Мертвых господь упокоил! А вот живым от них только хлопоты!… Если б у вашего отца при виде любой юбки штаны не сваливались и если б он не оставил после себя этого ублюдка Асадоллу, думаете, наступил бы конец света?! Если б не родил он этого волка похотливого на погибель честным женщинам и девушкам, думаете, настал бы день Страшного суда?!

– Я думаю, господин Дустали-хан, не вам говорить, у кого и когда штаны сваливаются! Может быть, ханум Азиз

ос-Салтане по мою душу кухонный нож с собой в постель принесла?

Но Дустали-хан, от злости забыв и о присутствии жены, и о происшествии, приключившемся в день оплакивания Мослема ибн Хакиля, не слушая Шамсали-мирзу, завопил:

– Не смейте выгораживать этого бандита, этого бесчестного соблазнителя! Он вам брат, ну и что из этого?! Бандит он! Людей чести лишает! Да, ага, его сиятельство князь Асадолла-мирза – бандит!

Целиком ушедшая в собственные мысли Азиз ос-Салтане словно и не слышала всю эту перебранку. Но едва прозвучало имя Асадолла-мирзы, она немедленно пришла в себя и страшным голосом завизжала:

– Дустали, заткнись! Дай бог, чтоб ты ему в подметки годился! Дай бог, чтоб все бандиты такими были! – Потом, словно разговаривая сама с собой, пробормотала: – Не иначе, эта потаскушка задурила голову бедному мальчику! – И, повернувшись к дядюшке Наполеону, крикнула: – Что же вы сидите сложа руки?! Уважаемого человека из благородной семьи насильно заперли в доме безродного мясника, а вам хоть бы что?! А если эта тварь бессовестная что-нибудь ему подсыплет, тогда как?

Дядюшка мягко сказал:

– Ханум, успокойтесь. Я только что ходил домой к Ширали и разговаривал через ворота с Асадоллой. Он ко мне

так и не вышел. Сколько я ни просил его, сколько ни умолял – и с места не сдвинулся.

– Почему? А что он вам говорил?

– Бог его знает… Нес какую-то околесицу. Говорил, что боится Дустали и от страха не может выйти, но…

– Боится Дустали?! Да кто такой этот паршивец Дустали, чтобы поднять руку на сына моего покойного дяди!… Я сама должна за ним пойти… Да, я просто обязана за ним пойти, потому что эта стерва расфуфыренная околдует его, она это умеет!… Небось уже и околдовала! Не такой он человек, чтобы там без причины оставаться.

Дядюшка Наполеон сказал:

– Ханум, по-моему, он сам не прочь, чтобы его околдо…

– Слишком много вы языком болтаете! – прервала его Азиз ос-Салтане. – А тем временем, может, с ним несчастье какое стрясется!…

Маш-Касем нашел удобный повод, чтобы вмешаться:

– Ханум правильно говорит… Когда господин Асадолла-мирза с нами из-за ворот разговаривал, голос у него дрожал, точно у ребенка малого. Очень ему плохо было. Прямо будто корью заболел. Голос у него из горла не шел, все равно как будто в пасти у льва побывал.

Азиз ос-Салтане ударила себя по голове:

– Господи, уж лучше мне умереть! До чего человека

довели!… А эти тут сидят, еще родственники называются! – И она собралась уходить. – Я знаю, стоит мне ему слово сказать, сразу же оттуда выйдет. От вас-то он отродясь ни ласки, ни доброты не видел, чего ж он будет вас слушаться?!

Дустали-хан тоже поднялся:

– Тогда и я пойду с тобой, скажу ему, что я его простил… Надо ему растолковать, что…

– А ну садись на место! Мальчик как голосище твой гнусный услышит, у него от страху сердце разорвется!

Когда Азиз ос-Салтане была уже в коридоре, дядюшка крикнул:

– Ханум, не говорите Асадолле, что Ширали посадили в тюрьму… Я ему тоже об этом не сказал, потому что, если он узнает, вряд ли вообще с места сдвинется.

– Если вы такой умный, ага, непонятно, почему вы до сих пор не министр!

Азиз ос-Салтане направилась к дому Ширали. Я, как и незадолго перед этим, крадучись двинулся туда же. На улице никого не было, и я шел за Азиз ос-Салтане на почтительном расстоянии. Ей пришлось стучаться несколько минут, но наконец из-за ворот послышался голос Тахиры. Азиз ос-Салтане долго препиралась с ней и сыпала угрозами, пока не убедила вызвать для переговоров Асадолла-мирзу.

Азиз ос-Салтане старалась говорить спокойно и ласково:

– Асадолла, открой ворота, позволь мне словечко тебе сказать.

– Ханум, дорогая, о чем угодно меня просите, только не об этом. Я отсюда не выйду. Моя жизнь в опасности.

– Тебе говорю, открой! Пусть только Дустали попробует на тебя руку поднять – пожалеет! Да и теперь дело прошлое – я Дустали простила, и он нас с тобой простил.

Асадолла-мирза с дрожью в голосе ответил:

– Ханум, милая вы моя!… Боюсь… Я знаю, что Дустали сейчас стоит рядом с вами… Знаю, он уже держит кинжал наготове, чтобы пронзить им мое сердце.

– Асадолла, ты хоть одну створку приоткрой, погляди. Нет тут никакого Дустали. Подумай, люди что говорить будут. Ты в чужом доме наедине с женщиной…

– Моменто, моменто! Слава богу, меня подобными сплетнями не запятнать! Ширали мне теперь как брат родной, а жена и дети Ширали мне, что собственные жена и дети… Вот вернется Ширали, я сдам ему его семью в целости и сохранности, тогда и поговорим.

– Асадолла, ты ведь не знаешь! Ширали на базаре подрался, его в полицию забрали! Как же ты теперь собираешься…

– Вай! Горе горькое!… Ширали в тюрьму угодил!… Вот теперь уж я вовсе не могу отсюда выйти. Мне чувство долга

и совесть моя приказывают здесь остаться! Всевышний, какая тяжкая обязанность!

По его голосу чувствовалось, что он уже знает о злоключениях Ширали и теперь просто разыгрывает очередную роль.

Азиз ос-Салтане прижалась к воротам щекой и проворковала:

– Асадолла, не мучай меня, выходи. Не заставляй краснеть перед людьми!

– Ханум, я готов жизнь за вас отдать, но я должен выполнить свой долг перед собственной совестью. Не думайте, что я оставлю без покровительства жену и детей Ширали, которых он сам же мне препоручил перед тем, как сел в тюрьму!

– Но у Ширали ведь нет детей, Асадолла!

– Зато жена есть… Ханум, милая, она сама точно ребенок. Плачет сейчас, малышка, убивается! Лица ее мне из-под чадры не видно, но я слышу, как она всхлипывает… Бедная девочка, дитятко невинное!

Азиз ос-Салтане еще несколько минут безрезультатно уговаривала Асадолла-мирзу выйти, потом осыпала жену Ширали и самого князя отборной бранью и, клокоча от ярости, как вулкан, направилась в сад.

Я тенью поплелся за нею, но неожиданно заметил, что в наш дом вошел аптекарь. Это обстоятельство показалось мне

весьма важным, и, не дойдя до ворот сада, я свернул к нам во двор. Отец и аптекарь уединились в зале. В последнее время в связи с бурными событиями я настолько привык подслушивать, что и на этот раз припал ухом к выходившему во двор окну.

Вытирая пот со лба, аптекарь говорил:

– Придется нам по аптеке отходную читать, ага. Хоть и закрыл я ее на один день, хоть и вывесил объявление, что уехал в паломничество к святым местам, не помогло.

– А разве проповедник ничего в мечети не говорил?

– Как же, говорил! Бедняга Сеид-Абулькасем два раза с минбара объяснял, что вышло недоразумение, только, по-моему, никто его не слушал… Уж если людям что в голову втемяшилось, их трудно переубедить.

– А сами-то люди что говорят? Ничем не болеют, что ли?

– Ничего они не говорят, ага. Только до сих пор никто не зашел и даже щепотку глауберовой соли не купил. Сегодня какой-то прохожий собрался было ко мне заглянуть, так его все до того обругали и застыдили, что он передумал и пошел дальше.

В щелку между ставнями окна мне было видно лицо отца. Он сидел бледный со стиснутыми зубами. После долгой паузы отец глухо сказал:

– Нужно найти какой-то выход… Нужно что-то

придумать.

– Ничего тут не придумаешь, ага. Я здешних людей хорошо знаю. Помирать будут, но раз уж у них в голове засело, что мы лекарства на спирту готовим, ничего у нас не купят. А мне теперь и вовсе нельзя в этом квартале оставаться, потому что слухи пошли, будто я ни в аллаха, ни в пророка не верую. Я пока что аптеку запер, к вам пришел, чтобы вместе все и решить.

Отец несколько минут угрюмо шагал по комнате, потом остановился и сказал:

– Этот подлец задумал меня со света сжить. Я буду не мужчина, если не отомщу ему!… Пока не увижу его в могиле, не успокоюсь!… Негодяй!… Мерзавец!… Наполеон паршивый! Я из него восемь таких Наполеонов сделаю!

– А мне что прикажете предпринять?

– Ничего… ничего, господин аптекарь. Вы… вы отдыхайте, а там посмотрим, что да как. Электричество в аптеке отключите и закройте ее до лучших времен…

Аптекарь хмуро попрощался и ушел, а отец снова принялся шагать по комнате. Он был в таком подавленном состоянии, что я, боясь, как бы ему не стало плохо, еще несколько минут простоял под окном. Когда мне показалось, что он немного пришел в себя, я решил узнать, что происходит в доме дядюшки, и побежал туда.

Все по-прежнему сидели в зале. Пока меня не было,

появилась придурковатая Гамар, которую на весь вчерашний день отсылали к каким-то родственникам.

Все шумели, ругались и яростно спорили. Особенно кипятились Азиз ос-Салтане и Дустали-хан.

В мое отсутствие Дустали-хан позвонил в полицию, чтобы договориться об освобождении Ширали. Но ему сказали, что, пока не прояснится состояние здоровья ударенного, то бишь пекаря, Ширали отпустить не могут.

Когда я вошел, Азиз ос-Салтане говорила:

– Я точно знаю: эта потаскушка околдовала Асадоллу, потому что иначе он бы меня послушался… Давайте-ка позовем господина Хорасани, пусть побрызгает дверь Ширали купоросом, что от колдовства помогает.

Потеряв терпение, Дустали-хан закричал:

– Какое к черту колдовство?! Что за вздор! Этот кобель остался там, чтобы с женой Ширали развлекаться!

– А-а? Вы его только послушайте!… Будет мужчина бросать порядочных женщин благородного происхождения ради какой-то кособокой замарашки?! Да еще такой человек, как Асадолла-мирза!

Дустали-хан не стал защищать внешность жены Ширали от этих нападок, но зато обрушил такой поток ругани на Асадолла-мирзу, что Азиз ос-Салтане взорвалась:

– Ой, Дустали, я сейчас так тебя садану, что все зубы свои вставные проглотишь! Оскорблять сына моего дяди –

это все равно, что меня оскорблять!

Дядюшка Наполеон был вынужден вмешаться:

– Молчать! Почему бы вам не ссориться у себя дома?! Чем я провинился, что должен вашу ругань выслушивать? Пусть Асадолла сидит в доме Ширали, пока под ним трава не вырастет! Вам-то что? Вы что, адвокаты Асадоллы или Ширали?

Дядя Полковник сказал:

– Братец, прошу вас, не волнуйтесь. Хоть вы постарайтесь держать себя в руках. Мы ведь пришли, чтобы…

– Я и спрашиваю, зачем вы пришли?! Что вам всем от меня надо?

– Не волнуйтесь! Мы пришли, чтобы уладить имевшиеся в семье разногласия… Но, согласитесь сами, возник более важный вопрос. В опасности репутация и честь всей семьи. Мы должны во что бы то ни стало извлечь Асадоллу из дома Ширали. Я предлагаю немедленно пойти проведать пекаря, которого Ширали ударил по голове. Может, не так уж сильно ему и досталось, может, он притворяется, чтобы спастись от мести Ширали? В этом случае мы могли бы с помощью небольшого подарка уговорить его забрать свою жалобу, и тогда Ширали уже сегодня был бы на свободе.

Дядюшка Наполеон завопил:

– Это мне, что ли, с моим положением идти уговаривать пекаря, чтобы он простил мясника?!

– Я не вас имел в виду. Пусть сходит один из нас… например, Маш-Касема можно послать.

Дустали-хан влез в разговор:

– Полковник верно говорит. Очень логично. Конечно, положение нашей семьи не позволяет никому из нас проведывать пекаря. Но Маш-Касема послать можно.

Дядюшка Наполеон с раздражением закричал:

– Кому вообще нужно, чтобы Ширали освободили? Да чтоб он ослеп! Так ему и надо, будет знать, как людей дохлыми баранами избивать! Этот бандит уже весь квартал перекалечил, а тут в кои веки власти решили его наказать, так вам обязательно надо вмешаться?!

– Нам до Ширали и дела нет. Пусть ослепнет, оглохнет, в тюрьме помрет!… Мы заботимся о сохранении чести семьи, думаем об Асадолле! Сами посудите: князь Асадолла-мирза – в доме мясника! Как мы завтра будем смотреть людям в глаза?!

Пытаясь подавить гнев, дядюшка Наполеон сказал:

– Господа, разве Асадолла в первый раз зашел в дом к человеку низкого сословья? Разве он в первый раз оказался в доме Ширали? В общем, господа, делайте что хотите!… Посылайте Маш-Касема куда хотите… к пекарю… к зеленщику… к керосинщику… к бакалейщику!

Гамар, до этой минуты сосредоточенно лизавшая леденец, спросила у матери:

– Маменька, а разве Асадолла-мирзу в тюрьму посадили?

– Нет, радость моя, не в тюрьму. Один нехороший человек у себя его запер.

– Ой, горе горькое! Бедный Асадолла-мирза! Хоть бы его скорее выпустили! Он обещал меня с собой в путешествие взять.

– Какое еще путешествие? Куда?

Продолжая лизать леденец, Гамар ответила:

– В тот вечер, когда мы все в гостях были, он сказал: «Будешь хорошей девочкой и никому не скажешь, съездим с тобой в Сан-Франциско…» Маменька, а в Сан-Франциско красиво?

Азиз ос-Салтане многозначительно посмотрела на дочь, чтобы та замолчала, но Гамар не унималась:

– Ну скажите, маменька, красиво? Да?

– Нет. Детей туда не возят, – ответила ей Азиз ос-Салтане и, нисколько не рассердившись, пробормотала: – Накажи, господи, Асадоллу за его проделки!

Дустали-хан, трясясь от негодования, спросил:

– Слышала? Ты и теперь будешь защищать этого бандита?

Азиз ос-Салтане бросила на него грозный взгляд:

– А ты бы помолчал! Подумаешь, пошутил парень.

Дядя Полковник прервал их:

– Раз ага не возражает, не будем терять времени. Беги, Маш-Касем, беги, голубчик… Разыщи пекаря. Вот тебе деньги. Непременно уговори его отказаться от своей жалобы.

Маш-Касем, не глядя на него, ответил:

– Это дело нелегкое.

– Что такое? Почему нелегкое?

– Зачем мне врать?! До могилы-то… Я пекаря час назад видел. Голову ему перевязали и из больницы домой отправили. Сейчас у него там непременно доктор Насер оль-Хокама сидит.

– Значит, ему не так уж и плохо?

– Наверно. Но загвоздка в том, что я уже десять – двенадцать дней, как с пекарем поссорился. Помните, мы тогда еще в лепешке кусок тряпки нашли?… Я пекаря за это отчитал, а он, скотина, как ударит меня гирей прямо вот сюда! У меня чуть сердце не выскочило. Ну я ему тоже… корзиной по голове. Тут, конечно, люди набежали, разняли нас… А только я с того дня обиду на него имею и с ним не разговариваю.

– Что еще за обида?! Взрослый человек, а как ребенок обижаешься.

– А что ж тут плохого? Вон ага наш разве сейчас на зятя

своего не в обиде?

– Не говори ерунду! Ступай!

– Да ей-богу, ага, зачем мне врать?! Вы меня хоть убейте, я этому пекарю и в морду не плюну, а вы хотите, чтоб я еще пошел его проведать!

Дядя Полковник, Дустали-хан, Азиз ос-Салтане и даже Шамсали-мирза начали на все лады уговаривать и упрашивать Маш-Касема, но им так и не удалось его уломать.

– Мы, гиясабадцы, честь свою выше всего на свете ставим. Один мой земляк, к примеру… Он вообще-то даже не из Гиясабада был, а из деревни, что поближе к Куму, там, где…

– Не идешь, так не мели языком! – закричал на него дядя Полковник. – Чтоб тебя вместе с твоим земляком в одну могилу положили!

В перепалку вмешался дядюшка Наполеон. Суровым тоном он отчитал брата за невоздержанность, но поняв, что все родственники решили любой ценой ублажить пекаря, только бы выпустить на свободу Ширали, повернулся к Маш-Касему и сказал:

– Маш-Касем, как на поле битвы я приказывал тебе, а ты выполнял мои приказы, так и сегодня ты должен сделать то, что я говорю! Иди же! Считай, что мы с тобой сейчас сражаемся под Казеруном!

Маш-Касем вытянулся в струнку:

– Слушаюсь! Только, ага, бога ради сами посудите… Тут ведь большая разница… В те дни вы мне отдавали приказы сражаться против англичанов, а сейчас посылаете к скотине-пекарю!… Вот помню, однажды в самый разгар битвы при Казеруне, схватил это я ружье…

– Без разговоров, Касем! Иди! Твой командир дал тебе приказ. Срочно его выполняй!

Когда Маш-Касем возвратился, все уже истомились от ожидания и то бродили по комнате, то вновь усаживались. Увидев Маш-Касема, родственники тотчас окружили его плотным кольцом.

– Ну что, Маш-Касем?

– А зачем мне врать?! До могилы-то… С самим пекарем я не говорил, но брата его во двор вызвал и попросил все тому передать. Брат его ходил к нему, уговаривал, а все равно ничего не вышло…

– Как так не вышло?

– Пекарь говорит, пусть, мол, Ширали при всех лавочниках квартала руку мне поцелует, тогда, мол, я, может, его и прощу.

Дустали-хан в изнеможении упал в кресло и простонал:

– Теперь этот бандит так и застрянет в доме Ширали.

Маш-Касем продолжал:

– А сейчас я встретил сапожника Исмаила. Он в

полицию заходил, Ширали видел, так тот попросил его: ты, говорит, сходи ко мне домой, жене моей скажи, пусть не беспокоится и гостя принимает как положено, со всем радушием!

Дядя Полковник покачал головой:

– Ну и ну! Ну и ну! Вот это гостеприимство! Да, как говорит Асадолла, действительно моменто!

Глава десятая

В разгар споров о вражде Ширали и пекаря произошло совершенно неожиданное событие, заставившее всех остолбенеть от изумления. Затаив дыхание, родственники смотрели и не верили своим глазам – на пороге дядюшкиной залы стоял мой отец. Я искоса поглядел на дядюшку Наполеона. Казалось, он в эту минуту стал даже выше ростом. С выпученными глазами и открытым ртом он, не отрываясь, смотрел на вошедшего.

– Я пришел поцеловать вам руку и молить о прощении… Простите меня, ага! – сказал отец и, пройдя через залу, остановился в двух шагах от дядюшки, но тот сидел все так же неподвижно.

Сердце мое гулко колотилось в груди. Мне хотелось крикнуть дядюшке, чтобы он не отвергал благородного порыва отца. Наверно, все остальные испытывали в этот миг

то же, что и я. Последовавшая затем пауза тянулась вечность. Но вдруг дядюшка тоже простер руки к отцу, и они заключили друг друга в тесные объятия.

Из груди родственников вырвался восторженный крик радости. Моя мать бросилась к дядюшке и отцу и расцеловала обоих.

Я кинулся к комнате, где, как мне было известно, сидела в заточении Лейли, и закричал:

– Лейли, Лейли! Выйди, погляди… Выйди же! Смотри, наши отцы помирились!

Лейли неверными шагами вышла из комнаты и, увидев, что недавние враги обнимаются, схватила меня за руку и крепко сжала ее в своей. Я прошептал ей на ухо:

– Лейли, я очень счастлив!

– Я тоже.

– Лейли, я люблю тебя.

Лейли покраснела и чуть слышно ответила:

– Я тебя тоже.

Все во мне затрепетало, горячая волна захлестнула меня и пронизала огнем. Под влиянием минуты я протянул руки, чтобы прижать Лейли к груди, но тут же опомнился и повел свою возлюбленную в залу. Отец, держа дядюшкину руку в своих, продолжал извиняться за все, что он сказал и сделал, а дядюшка медленно кивал головой и повторял, что это пустяки и что он уже забыл былые обиды.

Я подошел поближе к отцу, но, на всякий случай, уже не держал Лейли за руку, боясь привлечь внимание родственников.

Когда все расселись, отец, уставившись на ковер, устилавший пол залы, странным, незнакомым голосом сказал:

– Сегодня произошло событие, перевернувшее всю мою душу. Я встретил на улице одного моего знакомого, очень известного человека, занимающего крупный пост, и, когда речь зашла о вас, он сказал нечто такое, что меня потрясло. Он сказал: «Вы должны гордиться, что в вашей семье есть такой человек». Ах, если бы вы только знали, как тепло он о вас отзывался. Он говорил, что слышал от майора Саксона, который во время первой мировой войны долго служил в Иране, что, если бы не вы, многое в этой стране было бы совсем по другому. Если бы не ваша доблестная борьба, если б не ваш патриотизм, англичане сумели бы наделать здесь много бед. Он сказал, что во времена военных кампаний на юге англичане готовы были заплатить любому, кто вас убьет, миллион фунтов стерлингов.

Дядюшка слушал, не отрывая глаз от отца. Его лицо постепенно принимало непривычно растроганное, выражение, на губах заиграла лучезарная улыбка. А отец все так же взволнованно продолжал:

– Этот же человек рассказал мне о вашей борьбе со

сторонниками абсолютизма. Он говорил, что, если б не ваша самоотверженность, у нас бы, наверно, до сих пор не было Конституции…

Дядюшка с детским любопытством жадно спросил:

– А кто же этот человек?

– Простите, но я не могу назвать его имени. Поскольку он пересказал мне слова майора Саксона, для него это может оказаться опасно. Вы же сами знаете, что англичане безжалостны. А особенно сейчас, когда они затеяли такую большую войну и Гитлер каждую ночь их бомбит…

Дядюшка был настолько умилен, что еще немного и он, наверно, бросился бы к отцу на шею и поцеловал его прямо в губы.

Внимательно слушавший рассказ отца, Маш-Касем сказал:

– Говорят, камня на камне не остается… Уж я-то знаю, как англичаны от нашего аги страдали. Да ежели б агу сейчас против них послали, он бы им такое устроил, что и трем Гитлерам было бы не под силу.

Отец продолжал:

– И я почувствовал необыкновенную гордость за вас, огромное к вам уважение… Все мои обиды – это просто постыдное недоразумение. По воле судьбы я, наконец, прозрел.

Наверняка, все вокруг догадывались, что отец врет.

Родственники прекрасно знали, что битвы дядюшки с мятежниками, его борьба с иностранцами и подвижничество во имя Конституции – лишь плод его собственного воображения, и всем было хорошо известно, что мой отец еще меньше других верит в дядюшкины измышления. Но тем не менее отцовские хвалебные разглагольствования крайне обрадовали родню, потому что все были уверены, что отец сочинил эту историю, чтобы положить конец распрям и вражде.

А у меня с каждой минутой настроение падало. Стоило отцу произнести первые льстивые слова, как у меня возникло смутное подозрение, что происходящее каким-то ужасным образом связано с подслушанным мною разговором между отцом и аптекарем. И я все меньше верил в искренность отцовских добрых помыслов.

Господи! Хоть бы я ошибался! Хоть бы отец на самом деле решил прекратить войну против дядюшки! Господи, всем сердцем молю тебя, чтобы в поступке отца не крылось нового подвоха!…

А отец продолжал петь дядюшке дифирамбы:

– Этот человек мне еще сказал, что если бы англичане не были сейчас так заняты войной с Гитлером, они бы не оставили агу в покое. Он говорил, что на всем Востоке никто не нанес такого удара по планам англичан, как вы… Он говорил, что лично слышал от самого майора Саксона, что

лишь двоим людям на свете удалось загнать англичан в тупик. Во время первой мировой войны таким человеком были вы, а в нынешней войне – это Гитлер!…

Если бы в дядюшкину залу заглянул сейчас человек, побывавший тут час назад, он вряд ли поверил бы своим глазам. На совсем недавно хмурых, угрюмых лицах сияли улыбки. Все были оживлены, шутили и смеялись. С насупленным видом сидел лишь Дустали-хан, то и дело вслух сожалевший об отсутствии Асадолла-мирзы. Но я легко мог догадаться, что Дустали-хана гложет мысль о том, что Асадолла-мирза сейчас не где-нибудь, а именно в доме у Ширали. Дустали-хан вообще не любил Асадолла-мирзу. Скорее всего, это объяснялось тем, что на семейных сборищах Асадолла-мирза часто над ним посмеивался, а за глаза называл его Дустали-хамом. С другой стороны Дустали-хан терпеть не мог Асадолла-мирзу еще и потому, что сам был изрядным бабником, а все женщины в семье и их приятельницы обожали общество Асадолла-мирзы. Всякий раз, как несчастный Дустали-хан пытался рассказать какую-нибудь пикантную историю или анекдот, женщины обрывали его:

– Пожалуйста, не пытайся подражать Асадолле!

– Вот Асадолла, тот умеет насмешить!…

– Уж если берешься рассказать неприличный анекдот, делай это как Асадолла! Тут тоже вкус нужен!

В таких случаях Дустали-хан иногда не выдерживал и обрушивал на князя потоки брани. А еще одна причина ненависти Дустали-хана к Асадолла-мирзе заключалась в том, что, каждый раз, как Дустали-хан пытался завести шашни с какой-нибудь женщиной, он неизменно обнаруживал, что для Асадолла-мирзы она была уже пройденным этапом. И это особенно его заело в случае с женой Ширали, хотя, казалось бы, Асадолла-мирза никак не мог быть там первым.

И когда отец вовсю расписывал доблести дядюшки Наполеона, Дустали-хан не удержался и прервал его на полуслове:

– Может, все-таки подумаем, как быть с Асадоллой? До каких пор он собирается сидеть в доме этого безродного мясника?!

Дядюшка сурово прикрикнул на него:

– Дустали, что за манеры! Разве ты не видишь, что человек говорит?! Да, да, продолжайте.

И отец продолжил:

– Так вот, майора Саксона направили в Иран как раз в середине первой мировой войны…

Ловивший каждое слово Маш-Касем спросил у дядюшки:

– Ага, а это не тот высокий, на которого вы с саблей бросились? Он еще вроде как на один глаз кривой был…

Дядюшка повелительным жестом заставил его замолчать:

– Подожди, дай вспомнить… Так вы говорите, этот человек недавно видел майора Саксона?

– Да, да. Совсем недавно. Месяца два-три назад. В Стамбуле. Я точно не запомнил, он, кажется, был там проездом из Каира и собирался ехать куда-то дальше… Даст бог, когда ему уже будет можно говорить обо всем свободно, я приглашу его к себе, чтобы вы сами от него услышали, что рассказывал о вас майор Саксон. Ну, конечно, этот майор, вы уж меня простите, говорил про вас также много всяких гадостей и вздора. Он даже утверждал, что будто бы вы имели отношение к разведке некой другой державы…

Дядюшка, витавший в облаках, с улыбкой небожителя заметил:

– Вполне естественно. Если бы он сказал что-нибудь другое, было бы странно. Я, конечно, сейчас уже не помню этого майора Саксона, но англичане, как известно…

– Как это вы его не помните, ага?! – встрял Маш-Касем. – Это же тот самый, высокий такой, которого мы пару лет назад видели с вами на проспекте Чераге-Барг. Разве вы не помните, я тогда еще спросил, чего этот иностранец так на вас косится? Я сразу сказал, что, наверно…

– Нет, Маш-Касем, не говори ерунду! Может быть, конечно, это был кто-нибудь из его пособников… Как бы

там ни было, того иностранца, о котором ты говоришь, я тоже сейчас в лицо не помню.

– Вы, конечно, могли его забыть, только зачем мне врать?! До могилы-то… Я будто сейчас его глаза вижу. Здоровые такие, налитые кровью… Он на вас как глянул, так у меня душа в пятки ушла. Я про себя молиться начал. Спаси, говорю, святой Али, моего агу от этих англичанов!

Дядюшка пропустил мимо ушей слова Маш-Касема. Он смотрел куда-то вдаль, и на губах его по-прежнему цвела неземная улыбка:

– Да, я делал то, что мне подсказывали мои совесть и долг патриота, и я понимал, какими последствиями это чревато… Вы думаете, я не представлял себе, что значит бороться против англичан? Думаете, не знал, что они будут препятствовать моему повышению в чине? Думаете, не знал, что они никогда не забудут о своей ненависти ко мне? В том-то и дело, что знал! Прекрасно знал! Но, несмотря на ждущие меня впереди беды и неудачи, я боролся!… А сколько они плели разных интриг, сколько подсылали ко мне людей, чтобы меня подкупить! Помню, в последний раз, когда я служил уже в Мешхеде… Однажды под вечер возвращаюсь я домой… Кажется, и Маш-Касем тогда при мне был…

– Конечно, это был я! Кто же еще?!

– Так вот, иду я, значит, и вижу, что за мной по пятам

крадется, словно тень, какой-то человек, похожий на индийца. Я, конечно, особого внимания на это не обратил, а вечером сижу я себе дома, и вдруг стучат. Мой ординарец пошел к двери. Кажется, это был как раз Маш-Касем.

– Да, да! Это я был, ага, я!

– Да-а. Пошел он, значит, к двери, потом возвращается и сообщает, что там, мол, какой-то индиец стоит, говорит, что он паломник[18], что дескать попал в беду и хочет с агой поговорить… Я тут же догадался, что это один из агентов англичан. Клянусь жизнью Лейли, я даже близко не подошел к двери! Из комнаты крикнул: «Скажите этому человеку, что живым он меня не увидит!» Я не желал и рта при нем открывать.

– Прямо как сейчас помню! – не утерпел Маш-Касем. – Ага мне это сказали, а я пошел и перед носом у этого индийца дверь как захлопну, так у того аж чалма свалилась!

Дядюшка, разволновавшись, продолжал:

– Вот так я его и оскорбил. А потом еще крикнул: «Иди, скажи своим хозяевам, что меня купить нельзя!»

Маш-Касем закивал головой:

– Этот индиец всего один раз глянул на меня и ушел, а у меня даже мурашки по спине побежали… Я сразу – молиться. Ой, говорю, святой Али, сохрани ты моего агу от этих злодеев!

18

Отец подхватил:

– Но зато вы сейчас можете ходить с гордо поднятой головой. Зато все уважают нашу семью.

Непрестанно ерзавший на стуле Дустали-хан заметил:

– Если уж семья заслужила высокую репутацию, нельзя, чтобы ее честь пятнали. Сейчас один из членов этой благородной семьи сидит в доме у бандюги-мясника, а никто даже…

Шамсали-мирза резко сказал:

– Господин Дустали-хан, прекратите отпускать язвительные замечания и двусмысленные намеки в адрес моего брата! Бедняга спрятался у мясника, опасаясь вашего дикого нрава и злого языка. Но если, конечно, вы болеете душой за жену Ширали, это другое дело.

Вдруг вскочила со стула Азиз ос-Салтане:

– На том свете пусть болеет душой за кого хочет! Если еще раз скажет за глаза какую-нибудь пакость про сына моего покойного дяди, я его вставные зубы в глотку ему запихну!… – И, сев на место, добавила: – Я с Асадоллой разговаривала. Он, бедняжка, волнуется, боится оставить без присмотра жену и детей Ширали.

Дустали закричал:

– Опомнись! У Ширали нет детей!

– У него жена совсем еще дитя. Асадолла человек добрый, чувствительный…

Стиснув зубы, Дустали-хан прошипел:

– Чтоб ему сто лет ничего не чувствовать! – И быстрыми нервными шагами вышел из залы.

Азиз ос-Салтане проводила его исполненным ненависти взглядом и заявила:

– Я знаю, что надо сделать, чтобы Асадолла ушел оттуда с легким сердцем… Теща Ширали тут неподалеку живет. Я пойду к ней, скажу, чтоб пожила у дочки, одну ее не оставляла, пока ее медведь из тюрьмы не выйдет.

Лицо дяди Полковника засветилось. Его тоже волновало пребывание Асадолла-мирзы в доме мясника, но он не выдавал своих чувств.

– Прекрасная мысль! – с жаром воскликнул он. – Ведь до чего обидно, что Асадоллы нет сегодня с нами в эти радостные минуты! – И громко обратился ко всем присутствовавшим: – Прошу вас сегодня отужинать в моем доме! По случаю устранения досадного недоразумения я намерен угостить вас своим знаменитым вином двадцатилетней выдержки!

– Да что вы, что вы, господин Полковник! Зачем столько хлопот! Как-нибудь в другой раз…

– Ни в коем случае! Какие еще хлопоты?! Все уже готово. Моя жена сварила отличный зеленый плов. У вас всех тоже на ужин что-нибудь припасено. Можете приносить кто что пожелает ко мне, и вместе отметим

счастливое событие.

Предложение дяди Полковника было встречено всеобщим одобрением.

Разговор отца с дядюшкой возобновился, и через несколько минут до меня донеслось забытое за эти дни щелкание игральных костей – дядюшка с отцом сели за нарды.

Хотя я по-прежнему сомневался в чистоте отцовских помыслов и поэтому чувствовал себя неспокойно, одно то, что мы с Лейли снова были рядом и, как прежде, наблюдали за игрой наших отцов в нарды, переполняло счастьем мое сердце. Лейли то и дело, украдкой поглядывала на меня, и каждый ее взгляд дарил мне море наслажденья.

Отец, как в былые дни, бахвалился и подшучивал над дядюшкой:

– С англичанами вы сражались храбро – что да, то да, но, согласитесь, в нарды вы играть не умеете… Я бы на вашем месте и за доску не садился… Лейли, милая, принеси своему отцу парочку орехов, пусть он лучше в орехи играет…

А дядюшка отвечал:

– Бросайте же, ага, бросайте!… Ты не гнался бы за славой боевой, а шагал бы себе мирно за сохой!

Мать Лейли позвала ее и поручила какое-то дело. Я вышел в сад. Казалось, примирение враждующих сторон

преобразило и природу. Цветы и деревья словно пели от радости. Вдали, за стволами, я увидел в укромном уголке Дустали-хана и Маш-Касема, занятых оживленной беседой. По тому, как оба размахивали руками, я понял, что Дустали-хан на чем-то настаивает, а Маш-Касем отказывается. Но вскоре доводы Дустали-хана или его заманчивые обещания и посулы сломили сопротивление Маш-Касема, и он, опустив штанины, которые до этого подвернул, собираясь поливать цветы, вышел за ворота. Я решил, что, наверное, Дустали-хан послал его задобрить пекаря для того, чтобы Ширали выпустили на свободу. Дальнейшие события подтвердили правильность моей догадки. Если бы мясник не возвратился домой и Асадолла-мирза остался ночевать в обществе Тахиры, Дустали-хана, наверно, хватил бы удар. По всему было видно, что он готов лечь костьми, лишь бы вытащить князя из дома мясника.

Уже начинало смеркаться, когда Маш-Касем вернулся и отвел Дустали-хана в угол сада.

– Ну, ага, – услышал я голос Маш-Касема, – и позору же мне пришлось из-за вас натерпеться! Я ведь с пекарем в ссоре, а получилось, что первый к нему пошел. Деньги он сразу взял, но потом еще час надо было его обхаживать, пока он согласился. Пошли мы с ним вместе в полицию, чтобы Ширали вызволить…

– Ну и что дальше? – нетерпеливо перебил Дустали-хан.

– Отпустили его?

– Ей-богу, ага, зачем мне врать?! До могилы-то… Пекарь написал, что отказывается от своей жалобы, но начальника не было, и нам сказали, что, пока его нет, Ширали никто не отпустит.

– А начальник когда придет?

– Теперь уже только завтра. Нам, правда, сказали, что он еще и сегодня может заглянуть, но это не точно.

Дустали-хан злобно пробормотал:

– Я не для того столько денег ухлопал, чтоб его завтра освободили! Значит, этот подлец, мерзавец негодный и сегодня…

– Оно и лучше, ага. Будет знать, как на людей секачом замахиваться! Чтоб он ослеп!

– Да я не о нем! – взбесился Дустали-хан. – Ты что, не соображаешь?!

Потом он взял Маш-Касема за локоть и вывел из сада на улицу. Я прождал с полчаса, но так как они не возвращались, тоже вышел за ворота. На улице было темно и пусто. Я зашагал к дому Ширали. Почти дойдя до цели, я различил за деревьями притаившегося Дустали-хана. Я немного постоял, наблюдая за ним, но он даже не шевелился. Мне ничего не оставалось, как вернуться в сад.

А в доме дяди Полковника застолье шло полным ходом. Собрались почти все близкие родственники. Дядюшка

Наполеон и мой отец сидели рядышком во главе стола, как новобрачные, и мирно ворковали. Из трубы граммофона лилась громкая музыка. Гости хлопали в такт в ладони, а дядя Полковник настаивал, чтобы все непременно попробовали его старого вина. Лица людей раскраснелись, и было ясно, что дядя Полковник уговорил выпить не только мужчин, но и женщин. Азиз ос-Салтане пребывала в отличном расположении духа и лишь изредка беспокоилась, куда подевался Дустали-хан. Все вроде бы напрочь забыли про Асадолла-мирзу, и даже его брат Шамсали-мирза нисколько о нем не вспоминал. Хмурое лицо временно безработного следователя впервые светилось улыбкой. Более того, он настаивал, чтобы придурковатая Гамар пустилась в пляс.

Я снова, после долгого перерыва, купался в счастье, потому что прямо на глазах у недовольного Пури шушукался с Лейли. Нам обоим с ней было безумно весело и мы громко смеялись. Дядюшка распорядился, чтобы во дворе развели огонь для шашлыков. В это время, приговаривая: «Жить вам не тужить», – вошел и доктор Насер оль-Хокама. Он не успел еще осведомиться о причине торжества, как дядя Полковник заставил его опрокинуть в себя полный до краев стакан вина. Выпив, доктор огляделся по сторонам:

– Жить вам не тужить!… Жить не тужить!… А где же

князь Асадолла-мирза?

Азиз ос-Салтане, хохоча во все горло, ответила ему первая:

– Он, паскудник, как обычно, опекает несчастных вдовушек!

Дядя Полковник принужденно засмеялся и спросил:

– Ханум, а разве вы не собирались сходить к теще Ширали и попросить ее перебраться в дом дочери, чтобы Асадолла-мирза освободился?

– А она, баран ее забодай, в Кум уехала!

Услышав про Кум, я посмотрел по сторонам. Но Маш-Касема нигде не было видно. Это показалось мне подозрительным, потому что на всех семейных сборищах Маш-Касем непременно вертелся где-нибудь поблизости и вмешивался в разговоры гостей.

Мы еще и не приступили к шашлыку, как во дворе раздались радостные женские крики:

– Ура! Асадолла-мирза!…

Почти тотчас же в залу вбежал встревоженный Асадолла-мирза и закричал:

– Брат, что с тобой?

Но, увидев довольное и улыбающееся лицо Шамсали-мирзы, изумленно застыл на месте. Когда смолк шум приветственных ликующих возгласов, князь возмутился:

– Почему же мне сказали, что тебе плохо?

Шамсали-мирза весело расхохотался, что было совершенно на него не похоже:

– Мне еще никогда в жизни не было так хорошо!

Асадолла-мирза нахмурился, но через мгновенье его лицо приобрело обычное жизнерадостное выражение.

– Моменто! Так, значит, этот негодник Маш-Касем просто хотел затащить меня сюда?! – И он немедленно принялся петь: – А вот мы и приехали… Приехали с орехами…

Азиз ос-Салтане потрепала его по щеке:

– Ох и нагорит тебе когда-нибудь за твои шалости!… Как же ты решился оттуда уйти?

– Моменто, моменто… Я сюда на минуточку забежал. Сейчас со всеми поздороваюсь и – обратно!

Азиз ос-Салтане помрачнела:

– Неужто снова хочешь вернуться в дом мясника?

– Сами посудите, Азиз-ханум… Мужа у женщины в тюрьму посадили. Она, несчастная, осталась одна как перст. Ни защитить ее некому, ни пожалеть! Да если я ее теперь брошу, вы же первая на меня рассердитесь!

В общем шуме и суматохе окруженный гостями Асадолла-мирза только сейчас заметил, что дядюшка Наполеон и мой отец сидят рядом. От неожиданности он на секунду оцепенел, а потом, глядя на них во все глаза, закричал:

– Э-ге-ге! Любовь да совет!… – И, прищелкивая пальцами, запел: – Поздравляем, поздравляем, много счастия желаем! Жить вам вместе тыщу лет! Любовь да совет!

Гости дружно подхватили за ним. Асадолла-мирза выпил до дна протянутый ему стакан и снова защелкал пальцами:

– Как с нашего двора невесту замуж выдают, невесту замуж выдают, в Сан-Франциско повезут!…

Не отрывая от Асадолла-мирзы влюбленных глаз, Азиз ос-Салтане жеманно засмеялась:

– Ой, не могу! Он меня своими шутками уморит!

Веселье было в разгаре. Все толпились посреди залы и плясали под песни и прибаутки Асадолла-мирзы.

И тут-то произошло нечто совершенно непредвиденное. В прихожую, запыхавшись, ввалился Маш-Касем и завопил:

– Помогите! Караул!… Убил он его!… Голову отрезал!…

Все в испуге застыли на месте. Белый как мел Маш-Касем, задыхаясь, повторял:

– Бегите!… Бегите! Спасите его! Ширали убил Дустали-хана.

– Что?… Как?… Почему?… Говори же!

И Маш-Касем, заикаясь, рассказал:

– Вроде так, что Дустали-хан зашел в дом Ширали… Хотел, бесстыдник, жену Ширали поцеловать, а в это время

и сам Ширали подоспел. Ох, он и разъярился!…

– Ширали же в тюрьме!

– Выпустили его. Пекарь жалобу забрал, вот и выпустили.

– А где сейчас Дустали?

– Он оттуда убежал. Успел в сад наш заскочить. Я ворота-то запер. Только Ширали сейчас со своим секачом уже здесь. Вот-вот ворота в щепки разнесет… Разве не слышите, как дубасит?

Мы прислушались. Действительно, в ворота так колотили, что слышно было даже здесь.

Мужчины, а за ними и женщины бросились в сад. Маш-Касем закричал вслед:

– Бегите!… Скорее!… Дустали-хан, бедняга, без сознания там лежит!

Когда мы добежали до сотрясавшихся под ударами ворот, то увидели, что возле стены лежит Дустали-хан. Одежда на нем была разорвана, из носа текла кровь. Открыв глаза и увидев возле себя толпу, он простонал:

– Позвоните в полицию… Пусть сюда спешат… Он меня чуть не убил… И сейчас он здесь с секачом… Спасите!… Вызовите полицию!…

Дядюшка потряс его за плечо:

– В чем дело? Что случилось? Зачем ты пошел в дом к Ширали?

– Сейчас об этом не время говорить… Позвоните в участок… Этот медведь вот-вот ворота выломает и убьет меня. Позвоните, скажите, пусть пришлют полицию!

– Не мели вздор! Придут полицейские – что нам им говорить? Что ты лазаешь в чужие дома? К чужим женам?!

Ворота продолжали ходить ходуном под кулаками Ширали. Слышно было, как он хрипло кричит:

– Откройте, а не то разломаю!

Асадолла-мирза под перешептывания родственников сказал:

– Бывают же люди на свете! Ты что, Дустали, собственной честью не дорожишь, что на честь других посягаешь?

Дустали-хан с ненавистью посмотрел на него и крикнул:

– А ты заткнись!

– Моменто, моменто! В этом случае позвольте, я открою ворота и выясню, к кому так рвется Ширали.

Дустали завопил:

– Бога ради! Не пускайте его к воротам!… Этот медведь меня убьет!

Азиз ос-Салтане, сняв с себя туфлю, так ударила ею Дустали-хана по голове, что бедняга поперхнулся.

– Чтоб твои бесстыжие глаза могильной землей засыпало!… Уже у всех на виду развратничаешь!

Асадолла-мирза схватил ее за руку, занесенную для второго удара:

– Ханум, дорогая, простите вы его. Он это по глупости. Ишак он… болван… недоумок!… Вы-то женщина великодушная. Простите дурака!

Азиз ос-Салтане опустила туфлю:

– И действительно, чего я буду об него руки марать?! Пусть ему за меня отомстит этот, с секачом. – И, прежде чем ее успели остановить, она подскочила к воротам и отодвинула щеколду.

В сад ввалился огромный, как паровоз, Ширали и втащил за собой хрупкую Тахиру, которая одной рукой прикрывала лицо, а другой держалась за локоть супруга. Стодвадцатикилограммовая туша Ширали влетела в ворота с такой стремительностью, что, попадись на пути человек, от него осталось бы только мокрое место и кучка костей. По счастью, Ширали врезался всего лишь в ореховое дерево, и на землю посыпались орехи. Рев Ширали, ни в чем не уступающий львиному, гулко раскатился по саду:

– Где этот подлец?

Дядюшка Наполеон, отец и Шамсали-мирза что было сил закричали:

– Ширали!… Ширали!…

Тахира запричитала:

– Ширали, бога ради, не трогай ты его!

Стоящий чуть поодаль Асадолла-мирза, впившись глазами в стройную фигуру Тахиры, пробормотал:

– Ох, уж лучше б я ослеп!

Все сбились в кучу и кричали кто во что горазд, но уже через мгновенье Ширали резким движеньем вытащил Дустали-хана из-за спины дядюшки, сгреб его, в охапку, подхватил, как ребенка, под мышку и собрался уходить. Причитания Тахиры и суровые увещевания дядюшки Наполеона и остальных не тронули пылающее гневом сердце Ширали, и он понес брыкающегося Дустали-хана к воротам. Неожиданно дорогу ему преградила Азиз ос-Салтане:

– А ну положи его на землю!

– Ханум, отойдите, а не то…

– Ишь выискался! Ты еще и мне угрожать будешь?! Тебе говорят, положи его на землю, а то сейчас так тебя отделаю, что своих не узнаешь!

И она принялась колотить и лягать Ширали. Но ее удары и пинки не произвели на мясника никакого впечатления и, более того, в основном достались на долю Дустали-хана, который от страха стиснул зубы.

Азиз ос-Салтане закричала:

– Асадолла! Скажи же что-нибудь!

Князь, все это время не сводивший глаз с Тахиры, шагнул вперед:

– Ширали-хан, прошу вас, простите его… Ишак он,

болван, недоумок, идиот…

Продолжая держать Дустали-хана под мышкой, Ширали ответил:

– Господин Асадолла-мирза! Жизнь свою готов вам отдать, но об этом и не просите. Я с этим подлецом должен разделаться.

– Ширали, я его лучше вас знаю. Он не нарочно. Просто он осел, болван, идиот… Сдуру и наделал дел. – И, повернувшись к Дустали-хану, князь приказал: – А ну, сам скажи, Дустали! Скажи, что ты осел, что башка у тебя не варит… Говори же, голубчик!

Дустали-хан с трудом прохрипел:

– Я осел… башка у меня…

– Скажи, что ты все это по дурости!

– Я… я… по… дурости.

Асадолла-мирза положил руку на плечо Ширали:

– Ну, видел? А теперь я прошу тебя, прости его. Ради Тахиры-ханум. Вон как бедняжка плачет, дрожит, словно воробышек. Прости его!

Ширали немного смягчился:

– Вы, князь, сами подумайте… Тахира вам теперь все равно что сестра… Даже если я этого подлеца прощу, вы-то его прощать не должны!

– Известное дело! Я ему такое устрою – света белого не взвидит! Но сегодня вы уж его не трогайте, я потом его

проучу. Эта башка безмозглая у меня еще попляшет! – И Асадолла-мирза отвесил оплеуху Дустали-хану, все еще пребывавшему под мышкой у Ширали.

Ширили с такой силой поставил Дустали-хана обеими ногами на землю, что тот даже ойкнул.

– Делаю это только ради вас, только уважая ваше благородство. Потому что вы самый что ни на есть настоящий мужчина! Одно дело – вы… пошли к поганому псу пекарю и денег ему дали, чтобы он от жалобы своей отказался. А другое дело – этот господин, который как увидел, что меня дома нет, сразу к жене моей полез, на честь мою покусился.

– О чем разговор, господин Ширали-хан!… Вы мне что брат родной! Ваша жена мне все равно что сестра любимая! Вы еще посмотрите, как я с этим негодяем разделаюсь!

– Господь вам воздаст за ваше великодушие!

Все вздохнули с облегчением. Искоса поглядывая на Тахиру, Асадолла-мирза сказал:

– А теперь, господин Ширали-хан, чтобы и вправду меня порадовать, милости прошу, пожалуйте в дом к господину Полковнику, разделите с нами ужин… Сегодня у нас праздник.

Ширали смущенно потупился:

– Премного вам благодарны, только зачем же буду мешать?

Дядюшка Наполеон бросил на Асадолла-мирзу сердитый взгляд и тихо сказал:

– Асадолла, что еще за ерунда!… Чтобы какой-то мясник пошел в гости в дом моего брата?!

Асадолла-мирза так же тихо ему ответил:

– Прошу вас, разрешите. Я потом вам все объясню.

По-прежнему не повышая голоса, но с крайним раздражением дядюшка заявил:

– Мне твое объяснение и через сто лет не нужно будет! Что еще за новости! Мясник будет ужинать с нашей семьей?!

Асадолла-мирза кивнул:

– Прекрасно… прекрасно… Тогда пусть уж он заберет с собой Дустали. Господин Ширали-хан!…

Дядюшка зажал ему рот и прошипел:

– Ну хорошо, хорошо…

Асадолла-мирза продолжил:

– Господин Ширали-хан, если вы не согласитесь, я на вас очень обижусь. И Тахиру-ханум тоже приглашаем. Она ведь мне что сестра… А насчет Дустали не беспокойтесь – мы отправим его спать домой.

И через несколько минут в доме у дяди Полковника снова царило веселье. Асадолла-мирза заставил усевшегося в сторонке на полу Ширали выпить подряд два стакана знаменитого старого вина.

Дядюшка Наполеон, весьма недовольный присутствием мясника в благородном обществе, пропустив по настоянию Асадолла-мирзы еще стаканчик, позабыл о величии и чести знатной семьи и постепенно пришел в отличное настроение.

Благодаря заступничеству Азиз ос-Салтане, ее мужу тоже разрешили войти в залу, но бедолага сидел в одиночестве с расстроенным угрюмым видом.

Асадолла-мирза то и дело подливал Ширали вина. Когда зала огласилась раскатами громового хохота мясника и князь убедился, что вино сделало свое дело, он предложил, чтобы Тахира-ханум станцевала, и, к общему удивлению, Ширали разрешил своей жене сплясать.

Завели пластинку, и стройное гибкое тело Тахиры заколыхалось в такт музыки. Асадолла-мирза хлопал в ладоши и повторял: «Ох… ох…» – и те из гостей, которые еще сохраняли трезвый ум, по одному этому возгласу догадывались, что он не договаривал. Даже женщины заразились восторгом Асадолла-мирзы, и, может быть, впервые во взглядах, которые они бросали на Тахиру, не сквозили ненависть и зависть.

После ужина отец, внешне казавшийся очень довольным и веселым, снова подсел к дядюшке и попросил его довести до конца рассказ про Казерунскую битву, который был прерван в тот злополучный вечер у дяди Полковника. Дядюшка вначале церемонно отнекивался,

говоря, что ничего интересного в этом рассказе нет, но в конце концов уступил настойчивым просьбам отца и согласился рассказать. Как только Маш-Касем услышал, что речь зашла о битве при Казеруне, он немедленно встал поближе к своему хозяину.

Дядюшка поправил накинутую на плечи абу и начал:

– Да-а… Тогда война была не то что нынче… Сейчас-то со всеми этими изобретениями: и тебе пулемет, и тебе танк, и тебе самолет – отвага и находчивость отошли на второе место. А тогда что у нас было? Мы сами да четыре мортиры… Солдаты наши и вооружены-то как следует не были. На голодный желудок воевали – довольствие вовремя не поступало. И побеждали мы только благодаря нашей храбрости и твердой уверенности в правоте своего дела. Но, конечно, противник наш был вооружен до зубов. За мятежником Ходадад-ханом стояла вся Британская империя. А у нас если и было с пяток приличных ружей, так и те мы у противника захватили… Одно такое ружье я себе взял, а два-три других солдатам раздал…

– Мне тоже пожаловали, – влез Маш-Касем.

– Да, одно ружье я Маш-Касему дал. Не потому, конечно, что он был хорошим стрелком, а потому, что состоял при мне ординарцем и обязан был меня охранять… В те дни, можете мне поверить, англичане несколько раз покушались на мою жизнь. Особенно после того, как я

собственноручно убил Ходадад-хана…

– Благое дело сделали, – вмешался Маш-Касем. – Если б вы этого подлеца не прикончили, тот край никогда бы покоя не знал!

Отец сказал:

– Но вы так и не объяснили, как вам удалось убить Ходадад-хана.

– Только разве что с божьей помощью! Потому что расстояние между нами было шагов этак сто. Я прицелился ему точно в шею…

– Не в шею, а промеж глаз! – поспешно поправил Маш-Касем.

– Я это и имел в виду… У меня ружье всегда немного повыше мушки било, вот я и прицелился ему в шею, чтобы попасть в лоб… Помянул про себя святого Али и нажал на курок.

Маш-Касем хлопнул себя по колену:

– Вай! Вай! Господи, твоя воля!… Как только пуля промеж глаз его прошила, он как завопит! Аж горы вокруг затряслись!

– По крикам мятежников я понял, что пуля попала в цель. Как только их главарь отправился в ад, все бандиты ударились в бегство. Но мы погнались за ними и человек тридцать – сорок взяли в плен.

Маш-Касем саркастически усмехнулся:

– Господь с вами, ага! Какие тридцать – сорок!… Вы, дай вам бог здоровья, столько битв на своему веку перевидели, что теперь и не помните… Я сам их пересчитывал. И было их без десятка ровно триста человек. Брат Ходадад-хана тоже к нам в плен попал.

Асадолла-мирза, бросавший жаркие взгляды на Тахиру, пробормотал:

– Ох, уж лучше б я ослеп… на месте братца Ходадад-хана.

Мы с Лейли стояли недалеко от него и, услышав это, громко расхохотались.

Асадолла-мирза обернулся и кинул на меня укоризненный взгляд:

– Голубчик, кто ж смеется, когда старшие разговаривают! – И снова, повернувшись к Тахире, продолжал поедать ее глазами.

Дядюшка Наполеон, устремив взор в неизвестную даль, сказал:

– Вы думаете, англичане, столько лет обучавшие Ходадад-хана, могли мне это простить?… Через год у нас пропало одно ружье, так против меня целое дело состряпали – еще б немного и всю мою семью изничтожили бы!

Отец глубокомысленно изрек:

– Если стоит того дело, в глаза волку глянешь смело.

Асадолла-мирза, глядя прямо в глаза Тахире,

пробормотал:

– Ох, лучше б и не видеть… волка.

Дядюшка спросил:

– Что ты сказал, Асадолла?

– Ничего. Говорю, совершенно верно… насчет волка-то.

Отец не оставлял дядюшку в покое:

– Да, но вы ведь не только на юге страны себя проявили. Англичанам не раз еще приходилось зализывать нанесенные вами раны. А ведь раненый тигр куда опаснее здорового.

Дядюшка мудро улыбнулся:

– Волков бояться – в лес не ходить. Я дрался против них не на жизнь, а на смерть. Несмотря на самоотверженность, проявленную мною во имя утверждения Конституции, они пытались меня оклеветать, хотели запятнать мое честное имя. Всюду распускались слухи и даже, как я слышал, в газетах вроде бы писали, что я помогал полковнику Ляхову расстреливать меджлис… Я действительно служил в казачьем полку, но, клянусь памятью отца, мое ружье ни разу не выстрелило. Да чего далеко ходить, Маш-Касем тогда неотлучно при мне был… Спросите у него, что я сказал Шапшаль-хану!

Маш-Касем, не дожидаясь, пока его спросят, выпалил:

– Зачем мне врать?! До могилы-то… Ага наш, дай ему бог еще сто лет жить, такое сказали этому Шапшаль-хану,

что тот со стыда чуть сквозь землю не провалился!

Скользя глазами по стройному телу Тахиры, Асадолла-мирза проговорил:

– А кто такой этот Шашпаль-хан?… Ох, лучшего… лучше б тебе и на свет не родиться… милый мой Шапшаль-хан!

Дядюшка принялся объяснять:

– Как это ты не знаешь, кто такой Шапшаль-хан? Шапшаль-хан был наставником Мохаммад Али-шаха. В целом Иране не нашлось бы человека, который так рьяно выступал против Конституции.

Асадолла-мирза громко сказал:

– Чтоб его аллах наказал!… Чтоб ему счастья не знать! – И, не отрывая глаз от Тахиры, добавил: – Ох, лучше бы я отдал жизнь за Конституцию!

Дядя Полковник, давно обо всем догадавшийся, резко одернул его:

– Асадолла, нужно совесть иметь!

– Моменто, моменто! А что, мне нельзя любить Конституцию?! Может быть, вы сторонник абсолютизма?

Все это время молчавший Дустали-хан подал голос:

– У тебя на уме совсем другое!

– Моменто! Не понял. Этот бандит тоже вдруг разговорился?! Ну-ка, ну-ка, где тут господин Ширали-хан?

Ширали, разговаривавший в коридоре со слугой дяди

Полковника, немедленно возник на пороге залы:

– Вы меня звали, господин Асадолла-мирза?

– Нет, нет, просто добрым словом вас помянул… Прошу вас, продолжайте ваш разговор.

Дядюшка Наполеон принялся рассказывать дальше:

– Вечером того дня, когда вашего покорного слугу, Мирзу Джахангир-хана и других сторонников Конституции доставили в шахский дворец, Мохаммад Али-шах вызвал полковника Ляхова и командиров казачьего полка, чтобы, так сказать, поблагодарить их за труды. Когда шах проходил мимо нас, я крикнул: «Не ошибитесь, ваше величество! Они честные люди… Не проливайте их кровь!…» Мохаммад Али-шах остановился, нахмурился и шепотом опросил министра двора: «Кто он?» Когда тот назвал ему мое имя, сказал, чей я сын, и объяснил, что на юге страны мир и покой установились благодаря моей самоотверженной борьбе, Мохаммад Али-шах – клянусь вашей жизнью! – покраснел как маков цвет, ничего не ответил и ушел. А на следующий день меня откомандировали в Хорасан… Если не верите, можете кого угодно про этот случай спросить. Свидетелей много было… покойный Модаввали-хан… покойный Алиреза-хан Асад оль-Мольц, покойный Алиголи-хан… да их много было…

– И я тоже был, – сказал Маш-Касем. – Зачем мне врать?! До могилы-то… ать… ать! Будто вчера это было. Все

помню! Когда наш ага это сказали, Шапшаль-хан – он тут же неподалеку стоял – еле на ногах удержался, будто под ним земля задрожала. Все поджилки у него затряслись. Аге-то он возразить не осмеливался, так ко мне подошел и начал всяко ругаться. Ну я ничего ему ответить не сумел, послал куда подальше.

Не обращая внимания на Маш-Касема, дядюшка продолжал:

– Так что, если, невзирая на мое славное боевое прошлое, про меня распускают слухи, будто я под командованием полковника Ляхова расстреливал меджлис, вы сами должны понять, чьих рук это дело. Кто это еще может придумать, кроме англичан? Кто, кроме англичан, хочет мне отомстить?

Отец закивал головой:

– Да, совершенно верно. Разве не так же они обошлись с Наполеоном и с тысячами других?! Старый коварный волк нелегко забывает о тех, кто наносил ему раны!

На лицо дядюшки легла печаль:

– А Наполеона они до того ненавидели, что даже не разрешили ему перед отправкой на остров Святой Елены повидаться с родным сыном!… Когда я воевал против англичан, перед моими глазами неотступно стояла вся жизнь Наполеона, и поэтому я был непоколебим.

Я был опьянен присутствием Лейли и разговором с ней,

но при этом не переставал прислушиваться к беседе отца с дядюшкой. С каждой секундой я все больше убеждался, что отец ведет себя неискренне. Не такой отец был человек, чтобы безоговорочно и целиком поверить в дядюшкины байки. Мне хотелось разгадать истинные планы отца, проникнуть в его мысли.

– Моменто, моменто! – раздался звонкий голос Асадолла-мирзы. – Англичане вроде бы пока нам не опасны… Пусть ими сейчас Гитлер занимается… А я хочу, чтобы еще раз поставили ту самую пластинку, и Тахира-ханум снова бы нам станцевала!

Женщины радостно поддержали Асадолла-мирзу. Они уже устали слушать монотонное дядюшкино повествование о его подвигах.

– Лейли-джан и ты, голубчик, идите, поставьте-ка пластинку!

Через мгновенье Тахира опять принялась плясать. Изрядно напившийся Ширали сидел в коридоре и рассказывал слугам о своих драках.

Асадолла-мирза, пользуясь отсутствием Ширали, вертелся вокруг Тахиры и пел:

– Так бы и не уходил… Так бы в глазки ей глядел… Так бы на губки ей смотрел… – и, не переставая кружиться, низко приседал, почти опускаясь на колени.

Дустали-хан с перекошенным лицом следил за ним

злыми глазами, а я и Лейли со всей бесшабашностью молодости хлопали в ладоши и смеялись.

Глава одиннадцатая

На деревянной табуретке кипел под войлочным колпаком самовар. Мать только что налила мне и сестре чаю, а отец в ожидании своей очереди то и дело подносил к носу блюдечко с сухим жасмином и вдыхал его запах. Мы завтракали. Была пятница. Подходило к концу лето тысяча девятьсот сорок первого года. Было очень жарко, и мы сидели в пижамах.

Неожиданно послышались шаги, приближающиеся к нам из сада. Появление дядюшки Наполеона в нашем доме в такой час было делом необычным. По мрачному нахмуренному лицу дядюшки мы поняли, что он крайне чем-то взволнован. Правой рукой он прижимал к животу распахивавшуюся абу, а левой нервно перебирал четки. Я никогда не видел дядюшку в таком подавленном состоянии. Казалось, его постигла страшная беда. Глухим голосом он попросил отца уделить ему несколько минут. Когда мать пригласила его сесть с нами за стол и выпить чаю, дядюшка отрицательно покачал головой:

– Нет, сестрица, твоему брату теперь уже поздно чаи распивать.

Встревоженный отец пошел вместе с дядюшкой в гостиную.

Господи, что же случилось? Я не припоминал случая, чтобы дядюшка был настолько удручен и взволнован. Почему ему уже «поздно распивать чаи»? Он сказал это так, будто через несколько минут его должны отвести на эшафот. Сколько я ни ломал голову, никакое подходящее объяснение не шло мне на ум.

Миновало уже больше года с того дня, с того тринадцатого мордада, когда я влюбился в дядюшкину дочь Лейли. День ото дня я любил Лейли все сильнее и несколько раз посылал ей любовные письма, а она отвечала мне на них не менее пылко. Мы вели нашу переписку с огромными предосторожностями. Раз в несколько дней Лейли брала у меня почитать какой-нибудь роман, между страницами которого было спрятано мое послание, а потом возвращала мне книгу с ответным письмом. Наша переписка, как и все любовные письма того времени, носила романтический, я бы даже сказал, жгуче-романтический характер. Мы писали друг другу о смерти, о том дне, когда «мое бесчувственное тело поглотит пасть могилы черной». Как нам казалось, никто не догадывался о нашей тайне. Основным препятствием для нашей любви был Шапур, он же Пури, сын дяди Полковника, также желавший заполучить Лейли в жены, но, к счастью, его призвали в армию, и его помолвка с

Лейли была отложена. Лейли писала мне, что, если ее заставят выйти замуж за Пури, она покончит жизнь самоубийством, а я в своих письмах вполне искренне обещал, что присоединюсь к ней в ее путешествии в другой мир. Жизнь остальных членов семьи протекала без существенных перемен, если не считать того, что Шамсали-мирза, неопределенно долго ждавший нового назначения на должность следователя, подал в отставку и занялся адвокатской практикой.

Отношения Дустали-хана и Азиз ос-Салтане вошли в обычную колею, но зато жених Гамар, осененный божьей благодатью, раскаялся в своем благом порыве и сбежал.

Что касается дядюшки Наполеона и моего отца, то внешне между ними царили мир и согласие, и дядюшка даже больше прежнего сблизился с отцом и никого так не привечал, как его, но мою душу все сильнее разъедали сомнения в отцовской искренности и в честности его намерений. И в конце концов я почти пришел к выводу, что на самом деле отец всем сердцем стремится погубить дядюшку. Причина этого, насколько я, пятнадцатилетний мальчишка, мог тогда разобраться, объяснялась серьезным ущербом, понесенным отцом в результате известных событий годичной давности. После того, как проповедник Сеид-Абулькасем по наущению дядюшки обвинил в ереси управляющего отцовской аптекой, которая пользовалась

заслуженной славой не только в нашем квартале, но и во всем районе, аптека совершенно захирела, и, даже когда отец уволил аптекаря, никто все равно не покупал там лекарства. Дошло до того, что, стремясь как-то поправить положение, отец нанял в ученики фармацевта сына Сеид-Абулькасема, но слова проповедника о том, что лекарства в аптеке делаются на спирте, прочно засели в памяти жителей квартала, и даже тот факт, что в аптеке теперь работал сын самого проповедника, ничего не изменил.

Когда после трех-четырех месяцев бесплодных усилий отца аптека окончательно разорилась и возле нашего дома свалили в кучу пустые шкафчики и пузырьки с глауберовой солью и борной кислотой, я часто слышал, как отец вполголоса посылает проклятья на голову виновников случившегося и бормочет о мести. И мне было абсолютно ясно, что жертвой отцовского гнева должен стать дядюшка Наполеон. Но не в характере отца было открыто проявлять свои страсти. Он держался с дядюшкой необыкновенно дружелюбно. И в течение всего года меня настораживало лишь одно: день ото дня отец все больше льстил дядюшке и все усерднее превозносил до небес его доблесть, геройство и величие. Я не мог тогда раскусить конечную цель отца, но с удивлением следил за тем, как он, еще год назад подвергавший скептическому осмеянию правдоподобность рассказов о стычках дядюшки в чине младшего

жандармского офицера с горсткой бандитов, теперь сознательно воздвигает дядюшке пьедестал великого стратега и военачальника.

А дядюшка, чувствуя благожелательную поддержку, постепенно взбирался все выше по ступенькам лестницы, угодливо подставленной ему отцом. Схватки с бандитами на юге страны, до событий прошлого года разросшиеся лишь до масштабов битвы при Казеруне и битвы при Мамасени и имевшие разительное сходство в деталях со сражениями при Аустерлице и Маренго, теперь в результате отцовских внушений незаметно превратились в грандиозные кровопролитные войны, в которых дядюшка и его солдаты давали отпор несметным силам Британской империи. Конечно, родственники про себя подсмеивались над этими сказками, но ни у кого не находилось смелости вслух усомниться в их достоверности. А если кто-нибудь, набравшись храбрости, напоминал дядюшке, что раньше он описывал Казерунскую битву как всего лишь перестрелку с мятежным Хододад-ханом, дядюшка возмущенно протестовал и серьезно обижался.

Однажды в гостях у доктора Насера оль-Хокама на ужине по случаю завершения пристройки флигеля к дому вмешательство Шамсали-мирзы в дядюшкино повествование чуть было не вызвало целую драму.

Дядюшка рассказывал о Казерунской кампании:

– У меня тогда было всего около трех тысяч солдат, да и те – усталые, голодные… А против нас выступало четыре вооруженных до зубов английских полка с пехотой, кавалерией и артиллерией. И единственное, что нас спасло, – это знаменитая тактика Наполеона в битве при Маренго. Правый фланг я поручил покойному Солтан Али-хану, левый – покойному Алиголи-хану. На себя взял командование кавалерией… Конечно, какая там кавалерия! Одно название. Четыре покалеченные голодные клячи…

– Но, ага, – немедленно вмешался Маш-Касем, – один ваш гнедой, да будет ему земля пухом, четырех лошадей стоил… Он был, что Рахш[19]у Рустама. Ага только его пришпорит, как он уже, словно орел, над горами несется!

– Да, только этот конь и в самом деле был хорош… Ты не помнишь, Маш-Касем, как его звали?

– Да, ей богу, зачем мне врать?! До могилы-то… Я как помню… коня этого самого… назвали вы… Сохраб![20]

– Правильно!… Молодец! Память у тебя получше моей. Да, звали его Сохраб.

За прошедший год дядюшка стал гораздо лучше относиться к Маш-Касему. За исключением отца, который, слушая истории дядюшки Наполеона, напускал на себя заинтересованный вид и притворялся, что верит каждому

19
20

слову, все остальные родственники ничем не проявляли своего доверия, и дядюшка еще больше, чем прежде нуждался в живом свидетеле, который подтверждал бы его россказни. Таким свидетелем, естественно, не мог быть никто, кроме Маш-Касема, и тот был на седьмом небе, наслаждаясь своей новой ролью.

Итак, дядюшка продолжал:

– Солнце уже садилось, когда я увидел, что из-за скалы высунулось дуло ружья с привязанным к нему белым флагом. Я приказал прекратить огонь. К нам подъехал на лошади английский сержант и сказал, что хочет вести переговоры о мире. Первым делом я спросил его, в каком он чине, и, когда он ответил, что он – сержант, я сказал, что он не может вести переговоры со мной, а должен обратиться к кому-то в том же звании. Сейчас уж и не помню, кому я поручил провести переговоры с этим сержантом…

– Как это не помните, ага?! Удивительно! Вы что, совсем уже запамятовали?… Вы мне и поручили.

– Да нет! Не говори глупости, Касем! По-моему, я…

– Зачем мне врать?! До могилы-то… Как сейчас помню… Вы расхаживали перед своей палаткой. На шее у вас еще бинокль висел. Вы мне сказали: «Касем, я не могу разговаривать с этим сержантом. Узнай, чего он хочет». Потом сержанта привели ко мне. Он как упал в ноги, как начал причитать и просить о пощаде!… Я-то языка ихнего

не понимал, но мальчонка-индиец, что при нем толмачом состоял, сказал мне: «Сержант говорит, чтобы вы сказали вашему аге, мол, армия наша разбита… Проявите великодушие и пощадите нас!» А я мальчонке говорю: «Спроси сержанта, почему его командир к нам не явился? Аге негоже разговаривать с младшим по званию». Сержант чего-то по-иностранному мальчонке ответил, а тот мне и говорит: «Передайте вашему аге, что командир ихний ранен и двигаться не может…»

Дядюшка перебил его:

– Я эти подробности уж и не помню… Разговор был долгий, а когда кончился, я их всех пощадил. Потом сам поехал к раненому английскому полковнику. Войдя в палатку к побежденному военачальнику вражеской армии, я встал по стойке «смирно» и отдал честь. Он, бедняга, еле жив был, ему пулями горло насквозь пробило, но он все равно не удержался и, хоть уже умирал, сказал: «Мусью… вы есть из благородный семья… вы есть знатный род… Вы – большой командир… Мы, англичане, таким вещам придавать большой значе…»

И как раз в этом месте дядюшку прервал Шамсали-мирза, вероятно, выпивший пару лишних стаканов вина:

– Ну у него и глотка, видно, была! Господи помилуй! Чтоб человек, которому горло насквозь пулями пробило, так много говорил?!

Дядюшка вдруг пришел в такое бешенство, что все замерли не дыша.

– В нашей семье стали забывать о воспитанности, приличиях и манерах! Вместо этого я вижу только наглость, бесстыдство и неуважение к старшим!

Сказав это, дядюшка встал, чтобы уйти, но все кинулись ему в ноги, а отец, пользуясь репутацией знатока фармакопеи, произнес яркую речь о том, что наука допускает, что человек с разодранным в клочья горлом может говорить, и этим сумел утихомирить дядюшку.

Отец без размышлений поддакивал дядюшке, что бы тот ни сочинял, и никогда не упускал случая после очередной дядюшкиной истории сказать: «Вряд ли англичане такое вам забудут!»

Постоянная отцовская лесть и его выдумки про страшную месть англичан, которые он внушал дядюшке, делали свое дело: дядюшка стал с большим подозрением относиться ко всем вокруг. На любом шагу ему теперь мерещились притаившиеся англичане. Более того, Маш-Касем рассказывал, что последние два-три месяца дядюшка, ложась спать, клал под подушку пистолет и часто с обреченным видом говорил: «Я знаю, в конце концов они это сделают. Своей смертью мне не умереть!»

С течением времени дядюшкина уверенность заразила и Маш-Касема, и я собственными ушами не раз слышал от

него, что он тоже боится мести англичан. «Э-э, милок, зачем мне врать?! До могилы-то… Мне, конечно, далеко до нашего аги, но и я, как мог, англичанам насолил. Они мне этого еще сто лет не забудут!»

Единственное обстоятельство, омрачавшее такую на вид прочную и искреннюю дружбу дядюшки с отцом, было связано с личностью сардара Махарат-хана.

Я думаю, его настоящее имя было Бахарат или Бхарат, но в нашем квартале его величали сардар Махарат-хан. Этот индийский купец несколько месяцев назад снял принадлежавший моему отцу небольшой дом напротив нашего общего сада…

В тот день, когда дядюшке стало известно, что отец сдал дом индийцу, он пришел в великое волнение, но отец поклялся всеми святыми, что понятия не имел о том, что его новый арендатор родом из Индии. Я же, поскольку с самого начала присутствовал при всех переговорах отца с будущим съемщиком, прекрасно знал, что отец сдал дом лишь после того, как выяснил семейное и имущественное положение, а также национальную принадлежность арендатора.

В ответ на бурные протесты дядюшки отец, постоянно старавшийся внушить ему, что англичане следят за ним либо сами, либо с помощью своих индийских пособников, привел тысячу аргументов, доказывавших, что сардар Махарат-хан ни к чему не причастен и подозревать его не следует.

Дядюшка внешне успокоился, но было ясно – он твердо убежден, что англичане специально подослали индийца и приказали ему снять дом поблизости, чтобы держать дядюшку под постоянным наблюдением.

Много позже я узнал, что отец сделал все это намеренно и даже значительно понизил индийцу арендную плату. Дядюшка долго настаивал, чтобы отец под любым предлогом отказал индийцу, но на помощь отцу неожиданно пришел Асадолла-мирза, и сардар остался жить напротив нашего сада. Князь вступился за индийского арендатора потому, что сардар Махарат-хан был женат на хорошенькой англичанке, и Асадолла-мирза энергично атаковал ее своими красноречивыми взглядами.

Князь даже умудрился завязать дружбу с индийцем и несколько раз приглашал его с женой, которую именовал не иначе, как «леди Махарат-хан», к себе домой. Дядюшка был крайне этим недоволен и однажды на семейном сборище даже пригрозил Асадолла-мирзе, что, если тот не прекратит дружбу с индийцем, он перестанет пускать его на порог своего дома. Но Асадолла-мирза с невинным видом встал на защиту индийца:

– Моменто, моменто! Мы как-никак иранцы. А иранцы известны своим гостеприимством. Этот бедняга в нашей стране гость. Он одинок… всем чужой. Я как-то раз перевел ему строку из Хафиза: В стране чужой твоя молитва – стон,

– так, поверите, у него слезы ручьем потекли! Хотите убейте меня, хотите – гоните из своего дома, но я не могу не пожалеть человека, оказавшегося на чужбине! Особенно сейчас, когда идет война. У несчастного давно уже нет вестей от семьи, от матери, от отца…

Несмотря на то, что, скрепив сердце, дядюшка примирился с соседством индийца, сомнения и подозрения не покидали его ни на секунду, и порой, когда разговор заходил о мстительности англичан, дядюшка показывал рукой на дом, где поселился сардар Махарат-хан.

В то утро, когда дядюшка и отец пошли совещаться в гостиную и закрыли за собой дверь, меня разобрало любопытство, но в то же время в моей душе зародилось предчувствие, что надвигается какое-то событие, последствия которого лягут на мои плечи тяжким грузом.

Разделавшись с завтраком, я прошел через сад к окну кладовки, примыкавшей к гостиной. Через узкое окошко я влез в кладовку и заглянул в щелку двери, ведущей в гостиную. Закутанный в абу, дядюшка стоял во весь свой немалый рост перед отцом. Под абой у него виднелся подвешенный к поясу пистолет с длинным дулом.

– Я не верю даже ближайшим родственникам. О своем решении я поставил в известность только вас и надеюсь, вы, памятуя о том, что я всегда относился к вам, как к брату, в эти тяжелые минуты не откажете мне в поддержке и

помощи.

Отец задумчиво ответил:

– Что ни говори, с одной стороны, вы, конечно, правы… Но, с другой стороны, это дело нелегкое. А что вы решили насчет жены и детей?

– Я выезжаю сегодня вечером, а вы, не привлекая внимания, подготовьте все, чтобы они смогли выехать через несколько дней.

– Но вам надо подумать еще и вот о чем: шофер, который повезет вас, в конце концов вернется сюда. Где гарантия, что он не выдаст ваше местонахождение?

– Об этом не беспокойтесь. Я поеду на автомобиле бывшего начальника шахской канцелярии. Его шофер много лет сражался под моим началом. Жизнь готов за меня отдать. Относится ко мне почти как Маш-Касем.

– И тем не менее, я уверен, вам следует подождать день-два, чтобы вы могли как следует изучить все обстоятельства.

Дядюшка, стараясь не повышать голоса, воскликнул:

– Но они-то ждать не будут! Английская армия выступила в направлении Тегерана. Вполне возможно, что завтра или послезавтра войска уже войдут в город. Поверьте, я думаю сейчас не о себе. Я всю жизнь подвергался опасностям, и я к этому уже привык. Как говорил Наполеон: «Великие мужи рождены для опасностей». Я забочусь о своих малолетних детях. Будьте уверены, едва войдя в

Тегеран, англичане первым делом пожелают свести со мной старые счеты.

Отец кивнул и сказал:

– Конечно, я знаю – англичане не забывают старых обид, но… Вы думаете, вам удастся их обмануть? Вы полагаете, что в Нишапуре будете в безопасности?

В эту минуту мне пришло в голову, что отец боится потерять партнера по нардам.

Дядюшка распахнул абу и положил руку на кобуру пистолета:

– Во-первых, шесть пуль из этого пистолета достанутся им, а седьмая – мне! Им вряд ли удастся взять меня живьем. Во-вторых, я сделаю вид, что еду в Кум. Никто – слышите, никто! – даже мой верный шофер, и тот не знает, куда я еду на самом деле. Даже ему я сказал, что мы отправляемся в Кум. Лишь выехав за городские ворота, я прикажу свернуть в Нишапур.

– Ну, а когда вы туда приедете, то что? Вы думаете у них нет в Нишапуре своего агента?

– Деревня моего друга находится в стороне от самого Нишапура. Кроме того, я приеду туда под вымышленным именем.

Больше я уже ничего не слышал. Все заслонила ужасная мысль о разлуке с Лейли. Англичане приближались к Тегерану, и дядюшка решил спастись бегством. Боже мой,

как я смогу жить вдали от Лейли? Кто знает, сколько продлится ее отсутствие? Я впервые ощутил, какие тяготы несет с собой война. Союзные войска[21]вошли в Иран уже двадцать дней назад, но на жизни молодежи это пока никак не отразилось, разве что поговаривали, что школы откроются на несколько дней позже, да несколько подорожали продукты. Но мы питались ничуть не хуже, чем прежде, и так же громко и весело смеялись.

Четвертого шахривара[22]1941 года дядюшка, накинув на плечи абу и привесив к поясу пистолет, вместе с Маш-Касемом, вооруженным дядюшкиной двустволкой, взяли на себя командование нашим садом и несколько дней не позволяли нам выходить из комнат. Тем не менее, даже тогда мы не принимали войну всерьез. Но сейчас война стала для меня серьезнейшей реальностью, и мне хотелось прервать разговор дядюшки с отцом и крикнуть, что вся семья потешается над дядюшкиным страхом перед англичанами, мне хотелось сказать дядюшке, что отец внушил ему этот бред, чтобы превратить его во всеобщее посмешище, и что у англичан хватает дел и без того, чтобы мстить какому-то отставному прапорщику, подстрелившему пару бездомных бродяг во времена Мохаммад Али-шаха. Но я знал, что мои слова не произвели бы никакого впечатления

21

22

и, более того, отец мог бы обругать меня и даже наградить оплеухой.

Я выбрался из кладовки, забился в какую-то пустую комнату и мучительно думал, пытаясь найти выход из запутанной и неприятной ситуации. Я должен был любой ценой удержать дядюшку от путешествия, но как? Не знаю, сколько времени я ломал себе голову, а решение все не приходило.

Близился полдень, когда, устав и отчаявшись, я вышел в сад. На глаза мне попался Маш-Касем. Поздоровавшись с ним и осведомившись о его здоровье, я спросил, какие слышны новости.

– Э-э, милок. Ага наш вечером уезжает на пару дней в Кум. Дай бог ему хорошо там время провести. Я его сколько ни просил взять меня с собой, позволить на часок заглянуть в Гиясабад, так и не согласился. Что тут поделаешь. Святые-то не меня в паломничество позвали, а его…

– А как он поедет, Маш-Касем? На поезде или на машине?

– Ей-богу, милок, зачем мне врать?! Вроде как на автомобиле. Потому что я слышал, как он начальнику канцелярии звонил, чтоб тот прислал сюда свой автомобиль с шофером Мамад-агой.

Теперь у меня не осталось сомнений – дядюшка вполне серьезно решил отправиться в путешествие.

Господи, укажи мне выход! Если я не сумею сорвать дядюшкины планы, Лейли тоже уедет! А как мне жить без нее? Господи, неужели мне никто не поможет?… Впрочем… Может быть… Ну конечно! И в мозгу у меня сверкнула искра озарения… Асадолла-мирза! Он – единственный, кому я, по крайней мере, могу рассказать о своем горе. Его ласковые, излучающие тепло глаза вселяют в людей силу!…

Я бегом бросился к дому Асадолла-мирзы. Я еще и сам не знал, что ему скажу, но мне казалось, что уже есть надежда на успех…

Князь жил со старой служанкой в ветхом доме недалеко от нас. Когда я спросил у старушки, где он, она ответила, что еще спит. Но в это время Асадолла-мирза выглянул в окно. Судя по всему, он только что поднялся с постели. Увидев меня во дворе, он удивился:

– Моменто, моменто, а ты, голубчик, что здесь делаешь?

– Здравствуйте, дядя Асадолла. У меня к вам срочное дело. Извините, если…

– Не извиняйся. Заходи.

Накинув расписанный цветами халат, он сел на край кровати.

– Что случилось? Чем ты так расстроен?

Я долго маялся, прежде чем решился сказать ему, что люблю Лейли.

Он звонко расхохотался:

– Поэтому ты ко мне и пришел? Что ж, милый, поздравляю!… Уже и в Сан-Франциско с ней съездил?

Лицо моё захлестнуло горячей волной, и я догадался, что покраснел до ушей. При всей моей симпатии к Асадолла-мирзе я в ту минуту почувствовал к нему отвращение: как он мог так грубо опошлить нашу неземную любовь?! Но он истолковал мое молчание иначе.

– Небось тебе нужен теперь какой-нибудь врач, чтобы избавить вас от ребеночка? Не волнуйся, я тебе десять таких врачей найду.

Я закричал:

– Да нет же, дядя Асадолла! Дело вовсе не в этом!

– Значит, Сан-Франциско не было? Отвечай!… Быстро, немедленно, срочно, точно! Не было?

– Нет, нет, нет!

– Для чего же вы тогда влюбились друг в друга? Чтоб в крестики-нолики играть? Здоровый мужик – и не стыдно?

Опустив глаза, я пробормотал:

– Мы хотим, когда станем постарше, пожениться.

Он снова засмеялся:

– Я бы так долго не сумел вытерпеть. Пока ты школу кончишь, она уже троих родить успеет. Если хочешь, чтобы она тебе досталась, должен что-нибудь другое придумать.

– А что?

– Немедленно начать ездить с ней в Сан-Франциско!

С большим трудом мне удалось под смех и бесконечные шуточки Асадолла-мирзы рассказать ему о дядюшкином плане бегства и объяснить, что я пришел просить его каким-нибудь образом сорвать дядюшкин отъезд.

Подумав, князь сказал:

– Даже если сам Черчилль двадцать четыре тысячи раз поклянется именем пророка, что ему нет никакого дела до бывшего прапорщика казачьего полка, твой дядюшка все равно ему не поверит. Он убежден, что англичане могут простить даже Гитлера, но никак не его. Так, значит, ты говоришь, он собирается выехать якобы в Кум, а на самом деле – в Нишапур?

– Да. Но об этом знают только отец и я.

Асадолла-мирза снова задумался. Внезапно лицо его прояснилось, и он пробормотал:

– Моменто, моменто! Итак, если англичане тоже узнают, что он едет в Нишапур, он непременно откажется от поездки!… Мы должны сделать так, чтобы англичанам стало известно о его намерении, и чтобы он тоже узнал, что англичане обо всем догадались, – и с насмешливой улыбкой добавил: – Заодно спасем и бедняг англичан. А то ведь они наверняка пошлют специальный самолет-бомбардировщик, чтобы он разбомбил дядюшкин автомобиль на извилистой горной дороге между всеми этими ущельями. Они ведь и не

знают, что самолету и летчику угрожает страшная опасность. Ага – знаменитый стрелок, и неровен час пальнет из своей двустволки, да и отстрелит летчику его уважаемый фрагмент! – И, торопливо надевая пиджак, Асадолла-мирза закричал: – Вперед! Бегом в ставку англичан спасать героя!… Последние новости, последние новости: сотрудничество разведки с контрразведкой во имя любви!… Слушай мою команду! Кру-у-гом! Шагом марш!

Я никак не мог догадаться, какой план созрел у него в голове, но его спокойное веселое лицо вселяло в меня уверенность.

На улице, взяв меня под руку, он спросил:

– Скажи, дорогой, а Лейли тебя тоже любит или нет?

Я смущенно ответил:

– Да, дядя Асадолла. Она меня тоже любит, только дайте слово, что никому не скажете.

– Об этом не беспокойся. Но признайся, когда же ты влюбился?

– Тринадцатого мордада прошлого года, – без запинки ответил я.

Он засмеялся:

– Небось и точное время помнишь?

– Да, без четверти три.

Он так расхохотался, что своим смехом заразил и меня. Потом хлопнул меня по плечу:

– Я тебе, милый, дам несколько советов. Во-первых, не слишком ей показывай, что ее любишь. Во-вторых, если увидишь, что можешь ее потерять, не забудь про Сан-Франциско.

Я снова покраснел и ничего не ответил. Внезапно Асадолла-мирза резко остановился:

– Сейчас я сделаю так, чтобы тебя с ней пока не разлучали, но что ты собираешься предпринять против своего косноязычного соперника? Ведь решено, что, когда военнослужащий Пури вернется из-под стяга, сыграют его свадьбу с Лейли.

Меня бросило в дрожь. Он был прав. Если такое случится, я уже ничего не смогу поделать. Увидев мое грустное лицо, Асадолла-мирза снова рассмеялся:

– Моменто! Ты пока не особенно расстраивайся. Бог всегда на стороне влюбленных!

Тем временем мы уже подошли к нашему саду. Князь огляделся по сторонам и, увидев, что на улице никого нет, постучался в дом к индийцу. Я не успел спросить его, зачем он это сделал, потому что в это время англичанка, жена индийца, открыла дверь. В глазах Асадолла-мирзы вспыхнули искорки:

– Гуд морнинг, миледи!

Я уже два с половиной года учил в школе английский, и мне было ясно, что князь знает его не бог весть как, но он

так бодро выпаливал слова одно за другим, что в этом можно было усомниться.

Своими пламенными взглядами и расшаркиваньями Асадолла-мирза отрезал англичанке пути к отступлению, и, даже если ей не хотелось этого делать, она была вынуждена пригласить его в дом. Она сказала, что муж ушел по делам, но скоро вернется. Нескончаемые любезности князя заставили ее предложить нам подождать возвращения мужа, и уже через минуту мы с Асадолла-мирзой сидели в гостиной сардара Махарат-хана. Англичанка угостила князя бокалом вина. Когда я в ответ на ее предложение выпить ответил, что спиртное не пью, Асадолла-мирза нахмурился:

– Моменто, моменто! Влюбиться влюбился, а вино не пьешь? Если ты еще ребенок, то зря влюбился, а если взрослый, то зря не пьешь… Бери рюмку!

Когда я с неохотой взял рюмку, он тихонько сказал мне:

– Вот еще что запомни: если хорошенькая женщина предлагает тебе даже смертельный яд, отказываться нельзя! – И немедленно занялся разговором с женой индийца, которую неизменно величал «леди». Мое присутствие нисколько ему не мешало. Он сыпал ломаными английскими словами, то и дело вставляя восхищенные возгласы на родном языке:

– Гуд вайн… Ох, эти глазки, эти губки!… Вери гуд вайн.

Англичанка, глядя на него, смеялась и спрашивала, что значат те или иные слова, которые он повторял.

Через несколько минут вернулся и хозяин дома. Вначале, увидев Асадолла-мирзу в своей гостиной, он удивился и, вероятно, даже несколько обеспокоился, но князь мгновенно привел его в отличное расположение духа. Сардар знал персидский, но говорил на нем с забавным акцентом и делал смешные ошибки. Поговорив о том о сем и, в частности, о последних военных новостях, Асадолла-мирза изложил индийцу основную цель своего визита. Он сказал, что дядюшка Наполеон собрался съездить в Кум, а ему, то есть Асадолле, очень хотелось бы, чтобы, когда дядюшка будет садиться в автомобиль, сардар Махарат-хан подошел бы попрощаться и в разговоре упомянул город Нишапур.

Индиец с удивлением спросил, зачем это надо. Асадолла ответил, что от этого зависит один веселый дружеский розыгрыш, и немедленно принялся сыпать шутками и так рассмешил индийца, что тот отбросил всякую подозрительность и только спросил, как он узнает, когда именно дядюшка Наполеон будет уезжать.

– Да бог с вами, сардар! Можно подумать, наша улочка – это площадь Тупхане[23] и по ней автомобили тысячами раскатывают! Как увидите, что к воротам сада подъехала

23

легковая машина, так сразу и поймете, что ага уезжает.

– Саиб, мне как раз сейчас пришла в голову одна вещь про Нишапур… Очень будет подходящий случай делать!

– Премного вам благодарен, сардар! Вы мне большая любезность делать!

– Саиб, а на сколько дней ага в Кум отъезд делать?

– Ей-богу, не знаю, но, думаю, дней на семь-восемь делать.

– Саиб, а как же ага разлуку с супругой переносить делать?

Асадолла-мирза расхохотался:

– Но ведь у аги давно уже сила отказ делать!

Вероятно, этому выражению Асадолла-мирза выучился у индийца, потому что я слышал его от князя и раньше, и по тому, в каких случаях или о ком он так говорил, я догадывался, что эта нелепая фраза означает, что человек больше не способен выполнять супружеские обязанности.

Продолжая смеяться, Асадолла-мирза добавил:

– А когда женщина уверена, что у мужа сила отказ делать, она против его отъезда возраженье не делать.

Индиец в ответ рассмеялся, и наш визит закончился под общий веселый хохот. Продолжая восхищенно поглядывать на высокую леди Махарат-хан, Асадолла-мирза поднялся со стула, и мы с ним вышли на улицу. Предварительно князь осторожно высунул голову за ворота, чтобы убедиться, что

на улице никого нет.

Я немного проводил его до дома. По дороге он весело сказал мне:

– Можешь теперь не волноваться. Если все получится, как я задумал, дядюшка не уедет. По крайней мере, в Нишапур не уедет. И твоя ненаглядная Лейли останется с тобой. Но ты, конечно, должен подумать о Сан-Франциско.

– Дядя Асадолла, прошу вас, не надо так говорить!

Асадолла-мирза удивленно вскинул брови:

– Может, и у тебя, несмотря на твою молодость, сила отказ делать?!

Окрыленный надеждой, я вернулся домой. Отца нигде не было видно. На мой вопрос, где он, слуга ответил, что отец вместе с дядюшкой в гостиной.

Мне было необходимо узнать в мельчайших подробностях о планах и намерениях дядюшки – мое счастье висело на волоске. Лейли могла уехать, а разлука с ней была бы для меня невыносима, и я не имел права ни в чем полагаться на случай. Я снова влез через окно в кладовку. Дядюшка с озабоченным видом стоял перед отцом и давал ему последние указания:

– Я подпишу телеграмму фамилией Мортазави. Естественно, в телеграмме не будет никакого упоминания о семье. Если там будет сказано: «Высылайте вещи», – имейте в виду, что подразумеваются моя жена и дети. Сейчас мне

ваша помощь особенно нужна, так как я решил, что Маш-Касем поедет со мной.

– Почему вы вдруг изменили первоначальный план?

– Хорошенько подумав, я пришел к выводу, что мой отъезд без Маш-Касема может вызвать подозрения. Он ведь родом из-под Кума. Мы должны все обставить так, чтобы не насторожить англичан. И я вас особенно прошу, когда мы уже будем отъезжать, вы громко скажите шоферу, чтобы вел машину осторожнее, так как сейчас на дороге в Кум большое движение.

– Обязательно так и сделаю. Не беспокойтесь.

Подобно уходящему на войну римскому воину, дядюшка собрал в складки полу своей абы и перекинул ее через левое плечо, а правую руку положил на плечо отцу.

– Командование тылами я поручаю вам. В мое отсутствие назначаю вас своим заместителем. – И, повернувшись, он удалился размашистым шагом.

Через час машина бывшего начальника канцелярии уже стояла у ворот. В саду попрощаться с дядюшкой собралась вся семья. Матушка Билкис принесла поднос, на котором лежали Коран и зеркало[24].

Лейли ничего не знала об истинных планах своего отца, а у меня, несмотря на все старания оставаться спокойным, сердце готово было от тревоги выскочить из груди. И хотя

24

Асадолла-мирза заверил меня, что теперь дядюшка вряд ли уедет в Нишапур, а даже если и уедет, то ни в коем случае там не останется, я все равно ужасно волновался и поминутно поглядывал на Асадолла-мирзу, который весело болтал с родственниками. Он украдкой ободрял меня многозначительными взглядами.

Дядюшка, одетый в дорожный костюм, вышел в сад, но прежде, чем начать прощаться, осведомился, где Маш-Касем. Того не было видно, и дядюшка, рассердившись, резко приказал матушке Билкис:

– Поставь свой поднос и поищи этого болвана! Где его носит, хотел бы я знать!

Но не успела матушка Билкис выйти из сада, как в ворота вбежал Маш-Касем и устремился прямо к дядюшке:

– Ага, как есть умоляю вас, откажитесь от этого путешествия. Сейчас на базаре говорили, что англичаны уже в пятнадцати километрах от Кума. А говорят, у них такие ружья и пушки, что и на двадцать километров бьют…

Дядюшка смерил Маш-Касема презрительным взглядом:

– Это меня-то пугают англичанами?! – И, устремив взор к верхушкам деревьев, продекламировал: Не смеешь ты жаловаться небесам! Рожденный героем, будь храбрым и сам!

Но Маш-Касем не унимался:

– Вы ж меня знаете, ага. Я ничего такого не боюсь. Но зачем ни за что ни про что кликать беду на свою голову!… Да и святым будет не угодно, чтоб мы попались в лапы англичанов.

– Если трусишь, оставайся и вместе со старухами прячься в подвале!

Это, кажется, и вправду задело Маш-Касема. Он подхватил под мышку свой спальный мешок и заявил:

– Я не то что англичанов, самого черта не боюсь! – И зашагал к воротам.

В сад вошел запыхавшийся проповедник Сеид-Абулькасем.

– Я слышал, вы к святым местам направляетесь. Благое дело. Господь вам воздаст.

Мой отец, встречаясь с Сеид-Абулькасемом, старался сохранять спокойствие, но я каждый раз замечал, как в его глазах вспыхивает ненависть. Я понимал, что он до сих пор не может пережить катастрофы с аптекой. Сейчас, увидев проповедника, отец с деланной улыбкой воскликнул:

– Мое почтение преданному хранителю исламской веры! Как здоровье вашего сыночка?

– Премного благодарен, почтеннейший.

– Он по-прежнему питает те же чувства к супруге мясника Ширали или уже забыл ее?

Проповедник беспокойно огляделся по сторонам:

– Прошу вас, воздержитесь от подобных шуток. Мы собираемся с божьей помощью вскоре женить его на порядочной девушке. На дочке каменщика Хаджи Али-хана.

– Прекрасно! Прекрасно! – подхватил Асадолла-мирза. – Замечательная девушка, замечательная! К тому же из хорошей семьи! Ведь жена Ширали мало того, что замужем, так еще и по происхождению ниже вас! А вот дочь каменщика – чудесная девушка. Я ее несколько раз видел в доме моей сестры…

Тут дядюшка Наполеон сказал, обращаясь к провожавшим:

– Ну, до свиданья все! Я поехал. – И он начал целоваться с родственниками.

В эту минуту с улицы торопливо вернулся в сад Маш-Касем. Он отозвал дядюшку в сторону и что-то сказал ему на ухо. Дядюшка побледнел, но потом откашлялся и довольно бодро сказал:

– Ну и что. Ничего страшного.

Я догадался: Маш-Касем сообщил дядюшке, что возле автомобиля стоит индиец.

Шагая к воротам, дядюшка громко обещал детям привезти из Кума гостинцы, а взрослым говорил, что непременно за них помолится у святыни.

Автомобиль бывшего начальника канцелярии стоял у ворот. Тюк с дядюшкиными вещами был уже на крыше

машины. Рядом с воротами прогуливался индиец. Увидев его, дядюшка сказал:

– Хорошо, что вы здесь оказались, сардар. Теперь смогу и с вами попрощаться.

– Счастливого пути, саиб.

Дядюшка сел на заднее сиденье, а Маш-Касем устроился рядом с шофером. Дядюшка продолжал разговаривать с индийцем:

– Да, давно уже я не ездил поклониться святыне…

Индиец перебил его:

– А вы не боитесь, саиб, что дорога туда теперь мало-мало не безопасная?

– Нет, почтеннейший, это все слухи. Там давно уже спокойно. Ну а кроме того, мы верим, что святые сами охраняют паломников.

Родственники толпились возле машины, но индиец все не отходил. Асадолла-мирза, который, как я ожидал, будет особенно внимательно следить за этим разговором, строил глазки и подавал знаки леди Махарат-хан, глядевшей сквозь сетку окна на улицу. Я с волнением смотрел на индийца. А тот все продолжал задавать вопросы.

– Саиб, а жену свою вы с собой не брать?

Дядюшка, хотя внутри у него, наверно, все кипело, спокойно ответил:

– Нет. Я еду всего на несколько дней.

– Но, саиб, пусть даже ненадолго, а разлука всегда грустно. Как писал поэт: Зачем я покорился нас разлучившей буре?! В Лахоре я сейчас, но сердце – в Нишапуре.

Я впился глазами в дядюшку. Услышав от сардара Махарат-хана упоминание о Нишапуре, дядюшка дернулся, словно его ткнули оголенным электрическим проводом, и на секунду застыл с открытым ртом, остолбенело глядя на индийца. Потом, с трудом выговаривая слова, приказал шоферу:

– Мамад-ага! Поехали!

Шофер включил зажигание, нажал на газ, и все отступили на шаг назад. Машина двинулась по улочке, подымая пыль.

Я подошел к Асадолла-мирзе и заглянул ему в глаза. Он положил руку мне на плечо и тихо сказал:

– Дядюшкина песенка спета. Спи теперь спокойно.

В это время дядюшкина жена громко объявила:

– Не забудьте все прийти сегодня вечером… По случаю отъезда аги буду угощать вас аш-реште![25]

Асадолла-мирза подскочил к собиравшемуся уходить индийцу и негромко сказал:

– Сардар, вы это прекрасно сказали… браво! – И, повысив голос, продолжил: – Ханум сегодня в честь отъезда супруга приготовила аш-реште. Прошу вас с супругой

25

вечером к нам пожаловать.

Родственники изумленно уставились на Асадолла-мирзу – у нашей семьи были не такие близкие отношения с индийцем, чтобы приглашать его в гости. Но жена дядюшки не могла позволить себе показаться нерадушной и заявила:

– Конечно, конечно! Добро пожаловать!

Индиец начал вежливо отказываться:

– Нет, саиб, что вы!… Не буду вам мешать. Будет другой день, будет другой случай…

Но Асадолла-мирзу было уже не остановить:

– Моменто, сардар. Вы нам все равно что брат. Как вы нам можете помешать?! Клянусь вам, ханум обидится, если вы откажетесь… – и повернулся к дядюшкиной жене: – Разве я неправду говорю, ханум? Я ведь знаю ваш характер. Вы же обязательно обидитесь.

– Саиб, может быть, моя жена занята… Может быть, я смогу один приходить…

– Что ж, если ваша супруга занята, вы не должны оставлять ее дома одну. Тогда, конечно, приходите в другой раз. Но я прошу вас, сначала спросите у нее. – И Асадолла-мирза бросил взгляд на окно дома Махарат-хана. Увидев, что англичанка по-прежнему смотрит на улицу, князь крикнул:

– Миледи!… Леди Махарат-хан!…

Когда она высунулась из окна, он на своем ломаном английском пригласил ее на ужин. Леди Махарат-хан без

всяких церемоний ответила, что, если ее муж ничем вечером не занят, она с удовольствием придет.

– Ну? Слышали, сардар? Итак, мы вас непременно ждем. Вы нам большую честь оказать делать!

Индиец пообещал прийти, и все провожавшие дядюшку вернулись в сад. Я снова подошел к Асадолла-мирзе:

– Дядя Асадолла…

Но он не дал мне договорить:

– Подожди, подожди… Эй, Дустали-хан! Ты сегодня вечером глазам своим воли не давай! Сардар Махарат-хан дома держит в клетке двух очковых змей, и стоит кому-нибудь не так посмотреть на его жену, он одну из этих змей подкладывает наглецу в постель. И ничего смешного в этом нет! Не думай, пожалуйста, что я шучу! Хочешь, могу хоть сейчас повести тебя к нему в дом и показать клетку?

Асадолла-мирза сказал это так серьезно, что Дустали-хан побледнел:

– Чтоб ты помер, Асадолла! Неужто это правда?

– Чтоб ты сам помер! Он, конечно, никому не объясняет, зачем этих змей держит, и вообще даже не говорит, что они у него есть. Но леди Махарат-хан однажды мне все рассказала.

Дустали-хан огляделся по сторонам:

– Прошу тебя, не упоминай при Азиз-ханум имени леди Махарат-хан, потому что она тотчас решит, что я завел с

англичанкой шашни. В прошлом году она ведь устроила весь этот скандал тоже из-за твоих шуточек.

Глава двенадцатая

Под вечер все ближайшие родственники собрались в доме дядюшки Наполеона. Я безмерно радовался возможности свободно говорить с Лейли, не чувствуя на себе подозрительный взгляд дядюшки, но каждый раз, стоило мне вспомнить о дядюшкином путешествии, меня охватывала ужасная тревога. С тех пор, как он отбыл, прошло уже несколько часов, и я не знал, где он в эту минуту. Асадолла-мирза заверил меня, что дядюшка не поехал в Нишапур, но в то же время я прекрасно знал дядюшку и понимал, что он ни в коем случае не поедет и в Кум, так как, по словам Маш-Касема, англичане находились всего в пятнадцати километрах от этого города. Так где же он сейчас?

Меня подмывало спросить Асадолла-мирзу, что он думает по этому поводу, но князь был настолько занят разговором с леди Махарат-хан, что я не мог к нему подойти.

В разгар общего веселья отца вызвали в прихожую. Надеясь, что поступили какие-то новости от дядюшки, я вышел за отцом. В прихожей его ждал сын проповедника

Сеид-Абулькасема. Он сказал, что проповедник просит моего отца срочно зайти к нему. Вначале отец наотрез отказался, говоря, что он не переступит и порог дома этого негодяя, но сын Сеид-Абулькасема настаивал, повторяя, что дело крайне важное, и отец в конце концов согласился. Я упросил его взять меня с собой.

– Хорошо. Можешь пойти со мной, хотя я не понимаю, чего ради ты хочешь променять веселый вечер в гостях на визит к проповеднику!

Когда мы подошли к дому Сеид-Абулькасема, его сын сначала огляделся по сторонам, потом постучал в ворота условным стуком. Открыл сам проповедник и тотчас торопливо потащил нас в глубину двора.

– Прошу вас, пройдите в залу.

Отец, а за ним и я вошли в просторную комнату с пятью дверями и замерли от изумления: на тюфяке, откинувшись на подушки, восседал дядюшка Наполеон в своем дорожном костюме. В углу комнаты на полу расположился Маш-Касем.

– Вы?… Как вы здесь оказались?… Разве вы не поехали?

Осунувшееся лицо дядюшки Наполеона было бледнее обычного. Хриплым шепотом он сказал:

– Присаживайтесь, я сейчас все расскажу. Но я звал вас одного, зачем вы привели с собой…

– Сын Абулькасема ничего мне не объяснил, – перебил его отец. – Он только сказал, что у проповедника ко мне какое-то дело.

Дядюшка повернулся ко мне:

– Голубчик, выйди на минутку во двор. Мне нужно поговорить с твоим отцом с глазу на глаз.

Я немедленно вышел из комнаты. Во дворе Сеид-Абулькасем садился на осла, собираясь куда-то отбыть. Увидев меня, он сказал:

– Дорогой, я своего сына отослал по делам. Закрой за мной ворота, а дядюшке своему скажи, что я через полчаса вернусь.

Я закрыл за ним ворота. Жены проповедника дома не было, сына – тоже. Все складывалось как нельзя более удачно. Я притаился за одной из пяти дверей залы и прислушался. Дядюшка говорил:

– Когда я заявляю, что англичане ни на минуту не ослабляют наблюдение за мной, мои родственники утверждают, что я преувеличиваю… Но теперь-то вы поняли, что мой план отъезда в Нишапур был раскрыт? Вы обратили внимание, что индиец упомянул в разговоре о Нишапуре!

– А вы не думаете, что это стихотворение пришло ему на ум случайно?

– Перестаньте! Всем было сказано, что я еду в Кум.

Никто, кроме нас с вами, не знал, что на самом деле я отправляюсь в Нишапур. А тут вдруг индиец ни с того, ни с сего в последний момент почему-то должен сказать: «В Лахоре я сейчас, но сердце – в Нишапуре»?

Маш-Касем счел нужным тоже вступить в разговор:

– Зачем мне врать?! До могилы-то… Я ведь и сам не знал, что ага в Нишапур собрались!… Что за прохвосты эти англичаны!… Дал бы мне бог съездить разок к гробнице святого Хасана, я бы свечку поставил, чтобы все англичаны землей накрылись! Вы и не знаете, какие чудеса святой Хасан творит… Вот как-то раз один мой земляк…

– Замолчи, Касем. Хватит! – оборвал его дядюшка. – Дай нам поговорить!… Ну, что прикажете мне после этого делать?… Выехав из города, я понял, что все пути мне закрыты. Вернулся по бездорожью сюда, в дом Сеид-Абулькасема. К себе домой мне идти нельзя – индиец немедленно сообщит в Лондон… Я готов вам поручиться, что он сейчас сидит с биноклем у окна и следит за всем, что происходит у меня дома.

Отец перебил его:

– Позвольте вам сообщить радостную новость: в данную минуту индиец находится непосредственно в вашем доме и уплетает аш-реште за ваше здоровье!

Дядюшка застыл, будто его хватил паралич, и голосом, словно идущим со дна колодца, невнятно забормотал:

– Что? Что?… Инди… индиец… в моем доме… в моем?… Значит… мне нанесли удар ножом в спину?

Услышанная новость так ужасно подействовала на дядюшку, что его бледное лицо приобрело желтоватый оттенок, а верхняя губа и усы над ней дрожали мелкой дрожью. Изо рта его вылетали отрывистые нечленораздельные звуки.

Отец, наверно, наслаждался, наблюдая за его муками. Но внешне он сохранял все тот же участливый и обеспокоенный вид. Чуть помолчав, он все же не преминул посыпать соль на рану:

– Раз уж вы заговорили об ударе в спину… Что касается индийца, то я уверен, он тут ни при чем. У них есть тысячи способов разделаться с человеком… – и после паузы добавил: – Я абсолютно не подозреваю сардара Махарат-хана, но сегодня вечером в вашем доме меня несколько навело на размышление поведение его жены. Эта англичанка…

У дядюшки от удивления и гнева глаза чуть не вылезли из орбит. Задыхаясь, он еле выговорил:

– Так что, значит и его жена ко мне в дом пожаловала?… Что, теперь у меня в доме английский клуб?! Я должен немедленно знать, кто их ко мне пригласил!

Отец с задумчивым и загадочным видом продолжал:

– Подозрения у меня возникли в тот момент, когда она

листала ваш семейный альбом, и принялась слишком уж внимательно разглядывать ту вашу фотографию, где вы сняты во весь рост в казачьей форме. А когда кто-то из детей сказал ей, что на карточке – вы, она показала снимок своему мужу, сказала ему что-то по-английски, и они долго о чем-то между собой спорили.

Дядюшка, слушавший отца с открытым ртом и вытаращенными глазами, вдруг схватился за сердце и со стоном повалился на бок. Отец подбежал к нему:

– Ага, вам плохо?… Маш-Касем, беги сейчас же за доктором Насером оль-Хокама!

Дядюшка резко выпрямился и изо всех оставшихся сил закричал:

– Нет! Нет!… Сядьте! Со мной все в порядке… Доктор Насер оль-Хокама – английский агент… Его двоюродный брат работает в английской нефтяной компании!

Растирая дядюшке руки, отец приказал Маш-Касему:

– Сходи, принеси воды!

Маш-Касем торопливо побежал во двор. Я притаился в углу и подождал, пока он отнес воду в залу. Глоток воды подействовал на дядюшку ободряюще. Откинувшись на подушки и закрыв глаза, он пробормотал: Коль в зубы попался ты льву самому, Оставь все надежды, сдавайся ему!

– Уж кто, кто, а вы, ага, сдаться никак не можете! Вы, всю свою жизнь посвятивший борьбе, не имеете права

отдавать себя на волю волн! Великие люди узнаются в минуту опасности!… Лишь в испытаний страшный час Мы узнаем героев среди нас!

– Вы правы. Отступать нельзя, вернее отступать некуда. Необходимо продолжать борьбу. Но для этого я прежде всего должен остаться жив, а англичане при той ненависти, которую они ко мне питают, вряд ли дадут мне умереть своей смертью… Сегодня за чертой города мы остановились отдохнуть в одной чайхане. Люди, которые ехали в Тегеран с юга, рассказывали такие ужасы о зверствах англичан…

Давно молчавший Маш-Касем закивал головой:

– Господи, спаси и помилуй! Уже два с половиной миллиона человек порубили… Убереги господь от этих напастей Гиясабад! Гиясабадцы ведь тоже англичанам спуску не давали. Один мой земляк, например…

– Прекрати, Касем! – нетерпеливо перебил дядюшка. – Дай нам о собственных несчастьях подумать! – И, обращаясь к отцу, спросил: – Так что, по-вашему, я должен сейчас делать?

Отец задумчиво поскреб подбородок:

– Я считаю, что ваша жизнь важна для всего нашего государства. Ради блага народа вы обязаны остаться в живых. Оказавшись в подобном тупике, следует нанести врагу удар рукой его же врага. По-моему, ваше единственное спасение – союз с Германией. Вы должны искать защиты у

немцев.

– У немцев?! Но их же сейчас здесь нет и в помине!

– Заблуждаетесь, ага! На первый взгляд их действительно в стране не осталось, но на самом деле в Тегеране действует их мощная тайная организация. Я считаю, что вам следует написать немцам письмо и попросить их взять вас под свое покровительство.

Дядюшка, вытянув шею, внимательно ловил каждое слово отца. Отец добавил:

– Я, кстати, знаю одного человека, через которого можно будет это письмо послать.

– Кому я должен написать?

– Лично Гитлеру.

Маш-Касем восторженно воскликнул:

– Вот здорово! Я сам хотел только что предложить то же самое. Если на свете и остался один стоящий человек, так это Гитлер!

– Так вот, напишите Гитлеру, чтобы вас несколько месяцев охраняли, пока его войска не подоспеют сюда. Потому что нет никакого сомнения, что через несколько месяцев его армия будет уже здесь.

Отец, дядюшка и Маш-Касем несколько минут говорили хором, перебивая друг друга, и я почти ничего не расслышал. Но когда Маш-Касем поднялся с места и принялся искать бумагу и ручку, я понял, что они пришли к

решению. Чернильный прибор проповедника стоял на полке в этой же комнате, и, когда Маш-Касем принес его, дядюшка принялся писать под диктовку отца:

– Его Сиятельному Высокопревосходительству Адольфу Гитлеру, да продлится его счастье! Великому вождю Германии! Ваш покорный слуга нижайше просит Вас принять уверения в совершеннейшем к Вам почтении и осмеливается довести до сведения нижеследующее: Ваш покорный слуга уверен, что Сиятельное Высокопревосходительство в достаточной мере осведомлены о долгой и упорной борьбе… имярек… против английских колонизаторов, но тем не менее, осмеливается ниже перечислить битвы, в которых он принимал участие… Написали?

Дядюшка усердно водил пером по бумаге.

– Дальше сами опишите битву при Казеруне, битву при Мамасени и другие ваши сражения с англичанами, а потом упомяните о сардаре Махарат-хане и его жене-англичанке, которые ведут за вами слежку. Конечно, мы не уверены, что индиец – английский шпион, но вы напишите со всей категоричностью, что абсолютно в этом убеждены.

– Как это мы не уверены? – перебил дядюшка. – Я так же уверен в том, что индиец – английский агент и ему поручено следить за мной, как и в том, что сейчас сижу в зале Сеид-Абулькасема!

– Как бы то ни было, напишите об этом германскому фюреру. В конце письма не забудьте обязательно приписать: «Хайль Гитлер!»

– А что это значит?

– Так сейчас в Германии принято. Это значит: «Да здравствует Гитлер!» И ни в коем случае не забудьте написать, что вы готовы на любое сотрудничество с Германией и просите принять срочные меры для обеспечения вашей безопасности.

Дядюшка наивно спросил:

– А если Гитлер действительно захочет спасти меня от англичан, что он, по-вашему, сделает?

– Помилуйте! Для такого человека, как он, спасти вас – раз плюнуть!… Завтра вечером или послезавтра по ту сторону Казвинских ворот приземлится самолет «Юнкерс», вас возьмут на борт и вывезут отсюда. Такие вещи тысячи раз случались в разных странах.

Дядюшка обеспокоенно спросил:

– И куда же меня повезут?

– В Берлин. А спустя несколько месяцев вы вместе с германской армией прибудете обратно. Так что придется некоторое время поскучать без жены и детей.

– А нельзя попросить, чтобы Маш-Касема вывезли вместе со мной?

– Это тоже пара пустяков. В конце припишите

несколько строчек про Маш-Касема, про то, что его жизнь тоже в опасности.

Маш-Касем кивнул головой:

– Э-э-э… Зачем мне врать?! До могилы-то… Меня англичаны тоже страсть как ненавидят! В Казерунскую кампанию сколько я ихних солдат поубивал! Как сейчас помню… Одним ударом сабли я какому-то полковнику голову снес, она к ногам его так и упала. А он хоть и без головы, все никак не унимается. А голова его как на землю упала, еще полчаса всякими словами меня поносила… Пришлось мне ей глотку тряпкой заткнуть.

Дядюшка сердито остановил его:

– Не встревай, Маш-Касем!… А как бы поскорее доставить мое письмо Гитлеру?

– Об этом не беспокойтесь. Я знаю одного их агента. Он передаст точный текст вашего письма в Берлин по радио. Так что будьте уверены – через день-два с вами свяжутся.

– А до тех пор что мне делать?

– По-моему, вам лучше вернуться к себе домой. Конечно, ни в коем случае не выдавайте себя, с индийцем держитесь приветливо. Скажете, что в дороге автомобиль сломался, и вам пришлось вернуться.

– А вы не думаете, что…

Отец не дал ему договорить:

– Конечно, в ближайшие пять-шесть дней англичане

еще не появятся в Тегеране, но вы делайте вид, будто о них и не думаете. Лучше, чтобы индиец – если он вообще их агент – сообщил им, что вы находитесь у себя дома. Тогда они не будут принимать против вас никаких мер, пока их армия не войдет в город… Ну ладно, я сейчас пойду обратно, а вы через минут пятнадцать – двадцать тоже возвращайтесь в свой дом и сделайте вид, что только что прибыли. Пока у вас есть время, перепишите начисто письмо, а потом незаметно отдайте его мне и обо всем остальном уже не беспокойтесь.

Отец дал несколько последних указаний насчет почтительного тона письма, напомнил, что дядюшка обязательно должен заявить о своей готовности сотрудничать с Германией и рассказать о происках сардара Махарат-хана и его жены, и наконец вышел из залы. Я немедленно перебежал в другой конец двора и с невинным видом усевшись на ступеньку лестницы, ведущей на крышу, притворился, что задремал.

– Подымайся, пошли. Нечего тут спать!

По дороге я спросил отца:

– А почему дядюшка не поехал в Кум?

Отец настолько ушел в обдумывание своих сложных интриг, что не расслышал, и я был вынужден повторить вопрос несколько раз.

– У него в дороге автомобиль сломался, пришлось вернуться, – раздраженно ответил он наконец.

Я искоса посмотрел на него. Казалось, он молча разговаривает о чем-то сам с собой. Я невольно возвел глаза к небу: «Господи, внуши моему отцу, чтобы он не затевал снова никаких склок!» Я понятия не имел, что собирается отец сделать с дядюшкиным письмом Гитлеру, но твердо решил, что не буду сидеть сложа руки и приму меры, чтобы предотвратить действия отца, которые могут опять привести к распрям и ссорам, а в результате пагубно отразиться и на мне.

А в дядюшкиной зале продолжалось веселое застолье. Хохот Асадолла-мирзы слышался даже в другом конце сада. Первой, кого я увидел, была заливавшаяся смехом Лейли. Я на мгновенье забыл о своих тревогах. На мой вопрос, что ее так рассмешило, она ответила:

– Ты себе и не представляешь, до чего Асадолла-мирза доводит Дустали-хана!

Дустали-хан сидел мрачный и надутый. По временам он пытался выдавить из себя улыбку, но это ему плохо удавалось. А князь, по своему обыкновению уже слегка под хмельком, рассказывал сардару Махарат-хану о какой-то пирушке и последовавших за ней ночных приключениях, в которых вместе с ним участвовал и Дустали-хан.

– …И вот, после всего этого Дустали-хан наконец остался с девчонкой наедине, но – не дожить вам до такого дня, сардар! – выяснилось, что сила у него отказ делать! –

Князь снова заливисто расхохотался и, трясясь от смеха, добавил: – Тогда-то он еще молодым был, а уж теперь, как вы понимаете, сила у него напрочь отказ делать!

Англичанка, глядя на князя, тоже хохотала, то и дело восхищенно приговаривая: «Лавли!» и еще что-то в том же роде, и упрашивала Асадолла-мирзу, чтобы он объяснил ей суть своего рассказа по-английски.

Асадолла-мирза, знавший английский с пятое на десятое, конечно, не мог спасовать и начал:

– Ю ноу, май дир леди Махарат-хан…

Дустали-хан угрюмым шепотом сказал:

– Я тоже могу рассказать одну историю про гробницу Касема…

Асадолла-мирза напустил на себя серьезный вид и объявил:

– Дамы и господа… лейдиз энд джентльмен… Тишина! Наш уважаемый друг, выдающийся оратор, господин Дустали-хан расскажет дорогим слушателям историю о гробнице Касема. Итак, я передаю ему слово.

Но Дустали-хан, знавший, что в присутствии Асадолла-мирзы его рассказ не будет иметь успеха, несмотря на просьбы гостей, молчал.

Князь укоризненно обратился к нему:

– Дустали, не позорь меня перед сардаром и его женой! Сардар и его супруга сегодня мои гости, и ты не должен

лишать их удовольствия и скрывать свое красноречие!

Дустали-хан резко сказал:

– Сардар и его жена – друзья всех здесь присутствующих. И, если уж говорить правду, они пришли сюда по моей просьбе.

– Ну ты и наглец, Дустали!

– Да! Ты сардара приглашал, но он отказался, а когда я стал настаивать, согласился!

Асадолла-мирза рассмеялся:

– Давай считать, что супруга сардара Махарат-хана – моя гостья, а сам сардар – твой гость.

Но разобиженный Дустали-хан вел себя как ребенок и готов был придраться к чему угодно. Он закричал:

– Ты все врешь! И сардар, и его жена – мои гости. Это я их сегодня сюда пригласил!

Тут я вдруг заметил, что собравшиеся с изумлением смотрят на дверь, и тоже повернулся в ту сторону. На пороге возвышался дядюшка Наполеон в дорожном костюме и в темных очках с кожаными щитками. Без сомнения, дядюшка слышал последние слова Дустали-хана, поскольку сейчас смотрел на него грозным взглядом.

Все на мгновенье притихли, а потом поднялся шум. Родственники наперебой расспрашивали дядюшку о причине его возвращения. В общей суматохе Асадолла-мирза с улыбкой подмигнул мне, а я незаметно кивнул ему с

благодарностью. Дядюшка тем временем, играя свою роль, поздоровался с родственниками и, с усилием сказав несколько вежливых слов индийцу и его жене, объяснил, что в дороге у него неожиданно сломался автомобиль.

Отец сказал:

– Что ни делается, все к лучшему. В Кум никогда не поздно съездить. Даст бог, через месяц вместе поедем.

Индиец, чтобы поддержать разговор, заметил:

– Ага разлуку с женой не мог перенести делать, – и, словно вспомнив придуманную Асадолла-мирзой историю о веселом розыгрыше, добавил: – Теперь и сердце вернулось из Нишапура в Лахор.

Услышав слово Нишапур, дядюшка вздрогнул, но тотчас овладел собой и деланно засмеялся. Потом достал из кармана конверт и протянул его отцу:

– Как видите, адрес гостиницы, который вы мне давали, не пригодился. Оставьте его лучше у себя.

Я старался сохранить спокойствие, но при этом не мог оторвать глаз от конверта, который из протянутой дядюшкиной руки перекочевал в руку отца, а потом исчез в его кармане. Господи! Какую новую игру затеял отец с наивным стариком?

Дядюшка старался подавить тревогу и злость и не думать о присутствии индийца, равно как и о своем мрачном будущем. Он держался оживленнее обычного и, несмотря на

то, что всегда с трудом переносил шутки Асадолла-мирзы, в этот вечер то и дело с ним заговаривал:

– А кстати, князь, куда это сегодня Дустали-хан упрятал ханум Азиз ос-Салтане?

– Я думаю, Азиз-ханум поехала к гробнице Давуда молить святого о помощи.

– О помощи?

– Да, чтобы святой избавил Дустали-хана от недуга и восстановил его силу. Потому что, как говорит сардар Махарат-хан, у Дустали-хана, к сожалению, сила отказ делать.

Индиец запротестовал:

– Я никогда такого не говорил.

– Я сказал – как вы говорите, то есть, по вашему выражению, – пояснил Асадолла-мирза. – Я не говорил, что вы это именно о нем сказали. Хотя о нем это все говорят. Да и вообще, даже по его лицу видно, что у него сила отказ делать.

Дустали-хан тихо, но с нескрываемой яростью сказал:

– Асадолла, я сейчас тебе так заеду, что…

– А что случилось, дорогой?! Хорошо, хорошо. Твоя сила вовсе даже отказ не делать!… Твоя сила постоянный расцвет делать!… Такой силе Рустам зависть делать!… Перед такой силой Геркулес бледность делать!

Когда ужин кончился, и гости уже встали, чтобы

разойтись, дядюшка знаком велел Дустали-хану задержаться. Отец, вероятно, догадавшись, что дядюшка собирается допросить Дустали-хана, почему тот пригласил индийца, покачал головой, показывая, что это не нужно. В конце концов в зале остались только дядюшка и отец. Я не мог заставить себя идти домой, не узнав, о чем они будут говорить, и приложил ухо к двери.

Отец шепотом спросил:

– Все написали, как я вам сказал?

– Да, слово в слово. Прошу вас, постарайтесь доставить письмо как можно скорее. У меня крайне опасное положение.

– Не волнуйтесь. Завтра рано утром в известный вам город поступит соответствующее сообщение.

В залу, сварливо ворча что-то себе под нос, вошел Маш-Касем и направился к дядюшке:

– Ага, знаете, что этот паскудник сделал?

– Ты о ком, Касем?

– Да об этом индийце.

Дядюшка не на шутку встревожился:

– А что же он сделал?

– Полчаса назад вышел из залы, посмотрел по сторонам и двинулся в сад. Я потихоньку – за ним…

– Ты можешь побыстрее? Терпенья на тебя не хватает! Что потом?

– А зачем мне врать?! До могилы-то… Он, значит, сразу же подошел к тому большому шиповнику… Ох, и сукин же сын!… Встал там и нужду свою справил!

– Прямо под большой шиповник?!

– Да, ага. Прямо под большой шиповник.

Дядюшка переменившись в лице, схватил отца за руку:

– Вот видите!… Англичане… любым способом стараются мне досадить! Это – часть их плана! Они пытаются сломить мой дух, чтобы заставить меня безоговорочно капитулировать! Они начали психическую атаку!

Внезапно, откинув полу дорожного сюртука и схватившись за кожаную кобуру подвешенного к поясу пистолета, дядюшка закричал:

– Я этого индийца убью собственными руками!… Под мой большой шиповник!… Это – борьба недозволенными средствами!… Даже если мне потом придется погибнуть под пытками англичан, я накажу подлеца!…

Отец положил руку ему на плечо:

– Успокойтесь… Неосторожный муравей, свалившись в таз, себя не силой, а терпеньем спас… Терпите!… Когда сюда прибудут ваши друзья, они разделаются с индийцем.

Дядюшка прорычал:

– Я сам, собственными руками его на виселицу вздерну!

Маш-Касем закатил глаза:

– Аминь!… Я уж и не хотел вам все-то рассказывать… Но этот сукин сын потом еще хуже сделал…

– Что еще? Почему не договариваешь?

– Зачем мне врать?! До могилы-то… После того, как он нужду справил, он еще и другую пакость учинил, да так, что в другом конце сада слышно было!

– О аллах! Дай мне случай отомстить коварным англичанам и за это оскорбление!

Через несколько минут после того, как и отец и я вернулись к себе домой, в нашем дворе снова появился дядюшка. Он знаком подозвал отца, и они вместе пошли в гостиную. Я, помня о настоятельной необходимости быть полностью в курсе событий, немедленно залез в кладовку.

– Когда дела делаются в спешке, обязательно что-нибудь упускается из виду. Я только сейчас сообразил, что не написал в письме, каким условным знаком или паролем их агент должен дать мне знать о своем появлении. Сами подумайте, их человек захочет со мной связаться, а как он мне представится? Откуда я буду знать, что он от них?

Отец собрался было заявить, что это не столь важно, но, тотчас сообразив, что в дядюшкиных словах есть логика, сделал вид, что задумался, а потом сказал:

– Вы правы. В такой ситуации следует все предусмотреть. Необходимо назначить зашифрованный пароль. Может быть, вы?…

– Я подумал, что, наверно, нужно взять в качестве пароля какое-нибудь число.

Отец поскреб подбородок:

– Неплохая мысль, но число вам придется записать, а при настоящих обстоятельствах вы не можете себе позволить оставлять улики в письменном виде. Не забывайте об агентах противника. Я думаю, что можно было бы… – И он задумался.

Дядюшка спросил:

– А если в пароле упомянуть о ком-нибудь из родственников?

У отца заблестели глаза:

– Неплохо. Например, пусть их агент упомянет вашего покойного деда, но надо сделать так, чтобы никто другой не сумел составить похожую фразу. – Как насчет такого пароля: «Покойный дед ест бозбаш[26]с Жаннет Макдональд»?

Дядюшка возмутился:

– По-моему, здесь шутки неуместны!

– Я не шучу. Я же вам сказал, что надо так зашифровать пароль, чтобы вражеские шпионы ни о чем не догадались.

Прерывающимся от гнева голосом дядюшка заявил:

– Я лучше отправлюсь на эшафот к англичанам, чем допущу, чтобы имя Великого Праотца стояло рядом с именем какой-то потаскухи!

26

Отец пожал плечами:

– Вы хотите и капитал приобрести, и невинность соблюсти. Если вы и в самом деле против… Что ж, тогда положимся на милость судьбы. Да и вообще вовсе не обязательно, что англичане решат вам отомстить. Возможно, после стольких лет они вас простили.

– Вы, кажется, решили надо мной издеваться?! Вы же лучше всех других знаете, какие ужасные козни готовят против меня англичане. Как вы можете так говорить, когда под большим шиповником еще не высохли следы преступного деяния этого мерзкого индийца!…

– Тогда почему же вы так несговорчивы? Вы думаете, если бы Наполеон на подобном же условии мог избежать заточения на острове Святой Елены, он бы хоть секунду колебался? Вы принадлежите не себе. За вами – великая семья, наша столица, вся наша страна. И они ждут от вас подвига!

Дядюшка закрыл глаза и прижал руки к вискам:

– Во имя народа я даю согласие. Где мое письмо? Я должен сделать приписку про пароль.

Отец протянул ему конверт с письмом и принес чернила и перо.

– Пишите!… Нижайше прошу Вас отдать распоряжение, чтобы для установления контакта с Вашим покорным слугой агенты пользовались нижеследующим

шифрованным паролем… Написали?… Теперь поставьте кавычки и пишите: «Покойный дед ест бозбаш с Жаннет Макдональд».

На лбу у дядюшки выступила испарина. Он пробормотал:

– Всевышний, прости меня, что ради спасения своей жизни мне пришлось потревожить дух Великого Праотца!

– Уверяю вас, что, если бы Великий Праотец был жив, он бы одобрил ваш поступок.

Произнеся небольшую речь о своей врожденной отваге и приведя несколько подходящих к случаю примеров жизни Наполеона, дядюшка пошел домой.

Я остался в полном недоумении. Сколько я ни думал, мне так и не удалось понять планы отца. Спал я в ту ночь беспокойно. Утром я принял решение вновь обратиться за помощью к Асадолла-мирзе. Но когда я пришел к нему, его не оказалось дома. Я прождал его весь день – он так и не появился. Я мучался от тревожных мыслей, и день тянулся для меня бесконечно. Меня очень беспокоило поведение отца и странное выражение, застывшее на его лице. Он ходил с довольным видом победителя.

Дядюшку я в тот день не видел ни разу. Под вечер мне удалось перекинуться несколькими словами с Маш-Касемом, когда он вышел поливать цветы. Глядя на дядюшку, Маш-Касем тоже пребывал в тревоге и унынии.

– Это дело нешуточное, милок. Ага не зря ночами спит. Англичаны-безбожники все ближе подходят. Не приведи господь, уже и человека своего выслали, чтобы с агой расправиться. Нам с агой теперь недолго жить осталось. Я хоть всю эту ночь под дверью аги с ружьем спал, ага все равно раз десять просыпался. А стоило ему заснуть, кричать во сне начинал: «Они уже здесь!… Здесь!…» Будто ему англичаны уже нож к горлу приставили. Мне и самому худо, я только на бога и надеюсь… Но ведь, ежели разобраться, англичаны по-своему правы. Я б на их месте тоже не оставил в живых человека, который мне столько бед учинил.

– Маш-Касем, я не думаю, что тебя-то они так уж…

Он поставил лейку на землю и перебил меня:

– Э-э-э, голубчик! Англичаны и я – это все равно, как кошка и собака! Ну хорошо, забудут они, к примеру, про битву при Мамасени, а как с Казерунской битвой быть?! А Казерунскую кампанию забудут, про Гиясабадское сраженье вспомнят – тогда что?… Я тебе, милок, так скажу. Зачем мне врать?! До могилы-то… Я уж согласен, чтоб они меня под дуло поставили, только бы агу не трогали!

И Маш-Касем пустился рассказывать о своих подвигах, о том, как он наносил сокрушительные поражения британским войскам, но при этом несколько раз намекнул, что надежда спастись все-таки есть.

Следующий день, к счастью, был выходным. Я

несколько раз заходил к Асадолла-мирзе, но его старушка-служанка сказала, что князь приказал не будить его до одиннадцати даже если начнется всемирный потоп. В одиннадцать его сиятельство изволили пробудиться. Когда я вошел в его комнату, князь завтракал. Было видно, что он отлично выспался и пребывает в прекрасном расположении духа. Он с аппетитом поглощал яичницу с помидорами под громкую музыку, лившуюся из трубы граммофона. Меня он встретил широкой улыбкой и предложил разделить с ним завтрак, но у меня аппетита не было и в помине.

– Почему не хочешь? От любви аппетит потерял?

– Нет, дядя Асадолла, дело не в этом. Тут такое творится!

Когда я рассказал ему о разговоре в доме проповедника и о письме дядюшки к Гитлеру, он расхохотался, а потом сказал:

– Не знаю, что твой отец затеял против аги, но в какой-то степени он имеет право держать против него зло. Пока у него была аптека, он был человеком состоятельным, а сейчас стал жить скудно, как мы, государственные чиновники. Дядюшка под корень его подрубил. А теперь он собрался с дядюшкой то же самое проделать. Если б во всей этой истории не была замешана еще и твоя любовь, мы бы спокойно смотрели, как они друг друга мордуют, и только посмеивались бы.

– Но, дядя Асадолла! Вы должны что-нибудь придумать. Я и вправду не могу понять, что у отца на уме.

– Моменто! Ты особенно не переживай. Отец твой не такой дурак, чтобы отправить это письмо Гитлеру или вообще кому-нибудь его показать, потому что его же первого схватят за воротник и потребуют объяснений.

– Тогда для чего, по-вашему, он продиктовал его дядюшке?

– Я думаю, это ему нужно, чтобы потом шантажировать дядюшку и заставить его плясать под свою дудку. А может быть, он хочет с помощью этого письма превратить старика в посмешище… Так ты говоришь, они и пароль придумали?

– Да. Агент, который должен установить с дядюшкой связь, обязан сказать: «Дед ест бозбаш с Жаннет Макдональд».

От хохота Асадолла-мирза повалился на пол. Меня тоже разобрало, и сквозь смех я добавил:

– Когда дядюшка услышал упоминание о Великом праотце, его чуть удар не хватил, но отец все-таки заставил его согласиться.

– А твой отец, оказывается, тоже остряк. Уже одним тем, что он сумел припутать сюда дядюшкиного деда, здорово ему отомстил. Удивительно, как все же ага пошел на это?

– Он долго артачился и вначале даже заявил, что скорее

поднимется на эшафот к англичанам, чем допустит, чтобы имя Великого Праотца стояло рядом с именем какой-то потаскухи.

У Асадолла-мирзы глаза округлились от удивления. Потом он снова расхохотался:

– Ну старик и наглец! Да ведь Жаннет Макдональд – великая актриса. Любой мужчина был бы счастлив ручку ей поцеловать!

– Отец сказал дядюшке, что если бы Наполеон оказался в таком же положении, он бы тоже пошел на подобную жертву. Короче говоря, отец настолько запугал дядюшку, что тот согласился посадить Великого Праотца за один стол с Жаннет Макдональд.

Асадолла-мирза вытер губы салфеткой.

– Моменто!… Он так гордится своим дедом, что можно подумать, тот был Виктором Гюго или Гарибальди!… А ты-то знаешь, кем на самом деле был Великий Праотец?

– Нет.

– Отец Великого Праотца жил во времена Мохаммад-шаха и Насреддин-шаха и был каменщиком. И постепенно по камушку, по кирпичику сколотил состояние. Как-то раз он послал в дар Насреддин-шаху пятьсот туманов, и тогда шах пожаловал ему почетное арабское прозвище-лакаб аж из семи слогов, и простой каменщик немедленно стал называться как-нибудь вроде Мозоль оль-Пуп аль-Типун, а

его сын, то бишь покойный Великий Праотец, который относил на серебряном подносе взятку Насреддин-шаху, получил лакаб из шести слогов – например… Шишподнос ар-Рахит… Ну и затем вся семья в один миг превратилась в великий аристократический род и по сей день, кроме своих, не признает никого на свете… Моменто! Смотри только, нигде не повторяй то, что я тебе рассказал!

– Нет, дядя Асадолла. Не бойтесь.

– Ну ладно, теперь нам надо что-нибудь придумать, а то еще, не дай бог, Гитлер пошлет маршала Геринга спасать на дому отставного казачьего прапорщика… Кстати, а ты знаешь, какой был чин у твоего дядюшки, который ходит с видом маршала Гинденбурга? Он вышел в отставку в чине прапорщика. Более того, он подал в отставку досрочно. А знаешь почему?

– Нет. Почему?

– Ты тогда был совсем маленьким и, конечно, не можешь этого помнить. Дядюшка уже в то время считал себя главой семьи и командовал всеми родственниками. Над твоим отцом он издевался как мог. А твой отец сдал дом, тот самый, который теперь арендует сардар Махарат-хан, одному молодому подпоручику. И дядюшке, в кругу семьи изображавшему из себя великого полководца, когда он встречался на улице с подпоручиком, который годился ему во внуки, приходилось вытягиваться перед тем по струнке и

щелкать каблуками. В те времена в армии насчет дисциплины было строго. Ну, конечно, все по этому поводу над дядюшкой посмеивались, и он подал в отставку. С той-то поры и началась его вражда с твоим отцом… Ладно, подымайся. Что-нибудь придумаем.

Асадолла-мирза стал одеваться.

– Раз нам известен пароль агента Гитлера, мы должны установить с дядюшкой контакт и попытаться сорвать замысел твоего отца. Откуда бы нам ему позвонить?… Из вашего дома нельзя, из дядюшкиного – тоже… А что, если мы заглянем к Дустали-хану? Он сейчас вряд ли дома сидит.

Приняв это решение, мы вышли на улицу. По дороге Асадолла-мирза сообщил мне новость, от которой у меня оборвалось сердце. Оказывается, правительство решило демобилизовать всех некадровых военнослужащих, и, таким образом, сын дяди Полковника Шапур, больше известный как Пури, должен был со дня на день вернуться домой. Посмотрев на мое расстроенное лицо, Асадолла-мирза хлопнул меня по плечу:

– Не горюй! Господь, он все видит! Когда я говорил, чтобы ты не забывал про Сан-Франциско, я имел в виду как раз такой поворот событий… Сейчас ни о чем не думай! Как-нибудь уладится. Может, ты, пока суд да дело, успеешь и школу кончить или сумеешь в Сан-Франциско съездить, а может, тот косноязычный решит жениться на ком-нибудь

другом.

Но его утешения не облегчили моих страданий. Перед домом Дустали-хана мы остановились и прислушались. Тишина. Не было слышно даже криков Азиз ос-Салтане, разносившихся на всю улицу.

– Похоже, этой воительницы тоже нет дома, – сказал Асадолла-мирза. – Если там одна служанка, то лучше места, чтобы позвонить дядюшке, мы не найдем нигде. А служанку мы с тобой в два счета обведем вокруг пальца.

Когда нам открыли ворота, глаза Асадолла-мирзы засверкали, а на губах расцвела улыбка. Перед нами стояла девушка, совсем молоденькая, на вид лет девятнадцати с приятным лицом и хорошей фигурой. Она очень вежливо поздоровалась с князем, и он на первое же ее «прошу вас» немедленно вошел во двор. Хотя было ясно, что никого, кроме девушки, в доме нет, он спросил, дома ли Азиз ос-Салтане и Дустали-хан.

Накинув на голову легкую чадру, девушка кокетливо засмеялась:

– Асадолла-хан, а вы меня вроде и не узнали.

Асадолла-мирза словно уже и забыл про наши намерения. Поедая девушку глазами, он улыбнулся:

– Моменто! Как это не узнал! Ты – Зохра. Как поживаешь? Отец твой здоров?… Где ж ты пропадала? Совсем тебя не видно.

– Я – Фати, дочь кормилицы. Моя мать выкормила Гамар-ханум… Разве не помните… когда я была совсем маленькой, вы мне еще говорили: «Щечки у тебя как яблочки».

– А-а! Как же, как же!… Ах ты ж господи! Какая ты большая стала!… Откуда у тебя такие алые губки? Можно я их поцелую, чтоб они побелели?… Ну, неужели даже не чмокнешь дядю?

Девушка покраснела и, смущенно рассмеявщись, опустила глаза. Асадолла-мирза взял ее за руку и, по-прежнему оглядывая с ног до головы, сказал:

– А я кормилицу часто о тебе расспрашивал. Она, по-моему, говорила, что ты замуж вышла.

– Да. Вышла замуж и уехала в Исфахан… Потом через четыре года развелась с мужем. Плохой был человек. Обижал меня.

– Покарай его аллах! Чтоб такую хорошую девушку обижать?! А как насчет детишек-ребятишек? Не завела?

– Нет…

– А-та-та… Прекрасно… отлично… Ну и что же теперь делаешь?

Князь так увлекся разговором, что, казалось, напрочь забыл, зачем мы пришли. Я дернул его за рукав. Не спуская глаз с Фати, он сказал:

– Тогда, если позволишь, мы немного посидим,

подождем Дустали-хана.

Девушка радушно воскликнула:

– Прошу вас! Чувствуйте себя как дома. Пожалуйте в залу.

– А попить чего-нибудь прохладного у тебя не найдется?

– Конечно. Есть вишневый шербет, есть из айвы с лимоном… Что вам принести?

– Нет, милая, шербету мне что-то не хочется. А вот от лимонада бы не отказался!… Если б ты сбегала на базар и принесла нам две бутылочки лимонада, цены бы тебе не было!… Вот деньги, возьми.

– Как вам не стыдно, ага! Какие еще деньги?! У меня у самой деньги есть.

Асадолла-мирза насильно запихнул ей в руку деньги, на которые можно было купить двадцать бутылок лимонада. Как только Фати вышла за ворота, князь направился к телефону и назвал номер дядюшки. Трубку он прикрыл носовым платком. Услышав на другом конце провода дядюшкин голос, князь, коверкая слова, сказал:

– Ага, ви есть дома один?… Тогда меня слушай… Дед кушать бозбаш с Шаннет Макдональд… Понималь?… Ви не вольнуйтесь!… Необходимый приказ пришель… Мы послезавтра иметь ваш контакт… Кто что вам ни говори, ви это не делай, жди наш приказ!… Даже если ваш сестры муж

вам что-то говори, ви все равно не слюшай!… Совершенно секретно… Ничего не делай, жди! Молодец!… Это есть правильно понималь!… Никому ни один слово не говори, пока не поступаль наш приказ! Понималь?… Что? Честное слово даваль?… Молодец!… Хайль Гитлер!

С трудом сдерживая смех, Асадолла-мирза положил трубку.

– Бедняга от страху аж трясся. Теперь, как бы твой отец ни подстрекал дядюшку, тот ни на что не согласится. А мы тем временем решим, что делать дальше.

Через несколько минут появилась Фати с лимонадом. Было видно, что она всю дорогу бежала.

Прихлебывая лимонад, Асадолла-мирза продолжал ощупывать Фати глазами:

– Фати-джан, неужели в гости к дяде не зайдешь?… Ты ведь знаешь, где я живу?

– Там же, где и раньше?

– Да, все там же… Раз ты теперь здесь, должна дядюшку навещать.

– Даст бог, мы с матушкой как-нибудь на днях к вам заглянем.

– Моменто, моменто! Зачем же тебе матушку утруждать? Нет, ты уж с собой ее не тащи. У нее поясница больная. Ей отдыхать надо.

– У нее поясница давно прошла, господин Асадолла-

мирза!

– Моменто, моменто! Ей ни в коем случае нельзя много ходить. Человек думает, что исправился, начинает туда-сюда ходить – глядишь, еще хуже стало!… Ну ладно. Как видно, Дустали-хан и Азиз-ханум еще не скоро вернутся, так что мы уж лучше пойдем.

– Посидите, пожалуйста. Они скоро придут.

– А куда они ушли?

– Видите ли… – Фати замялась.

Асадолла-мирза навострил уши. Он чувствовал, что Фати что-то знает, но не хочет говорить. С напускным равнодушием он сказал:

– А-а… Понял… Значит, все по тому же поводу… Насчет того, о чем вчера говорили… Бывает же у людей такое!

Фати простодушно удивилась:

– Как? И вы знаете?!

– А как же иначе! Они мне первому об этом рассказали. Да уж и почти вся семья знает.

И Фати прорвало:

– Вчера у них были гости. Сосед-индиец с женой. Потом они ушли, а через час вдруг в доме шум, крик! Я за дверью стою, вижу: ханум дочку свою, то есть Гамар, допрашивает – говори, мол, от кого ребенок! А у Гамар, видно, совсем ум отшибло. Стоит себе, смеется. Какие-то

имена чудные называла, и не придумаешь!

Асадолла-мирза попытался скрыть свое удивление. Искоса поглядев на меня, он решил вытянуть из девушки подробности.

– Моменто! Вот уж действительно моменто! Есть еще на свете подлецы! Сотворить такое со слабоумной!

Фати потупилась:

– А сегодня ее к доктору повели. Может, еще удастся сделать так, чтоб она выкинула… Ханум всю ночь плакала и волосы на себе рвала, а сама-то Гамар-ханум рада-радешенька. Знай себе смеется. Я, говорит, хочу ребеночку распашонку связать!

Асадолла-мирза был явно потрясен услышанным.

– Найти бы того, кто с несчастной дурочкой такое сделал, и голову ему отрубить!

Фати смущенно улыбнулась:

– Я вам кое-что скажу, ага, только поклянитесь, что будете молчать!

– Клянусь твоей жизнью! А твоя жизнь мне собственной дороже.

Фати поглядела в мою сторону. Асадолла-мирза, перехватив ее взгляд, сказал:

– Этому парню я больше, чем себе, верю. Не волнуйся, уж кто-кто, а он и рта не раскроет.

Фати еще немного поколебалась, но потом все же

решилась:

– Сегодня утром Дустали-хан сказал ханум, что это наверняка ваша работа. То есть, значит, от вас ребеночек…

Асадолла-мирза вздрогнул и закричал:

– Вот ведь негодяй!… Чтоб я такое с придурковатой девчонкой сделал?! – И он обрушил на голову Дустали-хана потоки ругани. – Я из этого Дустали-хама всю душу вытрясу! Подлец! Сам к себе индийца с женой приглашает, а на меня грязь льет! – Неожиданно он замолчал, о чем-то задумался, затем повернулся ко мне: – Вставай, пошли. Я с Дустали потом разберусь.

Фати упрашивала нас подождать, пока вернутся хозяева, но князь пообещал ей, что зайдет попозже.

На улице я сказал:

– Дядя Асадолла, вы думаете, эта девушка…

Он перебил меня:

– С Фати будет полный порядок. Ведь с женщинами как – если в первые же пять минут она тебе на крючок не попалась, можешь больше и не стараться. А эта сама напрашивается. Ты запомни несколько правил. Первое: когда знакомишься с женщиной, веди себя как покупатель, который заинтересовался товаром, делай вид, что наконец нашел то, что искал. А потом иди себе домой и спокойно ложись спать – она сама тебя разыщет. Ну и тут уж – Сан-Франциско!

– Дядя Асадолла, да я не…

– Ну что ты заладил: дядя Асадолла, дядя Асадолла! Небось снова хочешь сообщить, что у тебя сердце разрывается от чистой неземной любви!… Пока ты будешь молоть всякий вздор, девчонку у тебя из под носа уведут, потом будешь локти себе кусать!

Я на секунду закрыл глаза и перед моим мысленным взором предстала ужасная картина: Лейли достается другому! Но я не успел задуматься над этой удручающей перспективой, потому что мои размышления прервала догнавшая нас на полдороге Фати:

– Господин Асадолла-мирза, у меня же сдача осталась!

Асадолла-мирза притворился, что обиделся:

– Как не стыдно! Ты мне все равно что племянница! Какие могут быть счеты?! – И лосле паузы, достав из кармана еще одну ассигнацию, сказал: – Знаешь что, Фати-джан, у моей служанки плохой вкус. Возьми-ка вот это и, будет время, купи мне несколько бутылок лимонада, как и сегодня. На свой вкус.

Фати с готовностью спросила:

– Пойти сейчас купить?

– Нет, милая. Завтра… послезавтра. Когда у тебя время найдется… Если меня не будет дома, оставь лимонад у служанки. До свиданья, радость моя.

Фати ушла. Я спросил:

– Дядя Асадолла, разве, чтобы купить лимонад, надо иметь хороший вкус?

– Моменто! Право же, моменто! Ты вон какой детина вымахал – неужели до сих пор ничего не понимаешь? Я вынужден попросить тебя заучить и второе правило: всегда старайся предоставить интересующей тебя особе повод к тебе зайти.

– Ну, а если она принесет лимонад, когда вас не будет дома, и оставит его у служанки, тогда что?

– Моменто! В таком случае мне станет понятно, что я не сумел достаточно ясно показать ей свою заинтересованность. Третье правило тебе сказать или для одного раза будет много? Третье правило: никогда не напускай на себя целомудренный вид. Стоит женщинам увидеть такую постную рожу, как у тебя сейчас, то будь ты хоть Цицерон, они скажут: «Ой, какой он молчальник!» Будь ты хоть Кларк Гейбл, скажут: «Ой, какой красивый, а такой скучный!…» Будь ты хоть Авиценной, скажут: «Ой, ему бы только книжки читать!…» Да ты вроде меня и не слушаешь? Продолжим наш урок в следующий раз.

– Вы правы, дядя Асадолла. Я очень тревожусь. Мне опять страшно, что все эти события приведут к скандалу…

– …и тебе не достанется красавица Лейли! Запомни: если ты так и будешь хлопать своими невинными глазами, Лейли у тебя обязательно уведут, а тебе останется только

стонать и охать!

– Так что же мне делать?

– Отправляться в Сан-Франциско!

– Прошу вас, не надо так говорить!

– Ну если ты не хочешь доезжать до самого Сан-Франциско, посети хотя бы его пригороды. По крайней мере, дай понять, что по природе ты путешественник!

От бесстыдства Асадолла-мирзы во мне все кипело. Если б я не нуждался так в его помощи, я бы сказал ему все, что о нем думаю, повернулся бы и ушел. Но я не хотел – более того, не мог – терять своего единственного советчика и покровителя. Я сменил тему разговора:

– Дядя Асадолла, а вы уверены, что отец никак не использует дядюшкино письмо?

– Конечно, нет. Разве что, если он и впрямь ума лишился. Ну, представь себе – пошлет он это письмо Гитлеру или Черчиллю… Они-то, по крайней мере, знают, что никакой битвы при Казеруне и в помине не было. Скажут: дурак какой-то написал или ненормальный. Может, даже посмеются, если настроение будет. Но, как бы там ни было, если сумеешь, выкради это письмо. Только не рви сразу. Принеси мне, вместе почитаем, и за Гитлера и Черчилля посмеемся. А вот что на самом деле опасно, так это то, что несчастный, старик… – Асадолла засмеялся, потом закончил, – сойдет с ума от страха перед местью

англичан.

– Дядя Асадолла, а как вы думаете, от кого у Гамар будет ребенок?

– Откуда я знаю? Может, ветром надуло, может, не там выкупалась.

– А что они теперь будут делать? Наверно, постараются заставить этого человека жениться на Гамар, да?

– Моменто, моменто! Ты, видно, плохо их знаешь. Лучше бедной дурочке голову отрежут, чем допустят, чтобы внучка самого Шишподнос ар-Рахита вышла замуж за человека из простой семьи. Сегодня вечером мы все ужинаем у дяди Полковника, надо будет держать ушки на макушке и постараться выяснить, насколько далеко все это зашло… Боюсь, загубят они несчастную девку.

Когда, расставшись с Асадолла-мирзой, я вернулся к себе, в саду было пусто и тихо. За обедом я пытался что-нибудь понять по виду отца, но отец был молчалив и спокоен.

Глава тринадцатая

После полудня я нашел Лейли с братом в саду. Моя сестрица и братишка Лейли стали нам предлагать разные игры, но мы с той поры, когда полюбили, потеряли вкус к детским забавам. Любовь сразу сделала нас как бы на

несколько лет старше. Однако, чтобы не обращать на себя внимания, мы все же затеяли какую-то беготню, вовлекли в нее ребятишек, а сами под шумок забрались в беседку и занялись разговором.

С улицы донеслись выкрики бродячего фотографа, зазывавшего клиентов. Сестра подбежала к нам:

– Ребята, Мирза Хабиб пришел, ура! Пошли, снимемся разок!

Мы не раз приводили к себе этого фотографа: аппарат у него был допотопный, громоздкий, с каким-то черным рукавом, болтающимся сзади, но зато обладатель этой штуковины снимал детей со скидкой. Окликнув фотографа, мы, однако, с удивлением обнаружили, что это не Мирза Хабиб. Камера была все та же, на фанерном чемоданчике были налеплены знакомые фото, но старый инвентарь поменял хозяина. Заметив наше недоумение, фотограф, должно быть, сразу понял, чем оно вызвано, так как, опережая вопросы, сказал с сильным армянским акцентом:

– Мирза Хабиб продал мне свой аппарат. Если желаете, могу вас снять. Вообще-то, чтоб вы знали, Мирза Хабиб мой ученик был… Я фотографирую очень прекрасно!

Мы переглянулись в нерешительности, но, выяснив, что цена осталась прежней, попросили его зайти и продемонстрировать свое искусство.

У меня до сих пор хранится карточка, которую он

сделал в тот день. В полосатой пижамке я стою рядом с Лейли, а ее брат и моя сестра сидят перед нами, примостившись на одном стуле…

Когда фотограф, проявив при красном свете пластинку-негатив, прикрепил ее к линзе объектива, чтобы сделать увеличенный отпечаток, я вдруг заметил дядюшку Наполеона, вышедшего из дверей своего дома. На минуту дядюшка замер, уставившись на чужака, потом бросил шедшему следом за ним Маш-Касему несколько слов, не отрывая, однако, глаз от фотографа. Он смотрел на него, как полицейский на подозреваемого в убийстве или в краже.

Но уже через мгновение дядюшка с застывшим лицом продолжал свой моцион, а Маш-Касем, который, как видно получил спецзадание, зашагал к нам. Знаком он подозвал меня:

– Милок, а ведь это не тот фотограф, который вас всегда снимает! Откуда он взялся-то?

– Мирза Хабиб ему свой фотоаппарат продал.

Маш-Касем поспешил к дядюшке, зашептал что-то ему в ухо. Дядюшка подозрительно покосился на фотографа и дал новые инструкции Маш-Касему. С важным видом тот опять направился к фотографу:

– Салам алейкум. Как поживаете? С божьей помощью, значит?

Поздоровавшись, он справился об имени фотографа.

– Ваш слуга Бу-Гоус.

По-птичьи наклонив голову, чтобы разглядеть негатив, Маш-Касем изрек:

– Зачем врать?! До могилы-то… А ты, видать, большой мастак. Ишь какое красивое фото снял! Который до тебя приходил, так не умел.

Раздуваясь от важности, Бу-Гоус хвастливо заявил:

– Мирза Хабиб ремеслу у меня учился. Я уж двадцать лет фотографирую. У меня свое фотоателье было. Сначала здесь, потом в Ахвазе… Да не повезло – пришлось продать.

– Так ты, значит, и на юге побывал, отец родимый?

– Ясно, побывал. У меня клиентура солидная была, все уважаемые люди… Нефтяная компания – вся у меня снималась!

Глаза Маш-Касема округлились, но он постарался скрыть испуг и спокойным голосом спросил:

– Небось и англичаны у вас снимки делали?

– Англичане главные мои клиенты были!

Фотограф вытащил готовую карточку и показал Маш-Касему:

– Гляди! Вот что такое настоящая фотография.

Но мы не дали Маш-Касему полюбоваться снимком, тотчас выхватили его, и Лейли с карточкой в руках побежала к отцу:

– Папенька, посмотрите, какая красивая фотография!

Дядюшка, держа снимок перед глазами, продолжал подозрительно разглядывать самого фотографа. Тем временем Маш-Касем опять что-то ему шепнул. Фотограф тоже подошел ближе к нашей семейной группе, поклонился дядюшке и сказал:

– Если позволите, я сфотографирую и вас тоже.

– Нет, благодарю, – сдавленным голосом отвечал дядюшка. – Не нужно.

– Вы только разрешите. Душа просит сфотографировать благородного господина на память. Понравится вам фото – отпечатаю столько карточек, сколько пожелаете, а не понравится – пусть остается у меня.

Несколько мгновений дядюшка молчал, но ему не удавалось скрыть свое беспокойство, и наконец он раздраженно выкрикнул:

– А для чего вам меня снимать?! Кто это вам поручил?

Фотограф удивленно воззрился на него:

– Зачем сердиться, ага? Я хотел вам службу сослужить.

Дядюшка, перестав сдерживаться, взревел:

– Тысяча моих фотографий уже есть в досье!!! Прочь отсюда, и скажи своим хозяевам, что, даже если они сделают еще сто снимков, им не удастся взять меня живым!

Тут он резко откинул полу своей абы, выхватил из кобуры браунинг и опять завопил срывающимся от гнева голосом:

– Шесть пуль предназначено тебе и твоим пособникам, а последнюю я сохраню для себя…

Бедняга фотограф, выпучив глаза, несколько секунд не мог оторвать взгляда от пистолета, а затем вдруг бросился бежать. На бегу схватив в охапку треногу с аппаратом, он с такой быстротой выскочил из сада, что мы только рты разинули.

Пораженные, мы уставились на дядюшку. Тот убрал пистолет в кобуру. На лбу у него выступили крупные капли пота. Шатаясь, он доковылял до каменной скамьи и без чувств свалился на нее. В отличие от меня, Лейли и младшие дети ничего не поняли из дядюшкиных речей.

Маш-Касем, растирая руки дядюшки, чтобы привести его в себя, приговаривал:

– Долгих тебе лет! Сохрани тебя господь, защитник ты наш, – ты ведь словно пятеро святых! Ну и задал ты им жару! Как аукнется – так и откликнется… Пусть теперь докладывает своим подлым хозяевам!

Я скорей побежал домой и сказал отцу, что дядюшке дурно. Отец поспешил к нему:

– Что случилось, ага? Что здесь произошло?

Вместо дядюшки ему ответил Маш-Касем:

– Эти негодяи заслали сюда лазутчика, чтобы заполучить фото хозяина… Но ага бросился на него, словно лев! Чуть брюхо ему не прострелил! И поделом!

Отец с притворным участием принялся успокаивать дядюшку и негромко сказал:

– Возьмите себя в руки, есть вести, что письмо уже получено.

Маш-Касем помог дядюшке вернуться в дом, а я поплелся за отцом, еще более растерянный, чем всегда.

Гостей на ужине у дяди Полковника оказалось немного. Кроме моих отца с матерью, дядюшки Наполеона и детей, там были еще Асадолла-мирза и Шамсали-мирза. Попозже явился Дустали-хан и сообщил, что Азиз ос-Салтане не придет – из-за болезни Гамар.

Сначала разговор вертелся вокруг возвращения Шапура, то бишь Пури. Шамсали-мирза заявил:

– Теперь, когда Пури-хан благополучно возвращается, Полковнику надо за дело браться – пора хлопотать о свадьбе.

– Да я об этом только и мечтаю, – ответил Полковник. – Вы не представляете, до чего нас довела вся эта кутерьма, что мы пережили, пока не пришло его письмо…

Дядюшка Наполеон хранил угрюмое молчание. Я посмотрел на Лейли, повесившую голову, потом бросил отчаянный и умоляющий взгляд на Асадолла-мирзу. Тот прикинулся, будто он не в курсе дела:

– А у вас есть кто-нибудь на примете для сына?

– Да разве ты не знаешь, Асадолла? – в свою очередь

спросил дядя Полковник.

– Моменто, откуда мне знать! К тому же я не думаю, что так просто найти жену солдату, который только что демобилизовался, – ведь у него еще ни настоящей профессии, ни службы нет.

– Ну что ты чепуху городишь?! Тебе бы только шутить… Для Пури с его высшим образованием в любое министерство двери открыты! Мальчик больше пятнадцати лет учился, получил диплом – да мои приятели в государственных учреждениях его с руками оторвут. Парень ведь просто гений!

– Да, это у него на лице написано, – со смехом сказал Асадолла-мирза. – Но все-таки, кого вы держите на примете?

Дядя Полковник, окинув Лейли отеческим взглядом, отвечал:

– Браки двоюродных заключаются на небесах!

Асадолла-мирза наморщил лоб:

– Моменто, моменто, я решительно возражаю. Лейли-джан всего-то лет четырнадцать, ей надо еще образование закончить.

Прежде чем дядя Полковник успел ответить, вмешался Дустали-хан:

– Хотел бы я знать, а великий пророк Мухаммад, когда женился, – закончил образование или нет…[27]Уж для

27

девушки это и вовсе не имеет значения.

Асадолла-мирза вдруг вскипел:

– А ты бы, Дустали…

Но тут, видно, в голову ему пришла какая-то мысль, которая заставила его прервать начатую фразу. Немного помолчав, он другим тоном сказал:

– Вы читали в газетах – похоже, что немцы опять потопили несколько кораблей союзников.

Дустали-хан никогда всерьез не следил за политикой, но, чтобы позлить Асадолла-мирзу, тут же заявил:

– Да пусть хоть сто кораблей потопят – все равно англичане их победят. В первую мировую войну немцы до самого Парижа дошли, а потом вверх тормашками полетели.

Асадолла-мирза сказал, повысив голос:

– Не знаю, с чего это ты стал таким сторонником англичан? Как будто тебе за это деньги платят…

Я невольно взглянул на дядюшку Наполеона и по его окаменевшему лицу понял, о чем он в этот момент подумал.

Дустали-хан, деланно усмехнувшись, возразил ему:

– Берут же другие деньги у немцев – почему бы мне не брать у англичан?

Асадолла-мирза поглядел в мою сторону, глаза его лукаво блеснули. Он поднял стакан с вином:

– Ну и бери себе! Ведь за консультацию берешь, кабы не твоя светлая голова – с кем бы Черчиллю посоветоваться!

Дустали не успел ему ответить: в коридоре раздался грохот, крик, дверь распахнулась, и в гостиную с воплем ворвалась запыхавшаяся Гамар:

– Папа Дустали, спасите! Маменька хочет меня убить!

Все вскочили. Дустали-хан подбежал к Гамар:

– Что ты глупости болтаешь, дочка? Где мама?

– Да вон она – за мною гонится…

В дверях появилась Азиз ос-Салтане, клокочущая яростью, словно огнедышащая гора, и заорала:

– Навязалась ты на мою голову, подлянка, состарила меня раньше времени!…

Дядюшка Наполеон, выпрямившись во весь рост, попытался урезонить ее:

– Тише, тише, ханум, что за крик?…

Но Азиз ос-Салтане, не обращая внимания на его протесты, зычно кричала:

– А ну пошла отсюда, иди сейчас же домой, пока я тебе башку не проломила!

Гамар же, спрятавшись за спиной Дустали, вопила:

– Не пойду-у, я вас бою-у-у-сь!

– Ах, не пойдешь?! Ну подожди!…

Азиз ос-Салтане огляделась, схватила трость, покоящуюся на пучке розог, и замахнулась:

– Пошла отсюда!

На лице дядюшки Наполеона отразилось раздражение,

он преградил ей дорогу:

– Ханум, положите трость на место!

Тут вмешался Асадолла-мирза:

– Моменто, ханум, это невинное дитя…

– Помолчите! – оборвал его дядюшка.

– Вы-то, ага, не знаете, какая у меня беда, – сдавленным голосом проговорила Азиз ос-Салтане.

– Я сказал, положите палку!

Суровый тон дядюшки подействовал, Азиз ос-Салтане опустила трость. Когда дядюшка увидел, что она немного успокоилась, он повернулся к Гамар:

– А теперь, доченька, возвращайся вместе с матерью домой!

Но придурковатая толстуха дрожащим голосом возразила:

– Нет, нет, я туда не пойду, ни за что не пойду…

– А я говорю – иди, отправляйся с матерью домой. В семье ослушаться старших – самый большой грех.

– Не пойду, не пойду…

Терпение дядюшки иссякло, и он яростно взревел:

– Кому сказано – домой! Домой!…

От его грозного крика в комнате воцарилось мертвое молчание. Гамар, остолбенев, несколько мгновений смотрела на дядюшку, а потом разразилась слезами и, рыдая выговорила:

– Не пойду я туда, маменька хотят моего ребеночка убить… – И она положила руку себе на живот. – Вот этого ребёночка… А я его люблю, я ему распашонку свяжу!

– Что?… Ребенок… распашонка… Какой ребенок?…

После внезапного признания Гамар и этого возгласа дядюшки Наполеона все на несколько мгновений замерли. Тишину нарушали только всхлипывания Гамар. Потом Азиз ос-Салтане вдруг ударила себя по голове и хриплым шепотом взмолилась:

– Господи, пошли ты мне смерть, чтобы не терпеть этого позора!

Дядюшка повернулся к ней:

– Так значит вы… вы этих англичан…

Говорить дальше он не мог: прижал руку к сердцу, с трудом сделал два шага к дивану, побледнел и упал на сиденье. Глаза его закатились. Все подбежали к нему, наперебой крича: «Ага… ага!»

– Ага, что с вами?… Воды, воды принесите!

– Маш-Касем, воды!

Маш-Касем принес стакан с водой. Но губы дядюшки были плотно сжаты. Побрызгали ему в лицо – он не двигался.

Отец объявил:

– Это сердечный приступ, водой тут не поможешь. Маш-Касем, сбегай за доктором Насером оль-Хокама!

Торопливо выбегая из гостиной, Маш-Касем успел, однако, сказать:

– Ох, голубчики! Все-таки довели агу до смерти…

Я пробрался к Асадолла-мирзе и рассказал ему про фотографа, появление которого в саду так встревожило дядюшку. Тем временем все разом заговорили, засуетились, забегали, только Гамар, сразу успокоившись, с аппетитом поглощала сласти. Эти кретинка даже не могла понять, что вся каша заварилась из-за неё…

Дядя Полковник, едва овладев собой, тотчас вспомнил о присутствии младших:

– Прошу детей удалиться в соседнюю комнату!

Асадолла-мирза вмешался:

– Моменто, господин Полковник, ведь они уже не младенцы, только что слышали обо всем… Или вы отсылаете их, чтобы избежать кривотолков? Нет, пусть уж лучше останутся, только нигде ничего не рассказывают.

Дяде Полковнику пришлось согласиться с этими логичными доводами, и Асадолла-мирза, улыбаясь, обратился к детям:

– Господин Полковник просит вас ради чести семьи ничего не рассказывать о том, что случилось с Гамар-джан.

Гамар, громко смеясь, заявила:

– Я обещаю, что никому ничего не расскажу.

Неожиданная реплика Гамар рассмешила всех, и сама

она тоже захохотала.

Доктор Насер оль-Хокама сделал дядюшке укол, и немного погодя тот открыл глаза. Едва придя в себя, дядюшка провозгласил, что в докторе не было необходимости, а колоть его и вовсе было незачем. Доктор Насер оль-Хакама, явно раздосадованный этими словами, захлопнул свой саквояж и встал:

– Ну, жить вам не тужить, да… Прошу вас обеспечить аге полный покой, а у меня гости дома, мне пора. Благодарю вас, господа, будьте здоровы!

И, нахмурившись, он вышел из комнаты. Отец обратился к дядюшке:

– Эти неприятности касаются всех, конечно. Но вы все же не должны так нервничать – в вашем возрасте сильное волнение может стоить жизни.

Дядюшка отпил глоток воды:

– Вы правы. Мы не должны впадать в растерянность… А вы, ханум Азиз ос-Салтане, не плачьте понапрасну.

Моя мать под предлогом, что пора ужинать, увела из комнаты детей, а дядюшка, повернувшись к Гамар, мягко сказал:

– Детка, подойди ко мне, – давай немножко поговорим. А вы, Азиз-ханум, пожалуйста, не вмешивайтесь.

Гамар, которая по-прежнему была занята сластями, без всякой боязни встала, подошла к дядюшке и уселась возле

него.

– А теперь, детка, скажи дяде, почему ты догадалась, что беременна?

– Да потому, что он зашевелился у меня под сердцем, – со смехом отвечала Гамар.

– А когда ты это узнала?

– Несколько дней назад… Я пошла, вытащила из копилки свои деньги, купила красной пряжи, связала моему ребенку рубашечку… Хочу еще одну связать.

– Милая, а ведь девушка, пока замуж не выйдет, не беременеет. Когда же ты замуж вышла, что мы об этом и не знали?

– А в начале лета.

При всех усилиях дядюшки сохранять спокойствие видно было, что внутри у него все кипит. Он стиснул зубы. Потом опять заговорил, почти ласково:

– Кто же твой муж? И где он сейчас?

Гамар задумалась ненадолго, потом ответила:

– Не скажу.

– А ты только дядюшке на ушко шепни.

Тут выступил Дустали-хан:

– Как мы ни бились, она не желает назвать его имя, так что вы только себя зря измучите.

– Ну, а мне скажет, – заявил дядя. – Правда, детка?

Все взгляды обратились к Гамар, все напрягали слух.

Гамар с прежним простодушием повторила:

– Не скажу!

И встала, чтобы взять еще одну конфету. Но дядюшка быстрым движением приподнялся, схватил ее за руку и заорал:

– Ты должна сказать! Понимаешь, должна мне сказать!

Гамар другой рукой прихватила с подноса конфету и, запихивая ее в рот, промычала:

– Не скажу.

У дядюшки глаза вылезали из орбит, губы дрожали. Он грубо рванул толстуху к себе и закатил ей крепкую пощечину:

– Должна сказать!…

Гамар так и замерла, приоткрыв рот. Она насупилась, как ребенок, в уголке губ вместе с непрожеванными сластями повисла капелька крови. Потом невнятно пробормотала:

– Не скажу. Если сказать, они убьют моего ребеночка… А я хочу ему рубашку связать.

Не знаю, что чувствовали остальные, но у меня от этого душераздирающего зрелища сердце готово было лопнуть или выпрыгнуть из груди. Почему никто не вступится? Почему они разрешают истязать эту бедную девушку?

Отец подбежал к дядюшке и сказал:

– Ага, она виновата. Но ведь девочка не в себе, не бейте

ее.

– А вы не вмешивайтесь! – резко сказал дядюшка.

Тут Азиз ос-Салтане, которая тихо плакала, вдруг вскинулась и закричала:

– Думайте, что говорите! Сами вы не в себе… Что же это – моя дочь, значит, ненормальная?! Чтоб тебя гром разразил, дрянная девчонка, по твоей милости все эти родственнички начнут теперь обо мне злословить!

Асадолла-мирза счел, что пришло его время вмешаться:

– Моменто, ханум, не надо шуметь, успокойтесь. Криками делу не поможешь.

Потом он подошел к Гамар, своим платком утер ей рот, ласково обнял:

– А ты, милая, не тревожься. Никто твоего ребенка не убьет. Ведь деток, у которых есть отец, никто не трогает. И если ага тебя спрашивает, кто отец ребеночка, так это только для того, чтобы его разыскать, чтобы он пришел к жене и младенцу. Чтобы он жил с тобой и с маленьким, понимаешь?

– Но ведь его здесь нет.

– А где же он, радость моя?

– Оставьте ее, девчонка не в состоянии ничего объяснить, – раздраженно произнес Дустали-хан. – Мы всю ночь до самого утра ее выспрашивали.

– Заткнись, советник Черчилля! – крикнул Асадолла-мирза. Дустали-хан бросился на него, но Асадолла-мирза,

продолжая одной рукой обнимать Гамар, оттолкнул его, приговаривая:

– Господи, да заберите кто-нибудь этого Дустали-хама!

Когда Шамсали-мирза и отец усадили Дустали-хана на место, тот сквозь зубы прорычал:

– Ну, только ради светлой памяти отца твоего… А не то я бы тебе зубы в глотку вбил!

Асадолла-мирза, не обращая на него внимания, все так же ласково говорил Гамар:

– Дорогая, если ты скажешь, где он, мы сумеем его найти.

– А если скажу, обещаете, что не тронете моего ребеночка?… Я ему рубашку приготовила, только один рукавчик осталось связать.

– Обещаю тебе, милая.

Дядюшка Наполеон был бледен как мертвец. Он молчал, но его судорожные движения, весь его вид выдавали внутреннее напряжение.

Губы Гамар приоткрылись в невинной улыбке, и она негромко проговорила:

– Его звали Аллахварди.

Все уставились на нее. А она слегка изогнулась, чтобы дотянуться до подноса со сластями, взяла оттуда что-то и положила в рот. Тут выступил вперед Маш-Касем:

– Неужто это она про Аллахварди, слугу индийского

сардара говорит?

Гамар с полным ртом повторила:

– Аллахварди!

– Ох, родимые! Тот самый слуга-индиец, который обокрал своего хозяина и его выгнали?…

– Да, Аллахварди.

Возгласы присутствующих слились в общий крик. Дядюшка, казалось, вот-вот выйдет из себя, но по знаку Асадолла-мирзы он сдержался. Взорвалась Азиз ос-Салтане, до того словно онемевшая:

– О-ох, наказанье господне!… Вот и воспитывай дочек на свою беду… Со слугой индийцем… Господи, лучше бы мне умереть!

Тут уж дядюшка не мог больше терпеть. Голосом, который, казалось, исходил из глубокого колодца, он пророкотал:

– Слуга индийского сардара! Ясно… ясно… В меня метили! Я и моя семья обречены на уничтожение!

– И в этом англичане виноваты?… – усмехнулся Дустали-хан. – Бедные англичане!

Дядюшка с мрачным видом шагнул к Дустали-хану, прошипев сквозь зубы:

– И ты?… Ты тоже заодно с ними? Ты, сын моего дяди!…

Дустали-хан даже заикаться стал:

– Мм-не… н-не… не было этого!

Асадолла-мирза положил руку на плечо дядюшки:

– Простите его, ага, этот человек не силен разумом… Впрочем, сейчас не до него. Нам надо прежде всего отыскать Аллахварди.

– Асадолла прав, – поддержал его Шамсали-мирза. – Первым делом надо найти Аллахварди.

– Да зачем вам его искать? – вдруг завопил дядюшка. – Чтобы сын моего дяди об этого английского прислужника руки марал?!

– А вы можете предложить другой путь? – спросил отец.

– Настоятельно прошу вас не вмешиваться! Устои и репутация благородного семейства не такой предмет, чтобы…

Сердце у меня упало, но дядюшка, к счастью, не закончил фразы. С еще большей тревогой я ждал ответа отца, однако тут торопливо заговорил Асадолла-мирза – будто хотел возвести звуковую преграду между дядюшкой и отцом. Он снова взял руку Гамар и сказал:

– Ты, значит, справила свадьбу с Аллахварди… Наверное, как-нибудь, когда ты одна была дома, он пришел к вам и сказал: давай поженимся… Так ведь, деточка?

– Нет, – улыбаясь во весь рот, ответила Гамар.

– Тогда, значит, в тот день, когда его хозяина не было

дома, он тебе сказал, приходи к нам, мы свадьбу устроим. Так, дорогая?

– Нет.

– Может, он поженился с тобой на базаре, перед пекарями, бакалейщиками и мясниками?

– Нет.

Маш-Касем, не в силах придержать язык, покачал головой и присовокупил:

– Господи помилуй, есть же такие негодяи!

– Ну так расскажи сама, как было дело, – настаивал Асадолла-мирза.

Гамар с бессмысленным видом продолжала поглощать сласти и ничего не отвечала. Асадолла-мирзе поневоле пришлось начинать свой допрос сначала. Но прежде он призвал присутствующих к терпению и выдержке.

– Значит, деточка, Аллахварди приходил на крышу, где ты спишь? – завел он опять.

– Нет, не приходил, – улыбалась в ответ Гамар.

– Говорю вам, вы от этой девчонки ничего путного не услышите, – снова запротестовал Дустали-хан. – Оставьте ее, подумаем лучше о другом.

– Пусть спрашивают! – рыдая, остановила его Азиз ос-Салтане. – У меня у самой сил больше нет еще одну ночь не спать до утра!

Асадолла-мирза отер пот со лба:

– Моменто, похоже, что это дух святой снизошел на нее… Видно, надумал еще разок прокатиться в Сан-Франциско!

Тут Гамар оживилась:

– Дядя Асадолла, а помните, вы мне обещали, если я буду хорошей девочкой, повезти меня в Сан-Франциско? Чего же не везете-то?

– Может, это дядя тебе гостинчик из Сан-Франциско привез? – язвительно спросил Дустали-хан.

Но Асадолла-мирза и все присутствующие так поглядели на него, что он опустил голову.

– Моменто! Значит, Аллахварди домой к вам не ходил, тебя к себе не приводил, на базаре вы с ним не были, на крыше – тоже, – снова обратился к Гамар Асадолла-мирза. – Куда же он тогда приходил и когда?

– Нет, – односложно ответила Гамар.

– Ну, может, в машине?…

– Нет.

Тут опять вылез Маш-Касем:

– Да откуда у этого нищего Аллахварди машина?! Господи, зачем врать?! До могилы-то… Этот мерзавец и мои двадцать туманов прихватил, когда сбежал.

Терпение Асадолла-мирзы подошло к концу. Срывающимся голосом он сказал:

– Ну, доченька, каким же образом тогда… Ведь по

почте в Сан-Франциско не поедешь. Где ты видела Аллахварди, милая?

– А я не видела.

– Так-таки и не видела? На свете есть телефон, телеграф, а вот телесанфранциско, к сожалению, еще не изобрели. Ты вообще-то знаешь Аллахварди?

– Нет.

– Моменто, нет, действительно моменто! Так почему же Аллахварди – отец твоего ребенка?!

Набив рот сластями, Гамар ответила:

– Папа Дустали говорят, что отец ребеночка – Алахварди.

Тут все замерли, будто громом пораженные. На мгновение стало тихо. Азиз ос-Салтане, разинув рот и вытаращив глаза, медленно повернулась к Дустали, который суетливо озирался по сторонам, и хрипло произнесла:

– Дустали…

– М-м-мне… я… бог свидетель… Эта девчонка совсем полоумная… рехнулась… Совсем спятила! А я… м-м-не вообще… – заблеял Дустали-хан.

Асадолла-мирза не мог сдержать смеха:

– Моменто, моменто, моменто! Так это, оказывается, твоя работа?!

Дустали-хан еще раз попытался оправдаться перед застывшими в изумлении гостями:

– Отцом моим клянусь… Клянусь памятью Великого Праотца… Я…

Азиз ос-Салтане одним прыжком, словно шестнадцатилетняя девочка, перемахнула комнату и оказалась возле застекленного шкафа, стоявшего в глубине гостиной. Быстрым движением она повернула торчавший в дверце ключ, схватила одну из двустволок, которые всегда красовались там, и, прежде чем кто-нибудь успел пошевелиться, направила дуло прямо в живот мужу:

– Говори правду, а не то продырявлю тебя насквозь!

Дядя Полковник, который было сорвался с места вслед за ней, так и застыл на бегу, возопив:

– Осторожней, ханум, ружье заряжено!

– А вы стойте на месте, не то и вас пристрелю!

– Ханум, клянусь сыном: заряжено, ружье! Нынче вечером сам его заряжал – для пробы. А тут гости пришли, я и забыл вынуть патрон…

Но ни увещевания прочих родственников, ни повелительные указания дядюшки Наполеона не имели успеха: разгневанная супруга с трясущимися губами, вся бледная в ответ взревела:

– Заткнитесь вы все! Пусть этот павиан говорит.

В голосе у нее слышалась такая ярость, что никто не осмелился двинуться. Гамар было привстала, но Шамсали-мирза силой удержал ее. Дустали-хан, дрожа всем телом,

отрывисто, будто из могилы, выговорил:

– Святым Кораном… душой отца клянусь! Вы мне только разрешите… я все скажу…

– Отвечай, убью! – рычала Азиз ос-Салтане. – Зачем ты велел Гамар свалить все на Аллахварди?

– Не… м-мне… я… я видел, что она… что она не знает имени того человека… забыла она! Я думал, по крайней мере… по крайней мере, позора меньше… ну, раз она сама про Аллахварди…

В это время Гамар залилась смехом:

– Ну и врун же этот папа Дустали! Будто не вы говорили: если не скажешь, что Аллахварди отец ребенка, я твоего младенчика убью?

– Заткнись!… – завопил Дустали-хан. – Поверьте… Ага, скажите вы хоть словечко! Да не стану я со своей же падчерицей… Разве можно это?

И тут, прежде чем кто-нибудь успел вмешаться, Дустали-хан, словно молодой козел, прыгнул к дверям залы и бросился бежать. Азиз ос-Салтане с такой же резвостью выскочила следом. Все присутствовавшие после минутного замешательства кинулись за ними, крича:

– Азиз-ханум!… Одумайтесь!… Уж коли пуля вылетит… Ружье-то…

Супруги далеко опередили нас. На всех парах мы спешили за ними, как вдруг по саду раскатился грохот

выстрела, а вслед за ним донесся душераздирающий вопль Дустали-хана:

– А-а-а, уби-и-ила!…

Мы подбежали к ореховому дереву, но впотьмах не могли ничего толком разглядеть. В это время подоспел Маш-Касем с фонарем. При его слабом свете нам открылось странное зрелище: Дустали-хан ничком лежал на земле, на брюках у него – как раз на том месте, каким сидят, – пятнами проступала кровь, а Азиз ос-Салтане с видом человека, только что очнувшегося от сна, стояла у него в головах, держа в руке ружье.

Все растерялись. Отец первым нагнулся и приподнял голову Дустали-хана. Голова снова бессильно упала землю.

– Надо что-то делать. Маш-Касем, сбегай за доктором Насером оль-Хокама!

Сквозь общий шум и галдеж, поднятый родственниками, вдруг прорвался громкий смех Гамар, которая спрашивала:

– Маменька, ты убила папу Дустали? Вот хорошо. А то, помнишь, он все говорил, пойдем, мол, к доктору, он у тебя ребеночка вынет!

Дядя Полковник взял ружье из рук Азиз ос-Салтане и сказал:

– Надо поскорее отвезти его в больницу.

– Ну, ублюдок этот один-единственный раз в Сан-

Франциско съездил, так теперь до конца жизни будет на брюхе спать… Можно и отвезти, мы не дикари, конечно! Но ведь ему уж больше этим местом не сидеть, – усмехнулся Асадолла-мирза.

Но Шамсали-мирза, нахмурившись, одернул его:

– Я попрошу, Асадолла! Сейчас не время шутить.

– Моменто, моменто, а вы думаете это всерьез? Такой дробью куропатку-то и ту с трудом убьешь, что от нее сделается толстой заднице нашего осла Дустали? Просто он из страха перед Азиз-ханум притворяется.

– Чем судить да рядить, подумали бы об этом бедняге! По-моему, доктор Насер оль-Хокама тут не поможет, надо в больницу везти, – повторил дядя Полковник. В это время вернулся Маш-Касем:

– Господин доктор говорят, чтобы мы доставили больного к нему.

Отец тоже считал, что раненого надо везти в больницу, но дядюшка Наполеон повелительным тоном произнес:

– Я полагаю, отправки в больницу лучше избежать.

Мнение дядюшки Наполеона, естественно, сочли руководством к действию, и неподвижное тело Дустали-хана было доставлено (на спине Маш-Касема) на излечение к доктору Насеру оль-Хокама.

Глава четырнадцатая

У калитки уже толпились соседи. Шамсали-мирза вышел к ним и попросил разойтись, но, прежде чем мы захлопнули за собой двери докторского дома, сардар Махарат-хан все-таки прорвался туда.

Я бросил взгляд ни дядюшку: побледнев, он округлившимися глазами уставился на индийца, и легко было догадаться, что творится в его душе. Но тут раздался громкий голос доктора Насера оль-Хокама:

– Жить вам не тужить, господа, жить вам не тужить, но ведь я не хирург! Придется отвезти его в больницу… Маш-Касем сказал, будто он ногу повредил, а теперь выходит, что ранение-то огнестрельное…

Дядюшка тихо проговорил:

– Доктор, во имя нашей былой дружбы и добрососедских отношений я лично прошу вас: осмотрите Дустали-хана! Если только возможно, мы должны избежать отправки его в больницу. Я потом все вам объясню.

В голосе дядюшки было такое смирение (смешанное, однако с властностью), что доктор больше не возражал. Он сказал только:

– На вашу ответственность. Если он, не дай бог, подхватит анфексию, я не отвечаю.

Доктор испытывал постоянный необъяснимый страх перед инфекцией (он произносил это слово «анфексия») и

пугал ее страшными последствиями даже тех больных, которые жаловались на растяжение связок. Тем не менее, он направился к Дустали-хану, который лежал вниз лицом на кушетке для осмотра больных, и заявил:

– Но дамы и господа должны удалиться. Я не могу осматривать больного при таком скоплении народа.

Все двинулись к выходу, только Азиз ос-Салтане, которая без устали колотила себя по голове, возразила:

– Мне надо остаться… Я же теперь как без рук – беспомощная совсем, мне нужно остаться, нужно знать, какая беда меня ждет.

– Жить вам не тужить, но и вам надлежит покинуть кабинет. В противном случае я не прикоснусь к больному!

Тут в разговор вмешался индиец:

– У меня имеется индийская мазь для лечения подобных ран: моментально будет полное выздоровление делать! Я сию минуту принесу ее.

С этими словами он поспешно вышел. Дядюшка Наполеон, помрачнев, процедил сквозь зубы:

– Касем! Не открывать этому безродному бродяге. Он теперь увидел, что план их не сработал, и хочет, видно, убить Дустали-хана этим индийским притиранием. Наверняка Дустали-хан собирался открыть мне какие-то коварные замыслы англичан!

Маш-Касем покачал головой:

– Да пусть этот негодяй хоть до утра у дверей торчит – все одно не открою. Знаем мы, что это за мазь такая… На вид черная – они ее из змеиной печени гонят. Да одна склянка этакой мази слона с ног свалит – будто огнем спалит. Вот земляк мой…

Я пробрался поближе, чтобы быть в курсе дела. Доктор Насер оль-Хокама стоял в сторонке, ожидая, пока очистят кабинет и можно будет начать осмотр, Азиз ос-Салтане все упиралась, но в конце концов и она вышла – по настоянию дядюшки.

– Моего санитара нет, – сказал доктор. – Пусть Маш-Касем останется, поможет мне.

Маш-Касем выскочил вперед:

– Слушаюсь! Нам эти дела знакомы. Зачем врать, до могилы-то… Приходилось и мне пользовать… Был у меня земляк – его в селезенку ножом пырнули. Так я своими руками…

Доктор нахмурился:

– Ну, жить вам не тужить, почтенный Маш-Касем! И тебе тоже не стоит оставаться – уж очень ты болтаешь много… Вот кто будет мне помогать! – С этими словами доктор указал на меня и добавил, выпроваживая остальных: – Или извольте отправляться домой, или обождите в приемной, но чтобы во дворе и в прихожей никого не было!

Кабинет и приемная доктора располагались направо и

налево от маленькой прихожей, прямо за входной дверью, жилая часть дома помещалась по ту сторону двора. Когда все удалились в приемную, и кабинет опустел, доктор повернулся ко мне:

– Жить не тужить, сынок, помоги-ка мне раздеть больного. Ты как – крови не боишься?

– Нет, господин доктор, нисколько.

Мы стащили с Дустали-хана пиджак и брюки. На мой взгляд, случай оказался не смертельным, так как лежавший без чувств раненый почти помогал нам во время раздевания да и не был таким тяжелым, каким бывает человек в бессознательном состоянии.

Смоченной в спирту ватой доктор протер кровоточившие места. Раны состояли из трех маленьких дырочек. Доктор приложил к ним руку и пробормотал себе под нос:

– Похоже, что в него с большого расстояния выпустили заряд дроби. Вошла не очень глубоко, вот она здесь под кожей…

Заметив, что лоб у Дустали-хана покрылся потом и он вздрогнул, я обратил на это внимание доктора. Тот нагнулся к уху раненого:

– Дустали-хан, вы меня слышите?

Дустали-хан издал что-то похожее на хриплый стон:

– Да, слышу…

Он разомкнул веки, обшарил взглядом комнату и еще тише спросил:

– Моей жены тут нет?

– Жить вам не тужить! Никого тут нет, только я да этот мальчик.

Дустали-хан, который до этого, казалось, старался проглотить собственный язык, облегченно застонал:

– О-ох, смерть моя пришла… Господин доктор, что-о-о со мной? Куда я ранен?…

– Жить вам не тужить – ничего серьезного! Три мелких дробинки с большого расстояния угодили в ягодицы. Но неглубоко. Если вы потерпите, я смогу их извлечь. Или, если желаете, отправлю вас в больницу.

Дустали-хан сквозь стоны еле выговорил:

– Ох, умру сейчас от боли… Я уже час целый страдаю, только стонать не решался.

– Отчего же не решались?

– Я боялся этой холеры… убийцы этой, жены моей! Я вам потом расскажу в чем дело, но, заклинаю вас, не отправляйте меня в больницу! Если можно, скажите моей жене, что положение, мол, опасное, но только не в больницу!

– Но у меня здесь нет обезболивающих средств, – прервал его доктор, – вам придется помучиться, пока буду пинцетом извлекать дробь. Потерпеть надо будет!

– Согласен, господин доктор, потерплю… Но вы

должны обещать мне, что скажете жене про опасное положение: нет, мол, уверенности, что больной останется в живых. Ведь если она поймет, что мне не так уж худо, до утра меня придушит, убьет совсем…

Потом он обратился ко мне:

– И ты тоже, ради матери твоей, не говори ни слова. Ты Азиз знаешь, знаешь, на что она…

– Мужайтесь, господин Дустали-хан, обещаю что ничего не скажу Азиз-ханум.

Дустали-хан вздохнул свободнее и попросил воды, доктор удалился, чтобы поговорить с ожидавшими в приемной, я нацедил из эмалированного докторского рукомойника стакан воды для раненого и тоже вышел.

В приемной доктор настойчиво, убеждал Азиз ос-Салтане вернуться домой:

– А вы, ханум, ступайте к себе. Я приложу все усилия, сделаю все, что можно, но состояние вашего супруга не слишком обнадеживающее.

При этих словах доктор подмигнул дядюшке и остальным, чтобы они не принимали всерьез его речей. Асадолла-мирза подошел ко мне и тихонько спросил:

– Ну как он там?

– Ничего серьезного, – так же тихо ответил я. – Это он от страха перед Азиз-ханум сознание потерял.

Несмотря на уговоры доктора, никто не собирался

покидать приемную. Пришлось ему вернуться в кабинет, я последовал за ним. Пока Дустали-хан, покрытый крупными каплями пота, кусал подушку, доктор извлек пинцетом три маленьких дробинки и наложил на рану повязку. Но тут Дустали-хан, превозмогая боль, принялся сдавленным голосом уговаривать доктора, чтобы тот обмотал ему бинтами все тело и запретил перевозить домой, предписав оставить его на ночь в доме дядюшки.

Когда доктор вышел из кабинета, все обступили его, а Азиз ос-Салтане заголосила:

– Ох, доктор, говорите, какая беда меня ожидает, как он себя чувствует?!

– Жить вам не тужить, ханум, жить вам не тужить, в настоящий момент ничего сказать не могу – все зависит от организма… Если дотянет до утра, значит останется в живых.

Он снова знаками дал понять дядюшке и прочим, что говорит это только для отвода глаз, а потом продолжал:

– На сегодняшнюю ночь оставьте его в доме аги – здесь ближе ко мне, в случае ухудшения я быстрее смогу подоспеть. Сейчас я впрыснул ему морфий – чтобы несколько ослабить боль, когда он придет в себя.

Уложив неподвижное перебинтованное тело Дустали-хана на легкую походную кровать, мы перетащили его к дядюшке. Азизолла-хан, участковый полицейский, который

вышагивал у дверей, дошел с нами до дядюшкиного дома. Дядюшка повернулся к нему:

– Господин Азизолла-хан, Дустали лучше, вы можете идти.

– Но, ага, мне поручено составить рапорт. В человека стреляли…

– Это несчастный случай, он поранил себя во время чистки ружья. Состояние у него удовлетворительное, и жалоб ни от кого не поступало.

– Воля ваша, ага, только какое же это ружье он чистил, что пуля ему в заднее место угодила?… Мы ведь тоже не дети малые!

Маш-Касем заволновался:

– Сколько можно придираться, Азизолла-хан?… До чего же вы все зануды, вам бы только прицепиться к чему ни попадя! Человек в здравом уме занимался с ружьем, отошел…

– Ум-то умом, а вот как насчет здравой задницы? – прервал его полицейский.

– Да уж, ружье штука такая… Иной раз в глаз стрельнет, другой раз – в сердце, а случается и в заднюю часть попадает. Вот один мой земляк…

– Маш-Касем, ты бы уж не вмешивался, – раздраженно оборвал его дядюшка. Он увел Азизолла-хана в другую комнату и, очевидно, столь убедительно разъяснил ему, как

пуля, сбившаяся с пути во время возни с ружьем, попадает именно в то самое место, что Азизолла-хан, выходя из дверей, все еще приговаривал:

– Вы уж извините, ага, мы, конечно, вашу хлеб-соль завсегда помним… Ну, пойду – ничего я об этом не слыхал… Но если, не дай бог, господину Дустали похудшает, вы уж, пожалуйста, сами до утра сообщите в полицейское управление.

Когда я вошел в комнату, где лицом вниз уложили Дустали-хана, я сразу увидел Лейли, которая с полными слез глазами сидела у постели больного. Я просто не мог оставить ее в такой печали и тревоге: знаком подозвал к себе и сообщил, что состояние раненого вовсе не плохое и он изображает умирающего только из страха перед женой.

Азиз ос-Салтане между тем не замолкала ни на минуту. Ударяя себя по голове, по лицу, она рыдала и причитала:

– Порази господь мою руку… Боже, пошли мне смерть, чтобы не видала я Дустали в таком состоянии. Придумайте же что-нибудь, позовите какого-нибудь другого врача! Я его в больницу отвезу…

– Ханум, другой врач не поможет, – старался успокоить ее дядюшка. – В этот час где мы найдем врача? Да и больного лучше не беспокоить – может открыться рана. И потом, в больнице начнут расследовать, как это случилось… Вы хотите попасть в тюрьму?

На мгновение установилась тишина, и тут от постели раненого донесся стон, и губы его дрогнули. Казалось, он пытался что-то выговорить. Асадолла-мирза, который все время молчал, сказал:

– Моменто, похоже, он хочет что-то сказать.

С этими словами он сел около постели и нагнулся к больному:

– Говори, Дустали… Если ты еще жив, скажи что-нибудь. А если уже отходишь, передай наш привет небесам!

Губы Дустали-хана продолжали шевелиться. Наконец послышался голос:

– Где Азиз?

Азиз ос-Салтане, не переставая бить себя в грудь, села возле него.

– Здесь я, Дустали! Пусть бог переложит на меня твои муки, здесь я.

Дустали-хан, не открывая глаз, слабым голосом произнес:

– Нет, нет, ты не Азиз… Я… я Азиз звал…

– Да я это, я! Слава аллаху, что ты заговорил.

– Ты… ты не Азиз… Я… Азиз зову.

Азиз ос-Салтане гулко ударила себя в грудь:

– Горе мне, господи, пошли мне смерть… Он больше не узнает меня!… Дустали! Дустали!… Открой глазоньки, это я, Азиз!

Через мгновение Дустали-хан чуть разлепил веки и взглянул жене в лицо:

– Ах… ох… слава богу… что еще раз довелось поглядеть на тебя, Азиз… отпусти мои грехи… дай умереть со спокойной совестью… воды… воды!…

Нам еле удалось влить ему в рот глоток воды. Он совсем открыл глаза и все таким же слабым голосом продолжал:

– Прости меня, Азиз… Может, я и грешил в помыслах своих… но в этой истории с Гамар моей вины… моей вины нет. Не виноват я.

Дустали-хан обвел взглядом комнату!

– Где Гамар?

– В той комнате она, с детьми. Видно, господь послал мне это испытание, вот и толкнуло меня…

– Ты уж помягче с ней… блаженная ведь она… Я для сохранения чести семьи сказал ей… но моей вины в том нет. Где Шамсали-мирза?

Шамсали-мирза подбежал к нему:

– Я здесь, Дустали.

– Прошу тебя, возьми бумагу, перо и напиши мое завещание, чтобы я успел подписать, пока не иссякли силы… Все мое имущество принадлежит Азиз…

Азиз ос-Салтане била себя по лицу:

– Горе мне, господи, прибери к себе Азиз!… Азиз без

тебя не жить, ни к чему и завещание!

– Шамсали! – зазвенел голос Дустали-хана. – Не отвергай моей последней просьбы!

– Не теряйте надежды, отец родимый!… – вмешался в разговор Маш-Касем. – Господи прости, хороший человек был…

Все сурово поглядели на Маш-Касема, и он сник. Шамсали-мирза взял бумагу, перо, и Дустали-хан приступил к изложению своей воли. Дом, лавки и все земли, тщательно перечисленные, он передавал жене. А под конец со стоном добавил:

– Да, я еще забыл про именье Махмудабад… Напиши: а также поместье Махмудабад со всеми каналами оросительными завещаю моей супруге…

Азиз ос-Салтане опять ударила себя по лицу:

– Увы, не доведется больше Азиз любоваться Махмудабадом!… А что, этот караван-сарай в Махмудабаде тоже твой?

– Да… Впиши и караван-сарай тоже.

Асадолла-мирза не мог сдержаться:

– Про овец не забудь!

– Искорени, господь, весь род овечий, – рыдая, возразила Азиз ос-Салтане. – Он овец прошлый год продал.

Дустали-хан проглотил слюну и сказал:

– А теперь… теперь дай я подпишу. И вы подпишите

внизу… все… все подпишите.

Шамсали-мирза поднес ему бумагу, подал перо, но рука Дустали-хана была недвижима. Со стоном он выговорил:

– О господи! Господи, дай мне силу подписать это. Подымите меня… Выпростайте руку из-под одеяла.

Шамсали-мирза слегка приподнял Дустали за плечи и вытащил наружу его руку, но она, как неживая, упала. Дустали-хан, словно из последних сил вскричал:

– Господи боже! Господи, руку мою… руку…

– Дорогой, дай я помогу тебе! – засуетилась Азиз ос-Салтане.

Тут Асадолла-мирза опять не выдержал:

– Моменто! Даже если сам он поправится, правая рука все равно действовать не будет. Бедняжка! Да, совершенно ясно: пуля попала в седалищный нерв, и ему парализовало правую руку. С научной точки зрения, связь седалища с правой рукой совершенно неоспорима!

Дустали-хан хотел что-то ответить ему, но потом вроде раздумал. Он попытался приподняться, но только вскрикнул, теряя сознание, упал обратно на постель, и глаза его закрылись.

Отец, который до того времени молчал, раздраженно процедил:

– Напрасно вы его мучаете. Дайте же бедняге отдохнуть!

Дядюшка бросил на него злобный взгляд и резко ответил:

– Прошу вас не вмешиваться!

Я не понял, чем была вызвана подобная резкость, может быть, дядюшка просто устал. Но отца это неуместное замечание очень рассердило.

– Во всяком случае, от нас здесь пользы не будет, я пошел! – объявил он. И с весьма недовольным видом удалился из комнаты.

После минутного молчания дядюшка сказал:

– Лучше сейчас оставить больного одного. Пусть только ханум подежурит около него, а Гамар мы уложим у себя.

Когда мы закрыли за собой дверь импровизированной палаты, Асадолла-мирза знаком подозвал меня. Расхаживая по саду, я пересказал князю разговор Дустали-хана с доктором, Асадолла-мирза покачал головой:

– Просто проклятье какое-то! Того и гляди, опять разгорится ссора. Видал, сколько раз сегодня дядюшка кидался на твоего отца? Да и тот в ответ так и загорался злобой. Ничуть не сомневаюсь, что завтра на голову нашего старика свалится еще какая-нибудь беда. Ты-то сам заметил?

– Конечно. Он каждый раз, когда к отцу обращался, родословную поминал.

– Вот и сейчас только – опять его оборвал…

– Я тоже очень беспокоюсь, дядя Асадолла. Боюсь,

снова начнется склока.

– Считай, что уже началась, только пока наружу не вышла. Если бы не история с Гамар, твой отец с самого начала не смолчал бы. Ну, в самом деле, разве не смешно: твердят о своем происхождении, как будто ведут начало от Габсбургской династии. Ладно, если сумеешь, обязательно стяни у отца дядюшкино письмо к Гитлеру.

– Пока ничего не получается. Он, наверно, положил его в ящик письменного стола, а ящик запирается.

Асадолла-мирза на некоторое время задумался, потом глаза его блеснули:

– По-моему, есть один способ… Кажется, завтра мне придется смыться с работы. А ты утречком загляни-ка ко мне.

На следующее утро я зашел к Асадолла-мирзе, и мы вместе с ним отправились в сторону, противоположную нашему дому. Но не пройдя и двух кварталов, князь остановился перед уличным чистильщиком и пожелал, чтобы тот навел глянец на его ботинки. Я молча ожидал конца этой процедуры, а Асадолла-мирза тем временем завел разговор с чистильщиком – молодым, ловким пареньком, принявшись расспрашивать того, как живет, как идут дела. Мне оставалось только удивляться, с чего это он вспомнил про ботинки – при всех наших заботах.

– Не думаю, чтобы у тебя на этом месте было много

клиентов, – говорил Асадолла-мирза. – Отчего бы тебе не перейти вон на ту зеленую тенистую улицу? Мы все там ходим…

– Эх, господин хороший, заработок человеку бог посылает, а коли нет на то божьей воли, куда ни пойди – всё одно.

– Моменто, как это все одно? Если бы ты устроился поближе, я бы сам дважды в день чистил у тебя обувь, все домашние и соседи – тоже, да еще несли бы тебе починку мелкую.

И Асадолла-мирза стал приводить множество доводов в доказательство того, что доходы чистильщика, если он расположится напротив нашего дома, увеличатся вдвое.

Тут чистильщик воодушевился и пообещал, что после обеда переберется на нашу улицу, где такие раскидистые деревья, и разложит свое хозяйство прямо против садовой калитки.

Асадолла-мирза добавил к положенной плате еще чаевые, и мы повернули назад. Предугадывая мой вопрос, он объяснил:

– Этот чистильщик облегчит нашу задачу – после поймешь, как именно. Сейчас вопрос о том, где бы нам найти местечко, откуда можно позвонить дядюшке от имени Гитлера… А, вспомнил! Поблизости живет один мой приятель, у него есть телефон.

Дверь открыл старый слуга. Когда Асадолла-мирза сказал, что хочет позвонить по телефону, он тотчас провел нас в верхнюю комнату, где стоял аппарат, а сам ушел на кухню приготовить нам чаю.

Асадолла-мирза, не раздумывая, назвал дядюшкин номер, а когда дядюшка подошел, заговорил с немецким акцентом:

– «Дед кушать бозбаш с Жаннет Макдональд…» Слушайть карошо, ага. Этот мои слова очень важный есть. Во-первых, наш пароль будем изменять. Потому что английский шпион, возможно, есть догадать. Когда наш человек говорить: «Дед кушать бозбаш с Жаннет Макдональд», вы спросить: «А еще с чем?» Он сказать: «С соленой черемшой». Если он это не говорить, вы знать, он английский шпион, прогонять его… Во-вторых, мы поставить одного наш агент под видом ремесленник перед вашим домом на охрана. Пока он там, вы совсем-совсем не песпокойтесь. Будьте совершенно покойни. Он вас схоронить. Но это с ним говорить не надо есть. Мы еще выходить на связь с вами, до того времени, когда надо будет выехать…

Похоже, что дядюшка порывался уточнить приметы агента, так как Асадолла-мирза сказал:

– Я вам очень-очень секрет сообщу, что это есть один чистилчик. Но никак никого это не говорить! Вы понимать?

Всего наидоброго. Хайль Гитлер!

Когда князь положил трубку, на губах у него играла довольная улыбка. Он сказал мне:

– Уж очень он прост, бедный. Но, я думаю, теперь он будет начеку, и твоему отцу не удастся сыграть с ним новую шутку. Впрочем, тут уж дядюшкино дело, а нам надо подумать об этой паршивке. С Дустали-ханом или еще с каким дураком она до Сан-Франциско доехала, но только они теперь хотят отделаться от ребенка, а прошло уж месяца четыре: бедной дурочке это может стоить жизни…

– А нельзя сказать дядюшке, что это Гитлеру не понравится? Нет, тут даже он не поверит…

Мы вышли на улицу, и Асадолла-мирза решил:

– Теперь надо на минуточку заглянуть к Дустали-хаму, посмотреть, как он там?

– Вы о нем беспокоитесь?

– Моменто, нисколько! Я же знаю, что три дробинки этой туше вреда не причинят, – его и шрапнелью не прошибешь – мне просто жаль нашу убогую.

Нам открыл Маш-Касем и на вопрос Асадолла-мирзы о Дустали-хане ответил:

– Зачем врать, до могилы-то… Похоже, что ему не так уж худо… Азиз-ханум до самого утра здесь пробыла, а сейчас ушла – домой сбегает и опять вернется.

Когда мы вошли в комнату, Дустали-хан,

приподнявшись на локтях, с аппетитом уплетал что-то с подноса, стоявшего прямо на постели у него под грудью. При стуке двери он натянул одеяло на поднос, закрылся с головой и замер. Асадолла-мирза со смехом сказал:

– Не бойся, Дустали, это мы, а не Азиз-ханум. Набивай свое страждущее брюхо!

– Видит бог, мне так плохо… Но доктор сказал, чтобы восполнить потерю крови, надо чего-нибудь поесть… Только ради бога ничего не говорите Азиз!… Чтоб ты пропал, прямо помираю от боли!

– Это ты пропадай, а мне-то с какой радости?! Ясно, знает кошка, чье мясо съела… Съездил в Сан-Франциско – теперь расплачивайся.

– Чтоб ты помер, Асадолла, чтоб мне самому помереть, если я тут замешан!… Мне просто жалко девчонку! Если бы удалось найти кого-нибудь, кто признал бы ребенка и хоть на несколько дней женился на Гамар, я бы что угодно отдал. У нотариуса подтвердил бы, что ребенка мы сами растить будем…

– Моменто, где же найдешь такого простофилю, который на неделю – да что на неделю, на час один согласится повесить себе на шею эту девицу?

Дустали-хан тихо и вкрадчиво проговорил:

– Асадолла, я думал… Я себе говорю, что… вот, если бы ты…

– Моменто, это дело убыточное, Дустали, – засмеялся Асадолла-мирза, – придется тебе действительно раскошелиться.

Дустали-хан, никак не ожидавший столь добродушной реакции, живо начал:

– Да я тебе, что захочешь…

Но потом, сообразив наверно, что такая живость, громкий голос не соответствуют его положению раненого, чуть слышно продолжал:

– Асадолла… Мы с тобою росли вместе… Ну, что там детские ссоры – мы ведь всегда любили друг друга. Теперь под конец жизни ничего-то у меня не осталось… Выполни мою последнюю просьбу.

Асадолла-мирза, который отлично знал, что Дустали-хан только разыгрывает из себя умирающего, притворился растроганным:

– Не говори так, Дустали, не надо! Ты ранишь мое сердце. Ты такой молодой! А сколько планов у тебя было! Слово даю, что каждую пятницу буду приносить тебе на могилку цветы. Ты уж меня прости, дорогой, но камелии мне не по карману… Ну, не беда, вместо дамы с камелиями ты будешь мосье с одуванчиками…

– Прошу тебя, Асадолла, не шути… Не время шутить. Скажи прямо, сколько ты возьмешь!

– А ты дашь, сколько я захочу?

– Будь уверен, Асадолла, ради спасения этой бедняжки…

– Именье Махмудабад, дорогой Дустали.

– Что? Именье Махмудабад? Ты что – спятил?! За то, чтобы ты на пару дней сочетался браком с этой дурой, я тебе поднесу целое именье?…

Асадолла-мирза будто только теперь понял, куда клонит Дустали-хан. С горестным видом он встал, взял ковровую подушку, на которой сидел, и торжественно проговорил:

– Моменто, Дустали. Я тебя очень любил, хороший ты был человек, но теперь я вынужден, чтобы ты больше не порол чепухи, посодействовать Азраилу.

Он возвел глаза к небу и продолжал:

– О господи, прости меня! В жизни я не причинял зла и муравью, но чем скорее этот человек попадет под твою сень, тем лучше. Прими его с миром! Что заслужил, то и получил.

И, сделав вид, что собирается заткнуть подушкой рот Дустали-хану, добавил:

– Прощай, Дустали! По-дружески сослужу тебе последнюю, службу: ведь каждый миг твоего пребывания на Земле умножает число твоих грехов… Готовься в путь, мосье Одуванчик! До встречи в аду… На бульваре адского губернатора, переулок Алиасгара Убийцы, особняк Продавца раскаленных углей.

Дустали-хан в ужасе смотрел на него. Асадолла-мирза

так натурально разыгрывал благородное негодование, что Дустали-хан всерьез перепугался и прерывающимся голосом проговорил:

– Асадолла… Асадолла… я пошутил. Ей-богу, пошутил я, клянусь…

Асадолла-мирза с силой хлопнул подушкой по спине распростертого на пузе Дустали-хана, и тот издал отчаянный вопль:

– Умираю! Злодей, ты ударил меня по открытой ране!

– В следующий раз, когда захочется чушь пороть, броню надевай!

– Ну, какая же чушь?… Ты ведь сам сказал, что, если я готов раскошелиться, ты согласен…

– Скотина безмозглая! – прервал его Асадолла-мирза. – Я думал, ты просишь подыскать мужа для твоей падчерицы. Нет, ты, видно, до самой смерти от своего не отступишься… Мосье Одуванчик развратничает, а я должен за него шею подставлять. К сожалению, ты и из беды пользу извлек: раз жена этой бекасной дробью тебе в зад выстрелила, теперь у нее руки связаны, – а то упекли бы тебя в тюрьму лет на пятнадцать.

– Асадолла, чтоб ты провалился, поверь ты мне, не я это… Жизнью своей клянусь, твоей жизнью клянусь…

Асадолла-мирза, стоявший у постели, пнул его носком ботинка:

– Теперь чем хочешь клянись, скотина…

От боли Дустали-хан громко заверещал. На его крик в гостиную вбежала Лейли – ее комната была напротив по коридору – и встревоженно спросила:

– Что?… Что случилось?

К Асадолла-мирзе снова вернулась улыбка. Нежным тоном он ответил:

– Не волнуйся, деточка, ничего не случилось. Дустали просто пошевелился. Прости господи, чтоб он в ад провалился, бабский прихвостень.

Дустали-хан со слезами простонал:

– Что я – твой век заедаю, что ли, или на наследство твое покушаюсь, что ты меня всю жизнь попрекаешь?

Лейли обратила на меня вопрошающий взор. Я тихо сказал:

– Успокойся, дядя Асадолла и Дустали-хан шутят.

Асадолла-мирза, все так же улыбаясь, положил руку мне на плечо:

– Дружок, пойди-ка ненадолго в комнату Лейли… Я хочу поговорить с этим старым донжуаном о бедной девочке.

Возблагодарив бога, я последовал за Лейли в ее комнату. Один ее теплый и ласковый взгляд мгновенно унес из моей памяти все треволнения минувших суток. Несколько минут мы молчали. Голоса Асадолла-мирзы и Дустали-хана,

доносившиеся из соседней комнаты, снова вернули меня к действительности. Я с тревогой сказал Лейли:

– Ты знаешь, я очень беспокоюсь… Слыхала, вчера опять завели речь о возвращении Пури.

Личико Лейли омрачилось, она опустила голову и прошептала:

– Я до утра не спала… Так мне страшно… Вчера, когда мы вернулись, папочка тоже говорил про это.

– Что говорил?

– Ну, то же, что дядя Полковник. Про помолвку… Если папочка станет меня принуждать, я не осмелюсь сказать «нет», но у меня есть выход…

– Но почему? Разве могут принудить девушку…

– Противоречить папочке для меня невозможно, но я могу покончить с собой…

Сердце мое чуть не остановилось, но я попытался утешить ее – и в то же время себя:

– Нет, Лейли, мы найдем другой выход. Обязательно найдем…

В это время послышался голос дядюшки, со двора звавшего Лейли. Она сказала:

– Подожди здесь, пока я вернусь…

Через окно я провожал ее взглядом. Вероятно, дядюшка возложил на нее обязанности курьера, потому, что Лейли, украдкой взглянув на окна и немного поколебавшись, пошла

в сторону сада.

Дядюшка направился к комнате, где лежал Дустали-хан, и на пороге ее столкнулся с Асадолла-мирзой, который с рассерженным видом выходил оттуда. Я услышал, как они обменялись репликами:

– Ну как там Дустали-хан?

– Перепирается с Азраилом.

– Я полагаю, сейчас не время шутить, Асадолла.

– А я и не шучу. Но, похоже, что пуля Азиз ос-Салтане, к несчастью, вывела из строя его уважаемый фрагмент. Тут, конечно, есть и наша вина: если бы мы в тот раз разрешили Азиз-ханум отсечь этот фрагмент, теперь дело не дошло бы до незаконной стрельбы.

Дядюшка вошел в комнату, я насторожил уши. Одна створка двери была приоткрыта, и хотя видеть я ничего не видел, но слышал прекрасно. После обычных вопросов о здоровье дядюшка некоторое время молчал, а потом холодным и суровым тоном сказал:

– Дустали, я хочу тебя кое о чем спросить и надеюсь, что ты, памятуя обо всей моей доброте к тебе, будешь отвечать мне вполне откровенно. Человеку свойственно ошибаться…

– Ей-богу, вашей жизнью клянусь… жизнью Азиз, духом отца моего…

– Дустали, говори членораздельно… Я вчера догадался,

что ты намерен кое-что сказать мне, но те, кому это невыгодно, помешали… Ну, что же ты хотел сказать?

– Я… я… то есть… Возможно, вы правы… Я хотел сказать, хоть я и совершенно не виноват в этой истории, но готов любой ценой… Любым способом то есть…

– Послушай, Дустали, по словам Наполеона, расстояние от предателя до помощника – один шаг. При условии, что его сделают вовремя. Если дело в вознаграждении, я, пожалуй, могу тебе кое-что подкинуть, чтобы ты не передумал. Я стал замечать, что ты поддерживаешь…

В этот момент громкий голос Азиз ос-Салтане прервал их разговор:

– Как там мой бедненький Дустали? Входите, пожалуйста, господин доктор!

Азиз ос-Салтане, а за нею доктор Насер оль-Хокама вошли в комнату Дустали-хана. Осмотрев рану, доктор остался доволен состоянием больного и, повторяя «жить вам не тужить», удалился.

Лейли вернулась ко мне, и мы теперь молча стояли за дверью, вслушиваясь в беседу дядюшки с Азиз ос-Салтане и Дустали-ханом, который говорил слабым, прерываемым стонами голосом. Дядюшка сказал:

– Слава богу, опасность, кажется, миновала.

– Да услышит вас бог! Я дала обет, если Дустали правится, пойду к гробнице святого Давуда, зарежу там

овцу.

– А что насчет Гамар надумали? Что вам собственно, сказал врач?

– Сказал, что аборт поздно делать, опасно для жизни будет.

– Доктора постоянно вздор несут, – резко проговорил дядюшка. – Почему вы не обратились к какой-нибудь акушерке?

– Ах, ага, боюсь. До смерти боюсь, как бы чего не случилось с моей бедной сироткой.

– А вы о чести семьи подумайте. Если бы жив был несчастный отец – умер бы с горя. Слава богу, что он до такого позора не дожил… Завтра все об этой истории узнают…

– Вот и я того же опасаюсь. Уж и сейчас, наверно, многие прослышали. Олух-то мой ведь не может язык попридержать… Вот помяните мое слово, сегодня же объявится эта сплетница Фаррохлега-ханум.

Тем временем со двора появились дядя Полковник с женой, взволнованно взывавшие к дядюшке Наполеону. Перебивая друг друга, они пытались объяснить, в чем дело, наконец дядя Полковник, утихомирив супругу, сказал:

– Братец, воздействуйте хоть вы на эту женщину! Битый час плачет…

– Да что случилось?

– Если помните, еще до того, как пришло письмо от Пури, я так беспокоился, что написал одному своему другу в Ахваз, чтобы он попытался разузнать хоть что-нибудь о нашем сыне и написал бы нам. Теперь от него пришел ответ, он пишет, что Пури болен. Сколько я ни твержу жене, что сам Пури написал нам уже после этого, – никакого толку!

– А разве в их письмах нет даты?

– Нет. Но я уверен, что письмо Пури написано позже…

Жена дяди Полковника плача сказала:

– Богом вас прошу, ага, разберитесь! Или телеграмму пошлите…

– А что у него за болезнь? – поинтересовался дядюшка. – Откуда еще болезнь какая-то взялась…

Жена Полковника, опередив мужа, поспешно ответила:

– Он пишет, что сынок мой услышал пальбу и насмерть перепугался… Ох, накажи меня господь, за то, что я отпустила такого ребенка на войну, в неразбериху эту!…

– Ханум, зачем глупости болтать, – резко остановил ее дядя Полковник. – Он сдуру ляпнул, а вы повторяете. Пури, наверное, съел что-нибудь несвежее и занемог. Да такого молодца среди тысячи не найдешь – какое сердце, отвага, смелость! Он же весь в меня.

Мы с Лейли переглянулись, пытаясь подавить смех. Асадолла-мирза, который секундой раньше вошел в комнату из дядюшкиной гостиной и слышал эти слова, вмешался:

– Господин Полковник прав. Равного по доблести Пури и средь миллиона не сыскать. Прямо – Юлий Цезарь!

Дядя Полковник резко повернулся к нему, но Асадолла-мирза скорчил такую невинную мину, что гнев во взгляде Полковника сменился признательностью, и он ласково сказал:

– Спасибо, Асадолла! При всех твоих недостатках у тебя есть прекрасная черта: ты разбираешься в людях.

Он снова обратился к дядюшке Наполеону:

– Как, по-вашему, может, мне самому поехать в Ахваз посмотреть?

– Нашли время для разъездов! – возразил дядюшка Наполеон. – Лучше пошлите телеграмму этому вашему другу. Нет, путешествовать сейчас не время. Нельзя оголять фронт. Откуда вам известно, что это не уловка с их стороны, чтобы удалить вас отсюда, лишить меня поддержки и таким образом достигнуть своей цели… К сожалению, они уже добрались до окрестностей Тегерана.

Асадолла-мирза снова не удержался:

– Ага прав! Вполне возможно, что тут кроется такое… Лучше вам ограничиться телеграммой.

Тут с улицы донеслась шумная перебранка: спорили двое. Дядюшка Наполеон минуту прислушивался, потом повернулся ко мне:

– Сынок, сходи посмотри, что там за шум, что за крики?

Я выбежал на улицу. Маш-Касем, размахивая ручкой от метлы, наскакивал на чистильщика ботинок, который собирался расположиться со своим ящиком у садовой калитки.

– Это тебе не теткин дом! – кричал Маш-Касем. – Будут тут приходить всякие, каждый день новую лавочку заводить!

– А ты потише, чего так разоряешься?

– Мне и разоряться нечего: только попробуй разложи здесь свое барахло – все твои банки с ваксой, все щетки-бархотки в канаву покидаю!

Я предпочел не вмешиваться и, прежде чем чистильщик увидел меня, побежал сообщить обо всем дядюшке Наполеону.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил он меня.

– Ой, дядюшка, там один чистильщик пришел, хотел устроиться около вашей калитки, а Маш-Касем его выгоняет.

– Что?! – заорал дядюшка. – Маш-Касем? Чистильщика?… Не сметь!

И заторопился к садовой калитке. Асадолла-мирза подмигнул мне, но сам не двинулся с места. Когда мы вышли на улицу, Маш-Касем уже сцепился с чистильщиком, крича:

– Я тебе покажу, тварюга безродная! Это ты меня ослом обзываешь?!

– Касем! – строго окликнул дядюшка.

Маш-Касем, не отступая от чистильщика, продолжал вопить:

– Недаром я из Гиясабада родом, ты у меня узнаешь, откуда ноги растут, шантрапа проклятая!

Дядюшка влепил Маш-Касему затрещину:

– Успокойся, недоумок, тебе говорю! В чем дело?

– Да вот приперся сюда, желает тут хлам свой сапожный раскладывать. А я ему говорю, чтоб убирался, ведь от такого добра не жди…

Я старался не попадаться чистильщику на глаза. Но тому было не до меня. Тяжело переводя дух, он говорил дяде:

– Я сюда работать пришел, ага. А этот налетел, ругается, дерется… Ты что, не можешь по-людски разговаривать? – И, собирая свое хозяйство, добавил: – Раз эта улица у гиясабадцев на откупе, я пошел!

Побагровев, Маш-Касем опять завопил:

– Вижу я, к чему ты клонишь… Еще раз Гиясабад помянешь – я тебе так врежу, что ты собственными зубами подавишься!

– Замолчи, Касем, а не то я тебе своими руками глотку заткну, – дрожа от злости, хрипло зарычал дядюшка. – Да как ты смеешь препятствовать человеку заниматься своим трудом?… Он что – у тебя хлеб отбивает?

Лицо чистильщика просветлело, а Маш-Касем, вытаращив глаза, уставился на дядюшку:

– Да вы ведь сами говорили, ага, чтобы я этих бродяг-лоточников с их барахлом близко не подпускал! Разве не вы меня остерегали, что они тут ходят, вынюхивают все, выведывают, чтобы потом дом обворовать?…

– Дурак, я о подозрительных личностях говорил, а не о честных ремесленниках, которые своим трудом хлеб зарабатывают.

– Ах ты, господи, зачем врать, да я давно личностев хуже этой не видал: глянь, из него, проходимца, наглость так и прет.

– Понимаю, куда ты гнешь, – обиделся чистильщик. Он подхватил с земли свой ящик и продолжал: – Я-то уйду, да жаль только хозяина, которому такой ишак служит.

Маш-Касем было кинулся на беднягу, но дядюшка свирепо отпихнул его:

– Господин чистильщик… Вас как зовут?

– Хушанг, с вашего позволения.

Дядюшка несколько секунд с удивлением вглядывался ему в лицо, бормоча себе под нос:

– Странно! Очень странно… Хушанг!…

Чистильщик перекинул через плечо ремень от ящика:

– Если вам потребуется сделать что… почистить, подметки подбить, осоюзки поставить… Я в двух квартала

отсюда сижу, возле лавки угольщика.

Он совсем собрался уходить, когда дядюшка с беспокойством сказал:

– Что это, уважаемый, куда же вы?… Здесь место хорошее… У нас тут целый день работы полно – и чисти и починка. Да одна наша семья вас работой завалит!

– Нет, ага, я лучше пойду. «Сто манов[28] охотничьей добычи не стоят того, чтобы вонь от собачьего дерьма терпеть!»

Дядюшка бросился за ним, схватил его за руку:

– Прошу вас… Слово даю, Маш-Касем будет тебе брат.

Маш-Касем пробурчал, так чтобы дядюшка не слышал:

– Точно, как брат… Я тебе такое дерьмо собачье покажу…

– Ты меня слышишь, Маш-Касем? – повернулся к нему дядюшка. – Ты ведь будешь как брат Хушангу?

Маш-Касем опустил голову:

– Ну, зачем врать? До могилы-то… Как вы прикажете… Коли вы забыли про фотографа…

Но, заметив сердитый взгляд дядюшки, он осекся:

– Ах ты господи, должно быть, я спутал этого чистильщика с тем, который на базаре…

Чистильщик опустил свой ящик на землю. Дядюшка облегченно вздохнул и сказал:

28

– А в обеденное время Маш-Касем тебе поесть принесет… Касем! Скажи ханум, если еда готова, пусть пришлет тарелку Хушангу… Да не забудь про зелень, лепешки и кислое молоко.

Чистильщик с довольным видом раскладывал свое добро, приговаривая:

– Да не оскудеет рука щедрого! У меня своя лепешка есть и винограду кисть – я перекушу, не беспокойтесь.

– Нет, нет, ни в коем случае… Вы сегодня наш гость! В обед приходите в сад кушать.

По дороге к дому Маш-Касем, который остался очень недоволен исходом дела, попытался было вразумить дядюшку, но встретил такой гневный отпор, что прикусил язык и явно приуныл.

Когда мы вошли в дом, Асадолла-мирза вопросительно посмотрел на меня. Я знаком показал, что все идет наилучшим образом.

Родичи опять начали обсуждать болезнь Пури, но не успели ничего решить: вбежала Лейли и объявила, что звонят из уголовной полиции, хотят побеседовать с Азиз ос-Салтане.

Азиз ос-Салтане подошла к телефону, а все присутствующие, пораженные, столпились вокруг нее.

– Алло! Слушаю вас. Кто?… А, здравствуйте, очень приятно. Я к вашим услугам. Как вам удалось меня

разыскать? Ко мне домой?… Да-да… Нет, это Фати, дочка няни Гамар… Что?… Ах, боже мой, что вы такое говорите?… И вы поверили?!

Дядюшка изо всех сил делал ей знаки, чтобы она объяснила, о чем речь, и Азиз ос-Салтане проговорила:

– Не кладите трубку… Во дворе шумят, я прикрою дверь, а то не слышно!

Тут она зажала трубку рукой и шепотом сказала:

– Это начальник сыскного отделения… Тот, у которого я была в прошлый раз, друг покойного аги… Он говорит, сегодня ему позвонил какой-то неизвестный и сказал, что я стреляла в Дустали и что мы скрываем раненого у себя в доме…

Дядюшка трясущимися губами с трудом выдавил из себя:

– Это их рук дело!… Ответьте ему… Скажите, что он может поговорить с самим Дустали.

– Алло? Так о чем мы говорили? Вы, конечно, шутите! Обождите у телефона, я сейчас позову самого Дустали. Нет-нет, вы обязательно должны с ним поговорить, пожалуйста!

Азиз ос-Салтане поспешно перетащила телефон в комнату, где лежал Дустали-хан, в двух словах растолковала мужу суть дела и приказала:

– Поговори-ка с ним, да не вздумай стонать в трубку!

Дустали-хану оставалось только повиноваться. Зычным

голосом он приветствовал шефа уголовной полиции, обменялся с ним положенными любезностями и успокоил его, а потом вернул трубку Азиз ос-Салтане. Дядюшка тем временем уже дал ей необходимые инструкции.

– Алло, вы слушаете? Теперь вы убедились, что над вами подшутили? Дустали вчера патроны набивал, порохом слегка ногу обожгло… Благодарю вас. Вы очень любезны…

Дядюшка, жестикулируя, побуждал ее спросить то, что ему нужно. Азиз ос-Салтане также жестами давала понять, что помнит об этом. После обмена любезностями и обещаний повидаться в ближайшем будущем она проговорила:

– Да, я еще хотела спросить… Вы не могли бы описать человека, который вам звонил… Конечно, я сказала – голос, может быть, акцент какой-нибудь! Например, индийский? Нет?… Тогда… Что? Ширазский выговор?… Вы уверены? Ах так, вместе с семьей долго жили в Ширазе… Ну, я вам очень признательна… Ясно… Разумеется, если бы не вы, нам не избежать бы неприятностей. Ну, всего вам хорошего, спасибо.

Я не смел взглянуть на дядюшку. Но, даже не поднимая глаз, я прекрасно представлял себе, что выражали физиономии присутствующих. Наконец я исподлобья покосился в дядюшкину сторону: его окаменевшее, бледное лицо свидетельствовало об еще большем смятении, чем я

ожидал. «Господи, смилуйся!» – твердил про себя. Ведь во всей нашей семье ширазский выговор был только у одного человека – у моего отца.

Глава пятнадцатая

Дядюшка оставался недвижим. Наконец Асадолла-мирза сказал:

– Наверняка, это кто-нибудь из друзей-приятелей пошутить изволил… С тех пор как понаставили этих телефонов-автоматов…

Тут дядюшка прервал его, сдавленным голосом обратившись к Азиз ос-Салтане:

– Азиз-ханум, у вас есть его номер телефона?

– Телефон шефа сыскного отделения? – с изумлением переспросила Азиз ос-Салтане. – Есть, а зачем?

– Прошу вас, сейчас же позвоните ему и скажите, что вам необходимо зайти к нему прямо сегодня – по важному делу.

– Зачем это я к нему пойду?

– Позвоните сейчас же, прошу вас, – повелительно повторил дядюшка, – я потом вам объясню.

Азиз ос-Салтане не посмела ослушаться. Она вытащила из сумочки записную книжку, нашла номер и позвонила в уголовную полицию. Встречу назначили на половину

пятого. Когда она положила трубку, дядюшка сказал:

– Я пойду вместе с вами.

– Вы хотите поговорить с ним о Гамар?… Умоляю вас…

– Нет, – отрезал дядюшка, – о Гамар мы поговорим потом. Есть гораздо более важное дело. Я должен узнать, кто этот человек, который звонил ему. Это для меня вопрос жизни и смерти…

Походив взад и вперед по комнате, дядюшка объявил:

– Прошу всех нынче прийти к ужину… Мы должны обсудить все вопросы, связанные с беременностью Гамар и болезнью Пури.

Жена дяди Полковника плача проговорила:

– Ага, умоляю вас, я боюсь, как бы не опоздать… Боюсь, как бы не случилось беды с моим бедняжкой…

– Нет, не опоздаем, – твердо возразил дядюшка. – Сегодня вечером все обсудим, потом предпримем необходимые меры.

Дядя Полковник с женой вернулись к себе. Я вышел вместе с Асадолла-мирзой, так как хотел поговорить с ним об этом последнем происшествии – об анонимном телефонном звонке. Неприятности все не прекращались. С каждым днем, с каждым часом все новые препятствия возникали между мной и Лейли.

Закрыв за собой дверь дома дядюшки Наполеона, я с

беспокойством спросил:

– Дядя Асадолла, а что означает этот телефонный звонок? Вы думаете, что…

– Моменто, тут и думать нечего – ясно, что это дело нашего злого гения. Я с той самой минуты, как ага набросился на твоего отца, ожидал от него ответного выпада.

– А зачем дядюшка собрался к шефу уголовной полиции? Вы считаете, тот узнал папин голос? И теперь расскажет дядюшке?

– Сомневаюсь, что он вообще знаком с твоим отцом, а если даже и знаком… – Асадолла-мирза на минуту задумался, потом сказал:

– Во всяком случае, мне надо еще до половины пятого заглянуть к этому уголовному шефу, попросить его, чтобы он для предотвращения новых ссор и склок замазал эту историю.

В это время я заметил, что из дома вышел Маш-Касем с подносом, на котором стояла тарелка плова. Сделав несколько шагов, он огляделся по сторонам. Мы стояли за деревьями, так что нас не было видно. Маш-Касем запустил руку в тарелку и достал что-то, мне издалека не было видно, что именно, но я догадался: он вытащил из плова кусок мяса. Вытянув руку, он зашептал: «Кис-кис-кис». В одно мгновение к нему подскочили два кота – из числа бездомных

полудиких обитателей сада. Он бросил одному из них кусок. Оба кота ринулись к мясу, урча, мяукая и громко завывая. Маш-Касем, стараясь не повышать голос, принялся увещевать их:

– Чтоб вам подавиться… Жрите да помалкивайте!

Коты не замолкали. Тогда он поднял камень и заорал:

– Чтоб вас разорвало, глупые твари, брысь отсюда!

Наверное, дядюшка Наполеон следил за Маш-Касемом из-за двери, так как он тотчас вышел в сад и раздраженно зашагал к нему. Кошки бросились наутек.

– Касем, ты отдал мясо кошкам?

Перепугавшись, Маш-Касем ответил:

– Нет, ага, ну что вы. Разве я неверный какой, чтобы такое прекрасное мясо кошкам отдавать?

– Так значит в тарелке не было мяса?

– Да уж и не знаю, что сказать. Вроде не было.

– А ну вернись к ханум, посмотрим, почему это она мясо не положила!

Маш-Касем поколебался, потом опустил голову и проговорил:

– Эх, ага, зачем врать? До могилы-то… Похоже, было мясо, да, видно, рука у меня дрогнула, вот и упало на землю…

От злости дядюшка заскрипел зубами:

– Чтоб ты провалился, лживая рожа!

– Да нет, ага, зачем врать? До могилы…

– Надеюсь, твоя-то могила уже близко… Вернись, возьми другой кусок мяса и отнеси ему! И почему ты такой зловредный?… Что тебе сделал этот бедный труженик?

Маш-Касем поплелся к дому, бормоча себе под нос:

– Получит он за труды нож в брюхо! Таким дармоедам и собачьего мяса жалко.

Дядюшка следом за ним тоже вернулся в дом, а я, попросив Асадолла-мирзу, чтобы он известил меня о результатах своей встречи с шефом сыскного отделения, отправился домой.

Вскоре после того, как дядюшка Наполеон и Азиз ос-Салтане отбыли, появился Асадолла-мирза. Лицо у него было веселое и довольное, заметив меня, он с улыбкой сказал:

– Все в порядке. Этот шеф – отличный человек. Стоило мне его увидеть, как я вспомнил: мы с ним встречались в доме покойного мужа Азиз ос-Салтане. Когда он понял, в чем дело, то обещал мне, что постарается всеми средствами предотвратить семейные раздоры.

– Но ведь он сам сказал по телефону, что у звонившего был ширазский выговор, не может же он теперь заявить, что не ширазский, а исфаханский.

– Мы с ним долго обдумывали это. А потом он вспомнил, что говорил об анонимном звонке, не уточняя, кто

звонил, мужчина или женщина… Словом, было решено сказать дядюшке, что звонила дама, говорящая с ширазским акцентом.

– Ну кто это может быть – «дама с ширазским акцентом»! Они не поверят.

– Моменто, – засмеялся Асадолла-мирза, – а ты забыл про ханум Фаррохлега? Она ведь заклятый враг Азиз ос-Салтане…

– Браво, дядя Асадолла! Вы просто замечательно все придумали. Если бы не вы, наверняка начался бы скандал в сто раз хуже прежнего. И нас с Лейли опять разлучили бы… Я не знаю, как вас благодарить.

– Сказать тебе, как?

– Скажите, дядя Асадолла.

– Езжай-ка в Сан-Франциско, и тебе, и мне сразу спокойнее станет… Ну, до вечера! – И, не дожидаясь ответа, Асадолла-мирза ушел.

Полчаса спустя у садовой калитки остановился экипаж, из которого вылезли дядюшка Наполеон и Азиз ос-Салтане. От волнения я не решался взглянуть на дядюшку, но он сам подошел ко мне. Я пробормотал приветствие и опустил голову, но, когда дядюшка заговорил, у меня отлегло от сердца:

– Здравствуй, сынок… А ты что один? Где остальные дети? Папа твой дома? – спросил он.

– Дома, дядюшка, он вам нужен? – засуетился я.

– Я сам зайду к нему… Вот переоденусь и загляну.

Не было сомнений, что вмешательство Асадолла-мирзы сыграло положительную роль, и дядюшка отказался от своих подозрений. В дальнейшем это подтвердилось постоянными нападками на Фаррохлега-ханум, самую злонамеренную из наших сплетниц, пребывавшую в хроническом трауре.

Я довольно долго шатался по саду, а потом мне пришло в голову воспользоваться дядюшкиным хорошим настроением и заглянуть к Лейли, но тут отчаянный гвалт, поднявшийся на улице, привлек меня к калитке.

Сардар Махарат-хан, индиец, затеял ссору с чистильщиком. Резко и грубо сардар требовал от Хушанга, чтобы тот складывал свои пожитки и убирался прочь. Я уже решил бежать жаловаться дядюшке, но тут он сам вышел из дома – в домашней одежде, накинув на плечи абу.

– Что такое, что случилось?

– Дядюшка, индийский сардар хочет прогнать чистильщика.

Дядюшка так и застыл на месте, вытаращив глаза и хватая ртом воздух, как рыба. Он еле выговорил:

– Что?… Индийский сардар? Индийский?…

На секунду он зажмурился, потом забормотал:

– Хотя это неудивительно… Совсем неудивительно. Этого следовало ожидать! Наверняка, он что-то узнал,

догадался, будь прокляты англичане!

Тут он окончательно пришел в себя, вбежал и громко позвал Маш-Касема:

– Касем, Касем! Беги, беги скорее!… Узнай, что этот гнусный шпион плетет? Зачем он хочет выдворить отсюда бедного труженика? Что, эта улица – Чемберлену что ли принадлежит?! Да быстрей поворачивайся. Смотри, Касем, не оплошай, а не то худо тебе придется. Но на меня не ссылайся… Я ничего не знаю!

Маш-Касем, закусив, словно удила, кончики усов, несся к калитке.

– Что, сардар, тут случилось? Что случилось, господа?

– Этот чистильщик расположился здесь на жительство… Я ему говорю, чтоб уходил, а он исполнение не делать.

Чистильщик бурно запротестовал:

– Да эта улица вдоль сада аги проходит! Что этот сардар – всю улицу, что ли, купил к своему домишке в придачу?!

– Я есть один из проживающих на этой улице и говорю вам ясно: нам не нужно чистильщика.

– Ладно, ладно, понятно и так: вы либо босиком по улице шлепаете, либо в гиве[29]да тапках – вам, конечно, чистильщики ни к чему!

Маш-Касем нахмурился:

29

– Ты язык-то не больно распускай. А вы, господин сардар, вспомните про подаяние бедным – этому бедняку тоже кусок хлеба нужен.

Чистильщик, рассчитывая на поддержку дядюшки, заорал во все горло:

– Пусть раздают подаяние нищим в своих городах, а мы работаем, нам подаяние ихнее без надобности!

Я стоял за садовой калиткой, так что мне было видно и спорящих, и дядюшку, который нервно расхаживал у самой ограды, бормоча себе под нос:

– Чтоб тебя черти взяли, болвана! Не может даже с паршивым индийским шпионом справиться!…

Заметив, что он уже сжимает под абой кожаную кобуру своего браунинга, я выступил вперед:

– Господин сардар, мы целыми днями нуждаемся в чистке обуви и мелкой починке. Если вам неудобно, может быть, чистильщик будет сидеть здесь, на нашей стороне, около калитки?

К счастью, в этот момент показался Асадолла-мирза, и я вздохнул с облегчением. Увидев перед собой поле сражения, князь вскричал:

– Моменто, моменто, господин сардар, в чем дело? Из-за чего это вы разнервничались?

А сам бросил взгляд на окна сардара. Глаза его сверкали, на устах играла улыбка, так что я невольно

проследил, куда это он смотрит: леди Махарат-хан с распущенными по плечам длинными волосами вышла на балкон полюбопытствовать. Тон Асадолла-мирзы вдруг изменился:

– Я говорю, зачем нервничать, дорогой сардар? Вы, воплощение доброжелательности, добронравия и благоразумия… Я вообще не думал, что вы способны выйти из себя… А этого юношу я знаю, он парень неплохой, частенько здесь поблизости…

– Пророк великий, да я расположился здесь на жительство только из-за того, что улица тихая и спокойная! Если бы я знал, что в этом квартале такие хулиганы собрались…

Слово «хулиган» почему-то очень задело чистильщика. Не обращая внимания на знаки Асадолла-мирзы, который всячески призывал его к спокойствию, он завопил:

– Сам ты фулиган! И отец твой, и дед такие были! А жена твоя и вовсе известно кто…

Асадолла-мирза, несмотря на галдеж, расслышал последние слова чистильщика, покосился на балкон и пробормотал:

– Пронеси господи!… Потише, голубчик, потише и вы тоже, господин сардар…

Но сардар, выпучив глаза, уже надвигался на чистильщика:

– А ну-ка повтори!

– И повторю! Каждый, кто меня фулиганом назовет, сам фулиган, и отец, и все предки его фулиганы.

Тут сардар, не раздумывая дольше, отвесил чистильщику оплеуху, чистильщик, здоровый и сильный малый, кинулся на него с кулаками, и завязалась драка. Крики Асадолла-мирзы, пытавшегося урезонить дерущихся, ничуть не помогали, а Маш-Касем, делая вид, что удерживает их, норовил каждый раз, когда чистильщик оказывался под рукой, двинуть его по шее. Дядюшка, выйдя из сада, приказывал Маш-Касему разнять противников, леди Махарат-хан, в полном смятении, тем временем взывала к Асадолла-мирзе. К счастью, в этот момент в переулке появился действительно авторитетный человек – мясник Ширали. Едва завидев его, дядюшка крикнул:

– Ширали, останови их!

Ширали подбежал к индийцу и чистильщику, вцепившимся друг в друга, сунул баранью ногу, которую нес под мышкой, в руки Маш-Касему, схватил за шиворот обоих драчунов и растащил их в стороны, приговаривая при этом:

– Что такое? Что это вы затеяли?

Тюрбан индийца упал на землю, его длинные черные волосы доходили ему чуть ли не до пояса. Тяжело дыша, он закричал:

– Этот человек – бессовестный разбойник… – и

попытался опять кинуться на своего противника, но здоровенная лапа Ширали крепко держала его.

– Ну, в чем дело, сардар? – проговорил Ширали. – Ты бы лучше кудри-то свои подобрал.

Похоже, что индиец был особенно чувствителен к выпадам насчет своих длинных волос, так как он сразу же завопил:

– Заткнись! Мои кудри тебя не касаются…

Он так разозлился, что остальную часть своей речи произнес по-индийски, и среди потока незнакомых слов два или три раза послышалось что-то, похожее на «шут».

Ширали, выкатив глаза, хрипло спросил:

– Что-то я не разберу… Это ты мне сказал «шут»?

И вдруг, разжав пятерню, сжимавшую ворот чистильщика, обеими руками ухватил индийца поперек туловища, поднял над землей, словно соломенное чучело, в два шага оказался у полуоткрытой двери дома сардара, быстрым движением втолкнул его внутрь, захлопнул дверь и ухватился за дверную скобу, чтобы помешать открыть дверь изнутри.

– Будет еще индиец какой-то меня шутом обзывать… Дело не во мне, конечно, ради вас только, для вашего спокойствия… Раз вы сказали: оставь… А так я бы я его живо… Но тогда шуму не миновать.

На губах у дядюшки, стоявшего в дверях сада, заиграла

довольная улыбка. Асадолла-мирза, щелчками очищая свой пиджак, сказал:

– Мое почтение, Ширали… Не успел спросить, как вы поживаете? Как себя чувствуете?… Надеюсь, все в порядке? Как ваша супруга?

Ширали, все еще следя за дверью индийца, ответил:

– До конца дней моих я ваш слуга покорный… А этот малый, чистильщик, – насчет него как?

– Он человек хороший, – поспешно ответил Асадолла-мирза, – я его знаю. Пришел на кусок хлеба заработать. У нас ведь много обуви разной – то починить, это почистить… Ну, ты уж отпусти дверь-то, Ширали, не думаю, чтобы сардар осмелился выйти, пока ты здесь.

Догадка Асадолла-мирзы оправдалась, от индийца больше не было ни слуху ни духу. Ширали свернул в колесо его тюрбан, свалившийся в арык, перебросил через ограду к сардару во двор и отправился домой. Асадолла-мирза утешал чистильщика:

– Ничего страшного, голубчик… Куда ни придешь, первые дни всегда нелады получаются. Ага к тебе благоволит – и то хорошо.

Чистильщик уже успокоился. Ровным голосом он проговорил:

– С нами бог, а кроме бога – вы…

Потом он обернулся к Маш-Касему:

– А ты, скотина, своего не упустил, накостылял мне под шумок?!

Маш-Касем из страха перед дядюшкой скорчил постную рожу:

– Я? Зачем врать? До могилы-то… Кабы он по ту сторону фонаря зашел – я бы ему перья-то повыдергал! Руки пачкать не хотелось, а то бы я этому индийцу показал! Вот был у меня земляк…

Дядюшка оборвал его разглагольствования:

– Земляк земляком, а ты ступай, принеси Хушангу стакан шербету, ему горло промочить не помешает. – И он обратился к чистильщику: – Не беспокойтесь, к завтрашнему дню все уладится.

– Да чего уж там, ага, я ведь не лозинка какая, чтоб каждому ветру кланяться. Мне сказано свыше – быть здесь, значит, здесь я и останусь.

Дядюшка уставился на него во все глаза, а потом пробормотал:

– Сказано свыше?…

– Да, ага. Ведь наверху определяется предназначение человека и его ремесло, и хлеб наш насущный тоже посылают.

Дядюшка бросил на него взгляд, полный значения, с чувством подтвердил:

– Верно, верно. Конечно, нужно оставаться там, где

предназначено… А вы пожалуйте в дом, князь!

Прежде чем самому вернуться в дом, дядюшка спросил чистильщика, где тот ночует, и, узнав, что в дастархане за углом, окончательно успокоился. Мы как раз входили в сад, когда у ворот остановился экипаж и оттуда торопливо вылез дядя Полковник.

– Братец, добрые вести! Я прямо с телеграфа, посылал телеграмму моему другу Ханбаба-хану Хозури, он ответил, что Пури-джан у гораздо лучше. Завтра в ночь он выедет поездом в сопровождении самого Ханбаба-хана. Спешу к своей дорогой жене сообщить радостное известие. Ханум, бедняжка с ума сходит от тревоги.

Когда я шел по саду рядом с Асадолла-мирзой, он тихонько шепнул мне:

– Значит, завтра вечером появится Юлий Цезарь… Не зевай, Марк Антоний, берегись, как бы Клеопатру не увели!

Не на шутку расстроенный и растерянный, я в ответ пролепетал:

– Что же мне теперь делать, дядя Асадолла?

– То, что я тебе сказал.

От огорчения я и не пытался припомнить, а только опять спросил:

– А что вы сказали?

– Уши прочисть! Я сказал: Сан-Фран-цис-ко!

– Дядя Асадолла, у меня сейчас нет ни желания, ни

возможностей шутить.

– Моменто, тогда так и говори, что у тебя вообще нет ни желания, ни возможностей… Рано, как говорит сардар, твоя сила отказ делать!

В доме дядюшки Наполеона собрались ближайшие родственники, чтобы в узком кругу обсудить семейные проблемы, которые теперь, когда стало известно, что Пури жив-здоров, свелись к казусу с беременностью Гамар. Присутствовали Асадолла-мирза, Шамсали-мирза, дядя Полковник, раненый Дустали-хан, а также их жены; чуть позже подоспел и мой отец.

По настроению, царившему в доме и особенно среди собравшихся в тот вечер родственников, мне стало ясно, что теперь их уже не столь сильно интересует истинное происхождение ребенка Гамар. Азиз ос-Салтане, которую это дело касалось больше других, то ли из-за своей опрометчивой погони за мужем с заряженным ружьем, чуть было не стоившей Дустали-хану жизни, то ли не желая усугублять позор, согласилась с легендой об Аллахварди, злодее и подлинном виновнике всего случившегося, и теперь уснащала речь адресованными ему проклятиями и ругательствами. При таком попустительстве со стороны супруги совесть Дустали-хана моментально успокоилась, и наибольший моральный ущерб в этой истории понес дядюшка Наполеон.

Конечно, Азиз ос-Салтане сразу же по прибытии подкосила его надежду на акушерок, заявив, что даже Зивар, знаменитая повитуха, ни под каким видом не берется за выкидыш.

Дустали-хан, который по-прежнему лежал на животе, сказал:

– По-моему, остается только одно: любой ценой подыскать человека, который согласился бы хоть на несколько дней взять в жены Гамар. Я думаю, этот… ну, Мамад-ага волочильщик – он ведь не женат.

– И тебе не стыдно, Дустали? – возмутился дядюшка Наполеон. – Чтоб Мамад-ага стал нашим зятем? Чем потом смыть этот позор?

– Господи, пошли мне смерть! – принялась причитать Азиз ос-Салтане, заливаясь слезами. – Того ли я желала для моей бедняжки!…

Маш-Касем, прислуживавший гостям, влез в разговор:

– Насчет Мамад-аги вообще думать нечего.

– Почему, Маш-Касем?

– Да потому что хворь у него.

– Что за хворь такая?

– Да он, бедный, как бы сказать, не мужчина вовсе.

– А ты откуда знаешь?

– Мужчина или нет – это его забота, это к делу не относится, – вскипел дядюшка.

– Моменто, ага, тут не мешало бы разобраться, может получиться, что мы будем вынуждены… Ну, Маш-Касем, объясни, с чего ты взял, что Мамад-ага не мужчина?

– А зачем врать? До могилы-то… Я, конечно, своими глазами не видал, но слыхал насчет этого от Эбрахе-бакалейщика. А он слышал от жены пекаря, а она Ага-Резы, галантерейщика, а Ага-Реза – от жены Ширали, а жена Ширали – от парнишки Сеид-Абулькасема, а парень – от человека, которого я назвать не могу…

– Как это не можешь?

– Хоть на куски режьте, не скажу! Потому как из числа ваших родичей, значит.

– Моменто, а что нам, собственно, выяснять – мужчина он или не мужчина, ведь тут уж и без него работа сделана!

– А вот я знаю одного человека, который для очень даже подходящий, – продолжал Маш-Касем. – Вот его бы уговорить, человек он почтенный, ни в чем не подведет… Ну, да ведь он тоже из Гиясабада.

– Это кто же такой?

– А помните, прошлый год ходил тут один гиясабадец – он еще с инспектором Теймур-ханом пришел, на, извиняюсь, покойного Дустали-хана?

– Так это Практикан Гиясабади?

– Да. Помню, в тот день, когда он пришел и Гамар-ханум увидел, у него так слюнки и потекли… Он говорил,

очень уж ему охота жену взять, чтобы как налитая была. В Гиясабаде сильно уважают, чтоб женщина была полная да осанистая.

– Заткнись, Касем! – заорал дядюшка. – Чтоб Практикант Гиясабади стал нашем зятем?… Нет, честь и совесть тоже кой-чего стоят!

– Ну, а этот гиясабадец, – с невозмутимой улыбкой продолжал Асадолла-мирза, – он, значит, мужчина?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Своими глазами я, конечно, не видал… Но в Гиясабаде других не водится. Женщины Кума и Катана, и исфаханские женщины, да и тегеранские бабенки тоже прямо умирают по гиясабадцам… Вот один мой земляк…

Нервы дядюшки Наполеона не выдержали. Он с такой силой ударил об стол четками, что нитка лопнула и вся низка с треском разлетелась по углам:

– Вы бы хоть меня постыдились! Всякой наглости есть предел…

Но Асадолла-мирза с самым серьезным видом твердо произнес:

– Моменто, при чем тут наглость? У непорочной девицы было помрачение рассудка. То ли Аллахварди, слуга сардара, то ли другой бесчестный злодей навлек на нее эту беду. Аборт грозит ей смертью. Значит, остается один выход: найти ей мужа. Но и это, оказывается, угрожает

вашей чести и репутации, хотя самой девице от того и горя мало. Она-то готова родить просто так, без всякого мужа, и растить своего ребенка. Или вы полагаете, что генеральские и ханские сынки прибегут ее сватать?

– Вам следовало бы знать, что…

– Да знаю я, знаю, что вы скажете. Дочь такого-то, внучка такого-то не должна выходить замуж за безвестного практиканта… Что ж, если вы знакомы с бароном Ротшильдом, отправьте ему телеграмму, чтобы высылал свадебные подарки невесте.

Все в ужасе смотрели на дядюшку, но вопреки ожиданиям он не рассердился, а если и рассердился, то сумел подавить раздражение, только тихо сказал:

– Возможно, вы правы. Мое вмешательство неуместно – здесь присутствуют ее мать и отчим, пусть сами решают.

Обычная улыбка заиграла на губах Асадолла-мирзы.

– Да, отчим у нее в самом деле человек почтенный и добрый! Спит-почивает, будто это и не его дело.

Дустали-хан, который с самого начала обсуждения хранил молчание, оторвал голову от подушки и, закричал:

– Асадолла, клянусь отцом, если ты еще раз…

– Моменто, моменто, – прервал его Асадолла-мирза, – приношу глубокие извинения, что прервал сей невинный ангельский сон.

– Асадолла, прекрати, пожалуйста, эти шутки! – резко

сказал дядюшка. – У меня теперь нет ни малейших сомнений, что эта история – часть генерального плана, цель которого – мое уничтожение. Разработан он этим безродным индийским шпионом, приведен в исполнение его слугой, но вдохновлен, разумеется, другими!

Асадолла-мирза засмеялся:

– Значит, по-вашему, англичане направляют к каждому своему врагу дюжего детину, чтобы тот обесчестил его племянницу?!

Тут дядюшка разозлился всерьез:

– Не болтай чепухи, да и не умничай слишком! Не дорос ты еще против меня, старого волка, хвост подымать!

– Моменто, выходит, племянницы Гитлера или Муссолини трижды в год должны рожать!

– Асадолла!

– Прошу прощения, я ничего не говорил! Но по-моему, идея неплоха! Правда, в этом случае англичанам пришлось бы закрыть все свои оружейные заводы и переоборудовать их на фабрики по изготовлению стимулирующих пилюль… Во всяком случае, я бы с превеликим удовольствием нанялся в спецвойска таких «мстителей».

Все присутствующие настолько перепугались, что Асадолла-мирзу никто не остановил, лишь отец мой расхохотался. К счастью, вмешательство Маш-Касема направило разговор в другое русло:

– Надо бы еще выяснить, согласится этот гиясабадец или нет…

Гнев дядюшки немедленно вылился на Маш-Касема:

– Что?! Как?! Что ты плетешь, Касем?

– Так ведь, ага, зачем врать, до могилы-то… Оно конечно, прошлый год этот мой земляк очень на Гамар-ханум облизывался, но надо ведь и о том подумать, что в Гиясабаде, не то что в других местах, женскую честь так блюдут, что и не говори. Вот был у меня один земляк…

– Опять земляк? Касем, до каких пор… – закричал было дядюшка, но тут вмешался дядя Полковник:

– Братец, пусть уж он скажет, а мы потом разберемся, что к чему.

– Да, ага, был у меня земляк, уже двух сыновей уже имел. А потом прослышал, что когда-то давным-давно у его жены на женской половине чадра с головы свалилась – так ведь развелся! Да его еще все гиясабадцы упрекали, что не убил бабенку! Ведь все равно уж опозорила себя… Ну, она, бедняга, правда, потом со стыда сгорела, оттого и померла… Я это к тому говорю, чтоб вы знали, не так-то легко будет навязать Гамар-ханум моему земляку…

Тут в первый раз подал голос Шамсали-мирза:

– Так ведь нет необходимости докладывать ему о беременности Гамар.

– Вы, значит, хотите сказать, гиясабадцы совсем ослы?

Не подумайте чего, но вот мой земляк…

– Моменто, – остановил его Асадолла-мирза, – а как он узнает, если мы ему не скажем?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Девушки, извиняюсь, не при вас будь сказано, кое-чем от женщин отличаются.

– Вот спасибо, Маш-Касем, очень важная, а главное, свежая информация! А я-то думал – никак не отличишь.

– Асадолла, ты хоть при детях такого не говори! – опять возопил дядюшка Наполеон.

Но Асадолла-мирза только рассмеялся:

– Моменто, идет научная дискуссия. К вопросу о методике распознания женщин, побывавших в Сан-Франциско или не побывавших там. – Тут он повернулся к Маш-Касему: – Весьма благодарен за научную информацию, но я все-таки должен сказать, что даже если Практикан Гиясабади после Сан-Франциско… то есть после свадьбы разберется в обстановке, то при всем гиясабадском преклонении перед честью, он едва ли выскочит на крышу с криком «караул». Самое большее – потребует развода. Но ведь и мы хотим того же: чтобы нашелся некто, женился бы на Гамар, а потом, не подымая шума, развелся с нею. Пусть только распишется у нотариуса, а там уж мы его потихоньку обработаем, подмажем, чтобы не затевал скандала.

Дустали-хан приподнялся на своем ложе:

– Это несовместимо с честью и совестью. Следует с самого начала откровенно поговорить с ним.

Маш-Касем поскреб в затылке:

– Тут уж вам выбирать придется: либо совесть, либо зять.

– Проголосуем! – выбросил над головой руку Асадолла-мирза. – Я отдаю свой голос за зятя. Конечно, господин Дустали-хан, известный под почетным прозвищем Совесть Всей Страны, за нее и проголосует, но я в защиту своего мнения скажу, что ничего противоречащего ей здесь нет. Практикан Гиясабади придет к нам босяк-босяком, а заживет под нашим кровом припеваючи. Он станет зятем Азиз ос-Салтане, – без всяких затрат! О бесплатном проезде в Сан-Франциско я уж и не говорю. А оттуда пусть проваливает в Гиясабад… Пошли, господи, и нам такую долю.

– Асадолла, – заводил Дустали-хан, – у тебя не иначе как хмель в башке бродит…

– Моменто, моменто, понятно, что у такого безголового болвана, как ты, ему бродить негде, вот ты и скажи: будь ты на месте жениха, разве тебе не по вкусу пришлось бы, если бы к тебе пришли, оплатили расходы, отблагодарили бы, накормили-напоили да еще сказали, чтобы ты несколько раз с таким пупсиком в Сан-Франциско прокатился? Что же ты – отказался бы? Вот и выходит, неблагодарная ты тварь, что ты просто для дел…

В этот момент неожиданно возвысила голос Азиз ос-Салтане:

– Чтоб вы оба подохли, это что же получается: любимая моя доченька должна какого-то гиясабадского мужика ублажать?…

С помощью Шамсали-мирзы и дяди Полковник ее кое-как утихомирили, но Маш-Касем стоял на своем:

– Ну, что ни говори, а надо еще поглядеть, согласен гиясабадец или нет. Ведь всяко бывает: девушка, словно дите, непорочная, а у него, значит, нутро воротит.

– А бывает и наоборот, что у нее нутро воротит, – заметил Асадолла-мирза. – Так что я предлагаю сначала уладить одну половину дела, а уж потом браться за жениха. По-моему, ханум Азиз ос-Салтане должна поговорить с Гамар. Если та согласится, тогда снарядим Касема за его земляком.

После долгих споров и разговоров Азиз ос-Салтане отправилась к Гамар, которая вместе с моей сестричкой и Лейли играла в соседней комнате. Некоторое время она беседовала с дочерью наедине. Когда почтенная дама вновь вошла в гостиную, взгляды всех присутствующих устремились на нее:

– Ну как, ханум? Что она говорит?

– Бедняжка не в себе, – хмуро ответила Азиз ос-Салтане. – Все такой же вздор несет.

– Позвольте мне поговорить с нею, ханум, – выступил вперед Асадолла-мирза.

– Да ничего от нее не добьешься. Господи, пошли ты смерть несчастной матери! С тех пор, как случилась с ней эта беда, все ее мысли вроде как в расстройство пришли…

– Все же позовите ее сюда, я с ней побеседую.

Азиз ос-Салтане с минуту колебалась, но потом все-таки привела Гамар. На губах у дурочки блуждала легкая улыбка. Асадолла-мирза усадил ее рядом с собой, немного поболтал с ней о кукле, которую девушка прижимала к груди, а потом сказал:

– Детка, а для тебя хороший муж нашелся… Ты хочешь замуж выйти?

Толстуха, хоть и была придурковата, покраснела и потупилась:

– Нет, не люблю я… Я своего ребеночка люблю, красную распашонку ему свяжу.

– Да, дорогая, я ему тоже куплю красивую рубашечку. Но ведь у ребенка должен быть папа. Если у тебя мужа не будет, ребеночек твой плакать станет – детям отец нужен.

Гамар несколько мгновений с удивлением смотрела на него, потом сказала:

– Тогда ладно.

– Значит, будем к свадьбе готовиться? Красивое белое платье, фата…

– С померанцевым цветом! – закричала в восторге Гамар.

– Конечно, милая, с веночком из флёрдоранжа.

Минуту Гамар раздумывала, потом спросила:

– А где же мой муж?… Знаете, дядя Асадолла, я хочу мужа с густыми черными волосами, чтобы у моего ребеночка волосы тоже были черные и кудрявые.

Асадолла-мирза отвернулся и бросил на дядюшку горестный взгляд.

– Хорошо, детка, а теперь ступай, иди играть.

Когда Гамар вышла, Асадолла-мирза тихо сказал:

– Бедняжка, такая славная девочка!

Маш-Касем, который все это время молчал в углу, подал голос:

– Принуждать, значит, нельзя… Тут такое дело, принуждать не годится.

– Что такое, Маш-Касем, о чем ты?…

– Разве не слыхали – она сказала, чтоб у мужа черные густые кудри были.

– А что – у Практикана Гиясабади кудри не черные?

– Вот как перед богом, зачем врать?… Те два-три раза, что я этого своего земляка видел, у него шапка аж на уши надвинута была. А разок он ее снял случайно, вижу я, что на голове-то у него плешь. Макушка, значит, совсем голая, а вокруг, ежели отмыть как следует, может, несколько

паршивых волосинок отыщется.

– Ну, а цвет-то волос какой – черный или нет?

– Зачем врать? Всех цветов попадаются. Два-три волоска седых, несколько – черных, а несколько рыжих от хны.

– О господи, пошли мне смерть! – заголосила Азиз ос-Салтане. – Мое дитятко испугается, когда такую голову на своей подушке увидит.

– Да, ханум, Практикан Гиясабади безусловно не Рудольфе Валентино[30]. Ничего, закажем ему парик, чтоб макушка не отсвечивала.

Маш-Касем покачал головой:

– На это он навряд ли пойдет… Гиясабадцы честь берегут.

– Моменто, а разве честь у них на макушке, поверх мозгов расположена?

– Зачем врать? До могилы-то… На макушке не на макушке, а настоящий мужчина чужой волос не наденет! Вот был у меня земляк…

– Ну ладно, ладно, проблему кудрей и локонов будем решать потом, а вот когда ты сможешь переговорить со своим гиясабадцем?

– Когда скажете… Да хоть завтра утром схожу.

Тут дядюшка Наполеон, который долго молчал, насупив

30

брови, не утерпел, чтобы не вмешаться:

– Такого и дитя малое не придумает! Вы только послушайте, что он говорит: Маш-Касем потащится разыскивать да упрашивать этого гиясабадского молодчика – приходи, мол, женись на племяннице аги! Мыслимое ли это дело, Асадолла?…

– Не по телефону же свататься к этому Практикану!

Немедленно разгорелась новая дискуссия, и в конце концов дядя Полковник предложил:

– По-моему, лучше всего будет ханум Азиз ос-Салтане позвонить шефу уголовной полиции и сказать, что у нее в доме пропажа, но она, мол, не хочет давать делу официальный ход. Ей бы хотелось, чтобы он прислал какого-нибудь сотрудника и тот без лишнего шума опросил бы слуг и служанок. А потом пусть скажет, что, мол, может быть, он пошлет Практикана, тот уже был здесь в прошлом году… В этих делах надо по-хорошему. А когда он придет, сказать, что, к счастью, пропажа нашлась…

– А что будет, если шеф пришлет другого человека? Конечно, при условии, что он вообще согласится…

– Еще лучше! – засмеялся Асадолла. – Не думаю, чтобы среди тамошних служащих нашелся бы кто-нибудь непригляднее Практикана… Кого бы он ни прислал, мы его посватаем. То есть запрем дверь, как только он явится, и не выпустим отсюда, пока брачный договор не подпишет.

– Асадолла!!!

После долгих обсуждений на том и порешили.

На следующее утро в доме дяди Полковника царила необычайная суматоха. Велись тщательные приготовления к вечернему приему по случаю возвращения Пури, дядиного сына.

Было решено, что ближе к концу дня родственники на извозчиках отправятся на вокзал встречать Пури-джана. Я очень волновался. Бессердечный мальчишка, я возносил богу мольбы, чтобы он приостановил исцеление Пури. Как только мне представилась возможность, я выложил Лейли все свое беспокойство и тревогу. Бедняжка очень тихо повторила, что не может противиться воле отца, но, если ее решат отдать за Пури, она в ночь свадьбы покончит с собой. Эти слова ничуть не утешили меня, и я всячески напрягал мозг, пытаясь отыскать какой-то выход. К сожалению, моего единственного друга-приятеля Асадолла-мирзы тоже не было дома, и посочувствовать мне никто не мог.

От Маш-Касема я слышал, что Азиз ос-Салтане позвонила шефу полиции и взяла с него слово еще до полудня прислать к ней Практикана Гиясабади. Тогда же Маш-Касем сообщил мне, что решено пока не допускать встречи Гамар с Практиканом, чтобы потом, если удастся договориться о браке, можно было убедить его хоть на время надеть парик.

– Ведь всяко бывает, милок, но только нынче таких благородных людей, как гиясабадцы, нигде не найдешь. А хотя бы и тегеранцев взять – все одно, пусть у них по сто штук одежек разных, но чтоб на голову чужие волосы нацепить, как баба, навряд ли кто согласится.

– Маш-Касем, а какое отношение имеет парик к благородству и чести?

– Господи боже, да как же это ты, родимый, такой хороший умный мальчик, в медресе ходишь, а такое спрашиваешь?! Какое бесчестье хуже может быть, ежели мужчина, словно баба, парик на голову напялит? Да я собственными глазами раз видал… Приехали одни к нам в Гиясабад таазие[31]показывать. А в том таазие одна женщина из семьи имама, значит, от горя чадру с себя скидывает и волосы на голове рвет… Ну, и сказали, что для этого надо мужчину какого-нибудь и чтоб парик надел, двадцать суток по всему Гиясабаду ходили, охотника искали – никто не вызвался.

– Значит, ты считаешь, что Практикан Гиясабади откажется надеть парик?

– Ну, голубчик ты мой, зачем врать? До могилы-то! Он ведь уже несколько лет в Тегеране пробыл, ну нрав-то его мог и измениться. Может, понахватался от этих бесстыжих.

Так мы с Маш-Касемом беседовали в саду, как вдруг я

31

увидел, что дядюшка Наполеон поспешно вышел из своих дверей и рысью двинулся к нашему дому. В недоумении я побежал следом за ним.

Дядюшка направился прямо к отцу в кабинет. Я подобрался к дверям.

– Вы слышали? Слышали?… – воскликнул дядюшка.

– Что такое стряслось? Да вы садитесь!

– Я спрашиваю, вы слышали радио?

– Нет, а что там? Что-нибудь случилось?

– Они уже здесь… здесь… Передавали правительственное сообщение… Там сказано: англичане вошли в Тегеран. Населению запрещается вступать с ними в контакт – ну и прочие глупости.

– Напрасно вы так беспокоитесь, – пытался ободрить его отец, – право, нет никаких оснований для подобной тревоги. Вы лучше меня знаете англичан: они никогда не нападут первыми, открыто…

– Я беспокоюсь как раз потому, что знаю этих коварных волков, – сдавленным голосом прервал его дядюшка. – Я знаю, что они не пойдут на открытое нападение, это мне отлично известно. Я всю жизнь потратил на борьбу с ними!

– А теперь вы так волнуетесь…

– Эх, голубчик, я же не за себя тревожусь. Моя участь ясна: мне ни здесь, ни там не миновать их лап. Нет, я думаю не о себе. Мучеников за родину, таких, как я, тысячи!… За

родную страну душа болит. Горе Ирану, которому грозит опустошение, который превратится в логово диких зверей…

У него перехватило голос. Когда я заглянул в дверную щелку, то увидел, как он кончиком пальца отирает глаза. Отец сказал:

– Что поделаешь, ага! Говоря вашими же словами, «В когтях кровожадного льва нет спасения, кроме смиренья».

– Да, ничего не поделаешь… Но я хочу просить вас. Поскольку между нашими домами нет изгороди, пожалуйста, запирайте покрепче наружную дверь. А я велю Маш-Касему ни под каким видом не открывать чужим садовой калитки. И главное, не разрешайте детям выходить на улицу. Хотя я не думаю, чтобы это коснулось ваших детей… Они метят в меня и в моих потомков.

Дядюшка на мгновение задумался, потом вышел из комнаты и, увидев меня поблизости, ласково сказал:

– Сынок, ты ведь уже большой мальчик… Сейчас происходят такие события, глубокую сущность которых ты, вероятно, еще не можешь постичь, но я прошу тебя, если какой-нибудь незнакомый человек будет меня спрашивать, ничего ему не отвечай. И сестре своей накажи то же самое. Не отворяй дверь никому чужому!

– А разве что-нибудь случилось, дядюшка?

– Что могло случиться, как ты думаешь? Враг в городе!

Тут он положил руку мне на плечо и патетически

произнес:

– Теперь каждый раз, когда ты видишь своего дядю, может оказаться последним… Конечно, таков закон борьбы!…

Он стоял, вперив в меня взор, но мысли его витали где-то далеко. Потом он вдруг быстрым шагом направился к садовой калитке, но, едва отворив ее, прирос к месту. Я осторожно подошел поближе. Мне было слышно учащенное дыхание дядюшки. Внезапно он повернулся к Маш-Касему, который неподалеку поливал цветы, и хрипло спросил:

– Касем, Касем, где он, куда?…

– Кто, ага? Про кого вы спрашиваете?

– Про чистильщика.

– Тут он, ага, разве нету? Я утром ходил за хлебом, он как раз пришел.

Дядюшка схватил его за плечо, тряхнул:

– Ну так где же он? Куда девался?

– А что такого?… Если обувь надо почистить, давайте я на базар отнесу – так вычистят, словно зеркало заблестит. Этот малый вообще-то никудышный мастер.

– Болван! Я тебя спрашиваю: где он есть? Куда ушел?

– Господи, зачем врать? До могилы ведь… Я его в глаза не видал, надо узнать, куда этот паршивец запропастился…

– Чего же ты мешкаешь? Ступай, да пошевеливайся. Пойди разузнай, расспроси о нем! Да запирай за собой дверь.

У дядюшки дрожали руки, он нервно бегал по дорожке, словно барс в клетке. Маш-Касем не спеша вышел улицу. Взгляд дядюшки упал на меня, взволнованным голосом он сказал:

– Сынок, этот Касем такой дурак – сходи-ка ты, поговори с бакалейщиком, с прохожими. Надо узнать – куда девался чистильщик.

Потом, видно, сообразив, что такая озабоченность может вызвать недоумение, он отыскал предлог:

– Сходи, сынок! У него остались мои новые французские ботинки.

Я быстро завернул домой, чтобы сменить шлепанцы на туфли. Когда я подбегал к калитке, то столкнулся с Маш-Касемом и по пятам за ним вернулся к дядюшке.

– Куда он ушел, куда, Маш-Касем?

– Ей-богу, ага, зачем…

– Чтоб ты сдох со своим «зачем врать»! Говори, куда он ушел!

– Ей-богу, тут Эбрахим-ага оказался, я у него выспросил. Приходил, значит, полицейский, забрал его в участок…

– В полицейский участок?… Почему? Что он сделал?

– Зачем врать, ага, до могилы-то… Я-то сам не видел, но Эбрахим-ага рассказывал, будто он часы украл. Да его и по глазам видать, что плут и мошенник.

– Часы?… Чьи же это часы он украл?

– А вот приятель-то наш, сардар индийский, пошел в участок и жалобу заявил. Сказал, что вчера во время драки чистильщик вытащил у него из кармана часы! Золотые карманные часы.

Дядюшка сразу как-то обмяк. Руки его бессильно повисли вдоль тела. Секунду он стоял, хватая ртом воздух, привалившись к ближайшему дереву, чтобы не упасть, потом зажмурился и пробормотал:

– Подлецы! Уже начали! Начали выполнять свой план! Господи, на тебя уповаю…

Глава шестнадцатая

Услышав, что чистильщика обвиняют в краже часов, дядюшка Наполеон ужасно разволновался. Он, видно, никак не решался открыть глаза, губы его тряслись. Маш-Касем с беспокойством спросил:

– Кто начал, ага?

Дядюшка, не открывая глаз, слабым голосом проговорил:

– Все они, волки коварные… Англичане эти… Это их затея.

Маш-Касем на минуту задумался, потом сказал:

– Это что же, они, значит, представить хотят, будто мы

Хушанга-чистильщика подстрекали украсть часы у индийского сардара?

– Да нет, ты не понимаешь!… Тут такие дела, в которых тебе не разобраться, Касем. Политические тонкости для тебя слишком сложны.

– Ей-богу, зачем врать? Ведь до могилы-то… Не из тех я, которые понять не могут. Только, право слово…

Доводы Маш-Касема были прерваны появлением в саду Азиз ос-Салтане:

– Этот тип не пришел еще? Боже, пошли мне смерть. Ага, что это вы так побледнели?

– Ничего, ничего… Настоящий военачальник уметь сносить поражения. По словам Наполеона, полководцу в школе войны следует больше изучать уроки поражений, чем уроки побед.

– Да что случилось-то? Кто вас расстроил? Маш-Касем, кто расстроил агу?

– Ей-богу, зачем врать? Этот чистильщик стащил часы у сардара-индийца. Вот его и забрали…

– Ну, что ты порешь, Касем? – взвился дядюшка. – Вот ведь тупая башка! Ты так поверхностно судишь, оттого что англичан не знаешь.

Тут Маш-Касем оскорбился и даже запротестовал:

– Это я-то не знаю?… Долгих лет вам жизни, ага, ежели я их не знаю, так кому и знать?… Да они на моих глазах

выросли, можно сказать… Они мне лучше, чем отец с матерью, знакомы! А все схватки и стычки с англичанами, в которых я под вашим руководством участвовал, это, выходит, не в счет?… В бою под Казеруном, когда ихний сержант с белым флагом пришел на переговоры с вами, кто встречал его? Кто ему сразу выложил, заткнись, мол, больно много чести тебе с господином разговаривать? Кто им наперерез выскочил, словно лев? Англичане крови моей жаждут, а я их, оказывается, не знаю?… Вот у меня один земляк, прости господи, так он завсегда говорил: «Уж ежели англичаны до тебя доберутся, тут извиняюсь…»

– Довольно, Касем, – заорал дядюшка. – Дай мне подумать, как найти выход.

Азиз ос-Салтане взяла дядюшку под руку:

– Такое возбуждение повредит вашему сердцу, пожалуйста, прошу вас – успокойтесь, вам надо отдохнуть. – С этими словами она повела его к дому.

Но дядюшка вдруг опомнился. Он выпрямился, освободился из рук Азиз ос-Салтане:

– Со мной все в порядке, я не нуждаюсь в вашей помощи. Полководец покидает поле боя на своих ногах. – Тут он повернулся к Маш-Касему:

– Касем, посмотри пойди, если Асадолла дома, скажи, чтобы поскорее пришел сюда. По-моему, он сегодня не ходил в свое министерство…

После этого твердым и уверенным (как он полагал) шагом он направился к дому. Азиз ос-Салтане в удивлении воззрилась на нас с Маш-Касемом:

– Чтоб мне провалиться, какая муха его укусила? Ему-то что за дело до этих часов и до чистильщика?…

– Ей-богу, зачем врать?… – не задумываясь, ответил Маш-Касем. – Вы этих англичанов не знаете. Да у аги в доме женщина родит, а англичанам забота новая! Был у меня один земляк…

– Так вы не знаете, в чем дело, тетя Азиз? – прервал я разглагольствования Маш-Касема. – Сосед индиец по злобе на дядюшку, который разрешил чистильщику работать на нашей улице, пошел и оклеветал беднягу. Вот дядюшка и разнервничался. – Потом я поглядел на Маш-Касема: – Маш-Касем, дядюшка, кажется, велел тебе сходить за Асадолла-мирзой?

Маш-Касем подошел к дому, позвал мамашу Билкис, дядюшкину служанку, и послал ее за Асадолла-мирзой. Похоже, что сам он не желал ни на минуту покинуть место событий. Потом он вернулся к Азиз ос-Салтане, которая в ожидании прохаживалась по дорожке.

– Ханум, не посчитайте за дерзость, я только вам доложить хотел: когда мой земляк придет, вы уж оставьте это дело на меня. Я с ним договорюсь. Гиясабадцу лучше знать, как к своим подойти.

– Ах ты, балбес, теперь выходит, что этого вонючего плешака еще и уговаривать надо, чтобы он мою деточку взял? Ну, дочка, чтоб тебе счастья не видать, довела ты меня до черного дня!

– А Гамар-ханум предупредили, чтобы она помолчала чуток?

– Да что с ней без толку разговаривать – она знай себе твердит про кудри черные.

– Ну, и с кудрями сообразим кой-чего. Вы еще этих гиясабадцев не знаете, им стоит только поживу учуять, они ярмо на себя готовы надеть, не то что парик… Это еще что, а вот один раз мой земляк…

Стук в калитку заставил его оборвать свой рассказ. Бросившись ко входу, он торопливо повторил:

– На случай, ежели это он, вы, пожалуйста, не говорите ничего, дозвольте мне…

Маш-Касем приоткрыл дверь, в изумлении отступил и воскликнул:

– Ох, господи! Никак, вы?

– Точно, я самый. Прочь от двери! Молчать!

В грудь Маш-Касема уперлась рука и отшвырнула его в сторону. Мы с Азис ос-Салтане так и приросли к месту: в сад вошел инспектор уголовной полиции Теймур-хан, начальник Практикана Гиясабади, который прошлый раз приходил к нам расследовать дело об исчезновении Дустали-хана.

Следом за ним появился Практикан Гиясабади в надвинутой на самые уши старой шляпе. Азиз ос-Салтане невольно проговорила:

– Господин инспектор, вы?!

– Здравствуйте, ханум. Я самый! Вы удивлены – похоже, что вы меня не ждали. Тихо!

– Но почему же… мы не думали… не предполагали, что вас побеспокоят.

– Молчать! Время – деньги! Изложите, что у вас украдено. Отвечайте. Быстро, немедленно, срочно, точно! – выпалил Теймур-хан с такой скоростью, что Азиз ос-Салтане растерялась и даже начала заикаться:

– Я… кое-что… то есть…

– Что вы? Что украли? Говорите. Быстро, немедленно, срочно, точно. Ну? Что?

– Одну вещь… то есть… вещь… часы покойного аги.

– Золотые?

– Ну… конечно… Да, золотые.

– Карманные, с цепочкой? Быстро, немедленно, срочно, точно!

– Да… то есть цепочка… Да, с цепочкой.

– Молчать! Никого не подозреваете? Ну? Тихо!

Маш-Касем был так ошеломлен неожиданным приходом инспектора Теймур-хана, что застыл на месте разинув рот и вытаращив глаза. Инспектор подскочил к

нему:

– А тебя как звать? Что?

– Ей-богу, врать… врать…

– А, ты, врать? Признавайся! Быстро, немедленно, точно, срочно!

– Я не врал. Вообще, зачем врать? До могилы-то… А звать меня – ничтожный ваш слуга Маш-Касем.

– Угу, вспомнил. Обвиняемый номер два по преступлению прошлого года. Молчать!

Я хотел ретироваться, но тут же раздался вопль инспектора:

– Стой! Кто разрешил идти? Оставаться здесь!

Маш-Касем обратился было к Практикану Гиясабади с приветствиями и вежливыми расспросами, но инспектор оборвал его:

– Тихо! Хочешь моего помощника задобрить? Зачем? Отвечай! Быстро, точно. Молчать!

Тут он приблизил свою чудовищную физиономию вплотную к Маш-Касему:

– Ладно, господин Маш-Касем, значит, говоришь… Как ваше здоровье?

– Слава господу, благодаренье богу, вашими милостями.

– Ну, посмотрим, посмотрим. Обедали?

Маш-Касем ухмыльнулся:

– Воля ваша, господин, еще и десяти нет…

– Откуда ты знаешь, что десяти нет? – прорычал инспектор. – На часы смотрел? На какие часы? На золотые часы с цепочкой, принадлежавшие покойному аге? Ну? Что? Быстро, немедленно, срочно, точно… Где ты их спрятал? Отвечай живо, срочно! Молчать!

Маш-Касем сначала посмеивался, потом, как бы отвлекая на себя внимание инспектора, проговорил:

– Вы, значит, сказать желаете, что я, прости господи, часы эти…

Тут Азиз ос-Салтане с раздражением прервала его:

– Ну что вздор-то городить? Господин инспектор, это все наши люди, у нас по двадцать – тридцать лет живут. Уж честнее их не бывает. И вообще – кто вас сюда прислал? Мы уговаривались, что придет господин Гиясабади.

В это время дядюшка, видимо, привлеченный шумом, показался в дверях:

– В чем дело, ханум? Что этому господину…

– Да здесь такая неразбериха, понять ни черта невозможно! – завопила Азиз ос-Салтане. – Я просила господина начальника прислать к нам Гиясабади, а является этот гусь и начинает тут каждому злодейство приписывать.

У инспектора Теймур-хана сердце так и взыграло:

– Как? Не понял! Оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей?…

– Успокойтесь, – попытался дядюшка урезонить его, – никто не желал вас оскорбить. Ханум просто забыла, она думала…

– Тихо вы! Не такая вещь мужские часы, чтоб ханум положила их в сумочку и забыла. Я убежден, что часы украдены. Похищение, кража, грабеж.

– Откуда такая уверенность? Кто вам сказал?

– Чутье подсказывает. Чутье основоположника международной системы мгновенного ошарашивания!

Дядюшка несколько секунд обалдело смотрел на Азиз ос-Салтане. Они, видно, не условились, что говорить по поводу кражи. Конечно, это было неудивительно: никому и в голову не пришло, что может заявиться инспектор Теймур-хан, зато насчет Практикана Гиясабади решили твердо – как только он придет, Азиз ос-Салтане скажет ему, что пропажа нашлась. Лишь знаменитая «система мгновенного ошарашивания» инспектора Теймур-хана мешала Азиз ос-Салтане без промедления выложить некстати подвернувшемуся основоположнику все, что она о нем думает. А теперь от него не отвяжешься – ведь инспектор не принадлежал к людям, которые легко отступаются от начатого расследования.

В это время мимо прошел наш слуга с кошелкой в руках. Заметив его, инспектор закричал:

– Стой! А ну-ка… Кто тебе разрешил выходить?

Отвечай! Быстро, немедленно, срочно, точно.

Слуга испугался и, разинув рот, уставился на Теймур-хана. Вмешался Маш-Касем:

– Не бойся, сынок, это у господина инспектора нрав такой… Он из полиции пришел, насчет того, кто часы украл…

– Маш-Касем, молчать! – завопил инспектор и нагнулся к слуге. Приближая к нему свою страшную рожу, Теймур-хан рявкнул:

– Ты, ты! Если сразу сознаешься, смягчим тебе наказание. Сознавайся! Ну! Быстро, немедленно, точно, срочно! Говори, куда ты дел часы?

Слуга вдруг задрожал и забормотал бессвязно:

– Нашел я их… возле мечети Мортаза-Али. Я не крал, нашел я.

Мы все так и замерли, будто громом пораженные. Вот уж чего никто из нас не ожидал! В тишине раздался довольный смех инспектора:

– Ха-ха! Практикант Гиясабади! Наручники!

Наш бедный слуга, страшно побледнев, начал умолять:

– Нет, не надо меня в тюрьму! Не крал я их, нашел возле мечети.

– Нашел? Где? Когда? С кем? Каким образом? Отвечай! Быстро, точно! Молчать!

Он заносчиво поглядел на нас и процедил:

– Система мгновенного ошарашивания инспектора Теймур-хана всегда приводит к успеху!

В этот момент дверь сада отворилась, и в сопровождении Шамсали-мирзы вошел Асадолла-мирза. Едва они появились, инспектор, не глядя в их сторону, поднял обе руки и заорал:

– Тихо! Вмешательство в расследование запрещено!

Асадолла-мирза жестами и мимикой пытался спросить, что происходит. Но присутствующие были слишком огорошены, чтобы отвечать ему. Инспектор снова придвинулся к слуге и спросил:

– А сейчас часы где?

– В комнате…

– Практикант Гиясабади! Отвести этого человека под стражей к нему в комнату, чтобы он принес часы!

Практикан Гиясабади взял парня за руку повыше локтя и повел. Дядюшке, Азиз ос-Салтане и другим только и оставалось, что обмениваться вопросительными взглядами. Асадолла-мирза обратился было к дядюшке, но едва успел произнести несколько французских слов, как инспектор заорал:

– А-а-а! Кто здесь говорит по-русски? Молчать!

Наконец Маш-Касем кое-как объяснил вновь прибывшим, в чем дело. Но инспектор никому не давал слова сказать. Вернулся Практикан с нашим слугой.

– Тихо! Где ты их нашел? Быстро, точно, отвечай!

– В арыке. Я пошел к Мортаза-Али…

– Молчать! Когда?

– Вчера.

Большие карманные часы с цепочкой перешли из рук Практикана в руки инспектора. Вдруг раздался вопль Маш-Касема:

– Ой, родимые вы мои! Да ведь это те самые часы индийского сардара, видать, вчера во время драки у него из кармана вывалились… А за них чистильщика забрали…

Инспектор подскочил к Маш-Касему:

– Что? Индиец? Какая драка? Чистильщик? Что это значит? Отвечай! Быстро, немедленно, срочно, точно!

– Ей-богу, ваше благородие, зачем врать?

– Кому сказано, быстро, немедленно!

– А вы, видно, с божьей помощью, срочно, семимесячным на свет родились. Не даете человеку слова сказать.

– Говори! Быстро, немедленно, точно…

– Из головы вылетело, о чем говорить-то?

– Я тебя спрашиваю: индиец, драка, чистильщик! Что все это такое?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Сосед сардар Махарат-хан, вчера подрались со здешним чистильщиком. А сегодня сардар пошел и заявил, что чистильщик его часы

спер. Вот какое дело, а часы, значит, во время драки из кармана вылетели и попали в арык. Этот парень их и нашел…

После разъяснений Маш-Касема, все наконец поняли, что к чему. Дядюшкино лицо просветлело. Он поспешно сказал:

– Касем, так беги, отнеси в полицейский участок часы, чтобы они выпустили того беднягу.

Теймур-хан нахмурился:

– Как? Запросто, без всякого расследования отнести похищенные часы в участок? Кто это постановил? Вы? Или вы? Отвечайте! Быстро, немедленно, точно, срочно! Молчать!

Тут впервые вмешался Асадолла-мирза:

– Моменто, моменто, господин инспектор…

Теймур-хан, который до этого не обращал на Асадолла-мирзу внимания, обернулся к нему. Вдруг брови инспектора поползли вверх, и он воскликнул:

– Ну-ка, ну-ка! Уж не прошлогодний ли вы убийца? Отвечайте! Быстро, немедленно, срочно, точно! Молчать!

Асадолла-мирза, напустив на себя таинственный вид, ответил:

– А как же, он самый и есть…

Выставив вперед руки и надвигаясь на Теймур-хана, он продолжал:

– Вот теперь я отомщу сыщику, который раскрыл преступление. Убить инспектора полиции это для закоренелого преступника…

Теймур-хан, попятившись, закричал:

– Практикан Гиясабади! Наручники!

Шамсали-мирза схватил брата за локоть:

– Перестань, Асадолла, не до шуток сейчас! Пусть этот господин закончит свои дела и уйдет.

– Тихо вы! Чтоб я ушел? Так вот просто?… А как насчет часов, похищенных у ханум?

– Знаете что, – решительно заявила Азиз ос-Салтане, – я вовсе не желаю, чтобы вы искали часы покойного аги. Дайте-ка мне сюда, я посмотрю.

Она почти вырвала часы у инспектора и передала дядюшке. Тот поспешно вручил их Шамсали-мирзе и сказал:

– Шамсали, прошу тебя, беги в полицейский участок, отдай эти часы индийскому сардару и высвободи беднягу чистильщика.

Шамсали-мирза, взяв часы, направился к калитке, но тут опять раздался вопль инспектора Теймур-хана:

– Стой! Как это он унесет часы? Давайте их сюда! Быстро, срочно! Молчать! Я здесь распоряжаюсь!

– Вот еще! – в сердцах воскликнула Азиз ос-Салтане. – Да какое вам вообще дело до этого?

– Тихо! Вы, ханум, не имеете права говорить.

Азиз ос-Салтане, побагровев, огляделась, подхватила с земли толстый сук и, занеся его над головой Теймур-хана, прошипела:

– А ну-ка поговори еще, поглядим, какие у меня права есть!

– Слышите, господин инспектор, – засмеялся Асадолла-мирза, – ханум желает, чтобы вы еще раз повторили. Ну-ка, покажите вашу учтивость!

– Так-так, отлично!… Оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей… угроза нанесения телесных повреждений представителям закона…

Азиз ос-Салтане принялась колотить инспектора палкой, приговаривая:

– А ну пошел! Иди давай, куда тебе говорят!

– Куда, ханум?…

– Хочу два словечка начальнику твоему сказать.

Инспектор Теймур-хан присмирел:

– Я ведь не возражаю… Если вы сами… Если у вас жалоб нет, мы удалимся… Практикант Гиясабади! Двигай!

Асадолла-мирза опять вмешался:

– Что значит «двигай»? Подождите. Надо все-таки разобраться с часами… Должен же кто-то расследовать это дело.

И он знаком пригласил Азиз ос-Салтане действовать. Та, сунув палку Маш-Касему, приказала:

– Маш-Касем, постереги-ка этого, пока я схожу позвоню.

Через несколько минут из дядюшкиного дома выглянула Лейли:

– Тетя Азиз сказала, чтобы господин инспектор подошел к телефону.

Инспектор, а за ним и дядюшка торопливо направились к дверям. Асадолла-мирза начал дружески расспрашивать Практикана Гиясабади, как тот поживает. А я, как всегда при виде Лейли, позабыл обо всех бедах и неприятностях. Однако это блаженное состояние длилось недолго, так как мысль о Пури, сыне дяди Полковника, который должен был появиться этим вечером, отравила мою радость. И опять на ум мне не приходило ни слова, чтобы начать разговор с Лейли.

Немного погодя инспектор Теймур-хан, а за ним Азиз ос-Салтане и дядюшка опять вышли в сад. Инспектор был мрачен. Он резко сказал:

– Практикант Гиясабади! Ты останешься здесь, продолжишь следствие по делу пропавших у ханум часов! Меня вызывает шеф. Молчать! Обвиняемые в настоящий момент свободны.

– Слушаюсь!

Проходя мимо Асадолла-мирзы, инспектор хрипло прошептал:

– Я ухожу, но мы еще увидимся. В настоящий момент я вынужден удалиться… Очень мне хочется собственными руками вас на виселицу вздернуть!

– Возвращайтесь-ка вы лучше в участок – быстро, немедленно, точно, срочно, – там вам найдут работу.

Едва инспектор вышел, Практикан Гиясабади, напустив на себя такой же важный вид, объявил:

– Ладно, начнем расследование… Где были эти часы, ханум? Отвечайте. Быстро, немедленно, точно, срочно!

– Моменто, господин Практикан, – с улыбкой вступил в разговор Асадолла-мирза, – теперь спешка ни к чему, не выпьете ли чаю? Придет время – пропажа найдется. Я уверен, что ханум сама убрала куда-нибудь часы, а потом забыла. А если все-таки произошла кража, то при вашей проницательности, вы ее быстро раскроете. Ведь сразу видно, что вы человек толковый.

– Помилуйте…

– Да нет, наверняка так! Я в людях разбираюсь. Готов поспорить, что всю эту криминалистику только вы и можете распутать, хотя следствие обычно ведет старший по званию. Вообще и ребенку ясно, что по уму и проницательности вы на голову выше этого инспектора. Достойно сожаления, что командует он.

Практикан Гиясабади, весь покраснев от смущения и удовольствия, пробормотал:

– Вы очень любезны… Конечно, большая разница между человеком, у которого есть покровитель, и тем, у кого его нет.

– Ну, это пустяк, стоит вам только захотеть: у нас множество знакомых, друзей. Есть и министр, и депутат – словечко им шепнем, и все в порядке. Вы нам очень полюбились, да и признательны мы вам за прежнее…

– Ваша милость так добры… Мне прямо неудобно.

– Обидно, что вы с таким незаурядным умом и прочими способностями сидите сложа руки и из врожденного достоинства ничего не предпринимаете для продвижения по службе. Я думал, что вы теперь уж начальник участка. И потом, господин Гиясабади, ваша жена и дети ведь ни в чем не виноваты – зачем же им-то страдать из-за вашего самолюбивого характера?

– Я холостой… То есть у меня была жена, но потом мы разошлись. Сын есть. Конечно, он с матерью остался, ну а деньги я посылаю…

– Замечательно. Ну ладно, Маш-Касем, ты не принесешь чаю господину Гиясабади?

– Сейчас будет сделано! Милости просим, земляк… Пожалуйте в мою комнату, чайку откушать, надо же горло-то промочить…

– А как же расследование насчет часов?…

– Братец, на это еще будет время… Давай пойдем ко

мне, выпьем чаю.

Маш-Касем и Практикан Гиясабади, который во время разговора так и не снял с головы шляпы, двинулись к дому. Асадолла-мирза сказал дядюшке:

– Похоже, кое-что начинает получаться.

Дядюшка, ожидая возвращения Шамсали-мирзы, посланного в полицейский участок освобождать чистильщика, старался не удаляться от садовой калитки, Азиз ос-Салтане нервно расхаживала взад-вперед. Общего разговора не получалось. Асадолла-мирза подмигнул мне и тихонько направился к дядюшкиному дому. Я пошел за ним.

– Куда вы, дядя Асадолла?

– Хочу душу успокоить, узнать, как продвинулось дело с женишком. Что он говорит – да или нет.

Комната Маш-Касема была в подвале. Асадолла-мирза, а за ним и я бесшумно, на цыпочках подошли к коридорчику, ведущему туда, и прислушались. Мы услышали голос Маш-Касема, с удивлением и беспокойством говорившего:

– Нет, правда, ты не шутишь?… Отвечай, чтоб ты пропал!

– Сам пропадай… Это меня во время кампании в Луристане пуля достала. Шесть месяцев в госпитале провалялся. Из-за этого и жена-то со мной развелась…

– Что, неужели начисто? Словно и не бывало?

Ничегошеньки не осталось?

Асадолла-мирза бросил на меня ошеломленный взгляд и чуть слышно шепнул:

– Проклятое невезенье… Все рушится!

Маш-Касем тем временем говорил:

– Сердешный ты мой, а что же ты лекарства какого, мази не пробовал?

– Да при чем тут лекарства? Мазь-то надо же на что-то мазать!

– Ох, братец, жалость-то какая! А уж как эта подлая пуля дело испортила… Я ведь тут с три короба нагородил про то, какие в Гиясабаде мужики отличные…

Тут Маш-Касем, видно, решил ненадолго оставить Практикана Гиясабади одного, чтобы сообщить прочим результаты переговоров, так как он сказал:

– Земляк, обожди минутку, я на кухню загляну, пока чайку попей, я мигом. Да ты орешки кушай, пожалуйста, не стесняйся! Угощайся, милок.

Мы с Асадолла-мирзой вышли из своей засады во двор. Асадолла-мирза задумался, но потом, услышав голоса из комнаты Дустали-хана, встрепенулся и завернул туда. Я опять поплелся за ним.

Азиз ос-Салтане сидела у постели Дустали-хана, а дядюшка ходил по комнате.

– Ну как, Асадолла? Ты не узнал, договорились или

нет?

– «Ей-богу, зачем врать», как говорит Маш-Касем… Похоже, что дело упирается в затруднение с Сан-Франциско.

– Асадолла, – приподняв голову, проговорил Дустали-хан, – тебя в могилу класть станут, а ты все будешь чепуху молоть!

– Моменто, моменто, в настоящее время подстреленному богатырю до могилы ближе, чем мне!

Однако они не успели поссориться: с понурым видом появился Маш-Касем.

– Ну что, Маш-Касем, – подступил к нему дядюшка, – поговорил ты с ним?

– Да, ага, хорошо поговорили.

– Ну, а результаты?

– Ей-богу, ага, зачем врать? До могилы-то… Я пока не осмелился рассказать своему земляку про беременность Гамар-ханум. Так что он согласился, но только у него свой грешок имеется.

– Какой еще грешок?

– Ей-богу, спаси вас господь от такого, духу не хватает выговорить, но только этот мой земляк, по-моему, и не земляк мне вовсе!

– Что такое?! Как это не земляк?

– Имя-то у него гиясабадское, да только сам он, видать, не оттуда – раненый он во время Луристанской кампании.

– А что, среди гиясабадцев и раненых не бывает?

– Бывать бывают, да не в то место, куда этот неудачник. Короче говоря, не при вас будь сказано, извиняюсь, сирота этот ключа от сердца лишился…

– Что это значит, Маш-Касем? – с удивлением спросила Азиз ос-Салтане. – При чем тут ключ от сердца?

– Ханум, – вмешался Асадолла-мирза, – Маш-Касем просто сказать стесняется: под ключом от сердца он имеет в виду средство сообщения с Сан-Франциско.

– Ох, чтоб мне умереть! – закатила глаза Азиз ос-Салтане. – Асадолла, ну что ты говоришь!…

– Если у человека ни стыда ни совести нет, то уж лучше… – подхватил было Дустали-хан, но Асадолла-мирза тотчас оборвал его:

– Моменто, моменто, тогда попрошу вас, воплощение стыда и совести, ответить, как вы назовете часть тела, о которой шла речь?

– Приличный человек не станет называть…

– Тем не менее в настоящее время такая необходимость возникла. Приходится или употреблять официальное наименование, или прибегать к намекам и обинякам. Ведь не могу же я вместо этой детали упоминать про нос, ухо или бровь…

– Пожалуйста, господа, не затевайте споров, – остановил их дядюшка. – При нынешних обстоятельствах

наличие или отсутствие упомянутого предмета не имеет значения. Вы, что же, полагаете – они до старости вместе проживут?

– Не приведи бог! – опять закатила глаза Азиз ос-Салтане.

– Этот изъян тем плох, – вступил в разговор Маш-Касем, – что нельзя будет ребенка на земляка моего свалить. Придется сказать ему правду.

– Ну пусть женится хоть на десять – пятнадцать дней, – твердил Дустали-хан, – а потом разведется. Не хватало только, чтобы проходимец Практикан Гиясабади оставался нашим зятем. Надо ему растолковать, что он получит деньги за то, чтобы жениться на девушке, а через несколько дней развестись с нею – и пусть себе катится!

– Иди, Маш-Касем, поговори с ним, – решил Асадолла-мирза. – Теперь мы действительно вынуждены сказать ему о положении дел. Практикан сам, когда узнает, почему мы хотим отдать за него девушку, сообразит, что этот его дефект для нас пустяк, не имеющий никакого значения. «Коли некуда спешить, какая разница, безногий или на своих двоих!»

Маш-Касем покачал головой:

– Ох, господи, сказать по правде, боюсь я своему земляку такие слова говорить. Кабы знали вы, как гиясабадцы свою честь блюдут, навряд решились бы…

– А ты ему потихоньку-полегоньку растолкуй.

– Нет, лучше уж сразу, обухом по голове, да попридержать его за руки, за ноги-то, чтобы без кровопролития обошлось…

Обсудив этот вопрос, все решили принять предложение Маш-Касема и отрядили нас с Асадолла-мирзой ему в помощь. Мы должны были сесть по обе стороны от Практикана и, когда Маш-Касем подаст условный знак, под любым предлогом ухватить предполагаемого зятя за руки, чтобы он ничего не повредил ненароком Маш-Касему или себе самому.

Когда мы направились к подвалу, Дустали-хан, приподнявшись в постели, умоляющим голосом произнес:

– Только вы не проговоритесь ему, что Гамар имеет собственное состояние, а то он сразу больше запросит.

Асадолла-мирза, едва взглянув на него, презрительно пробормотал:

– Не бойся, этот кусок у тебя не отнимут. Спи, герой!

Во дворе Маш-Касем дал нам последние наставления насчет мер предосторожности:

– Ждите сигнала. Как я два раза кашляну, значит собираюсь суть выкладывать. Тут вы его под руки и берите, чтобы мне, значит, говорить. И пока я не скажу, не отпускайте.

Дядюшка Наполеон и Азиз ос-Салтане тоже осторожно

прокрались к подвальному окошку, чтобы быть в курсе дела.

Когда мы вошли в подвал, Практикан, который так и сидел в нахлобученной на уши шляпе, вытянулся перед нами во фрунт.

– Помилуйте, господин. Практикан, что за церемонии! Мы свои люди.

Асадолла-мирза предложил Практикану расположиться на ковре в углу. Мы с Асадоллой заняли позиции по обе стороны от него. Маш-Касем тем временем кружил по комнате. Подобрал лежавшие на виду клещи, щипцы, для сахара, спрятал их за занавеску. Асадолла-мирза начал разговор:

– Итак, господин Практикан, наша девушка вас видела, вы ей понравились… Родители ее тоже согласны; вы еще молодой – не годится холостяком жить.

Практикан опустил голову:

– Воля ваша… Только я ведь говорил Маш-Касему… то есть открыл ему свою тайну.

– Моменто, господин Практикан, это несущественно. Столько людей этим страдали – и вылечились. Тут современная медицина…

Практикан, все так же не поднимая головы, прервал его:

– Да ведь у меня лечить-то нечего. К сожалению, ничего не осталось… Если вы согласны на это, я и слова не скажу. Только не получилось бы так, что ханум на утро обижаться

будут: «Ты меня не предупредил!» Я ведь из одного уважения к вам…

– Ее родители согласны, господин Практикан.

– Верно, согласились они, – подтвердил Маш-Касем. – Теперь, значит, девушка согласие дала, ее родители – тоже, дело за тобой.

– А почему вы желаете за меня-то ее выдать? Неужели в городе нет более подходящего человека?

Маш-Касем уставился на меня и Асадолла-мирзу и несколько раз кашлянул. Мы с двух сторон взяли Практикана под руки. Тут Маш-Касем и выложил:

– Потому что девушка в положении.

С этими словами он впился глазами в Практикана, ожидая, как тот будет реагировать, а мы еще крепче вцепились жениху в руки. Вопреки опасениям на лице Практикана расплылась широкая улыбка. Он со смехом воскликнул:

– Так я и думал! Поспело, значит, яблочко, а иначе я бы и не потребовался.

Лица у нас просветлели. Мы отпустили его руки, и Асадолла-мирза добродушно согласился:

– Да, дело обстоит именно так, господин Практикан. Эту бедную девушку словно ветром надуло – забеременела, к несчастью.

– Да, ветер – штука серьезная, – продолжая смеяться,

подтвердил Практикан.

– Прах тебя возьми! – пробормотал Маш-Касем.

– Ты что, Маш-Касем?

– Ничего, милок… Вот оно как получается в конце концов.

– Значит, надо, чтобы я на барышне женился, а через некоторое время развелся. Так вы желаете?

– Да, дней через десять – пятнадцать, – ответил Асадолла-мирза.

– Нет, десять – пятнадцать дней не подойдет… Все вокруг догадаются. Я ведь тоже о чести своей забочусь. По крайней мере, три месяца подождать надо, а потом придумать какой-нибудь предлог.

– Возражений нет, – сказал Асадолла-мирза и тут же добавил: – Ох, я совсем забыл, мне нужно было позвонить… Вы тут продолжайте, я сейчас вернусь.

Он быстро вышел, и я догадался, что он отправился спросить согласия Азиз ос-Салтане насчет продолжительности брака, так как через несколько минут он возвратился со словами:

– Так о чем мы говорили? Ах да, насчет срока, конечно, никаких возражений – пусть будет три месяца до развода.

– Но я должен вас предупредить, что у меня денег нет, и расходы…

– Помилуйте, господин Практикан! Вы делаете доброе

дело, при чем тут расходы?… Вы обсудите все с Маш-Касемом. Затраты мы полностью берем на себя.

Асадолла-мирза кивнул мне, и мы с ним вышли из подвала. Азиз ос-Салтане и дядюшка слушали, приникнув к оконцу. Асадолла-мирза хотел сказать что-то, но Азиз ос-Салтане знаком велела ему молчать. Внимая разговору Практикана с Маш-Касемом, она ворчала себе под нос:

– Ишь жадина! Бесстыжий, две тысячи туманов хочет…

Асадолла-мирза тихонько сказал:

– Стоит дать, ханум… Дешевле-то едва ли кого-нибудь найдем.

Азиз ос-Салтане не отрывалась от окна. Вдруг она дернулась и сердито прошипела:

– Чтоб его, подлеца – он еще меня чернит! Пусть только уладится это дело с девочкой – я ему покажу «хитрую заразу»! Чтоб ему сдохнуть, плешаку этому!

Немного позже заседание было продолжено в комнате Дустали-хана. Практикан Гиясабади в почтительной позе, опустив голову, сидел на ковре.

Дядюшка Наполеон начал:

– Господин Практикан, я надеюсь, вам известно, что вы вступаете в родство с почтенным и благородным семейством и что вам надо стараться, чтобы в течение означенного времени ваше поведение и поступки не нанесли ущерба нашей чести.

– Я ваш покорный слуга. Разве я посмею что-нибудь не так сделать.

– А как насчет дома? – спросил Асадолла-мирза. Слова его были обращены к дядюшке, и тот ответил:

– Конечно, надобно подумать о доме, где…

– Как же! – воскликнула Азиз ос-Салтане. – Разве я могу отпустить от себя дочку? Господин Практикан должен переехать к нам… Верхние комнаты свободны, я там все приготовлю.

Практикан, не подымая глаз, проговорил:

– Как перед богом, ага, – у меня ведь мать есть, не могу же я ее одну оставить…

– Хорошо, вы привезете вашу матушку с собой, – сказал Асадолла-мирза.

Дустали-хан так и подскочил:

– Зачем глупости болтать, Асадолла? Как это – в наш дом…

– Другого выхода нет, Дустали! – заявил Асадолла, и в голосе его прозвучали злорадные нотки. – Не может же господин Гиясабади оставить без присмотра старую больную мать.

Тут Практикан сам вступил в разговор:

– Да, ага, я человек одинокий, мать моя уже старая, работать не может… С сестрой вдовой…

– У вас и сестра есть? – блеснул глазами Асадолла-

мирза. – Сколько ей лет? Чем она занимается?

– Ох, как перед богом – два года назад замуж выдали, а в прошлом году муж ее под машину попал. Сейчас она в кафе выступает – поет.

– Что?! В кафе?… – В один голос воскликнули дядюшка, Дустали-хан и Азиз ос-Салтане. Но Асадолла-мирза не дал им вмешаться:

– Ну-ну, молодец! Бог даст… Ну ладно, выясняется, что с вами еще молодая незамужняя женщина, которую в этом городе богу не поручишь… Господин Гиясабади прав.

– Асадолла, можешь ты закрыть свой поганый рот? – завопил Дустали-хан.

– Моменто, моменто, вы, значит, хотели бы, чтобы господин Практикан оставил мать и сестру и перебрался в качестве зятя в ваш дом?… Ну, если он на это согласен – чего же лучше… Меня это вообще не касается.

Практикан встал:

– Нет, похоже, что я не приглянулся этому господину… Не могу я покинуть двух женщин – одну старую больную, другую молодую – на волю божью… Я ухожу.

Маш-Касем бросился к нему:

– Куда, милок… Садись… Ты его слова в расчет не бери – как ханум скажет, так и будет.

Азиз ос-Салтане, делая вид, что вытирает слезы, выдавила:

– Я в память о покойной матушке на все готова…

– Ханум, ты понимаешь, что говоришь? – взревел Дустали-хан. – Практикан, старуха мать и сестра-певичка в нашем доме!…

Практикан второй раз собрался уходить:

– С вашего разрешения, я пойду… Я не могу слушать, чтобы о моей матери и сестре дурно говорили.

Его опять усадили на место, и Асадолла-мирза закричал:

– А ты, Дустали, потише! Или, может, ты предпочитаешь, чтобы мы снова начали расследование и нашли отца ребенка? А потом привели его и заставили жениться?

Дустали-хан в ярости стиснул зубы и прошипел:

– Как вы считаете нужным.

Бракосочетание решили назначить на вечер под пятницу. Однако Практикан настаивал, чтобы из уважения к его матери, дали ей прийти посвататься.

– Да, – согласился Асадолла-мирза, – но тогда уж пусть она изволит пожаловать прямо сегодня. И сестрицу тоже приводите. Мы теперь свои люди.

Практикан уже было отправился в путь, но, сделав несколько шагов, вернулся:

– Только смею вам доложить, то обстоятельство насчет Луристанской кампании должно остаться между нами. Об

этом моем изъяне никому на свете неизвестно. Если когда-нибудь где-нибудь это выйдет наружу – будет урон для чести вашей девушки и моей чести тоже… И про беременность ханум при моей матери не поминайте – если мать узнает, едва ли даст согласие.

Получив твердые обещания и заверения по этому поводу, Практикан наконец удалился. Асадолла-мирза и Маш-Касем проводили его до калитки, потом Асадолла-мирза вернулся и радостно сказал:

– Ну, про парик тоже договорились. Решили, что после обеда он зайдет, и мы с ним поедем на проспект Лалезар, подберем для него красивый парик, чтобы Гамар не разочаровывать. Надо и о костюме подумать. Кстати, Дустали, давай деньги на парик!

– И за парик я должен платить?

– Не хочешь – не плати. Тогда Гамар не согласится выйти за Практикана. Придется нам еще раз пускаться на поиски подходящего папаши для ребеночка, папы, который согласился бы жениться на маме.

Дустали-хан, дрожа от гнева, завопил:

– Асадолла, душой отца клянусь, если ты еще раз про это скажешь, я тебе покажу!…

– Моменто, я не понял, что тебя так задело? Я сказал, пойдём разыщем этого отца-подлеца, негодяя, ублюдка этого! А тебе с чего кровь в голову бросилась? Не дай бог…

Под общие крики протеста Дустали-хан схватил склянку с лекарством, оказавшуюся у него под рукой, и швырнул ее в голову насмешнику. Склянка со звоном разбилась о стену, а Асадолла-мирза, громко хохоча, выбежал из комнаты.

Когда я пришел домой, отец, отсутствовавший с утра, уже вернулся и расхаживал по двору. Он подозвал меня и повел в задние комнаты.

– Что там сегодня приключилось? Говорят, пока меня не было, приходил инспектор Теймур-хан.

Услышав, что Практикан Гиясабади согласился сочетаться браком с Гамар, отец довольно рассмеялся:

– Красиво, ничего не скажешь! Сливки, можно сказать, аристократии – в объятиях Практикана Гиясабади. Хвала аллаху, они нашли жениха еще менее знатного, чем я. Мои поздравления!

Смех отца звучал весьма ядовито. Долгие годы он терпел попреки и вот наконец изведал сладость мести, ростки которой были взлелеяны дядюшкой и его семьей. Он пробормотал:

– Эта свадьба не должна пройти незаметно… Надо пригласить всех почтенных и благородных господ.

Тут он, к моему изумлению, принялся, как мальчишка, скакать по комнате:

– Новости! Новости! Экстренный выпуск!!!

Аристократия запятнала себя!!!

Ненадолго он задумался, потом, видимо, приняв какое-то решение, не обращая больше на меня внимания, вышел из дома и направился к калитке.

– Куда вы, папа?

– Я сейчас вернусь.

Я с беспокойством сделал несколько шагов за ним и остановился, проводив его взглядом до поворота улицы.

Вскоре возвратился из полицейского участка Шамсали-мирза вместе с чистильщиком. Чистильщик опять занял свое место. Дядюшка, просветлев, подошел к нему:

– Мы очень рады, что недоразумению положен конец.

– Да умножит господь вашу доброту, этот подлый индиец хотел мне воровство пришить! У, безбожник проклятый!

– Не сомневайтесь, господь воздаст ему за это!

– Я и сам с ним рассчитаюсь, – продолжая раскладывать свое имущество, пробормотал чистильщик. – Подождите, вот придет срок – я уж знаю, какую беду на него напустить.

Сверкнув очами, дядюшка вполголоса повторил:

– Придет срок, придет…

И, помолчав мгновение, произнес как можно значительнее:

– Не обращайте на них внимания, у вас другие дела. Продолжайте свою работу.

Чистильщик, не вникая в скрытый смысл его слов, ответил:

– Конечно, ага, я свое дело делаю.

Дядюшка одобрительно закивал:

– Да, дело прежде всего, а подобные помехи и срывы – их следовало ожидать.

Чистильщик, все так же не поднимая головы, ответил:

– Да ведь если одному индийцу спустить, свалять дурака, эти мерзавцы еще больше обнаглеют.

Дядюшка с довольной улыбкой повторил:

– Да, эти мерзавцы… заважничали они… Эй, Маш-Касем! Принеси-ка стакан шербету Хушанг-хану – освежиться.

Маш-Касем возился недалеко от меня, так что я услышал, как он буркнул себе под нос:

– Хоть бы это его последний стакан был!

Глава семнадцатая

Вечером дядя Полковник и несколько ближайших родственников на извозчике отправились на вокзал встречать Пури, который, как удалось установить, приезжает около девяти часов. Полковник весьма огорчился, тем, что не поехала вся семья, но делать нечего: дядюшке Наполеону и Азиз ос-Салтане пришлось остаться, чтобы принять

Практикана с его матерью и сестрой, которые должны были прийти свататься.

Асадолла-мирза явился вскоре после отъезда дяди Полковника. Он выглядел очень довольным и, войдя, сообщил:

– Мы с Практиканом прошвырнулись по магазинам, купили ему роскошный парик. Он прямо как Рудольфе Валентино стал… Вот придет – сами увидите.

Азиз ос-Салтане давала последние наставления Гамар:

– Заклинаю тебя твоим светлым личиком, веди себя как благородная барышня. Не говори ни слова! Если что спросят – мы сами ответим.

Асадолла-мирза потрепал Гамар по щеке:

– Да, детка, лучше ничего не говорить. Людям нравится, когда девушка молчит. Если ты начнешь разговаривать, муж твой уйдет и ребеночек без отца останется. Поняла, душенька?

Гамар, которую одели в красивое зеленое платье, с невинной улыбкой отвечала:

– Да, поняла. Я своего ребеночка очень люблю, хочу ему рубашонку связать.

– Но помни, дорогая, если ты начнешь при них распространяться про ребенка, они уйдут, и ты останешься одна… Ни слова об этом не говори, они не должны знать, что ты ребенка ждешь. Поняла?

– Да, поняла, дядя Асадолла. Я при них совсем не буду говорить про младенчика.

Затем Гамар, Азиз ос-Салтане и дядюшка перешли в залу. Дустали-хан, ковыляя, добрался туда еще раньше и боком пристроился на диване. Мы с Асадолла-мирзой стояли во дворе, когда к нам подбежал Маш-Касем:

– Ох, голубчики вы мои! Идут, да только земляк-то мой – без парика.

– Что? Как без парика? А в чем же он?

– Да все в той своей шляпчонке.

– Ну и болван! Маш-Касем, беги, задержи на минуту женщин и вышли вперед Практикана, пусть он один зайдет, я посмотрю, какая муха его укусила.

– А еще мамаша у него больно страшная… Боюсь, как бы Гамар-ханум не напугалась.

– А что такое? Лицом нехороша?

– Она, конечно, в чадре… Но все одно – ужасть берет.

– Какая еще «ужасть»?

– Ей-богу, зачем врать?… Ведь собственными глазами видел, сохрани бог, сохрани бог, – у нее усы и борода, как у проповедника Сеид-Абулькасема.

Асадолла-мирза с досады даже стукнул себя кулаком по голове:

– Ну, теперь уж такую королеву красоты обратно не отправишь! Маш-Касем, беги, вышли вперед этого осла, я

выясню, почему он, подлец, плешь свою прикрыть не желает.

Маш-Касем рысью выбежал за ворота, и через секунду появился Практикан. Шляпа его была низко надвинута на уши. Асадолла-мирза, бросив взгляд на окна залы, схватил Практикана за руку и увлек в переднюю.

– Практикан, что это за вид? Где парик?

– Очень извиняюсь, – повесив голову, ответил Практикан, – мамаша сказали, если парик надену, они меня проклянут.

– А так невеста тебя проклянет. Куда девал парик?

Практикан похлопал по внутреннему карману пиджака:

– Здесь он.

Асадолла-мирза немного подумал:

– Господин Практикан, прошу вас, – несколько минут займите здесь в саду вашу матушку и сестрицу, пока я не выйду за вами.

Потом он повернулся к Маш-Касему:

– А ты принеси дамам сладкого чаю. Пусть посидят в беседке, пока я не приду.

Едва Практикан и Маш-Касем вышли за дверь, Асадолла-мирза знаком вызвал из залы Азиз ос-Салтане и с беспокойством сказал:

– Ханум, возникла новая трудность: мать жениха ему заявила, что проклянет его, если он наденет парик. Как вы

думаете, если он покажется без парика, Гамар будет очень…

– Ой, смерть моя пришла! – прервала его Азиз ос-Салтане. – Асадолла, ты только подумай, эта чертова мамаша еще о волосах спорит!… Ну, как бы там ни было, уговори их обязательно нацепить на его паршивую голову парик!

– Попытаюсь, если осенит господь… Дай бог, чтобы удалось только.

– В ножки тебе поклонюсь – придумай что-нибудь! Ты ведь умеешь с женщинами разговаривать – нет такой бабы, чтоб тебя не послушала. Ну, улести ты ее как-нибудь!

– Да, но, по словам Маш-Касема, родительница жениха и не женщина вовсе – у нее усы и борода, как у Сеид-Абулькасема.

– Век за тебя бога буду молить, Асадолла, сделай что-нибудь! Ты и со старухами обходиться умеешь, и никакая борода тебе не помеха.

– Моменто, моменто, до сих пор я с бородатыми дамами дела не имел – надо еще поглядеть, что получится. А вы, пожалуйста, помните – Гамар нельзя надолго оставлять в зале. Минутки две посидит – пошлите кого-нибудь позвать ее, и довольно, снова к гостям не пускайте. Я больше всего опасаюсь, как бы она чего не ляпнула.

Асадолла-мирза устремился в сад. Я за ним. Заметив это, он сказал:

– Дружок, ты тоже должен помочь! Если мои стрелы в цель не попадут, значит пришел твой черед… Этим бородатым теткам обычно нравятся молоденькие мальчики.

– А что мне делать, дядя Асадолла?

– Так, покривляйся немного ей в угоду. Кожу похвали – нежная, мол, очень.

– Дядя Асадолла, как же я буду хвалить нежную кожу, когда у нее на лице борода? Она подумает, что я издеваюсь.

– Моменто, нет, правда, моменто, – ну почему ты такой лопух? Не кожу, так другое похвали – Открой глаза пошире, небось хоть что-нибудь найдется…

Но когда мы собственными глазами увидели – издали! – мать Практикана, то оба на мгновение просто остолбенели.

– Ох, Мортаза-Али! Откуда такой бегемот взялся?… – невольно пробормотал Асадолла-мирза. – Подобного чудища я ни в одном зверинце не встречал.

Хотя из-под черной чадры нам было видно лишь пол-лица старухи, мы оба ужаснулись. Асадолла был прав – действительно, ни один зверь не мог сравниться с этой уродиной. Даже бегемот. Ее борода и усы чернели уже от ворот, скрипучий, словно немазаная телега, голос тоже был слышен издали. Однако Асадолла-мирза шагнул вперед – как в омут головой:

– Приветствую вас, ханум… Добро пожаловать – от всей души говорю!

– Это Нане-Раджаб, моя матушка, – представил Практикан старуху, – а это моя сестра Ахтар.

Глаза Асадолла-мирзы блеснули. Сестра Практикана была смазливая молодка, только слишком дородная, грудь у нее так и выпирала, на губах лежал толстый слой помады.

Едва мы уселись на скамье в беседке, Нане-Раджаб, мать жениха, одним глотком осушив свой стакан, хриплым голосом сказала:

– Должна вам доложить, что мне эти фокусы совеем не по душе. Сынок у меня вырос словно цветочек, ни сучка, ни задоринки, ни изъяну какого. И собой хорош, и гордость тоже имеет – ведь шесть классов закончил, а ежели сейчас кудри повылазили – что ж тут особенного… Да за такого парня сотня девушек благодарны будут. Так что все эти номера с париком вы оставьте, слушать ничего не хочу.

Она говорила так резко и решительно, что я было подумал, сорвется все. Но Асадолла-мирза вкрадчиво начал:

– Моменто, ханум, когда вы говорите «сын у меня вырос», просто смех берет. Ей-богу, готов чем угодно поклясться: трудно поверить, что вы мать Практикана… Конечно, если вы шутите, дело другое…

Бородатая старуха, у которой и груди-то, казалось, служили только для устрашения мужчин, вращая глазами, свирепо спросила:

– Это почему же? Что я – уродка шестипалая, у которой

дети не родятся?

– Конечно, дорогая ханум, у вас могут быть дети, но не настолько взрослые… Ну, как это возможно, чтобы у вас в ваши годы был такой большой сын?

Из-под старухиной щетины показались редкие желтые зубы, взгляд ее стал масленым, она затрясла головой:

– Ох, чтоб вам… Мужчины всегда такого наговорят!… Конечно, я совсем дитем была, когда меня замуж отдали… Лет тринадцати – четырнадцати Раджаб-Али родила. Да и сыночку моему, Раджаб-Али, годков не много – только забот ему с лихвой досталось, вот он и постарел…

– Тем не менее… Ну, пусть даже господину Практикану двадцать лет – все равно не верится. Вы ведь всякую там пудру-помаду не употребляете…

Старуха так и расцвела. Она отвесила Асадолла-мирзе дружеский шлепок и прохрипела:

– Ох, заешь тебя мухи за такой язык! А кто вы есть, невесте-то кем приходитесь?

– Двоюродные мы.

Через несколько минут ситуация полностью изменилась. Нане-Раджаб впереди, сын и дочь – за ней, а в хвосте и мы с Асадолла-мирзой вступили в дом. Практикан шествовал со шляпой в руке, на голове у него был парик.

Когда сваты вошли в залу, дядюшка и особенно Дустали-хан на мгновение просто оцепенели – Дустали-хан

даже зажмурился, – потрясенные отталкивающим видом старухи. Гамар же уставилась на Практикана, не обращая особого внимания на его мать и сестру.

Новоприбывшие уселись, и тут появились мои отец с матерью – очевидно, дядюшка посылал за ними.

Едва мать Практикана задала первый вопрос насчет Гамар, Азиз ос-Салтане принялась пространно расписывать достоинства своей дочки. Дядюшка и Дустали-хан хранили молчание. Теперь Дустали-хан не спускал глаз с сестры Практикана: похоже, что он взвешивал, стоит ли удовольствие от общества сестрицы тех неприятностей, которыми ему грозило житье в одном доме с ее мамашей.

Мать Практикана в свою очередь ни на миг не отводила оценивающего взора от нелепой фигуры, боком восседавшей на диване.

Потом дядюшка повел речь об исключительном положении своего семейства с точки зрения общественного престижа. Но не успел он произнести несколько слов, как появился запыхавшийся Маш-Касем:

– Ага, сейчас Фаррохлега-ханум придет!

При этом сообщении все, особенно дядюшка и Азиз ос-Салтане, изменились в лице, испуганные внезапным появлением этой злоязычной ханжи. Дядюшка, стараясь говорить спокойно, чтобы не спугнуть сватов, сказал:

– Касем, мы же заняты… Скажи, дома никого нет.

– Эта дама всегда невпопад является, – пояснил отец. – Обязательно выберет для своего визита такой момент, как сейчас, когда у нас чисто семейные дела… Неизвестно, как ей удалось пронюхать…

После этой тирады мне все стало ясно. Я понял, кто наслал на нас Фаррохлега-ханум. Теперь отец мог быть уверен, что в течение двадцати четырех часов всему городу станут известны мельчайшие подробности про свадьбу и про женихову родню.

Дядюшка обратился к Практикану:

– Это одна из наших родственниц, но она женщина с дурным глазом, несчастье приносит.

В этот момент у дверей прихожей послышались уговоры Маш-Касема:

– Ханум-джан, зачем врать? До могилы-то… Все уехали барчука Пури встречать… Вам бы тоже не мешало на вухзал заглянуть.

И сразу же раздался резкий голос Фаррохлега-ханум:

– Ну-ка пусти, я сама погляжу… Я же слыхала, что они там разговаривают.

Я выглянул из оконца, выходившего к наружной двери, и увидел, как, оттеснив Маш-Касема в сторону, разъяренная Фаррохлега-ханум в своем неизменном черном платье и черном платке ворвалась в дом. С ее появлением в зале воцарилась мертвая тишина. Фаррохлега-ханум бросила в

рот засахаренный орешек и изрекла:

– Ну, будем надеяться, что бог благословит. Я слыхала, вам предстоит радостное событие. Эта госпожа, конечно, мать жениха?

– Да, ханум, вы правы, это его мать, – вынужден был ответить дядюшка. – Вы зашли очень кстати… то есть я хотел сказать, что наши уважаемые гости пришли неожиданно… А Маш-Касему мы говорили, что… Словом, мы думали, что это кто-то посторонний. Вот и поручили Маш-Касему чужих…

– Ничего, ничего, не имеет значения, – прервала его Фаррохлега-ханум. Тут она повернула голову к матери Практикана:

– Ханум, да поможет вам бог, такой хорошей девушки во всем городе не сыскать! Добрая, красивая, домовитая, благородная… Кстати, жених-то чем занимается?

Вместо старухи ответил дядюшка:

– Господин занимает пост в уголовной полиции.

– О-о, ну поздравляю, помогай ему бог. А его лицо мне вроде знакомо… Так какой же это пост?

– Ханум, это неуместный вопрос, – отрезал дядюшка.

Асадолла-мирза, чтобы переменить тему, тут же вступил в разговор:

– Да, Фаррохлега-ханум, я слышал, этот бедняга, как его… скончался?

Это была благодатная мысль, так как «траурную даму» больше всего на свете интересовали похороны, поминки и тому подобное. Она тотчас приняла скорбный вид:

– Ах, не время сейчас об этом… Да, бедняжку хватил удар. Знаете, а ведь он был с нами в родстве – дальнем, правда. Поминки состоятся завтра. Неплохо бы и вам показаться. И ага тоже мог бы пожаловать.

Все было вздохнули свободно, но Фаррохлега-ханум без промедления вернулась к свадебной тематике и опять обратилась к матери Практикана:

– А что – отца жениха нет в живых?

– Нет, ханум-джан, сынок еще маленький был, когда он скончался.

– А чем он занимался?

Дядюшка опять выступил от лица будущей родни:

– Он принадлежал к землевладельцам Кума, поместье в Гиясабаде…

Но тут мать Практикана прервала его речь:

– Нет, ага, лучше уж я правду скажу, чтобы не было потом с нас спроса. Его отец вареной требухой торговал.

Дядюшка закрыл глаза рукой, Азиз ос-Салтане, стиснув зубы, издала какой-то нечленораздельный звук. Я посмотрел на отца. Глаза его странно светились. Я догадался, что он безмерно рад всему происходящему, но старается не показать этого.

Все пребывали в полной растерянности, не зная, каким образом заткнуть рот Фаррохлега-ханум. Она же, умело нанеся свой первый удар, видно, решила не давать собравшимся передышки, так как, кивнув головой, сказала:

– Лавочник, значит, был… Ну, это занятие неплохое. Что же тут темнить – торговал, не воровал!

Азиз ос-Салтане бросила на Асадолла-мирзу умоляющий взгляд, как бы прибегая к его защите, заклиная его любым способом обезвредить Фаррохлега-ханум. Однако та не унималась. Оглядев с ног до головы молча сидевшего в уголке Практикана Гиясабади, она заявила:

– А все-таки я вас где-то видела!

Жених уже раскрыл было рот, однако отчаянные знаки дядюшки и Дустали-хана заставили его промолчать. Но Фаррохлега-ханум вдруг воскликнула:

– А, вспомнила! Не вы ли это…

Тут Асадолла-мирза внезапно бросился к Фаррохлега-ханум и, сильно хлопнув ее ладонью по заду, завопил:

– Мышь!… Мышь, будь она проклята!

Фаррохлега-ханум пронзительно взвизгнула, сорвалась с места и кинулась в коридор. Все вскочили. Азиз ос-Салтане и сестра Практикана громко вопили. Церемония приема была нарушена. Пока все растерянно топтались по гостиной, а Маш-Касем с веником преследовал мышь, Асадолла-мирза выскочил в коридор, подхватил под руку

Фаррохлега-ханум и прошептал:

– Благоволите выслушать, дорогая ханум, у меня есть к вам срочное дельце.

И почти волоком увлек ее в одну из комнат цокольного этажа, расположенную поблизости от наружных дверей. Я пошел за ними и с удивлением услышал, как Фаррохлега-ханум приглушенно вскрикивает. Похоже, Асадолла-мирза, затыкая ей рот, настойчиво домогается ее благосклонности.

– Ни чести, ни совести, бесстыжий, – кричала она. – Да я тебе в матери гожусь! Помогите!… Этот бессовестный… Помогите! Прикрой!… Чтоб из тебя черти все кишки повытрясли!

Потом дверь комнаты с силой распахнулась, и Фаррохлега-ханум, белая как мел, дрожа от негодования, вылетела оттуда и бросилась к выходу, вопя:

– Бесстыдник, подлец… Глаза бы тебе выдрать…

Секундой позже в дверях появился Асадолла-мирза и, как бы все еще претендуя на добродетель Фаррохлега-ханум, устремился следом за ней. Когда она выбежала на улицу, Асадолла спокойно запер калитку и вернулся в дом. Подтянув галстук и стряхивая пылинки с костюма, он сказал с усмешкой:

– Единственный выход оставался… Надо же было избавиться от нее.

– Дядя Асадолла, вы так добивались ее милостей – а

вдруг бы она согласилась? Как тогда?

– Очень просто, съездили бы в Сан-Франциско.

– С такой старухой?…

Асадолла-мирза с улыбкой покачал головой:

– Не скажи, она недурна… Я раньше-то пальцем до нее не дотрагивался, а телом она, оказывается, в порядке.

Когда мы вернулись в залу, все еще были заняты охотой за мышью. Асадолла-мирза вдруг подпрыгнул, присел, накинул платок на воображаемую мышь и крикнул:

– Поймал!

С этими словами он подбежал к наружной двери и распахнул ее, делая вид, что выбрасывает мышь в сад. Собравшиеся опять успокоились. Дядюшка Наполеон заговорил, стараясь сгладить впечатление:

– Вы, ханум, должны нас извинить, эта женщина, как вы заметили, не слишком умна. Одно беспокойство от нее.

– Осталась старой девой, – подхватил Асадолла-мирза, – жизненным сокам выхода не было, вот на рассудок и повлияло.

Мать Практикана добродушно сказала:

– Ничего, ага, такого сорта уроды в каждой семье найдутся. – Тут она вновь устремила оценивающий взгляд на Дустали-хана и заключила: – Коли среди ста роз один шип попадется, это не беда.

Я сидел на высокой скамеечке неподалеку от Асадолла-

мирзы и Дустали-хана и слышал, как тот говорил:

– Асадолла, ты помнишь мою бельгийскую двустволку, она еще так тебе понравилась? Я ее тебе подарю, если ты устроишь, чтобы Практикан снял для своей мамаши отдельную комнату. Деньги я на это дам – только бы она не появлялась в нашем доме… Да и вообще, какой смысл Практикану из-за двух-трех месяцев оставлять прежнюю квартиру, всю жизнь ломать, таскать с места на место мать и сестру?

– Моменто, моменто, – вполголоса отвечал ему Асадолла-мирза, – что же это за картина получается? Практикан с сестрицей останется у вас, а мать свою упрячет куда подальше?

– Да пусть и сестру к ней в придачу забирает. Нет, ты представь себе, я целых три месяца буду по утрам видеть эту бородатую бабу – жуть берет! Асадолла, такого ружья ты ни у кого в городе не найдешь!

– Ну что ж, я попробую, но уговорить будет трудно. Сейчас эта Жаннет Макдональд тешится мечтой заключить тебя в объятия.

Асадолла-мирза знаком вызвал за дверь Практикана, но через несколько минут оба вернулись. После того, как разговор в зале вновь оживился, Асадолла-мирза негромко сказал Дустали-хану:

– Мне очень жаль, Дустали, но он ни под каким видом

не желает разлучаться со своей родительницей. Сколько я ни убеждал его, что из-за двух-трех месяцев не стоит срывать с места матушку, – не клюет! Говорит, они все равно собирались переезжать и подыскивали себе квартиру.

– Асадолла, ты, верно, не так разговор повел, я тебя знаю, ты человек зловредный.

– Моменто, хоть я и зловредный, но твое бельгийское ружье моему злу не повредит. Правда, ничего не выходит! А ты не принимай этого близко к сердцу: ну, пусть у нее борода, зато шелковистая, мягкая… И потом я думаю к празднику купить ей в подарок бритву и помазок – надеюсь, это тебя совершенно успокоит.

Дустали-хан сквозь зубы прорычал:

– Чтоб ты провалился с твоей поганой княжеской рожей!

– Моменто, Дустали, ты выходишь за рамки! Будешь много разговаривать, я скажу Практикану – он еще и ребенка от первой жены с собой приведет.

Тем временем мать Практикана совсем разошлась.

– Поверьте, ага, я мечтаю женить Раджаб-Али, пока сама жива. Прошлый раз он женился без моего ведома. Вот отсохни мой язык, как я его тогда прокляла, так его и ранило в бою, чуть было совсем не убило, ей-богу, правда, разрази меня гром. Тогда я опять дала обет, богу известно, какой… И, слава господу, а шайтан чтоб ослеп, – бог вернул мне

сыночка, а ведь он четыре полных месяца в больнице пролежал.

– Возблагодарим господа бога, – вмешался Асадолла-мирза, – он и вас не оставит своей милостью…

– Тому, у кого натура чистая и честная, господь завсегда поможет, – отвечала старуха, – бог даст, сынок мой женится, а под покровительством Дустали-хана еще и кое-какие дурные привычки свои забросит…

При этом намеке Практикан Гиясабади засуетился, пытаясь заставить мать замолчать, но она и слушать ничего не желала:

– Я знаю, Раджаб-Али недоволен, что я это говорю, но я простая душа, хочу, чтобы вы, коли выдаете за него дочку, все о нем знали…

Асадолла-мирза с улыбкой проговорил:

– Это хорошо. Так что же за привычка? Очень покрасоваться любит, что ли?

Старуха разразилась хохотом:

– Ой, вы меня уморите такими словами!

Отсмеявшись, она заявила:

– Нет, таких скверных замашек за ним не водится. Но года два-три, как он завел себе дружков бедовых, они его с толку сбили, стал опиумом баловаться…

– Опиумом?! – хором воскликнули дядюшка и Дустали-хан.

– Да. Много-то он не курит, но по полмискаля[32] в день… Ну, когда очень разойдется, – целый мискаль выкурит. Я его уж и к лекарю водила, тот полечил его, а потом мой дуралей начал все снова.

– Ну, невелика беда, ханум, – улыбаясь, сказал Асадолла-мирза. – Господин Дустали-хан сам по временам покуривает… Теперь у него будет хороший компаньон.

Дустали-хан, примостившийся на диване одним боком, так резко поднялся, что даже вскрикнул от боли:

– Ах!… Асадолла, зачем глупости болтать? Когда это я терьяк курил?

Азиз ос-Салтане, которая, едва начался этот разговор, увела Гамар из комнаты, вернулась в залу. В глазах отца опять мелькнуло удовлетворение. Он понемногу знакомился с недостатками жениха, и сердце его радовалось. С невинным лицом он задал несколько вопросов о ребенке, которого родила Практикану первая жена. Мать Практикана огляделась вокруг и воскликнула:

– Ай-вай, а где же наша невестушка? Гамар-ханум, милая, иди сюда.

Гамар с ангельским видом опять вошла в комнату. Старуха посадила ее около себя и поцеловала:

– Богом клянусь, эта невеста мне по душе!

Гамар поднялась, подошла к матери и тихо, но так, что

32

почти все услыхали, сказала:

– Мамочка, ее борода мне лицо исколола.

– С божьей помощью, после этой свадьбы надо будет отведать сластей на свадьбе Ахтар-ханум, – громко зачастил Асадолла-мирза, чтобы заглушить эти слова. Физиономия матери Практикана расплылась в улыбке.

– Ахтар ваша раба покорная, господин хороший… Бог даст, с вашей помощью и ее замуж отдадим.

– Конечно, ведь в нашей семье молодых людей много… Если господь пожелает, и для Ахтар-ханум подберем кого-нибудь. Нет, пока мы живы, Ахтар-ханум в одиночестве не оставим.

После долгого обсуждения предстоящей церемонии и условий брачного договора было решено, что мать Практикана на следующий день придет к Азиз ос-Салтане и они решат все насчет перестановки вещей и убранства комнат. Когда жених с семейством отбыли, зала на несколько минут погрузилась в тишину.

Нарушил молчание Маш-Касем, до того неподвижно стоявший в углу:

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Этот мой земляк, конечно, мужик хороший, но мамаши его я, по правде сказать, боюсь. Слыхали, какой голосина, чтоб ей пропасть?

По знаку Асадолла-мирзы он умолк, а сам князь,

обратившись к Гамар, которая все так же тихо и скромно сидела в сторонке, спросил:

– Ну, дорогая, ты его хорошо разглядела? Понравился тебе твой муж?

– Да, дядя Асадолла.

– Ты его любишь?

– Да, дядя, очень люблю… Теперь можно мне про ребенка поговорить?

– Да, милая, говори. Молодец девочка, что при них ничего такого не сказала.

– Я этого ребенка больше мужа люблю, хочу ему красную распашонку связать.

– А его мать и сестра тебе тоже понравились?

– Да, дядя Асадолла. Только у матери его борода, лицо мне исколола.

– Ну, это не страшно, дорогая. Мы ей скажем, она сбреет бороду. Уже решено, что папа Дустали купит ей полный бритвенный прибор!

Из сада донесся стук в дверь. Маш-Касем воскликнул:

– По-моему, это барчук Пури приехал! Ага, с вас причитается за добрую весть! – и побежал к калитке.

Я и Лейли обменялись тоскливыми взглядами. Но, к счастью, это был не Пури… Маш-Касем вернулся с вечерней газетой. Отец, сидевший ближе всех, к двери, взял газету у него из рук и громким голосом прочел заголовок сообщения,

помещенного на первой полосе: силы союзников вступили в Тегеран и заняли железнодорожный узел.

Дядюшка вздрогнул и сдавленным голосом спросил:

– Железнодорожный узел?… Почему прежде всего железную дорогу?… Помоги бог Полковнику!

– Ну надо же им было с чего-то начать, – сказал Асадолла-мирза, чтобы успокоить его.

– Асадолла, ты, разумеется, дипломат, но разбираться в хитросплетениях политики англичан ты еще не скоро научишься, – покачал головой дядюшка.

– Моменто, моменто! Вы хотите сказать, что, поскольку ваш братец изволил отправиться на вокзал, англичане прежде всего заняли железную дорогу?

– Ну, не только по этой причине, но и не без того, – процедил дядюшка. И опять заговорил, словно сам с собой: – Я беспокоюсь за эту ни в чем не повинную семью. Бедный мой брат Полковник за всю жизнь закона не преступил ни ногой, ни рукой, а теперь придется ему расплачиваться – за меня!

Асадолла-мирза, стараясь сохранить серьезность, заметил:

– Ну, если предположить, что они хотят посчитаться с ним за вас – откуда бы им знать, что господин Полковник сегодня вечером отправился на вокзал?

Дядюшка с презрительной усмешкой парировал:

– Лучше вообще об этом не говорить! Ты что думаешь – они не знают Пури? Не знают, что он мой племянник? Молод ты еще, зелен… Готов поклясться, что в этот момент на столе начальника Интеллиджент Сервис лежит досье Практикана Гиясабади и отчет о помолвке Гамар. Ты что думаешь, этот индиец и тысячи других их агентов зря время теряют?

Маш-Касем решил, что пришел его час выступить. Он закивал головой и разразился речью:

– Господин Асадолла-мирза не знают этих англичанов. Да и мы – я и ага, – когда в тридцатом году ихнего начальника захватили, англичанов хорошенько не знали, не ведали, что от них людям бывает… Вот у меня был один…

– Да если бы я только рассказал вам, что я претерпел от англичан! – перебил его дядюшка. – В сражении при Казеруне, когда английский командующий бросил свою саблю к моим ногам, – будто вчера это было! – он сказал: «Браво, вы с тысяча четырнадцатью солдатами одолели несколько английских полков. Это будет вписано золотыми буквами в военную историю». Верите ли, я просто рот разинул: ведь за день до этого я как раз пересчитал своих солдат – их оказалось тысяча четырнадцать человек.

– Тысяча пятнадцать человек, – опять вылез Маш-Касем.

– Что ты мелешь, Касем? Я хорошо помню, английский

полковник сказал «тысяча четырнадцать», и надо же было так случиться: нас было именно тысяча четырнадцать.

– Ей-богу, зачем врать? До могилы… Я как сейчас помню…

– Ты заткнешься или нет?…

– Да ведь я же не спорю. Этот англичан правильно сказал «тысячу четырнадцать человек». И вы тоже верно насчитали – тысячу пятнадцать.

– Касем, что ты чушь городишь…

– Да вы мне, прости господи, договорить не даете… Тот, который лишний, помоги ему бог, Солтан Али-хан был, его как раз в этот день подстрелили.

– Да, да, ты прав. Одним словом, я хочу сказать, что в самый разгар битвы они были так точно осведомлены о численности наших солдат…

Маш-Касем вздохнул:

– Пусть господь воздаст им за тех убитых, святых мучеников за веру… Бедный Солтан Али-хан… А вообще, если бы не ага, я бы сейчас тоже до костей в земле сгнил… Ради меня, недостойного, он, словно лев, бросился под пули, взвалил меня на плечо и вынес с поля боя. Даже, англичаны от удивления остолбенели – что это за герой такой? Я собственными глазами видел, как у агличанов из косых глаз слезы брызнули… Англичаны, они почти все косые.

Тут дядюшка кивнул головой и пробормотал:

– Теперь видишь, Касем, как судьба повернулась? Сколько времени они выжидали, пока им снова представится случай! Да, сегодня надо нам воздать близким нашим… – Дядюшку охватило волнение, теперь он почти кричал: – Негодяи! Идите, мстите мне! Что вам нужно от моего бедного несчастного брата?…

– Не надо заранее предполагать самое худшее, – с серьезным видом проговорил Асадолла-мирза. – Пусть они захватили железную дорогу из-за вашего брата – еще неизвестно, сумеют ли они в этой суматохе его отыскать. Да и полковник не ребенок, он не растеряется… – И, чтобы переменить тему, он быстро добавил: – А на свадебный вечер вы намерены приглашать гостей? Близкие родственники все же должны присутствовать.

– Надо бы бракосочетание провести как можно скромнее, без шумихи, – вмешался Дустали-хан.

– Это вызовет еще больший шум, толки пойдут. Все будут говорить: верно, у них что-то неладно, раз решили без всякой огласки свадьбу устроить.

Азиз ос-Салтане отослала Гамар в другую комнату и, когда та вышла, сказала:

– Можно воспользоваться предлогом, что кто-то умер и у нас траур, – поэтому никакого праздника не устраиваем.

– Но кто? Последнее время, слава тебе господи, все члены семейства пребывают в добром здравии.

– Постучи по дереву, Асадолла… Дай бог, чтобы все здоровы были!

– Моменто, а кстати: что это Фаррохлега-ханум говорила про покойничка – кем он нам приходится?

– И не думайте об этом, – заявил дядюшка. – Говоря между нами, к этому поганому покойнику только одна Фаррохлега-ханум и имела отношение, да и то отдаленное. А уж что касается его связей с англичанами…

– В любом случае, кого-то найти надо, – настаивал Асадолла-мирза. – Скажи-ка, Дустали, как поживает твой дядюшка Мансур ос-Салтане?

– Чтоб у тебя язык отнялся! – завопил во всю мочь Дустали-хан. – Чем тебе насолил мой бедный дядюшка, что ты ему смерти желаешь?

– Моменто, когда это я желал его смерти? Мне просто пришло в голову, что давненько мы не слыхали ничего о дядюшке Мансур ос-Салтане, вот я и спросил, как он себя чувствует. Девяносто пять лет прожил, бог даст, несмотря на все свои болезни легких, почек и желудка еще девяносто пять проживет, чего нам скупиться… И вообще, вы сами виноваты – обидели Фаррохлега-ханум, а ведь она сейчас могла бы нам помочь. Она бы, если надо, из-под земли для нас покойника выкопала.

– О чем вы говорите? – вступил в разговор отец. – Если бы на днях предстояло какое-нибудь траурное собрание или

поминки, Фаррохлега-ханум за те несколько минут, которые здесь пробыла, обязательно выложила бы все подробности.

Асадолла-мирза, смеясь, предложил:

– А если попросить мать Практикана Гиясабади, чтобы она в полночь явилась к дядюшке Мансур ос-Салтане? Может, он со страху-то…

Дустали-хан опять завопил, но Азиз ос-Салтане не дала ему разойтись:

– Ну и болваны мы все! Ведь можно сослаться на траур в семье жениха.

Это была прекрасная мысль, что и подтвердили все присутствующие.

В тот вечер мы допоздна дожидались возвращения дяди Полковника и его жены. Когда они наконец появились, вид у дяди был мрачный, жена следовала за ним со слезами на глазах: поезд пришел, но Пури в нем не оказалось.

Дядюшка Наполеон, пытаясь утешить брата, говорил, что они, конечно, не смогли выехать по непредвиденным обстоятельствам, но сам думал совсем по-другому. Утром, когда я увидал Маш-Касема, тот сказал:

– Ага всю ночь до рассвета не ложился, все по комнате ходил… Да и есть от чего расстроиться: наверняка англичаны что-нибудь сотворили с бедным барчуком… Англичаны, ежели на кого поглядят косо, так уж потом до седьмого колена не отвяжутся. Ослепи господь их косые

глаза!

– Маш-Касем, а что англичанам делать с таким балбесом и губошлепом?

– Ох, милок, много еще времени пройдет, пока ты насчет англичанов разберешься… Я вот и до сих пор кой-чего не уразумел… Слышь-ка, я тебе расскажу, какая беда приключилась в Гиясабаде с моими сродственниками и земляками… Был у нас один земляк, англичанов честил на все корки, так что ты думаешь: они из лавки его свояка ученика забрали, привязали к лошадиному хвосту, да и уволокли по пустыне неведомо куда… Разве за англичанами усмотришь? Ну, бог не оставит агу – и меня вместе с ним. Да и над вами смилуется, как вы есть родичи аги, его племя, значит.

Дядя Полковник, который с раннего утра отправился на телеграф, возвратился счастливый, с известием, что Пури и Ханбаба-хан, несмотря на то, что взяли билеты, не могли выехать: в поезде не оказалось мест. При первой же возможности они прибудут в Тегеран.

Глава восемнадцатая

Вечер бракосочетания Гамар, к сожалению, почти не сохранился в моей памяти, так как все мое внимание было поглощено одним неприятным эпизодом. Я помню только,

что со стороны невесты присутствовало около двадцати человек, а со стороны жениха, кроме его матери и сестры, пожаловал лишь знаменитый сыщик, инспектор Теймур-хан. Ярче других в воображении моем запечатлелся образ Практикана Гиясабади: в новом, чуть широковатом костюме, который заказала ему Азиз ос-Салтане, и в галстуке бабочкой, собственноручно повязанном Асадолла-мирзой, он выглядел опрятным, чистым и вместе с тем – смешным. Помимо наших близких родственников пришел мясник Ширали с женой, которые прислуживали гостям.

А неприятный эпизод, произошедший в тот вечер, был вот какой. В доме дядюшки Наполеона, где решено было провести церемонию бракосочетания, я лицом к лицу столкнулся с Пури, который приехал накануне вместе с Ханбаба-ханом. Склонив на бок свою лошадиную физиономию, он сидел на ступеньке у входа и, завидев меня, знаком пригласил пройти в сад, прошептав:

– Хочу сказать тебе несколько слов.

Он вытащил из нагрудного кармана сложенную бумажку и, стараясь держать так, чтобы мне не дотянуться, развернул ее. У меня чуть сердце не остановилось: это было письмо, которое я несколько дней назад написал и, вложив в какую-то книгу, передал Лейли. Пришепетывая, Пури спросил:

– С каких это пор наш молодой господин изволил

влюбиться?

– Я… я…

– Именно ты.

Не отдавая себе отчета в том, что говорю, я выпалил:

– Я никакого письма не писал. И вообще я…

– Странно! Значит, молодой господин не писал?

И, продолжая следить, чтобы я не выхватил бумагу у него из рук, начал негромко читать:

– «Дорогая Лейли, ты знаешь, как я тебя люблю. Ты знаешь, что без тебя жизнь моя бессмысленна…»

– Пури, клянусь… – дрожащим голосом проговорил я.

– Извольте дослушать до конца! «С тех пор, как я услышал, что этот осел-губошлеп возвращается…» – Тут Пури поднял голову: – Если бы не сегодняшняя свадьба, губошлеп тебе так бы по губам вмазал, что ты бы и зубы проглотил! Я тебе такого осла-губошлепа покажу – до конца дней будешь помнить!

– Пури, жизнью отца клянусь…

– Заткнись! Твой отец сам такой же – нищий без роду, без племени!

Этого я уже не мог стерпеть, собрав все силы, я стукнул его по шее, пытаясь выхватить письмо, но мои старания были тщетными – я схлопотал только здоровенную затрещину. Кровь бросилась мне в голову, и я кинулся на него, словно барс, но меня встретила другая затрещина. И

тогда я с досады отчаянно лягнул его в пах и, как ветер, понесся к нашему дому. По его воплям и тому переполоху, который вслед за тем поднялся, я понял, что удар получился крепкий.

Я забрался в убежище под скатом крыши, где я так часто прятался в детстве, и затаился там, прямо над головами тех, кто меня искал. Отец с матерью меня звали, уговаривали выйти, но я по-прежнему неподвижно и молча сидел в своем тайнике. Я слышал, как они говорили друг другу: он где-нибудь спрятался, ничего, найдется в конце концов. Когда суматоха улеглась, вдруг послышался голос Асадолла-мирзы, который обходил комнату за комнатой, окликая меня. Только он подошел ближе, я тихонько сказал:

– Дядя Асадолла, я здесь.

– Как ты туда забрался?… Ну-ка, ну-ка! Да не бойся, слезай, я один тут.

Я спустился вниз, и он со смехом сказал:

– Ну и молодец! Ты ведь этому парню все на свете отшиб… Это тоже неплохой ход: сам не ездишь в Сан-Франциско, так и другому эту дорожку закрой!

– А как там Пури?

– Да никак, шлепнулся посреди двора, сознание потерял, за доктором Насером оль-Хокама посылали. Сейчас полегчало немного… Из-за чего все началось-то?

– Он украл письмо, которое я написал Лейли. И отца

моего обругал. А он говорил что-нибудь дядюшке?

– Нет, а вот с отцом твоим о чем-то беседовал.

– Что же мне теперь делать?

– Посмотрим, может, еще утрясется все. Но вообще-то Полковник тебе всячески грозил. Теперь-то ты мало-помалу поймешь, что тот путь, который я тебе советовал, самый легкий.

– Какой путь, дядя Асадолла?

– Через Сан-Франциско.

Из-за этого происшествия я был лишен возможности присутствовать на свадьбе Гамар. Поздно вечером, когда родители вернулись, я уже был в своей комнате. Дверь я на всякий случай запер. Отец постучал и велел мне открыть. Голос у него был сердитый и встревоженный. Дрожа от страха, я отворил дверь. Отец вошел, сел на железную кровать. Я стоял, опустив голову. Помолчав немного, отец спросил:

– Я слышал, ты завел шашни с Лейли?

– Это ложь. Поверьте, что…

– Зря стараешься. Пури показал мне письмо, которое ты ей написал.

Мне пришлось прикусить язык. Отец помолчал, потом с мягкостью, которой я никак не ожидал от него, сказал:

– Сынок, ты, видно, не подумал, что, если твой дядюшка узнает об этом, он всю нашу семью в пух и прах

разнесет?

Немного осмелев, я прошептал:

– Я люблю Лейли. …

– Давно ли?

– С тринадцатого мордада прошлого года.

– Господи боже, какая точность! Ты, наверное, и час запомнил?

– Да, с без пятнадцати три!

Отец положил руку мне на плечо и тихонько спросил:

– Скажи-ка, а ты, я надеюсь, к делу не перешел?

Я не сразу сообразил, куда он клонит, и ответил:

– Я ей несколько писем написал.

– А она что?

– Она тоже меня любит, отец.

– Ладно… А теперь говори прямо, что вы натворили.

– То есть вы имеете в виду наши разговоры и обещания друг другу?

– Да нет, теленок ты этакий, – нетерпеливо сказал отец. – Я хочу знать, выражаясь словами Асадолла-мирзы, Сан-Франциско было или нет?

Я разинул рот. У меня просто дыханье перехватило, когда я услышал от отца эти слова – ведь он никогда в жизни не позволял себе подобных шуток и держался со мной сухо и холодно. Пораженный, я несколько мгновений смотрел на него во все глаза, потом, окончательно смутившись, отвел

взгляд и пролепетал:

– Отец, что вы такое говорите!

– Ты не юли, я тебя спрашиваю, было между вами что-нибудь или нет?!

Отец не шутил. Я поспешил ответить:

– Отец, я люблю Лейли! Подобные гадости мне и в голову никогда не приходили.

Но про себя я уже начинал понимать замысел отца. Он открыл новую возможность ударить дядюшку побольней. Я чувствовал, что мой положительный ответ не слишком рассердил бы его.

Несколько мгновений отец молчал. Но, поскольку я обманул его ожидания, он постарался сохранить приличия:

– Ну, ладно, я пошутил. Но, дружок, ведь эта девушка – невеста твоего двоюродного брата, она не выйдет за тебя замуж, значит, ты должен теперь же покончить с этим. Разумеется, если бы что-то случилось, тогда другое дело… А эти детские фантазии выброси из головы. Раз между вами, слава богу, ничего не было, займись-ка своими уроками, школой. А сейчас ложись спать, сынок.

Отец ушел, я остался один. Теперь я отлично видел все его коварство и мстительность, но вместе с тем в голове моей впервые мелькнула новая мысль.

Было уже поздно, когда к нам опять пожаловал Асадолла-мирза. Я слышал, как он разговаривал с матерью в

прихожей:

– Мальчик не был сегодня на свадьбе, не заболел ли он, не дай бог…

Через минуту он уже входил ко мне в комнату:

– Не волнуйся, голубчик, Полковника я немного утихомирил… А вот душенька Лейли о тебе тревожится. Как выясняется, она терпеть не может этого парня.

– Дядя Асадолла, так Пури ничего не сказал дядюшке?

– Похоже, что имевший место инцидент огласки не получил. Не думаю, чтобы аге рассказали.

Я помолчал. Асадолла-мирза рассмеялся:

– Но я полагаю, со сватовством он слишком спешить не будет, так как ты нанес его мужским достоинствам большой ущерб… Недели две-три будет себе на Сан-Франциско компрессы ставить.

Я, не поднимая головы, тихо сказал:

– Дядя Асадолла, я хочу вам один вопрос задать.

– Давай, братец.

– Я хочу сказать… я… Если я…

– Если что?

– То есть… если я… вот как вы говорили… если мы с Лейли…

– Да что?… Если ты женишься на Лейли?

– Нет, я хочу спросить, что мне надо сделать, чтобы жениться на ней? Чтобы ее не отдали за Пури?

– Я тебе сто раз говорил – езжай в Сан-Франциско.

– А если я… если в Сан-Франциско это…

Асадолла-мирза радостно захохотал:

– Браво, молодец! Да ты человеком становишься…

– Да нет, дядя Асадолла, я хочу сказать…

– Моменто, опять на попятный?

– Нет, но каким образом…

– Ну, каким образом, я уж тебя научу. Садись, я тебе все в картинках изображу. Дай-ка мне синий карандаш и другой – нет, розовый, – я тебе сейчас нарисую…

Я не успел ничего возразить, так как в это время из сада донесся какой-то странный шум и крики: «Беги… Лопату неси… давай ведро… нет, заходи с той стороны…»

Мы с Асадолла-мирзой – он впереди, я за ним – выскочили в сад. Тут же на Асадолла-мирзу налетел бежавший куда-то Маш-Касем.

– Что случилось, что происходит, Маш-Касем?

– Ох, богом клянусь, зачем врать? До могилы-то… Англичаны напали. Господи, ослепи ты их косые глаза!

Маш-Касем объяснил причину криков, которые отвлекли наше внимание: во время суеты, сопровождавшей прием гостей, неизвестная рука перекрыла специальный водосток дядюшкиного водохранилища, вода побежала через край бассейна и залила все три жилых подвала усадьбы.

– А кто закрыл водосток, ты не знаешь? – спросил Асадолла-мирза.

– Ага говорят – дело рук англичанов. А я так думаю, англичаны еще с дороги не передохнули, где им наш водосток искать… К тому же со своими косыми глазами они бы вместо нашего сардаров водосток открыли бы.

В это время Маш-Касем заметил меня и тихонько проговорил:

– Милок, а ты, знать, смелый, как лев: неровен час тебя увидят… Да ежели ага или господин Полковник до тебя доберутся, они тебя на сто кусков разорвут!

– А что, Маш-Касем, очень они разозлились?

– Ей-богу, зачем врать… Ежели он от такого пинка, каким ты его угостил, жив остался, ему еще повезло… Точно не скажу, но похоже, что один из залогов его мужества совсем того… Как он стал лекарю показывать, я тоже глянул: извиняюсь, как тыкву раздуло.

Подталкивая меня к двери, Асадолла-мирза тоже сказал:

– Да, братец ты мой, лучше скройся, пока цел, – «залог мужества» – это не шутка!

– Доктор Насер оль-Хокама примочку положил, – продолжал Маш-Касем, – говорит, завтра утром в больницу надо везти. Ты его так вдарил, что из него прямо дух вон и мужество тоже.

Тут мне пришлось отступить в кусты самшита, а

Асадолла-мирза направился навстречу дядюшке, который с ружьем на плече вышел из дома и сейчас же закричал:

– Касем, чего стоишь? Беги помогай, надо откачать воду!

– Ей-богу, ага, я все время помогаю, бегаю – сейчас за ведром для ханум иду.

– Хорошо хоть гости ушли.

– Зять тоже ушел? – спросил Асадолла-мирза.

– Конечно, ушел, чтоб ему провалиться, – завтра они с мамашей и сестрицей перебираются к Дустали. Хоть бы этот инспектор Теймур-хан был тут, может, сумел бы разрешить эту криминальную загадку.

К ним присоединились дядя Полковник и мой отец.

– В самом деле, здесь есть что-то странное, – сказал отец. – Какому бесстыжему болвану пришло в голову…

Но дядюшка Наполеон не дал ему договорить:

– Вы прямо как ребенок! Мне-то стратегия англичан знакома… Не в первый раз они прибегают к этой военной хитрости. На юге они однажды запрудили реку ниже нашего лагеря, а через несколько часов начали атаку.

Уходивший уже Маш-Касем при этих словах вернулся и изрек:

– Истреби их господь! А вы помните, ага, как они на нас воду пустили? Вроде злодея Шемра штуку выкинули, только Шемр воду закрыл, а они, наоборот, открыли. Слава богу, я

плаваю как рыба, а то захлебнулся бы там, право слово.

– Но позвольте, ага, – начал Асадолла-мирза успокаивать дядюшку, – англичане вступили в город со своими танками и артиллерией, неужели они, если захотят нанести вам удар, станут копаться в вашем водостоке?

– Асадолла, только прошу тебя – не надо мне объяснять, как англичане делают политику!

– Моменто, моменто…

– К чертовой матери это твое «моменто»! – заорал дядюшка. – Знаю я все: англичане вообще прекрасные люди… Они вообще просто обожают меня и мою семью… И вообще Шекспир «Ромео и Джульетту» свою написал про нас – про любовь англичан ко мне…

Маш-Касем, не разобравшись в тонкостях беседы, вставил:

– Сохрани бог… Господь того не допустит, чтоб англичаны на любовь способны были. Куда им с ихними косыми глазами? И вообще, у меня земляк был, так он всегда говорил, что англичанам, извиняюсь, вовсе мужской силы не отпущено… А ту малость, что у них имеется, они по косоглазию своему зазря на жену изводят.

– Касем, чем ерунду пороть, пойди лучше к чайхане, позови молодого чистильщика – у меня к нему дело! – закричал дядюшка. – Может быть, он видел, кто водосток перекрыл.

– Ага, чистильщика нынче вечером у калитки не было…

– Хватит болтать! Делай, что тебе сказано.

Маш-Касем поспешно выбежал из сада. Наш слуга, слуга дяди Полковника и прочая прислуга ведрами вычерпывали из подвалов воду. В это время я услышал, как отец сказал дяде Полковнику:

– Ну как Пури? С божьей помощью, полегчало?

– Утром придется везти его в больницу, – холодно, отвечал дядя Полковник. – А пока доктор сделал ему укол морфия, чтобы снять боль.

– Я очень сожалею о происшедшем. Я этого мальчишку так накажу, что он до конца жизни помнить будет.

– Нет необходимости сурово наказывать его, – с неожиданной мягкостью вмешался дядюшка Наполеон. – Он еще ребенок, многого не смыслит.

Я понял, что сейчас для него не существует ничего, кроме нападения англичан. В это время в сад опрометью вбежал Маш-Касем и бросился к дядюшке:

– Ага, хозяин чайханы сказал, что чистильщик сегодня совсем не заходил к ним…

Дядюшка секунду смотрел на него, испуганно приоткрыв рот, потом прижал ко лбу руку и сквозь зубы процедил:

– Все предусмотрели! И парня этого с дороги убрали.

– Кого убрали? – спросил Асадолла-мирза.

– Никого, никого… В любом случае придется нам до утра не ложиться, надо быть начеку.

– Да, тут дело нечисто, – опять подтвердил отец.

– Еще как нечисто-то, – вмешался Маш-Касем. – Право слово, я сначала аге не верил, а потом понял – правда все, святая правда, ага человек мудрый. Уж он-то, англичанов знает – и все тут.

– Что это значит, Маш-Касем?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Говорил ага, что это англичанов дело, а мне все не верилось. Ну, а теперь я мозгами-то пораскинул, вижу, что все это тот проходимец подстроил… Я чайханщика, значит, спрашивал, не видал ли он тут сегодня кого рыжего да косоглазого. Так он говорит, проходил вечером один торговец рыбой, вихры кучерявые, а буркала голубые. И глаза, значит, у него вроде бегают…

Асадолла-мирза, стараясь подавить смех, сказал:

– Да, по всем приметам это безусловно английский генерал Вихроу…

– Итак, спокойной ночи, до завтра, – отрубил дядюшка.

На следующее утро, то есть в пятницу, я не осмелился выйти из своей комнаты. Отец меня не спрашивал, но мать принесла мне в комнату завтрак. Она же рассказала, что все семейство отправилось в больницу вместе с Пури. Час спустя появился Асадолла-мирза. Всю ночь я провел в страхе и волнении и только теперь, услышав его голос,

немного приободрился. Он вошел ко мне со словами:

– Ситуация неблагоприятная. Я говорил с твоим отцом, он решил отправить тебя на несколько дней в Дозашиб, погостить у Рахим-хана, пока тут все не уладится.

– А почему, дядя Асадолла? – с беспокойством спросил я.

– Полковник поклялся разрядить свою двустволку тебе в башку… Потому что Пури придется оперировать, удалить ему кое-что.

– Что удалить, дядя Асадолла?

– Ну до чего же ты тупой! Одну из двух опор башни Сан-Франциско… Или, выражаясь словами Маш-Касема, один из «залогов мужества».

– И вы говорите, что дядя Полковник хочет разрядить двустволку в мою голову?

– А ты как думал – в мою, что ли?

Испуганный и несчастный, я машинально повторил:

– Двустволку…

– Вот и меня это удивляет, – тут же перебил Асадолла-мирза, – ведь ему отхватят только одну опору башни, зачем же из обоих стволов.

Дальнейшая беседа была прервана появлением моего отца:

– Глупый мальчишка, телок!

– Что толку ругаться, – хладнокровно сказал Асадолла-

мирза. – Вы тоже доставляли своему отцу хлопоты и заставляли глотать обиды. А теперь, как я вам уже говорил, лучше всего отправить его на несколько дней в дом Рахим-хана – пока не уляжется этот скандал.

– Я сейчас звонил, Рахим-хан говорит, что будет очень рад.

– Нет, разрешите мне остаться, – умоляющим тоном выговорил я. – Я хочу остаться рядом с Лейли.

Отец, подскочив ко мне, презрительно и зло крикнул:

– Замолчи! Чтоб ты сдох с твоими любовными забавами!

Я непременно получил бы затрещину или пинок, но, по счастью, между нами оказался Асадолла-мирза, который небрежно заметил:

– Я как раз приглашен к обеду в Шемиран[33], схожу, переоденусь и приду за ним. – Тут он повернулся ко мне: – А ты, мальчик, слушай, что старшие говорят. Нам виднее, что для тебя лучше.

Эти безжалостные люди даже не дали мне дождаться возвращения Лейли из больницы. Через час мы с Асадолла-мирзой уже ехали на автобусе по направлению к Шемирану. Я долго молчал, потом спросил:

– Дядя Асадолла, а что теперь будет, как вы думаете?

– Ты про что?

33

– Про Пури.

– Нарушится равновесие организма.

– Почему?

– Как почему? Если одну опору из двух удалить, устойчивости не будет, одна половина тела ведь станет легче, другая – тяжелее, какой же может быть баланс?

– Пожалуйста, не шутите. Я очень тревожусь.

– Моменто, вот уж моменто! Тебе-то чего тревожиться – пусть этот длинномордый поганец переживает, что лишился поездок в Сан-Франциско.

– А он правда никогда больше не сможет…

– Чего не сможет?

– Ну… это… Сан-Франциско…

– Молодец, браво! Привыкай к этому слову. Высший балл по географии. Насчет того, сможет ли он ездить в Сан-Франциско или нет, мнения врачей-лекарей расходятся. Некоторые утверждают…

– Дядя Асадолла, прошу вас, оставьте шутки! Я всю ночь не спал от волнения.

– Тебя так взволновало, что Пури в Сан-Франциско не ездок?

– Нет, но ведь, если говорить по совести, за это несчастье с ним я несу ответственность.

– Если говорить по совести, то как раз не несешь, зато по закону – несешь. Но об этом не беспокойся, они не из тех,

кто будет с жалобами по судам таскаться. Ни одно благородное семейство не позволит себе обращаться в судебные инстанции.

– А что станет с Лейли, дядя Асадолла?

– Лейли теперь на некоторое время в безопасности, но, когда губошлеп выйдет из больницы и минует еще три-четыре месяца, этот вопрос неизбежно возникнет вновь.

– Значит, несколько месяцев есть…

– Думаешь, несколько месяцев решат дело в твою пользу? Ну, если Пури только сейчас к Сан-Франциско способность потерял, то ты от рожденья урод!

– Я верю, что все образуется. Прошу вас, скажите Лейли, что я был вынужден оставить ее одну. Скажите, если она сможет, пусть позвонит мне в два часа, когда дядюшка ляжет отдыхать. И вы тоже, пожалуйста, держите меня в курсе событий, обещаете?

– Даю честное слово.

Асадолла-мирза оставил мне свой служебный телефон и предупредил:

– Только смотри лишнего не болтай!

Часом позже я уже распрощался с Асадолла-мирзой, и началась моя мучительная разлука с Лейли.

Мое вынужденное пребывание в доме Рахим-хана, с сыном, которого я, однако, был очень дружен, продолжалось почти две недели. Пури сделали операцию, удалив одну из

парных частей его тела; теперь опасались, что, возможно, придется ампутировать и другую. Примерно на десятый день, когда я позвонил Асадолла-мирзе, тот объявил:

– С тебя причитается за добрую весть. С двустволкой, которую Полковник собирался разрядить тебе в голову, покончено, до четырех стволов, слава богу, дело не дошло.

– Как так, дядя Асадолла?

– Выяснилось, что вторая опора опасности избежала. Теперь, при условии, что башня выстоит на одной-единственной опоре, можно будет заняться твоей амнистией.

– Значит, он сможет жениться?

– Пока еще нет, но через несколько месяцев – вероятно. Пока, по выражению индийского сардара, цветок его силы отказ делать… Так что оставайся на месте. У Лейли все хорошо, о ней не беспокойся.

И вот в один прекрасный вечер, на пятнадцатый день после нанесения Пури того удара, я был прощен – по случаю приема, устроенного моим отцом в честь Гамар и Практикана Гиясабади, которые выезжали с первым послесвадебным визитом к родственникам. Асадолла-мирза сам забрал меня домой. Дорогой он сообщил мне о последних событиях:

– Думаю, что прием сегодня получится весьма оживленный. Понимаешь, не то вчера вечером, не то нынче утром Дустали-хан и Азиз ос-Салтане убедились, что слова

Практикана Гиясабади, который говорил, будто потерял на поле брани свой уважаемый фрагмент, и ничего плотского в нем не осталось, – беззастенчивая ложь. Насколько я понял из шушуканья женщин, кое-что там осталось и весьма солидное кое-что.

– Зачем же он тогда так говорил?

– Наверное, считал, если признается, что этого у него в избытке, сразу дефицит обнаружится…

– До чего же хитрый человек.

– Ну, не так уж он хитер. Кое в чем дурак дураком, но, я полагаю, за ним стоит наш домашний Макиавелли.

– Вы имеете в виду…

– Да, я имею в виду твоего отца. По всему ясно, что он приложил руку к этому делу.

– А Гамар как ко всему этому отнеслась?

– По-видимому, она очень довольна. Она ведь хотела ребенка. Никаких надежд на замужество у нее не было, вот бог и послал ей такого могучего мужичка. Словом, сегодня вечером мы вдоволь посмеемся. Разумеется, если дело еще раньше не дойдет до скандала.

– А дядюшка как поживает, дядя Асадолла?

– Похоже, что Пури пока ничего не рассказывал ему о твоих письмах к Лейли. А если и рассказал, то дядюшка настолько занят англичанами, что ему ни до чего другого дела нет.

– Опять англичане?

– Да, ведь чистильщик-то наш совсем исчез. Дядюшка утверждает, что его англичане убили. Он опять прицепил к поясу свой пистолет, а по ночам Маш-Касем с охотничьим ружьем в обнимку дрыхнет у него в комнате. Да еще отец твой постоянно подливает масла в огонь.

– А что отец ему говорит?

– Каждый день сочиняет всякие небылицы о без вести пропавших беднягах, которые, по его словам, были врагами англичан, и пичкает ими несчастного старикана… Хорошо хоть несколько дней назад индийский сардар отправился в деловую поездку…

– Дядя Асадолла, вы должны попробовать растолковать дядюшке, что англичанам не до него.

– Моменто, как будто он меня послушает! Да тому, кто посмеет сказать, что англичане не такие олухи, чтоб за нашим дядюшкой охотиться, несдобровать, даже если ангелы небесные заступниками будут. Мой бедный братец Шамсали несколько дней назад пытался поговорить с ним – дядюшка на него так напустился, что тот еле ноги унес!… Маш-Касем тоже все время сказки рассказывает, про то, как англичане грабят и убивают честной народ.

– Значит, обстановка очень напряженная?

– Очень. Но самая важная проблема – трагическое недоразумение с Практиканом Гиясабади. Этот ужасный

плут, похоже, не только ничего не терял в Луристане от той пресловутой пули, а, напротив, присвоил себе имущество двух-трех человек… Вот он сейчас и усердствует за счет этих резервов.

– А Дустали-хан как?

– Его того и гляди паралич хватит от злости. Ведь Практикану, хоть он и плешив, удалось до того обворожить Гамар, что теперь Дустали до смерти боится, как бы поместья Гамар не уплыли у него из рук. А что касается сестры Практикана, на которую сделал стойку Дустали, так у нее, оказывается, есть мил-дружок по имени Асгар-Трактор – копия нашего мясника Ширали.

– Дружка он тоже поселили у Дустали-хана?

– Нет, но он, как напьется, является туда и, если ему не открывают дверь, готов протаранить стену.

– Дядя Асадолла, а вам, видно, все это доставляет большое удовольствие?

– В жизни я так не веселился. Пускай их разок-другой мордой в грязь ткнут. Благородному семейству, внукам добле-е-естных, как бараны, и го-го-гордых, как гуси, предков, от которых за три версты разило деревенщиной, ныне приходится сидеть за одним столом с Асгаром-Трактором и Практиканом Гиясабади.

– А сегодня у нас будет много народу?

– Да, твой отец вознамерился настоящий бал закатить.

Он же и заправляет всем спектаклем: недаром я вчера слышал, как он говорил Практикану, что если госпожа сестрица тоже пожелает кого-нибудь пригласить – милости просим. А сестрица, как можно догадаться, никого, кроме Асгара-Трактора, не пожелает. Словом, отец собирается расплатиться за выпады Пури по его адресу.

– Может быть, вы устроите, чтобы Асгар-Трактор не приходил?

– Моменто, моменто, я как раз хотел убедить сестру Практикана привести с собой эту выдающуюся личность. Дустали-хан больше всех других у меня в долгу. Если я до самого Страшного суда буду его мучить, все равно он не получит по заслугам.

Когда мы подошли к дому, Асадолла-мирза, смеясь, простился со мной:

– Бог даст, вечером увидимся. А я пойду на поиски Практикана и его сестры – ведь только Асгар-Трактор сможет украсить наше собрание!

Мать повела меня к дяде Полковнику. Я, поцеловал ему руку, попросил прощения. Потом она велела мне непременно пойти поздороваться с дядюшкой Наполеоном.

Сердце мое от восторга готово было выскочить из груди, когда я шел к дядюшкиному дому. После стольких дней разлуки, которая длилась, как мне казалось, целую вечность, я лицом к лицу столкнулся во дворе с Лейли,

наконец я увидел ее. От радости я онемел, только и смог поздороваться. Лейли несколько мгновений стояла неподвижно, глядя на меня, потом с полными слез глазами убежала свою комнату. Я не решился пойти за ней.

Дядюшка Наполеон усадил меня около своего кресла и долго усовещивал. Суть его наставлений сводилась к тому, что они свою жизнь прожили, теперь мы, молодые, должны хранить единство и согласие семьи. Потом он сообщил, что Пури, слава богу, вне опасности, в скором времени его перевезут из больницы домой, и наказал мне, чтобы я на днях отправился в больницу – навестить братца и извиниться.

Глава девятнадцатая

Наш дом был охвачен непривычной суетой. Весь двор уставили столами и стульями, над ними, хотя еще не стемнело, расточительно сияли керосиновые фонари, их повесили даже в саду. Учитель Ахмад-хан и слепой тамбурист появились со своими инструментами задолго до прихода гостей и теперь под шумок прикладывались к водке и прочим напиткам.

Вдруг я увидел Асадолла-мирзу: в визитке и полосатых брюках, с алой «бабочкой» на шее он входил в калитку. Глаза его победно сверкали. Я побежал к нему навстречу, а

он, заметив меня, негромко сказал:

– Моменто, моменто, моментиссимо! Радуйся, сегодня мы торжествуем. Сестра Практикана приведет с собой не только Асгара-Трактора, но и его брата, почтенного Акбара-Требушатника. Что мне теперь необходимо, так это фотоаппарат – запечатлеть рожу Дустали.

Не прошло и нескольких минут, как показался сам Дустали-хан. Вид у него был мрачный. Он сразу же прошел в дом, разыскивая отца. Асадолла-мирза, который с большим аппетитом лакомился красным виноградом, сквозь зубы пробормотал:

– Думаю, он кое-что пронюхал… Ну-ка, навостри уши, послушай, о чем там речь.

Дустали-хан нашел отца в коридоре. Дрожащим хриплым голосом он говорил ему:

– Что за прием вы устраиваете?… Я сейчас слышал, что эта подлая бабенка еще и ухажера своего пригласила?…

Отец невозмутимо отвечал:

– Помилуйте, господин Дустали-хан, а что мне было делать?

– Вы не должны принимать в своем доме этот сброд, хулиганов этих.

– Подумайте сами, не могу же я закрыть дверь перед другом одной из ваших родственниц. Друг сестры вашего зятя придет сюда – разве возможно его не впустить? Да и

каким образом преградить ему дорогу?…

– Ну, тогда я тоже пойду и приведу к вам первого встречного-поперечного, – сердито сказал Дустали-хан. – Вам это понравится?

– Милости просим… Каждый человек не хуже других. Как сказал пророк: «Аллах сочтет самыми благородными тех, кто самые благочестивые».

– Очень хорошо! Отлично! Вот я и приведу к вам в дом кого-нибудь из этих благочестивцев. Почему бы мне не пригласить их туда, куда зовут Асгара-Трактора?

Я вернулся к Асадолла-мирзе и пересказал ему услышанный разговор, а потом спросил:

– Как по-вашему, что имел в виду Дустали-хан, когда обещал тоже кого-то позвать?

Асадолла-мирза, продолжая уплетать виноград, покачал головой:

– Ей-богу, не знаю. От этого субъекта всего чего хочешь можно ожидать. Поживем – увидим, каким образом он собирается взять реванш.

– За что реванш?…

– Моменто, оказывается, ты не понял, по какой причине сегодня прием?

– Разве есть какая-то особая причина, дядя Асадолла?

– Неужели ты настолько наивен, что воображаешь, будто твой отец станет устраивать званый вечер ради

прекрасных кудрей Практикана Гиясабади? Да ты поразмысли: никто из близких родственников, даже дядюшка, старейший в семье, не созывал ради Практикана и Гамар гостей, а отцу твоему зачем это понадобилось?

– Ей-богу, за последнее время столько всего случилось, у меня в голове такая неразбериха, что я никак не соображу, к чему вы подводите все это?

– Почему отец твой не ладит с дядюшкой?

– Потому что тот всегда его оскорбляет, говорит, что отец не из благородной семьи.

– Браво! Так вот сегодня твой отец готовится нанести удар дядюшке и всем прочим, кто так печется о происхождении и знатности, он жаждет швырнуть им всем в физиономию Практикана Раджаб-Али Гиясабади, сына торговца требухой, брата актерки из дешевого кафе… Он еще на свадьбе Гамар мечтал всех стравить, но тогда его затея сорвалась, значит сегодня…

– Так ведь вся родня уже знает, что Гамар вышла замуж за Практикана Гиясабади.

– Но сегодня, кроме родни, приглашены еще и знакомые. Например, генерал-комендант.

– Комендант?…

– Сам понимаешь, комендант города – важная шишка. По влиянию и авторитету ему сейчас равных нет. Этим приглашением отец твой сразу убьет двух зайцев: во-первых,

посрамит перед ним Дустали-хана, дядюшку и всю семью, а во-вторых, вновь заставит дядюшку трепетать от ужаса – этот генерал известен своими симпатиями к англичанам.

– Значит, опять есть опасность скандала между дядюшкой и отцом?

– Да, это единственное, что меня беспокоит. Мне только тебя жаль, а то бы я мигом переметнулся к твоему отцу, мы бы задали старикану жару… Ну, ладно, пока у нас есть свободная минутка, скажи-ка, что ты сам намерен делать?

– Вы о чем, дядя Асадолла? Я не понимаю.

– А вот о чем. Во-первых, дядюшка не отдаст за тебя Лейли, потому что он в плохих отношениях с твоим отцом. Во-вторых, если бы даже и отдал, тебе придется ждать по меньшей мере шесть-семь лет, пока ты сможешь жениться.

В третьих, как ты рассчитываешь избавиться от того парня, который сейчас в больнице? Короче говоря, существует тысяча разных препятствий, а к путешествию в Сан-Франциско ты не пригоден. Если подумать хорошенько, получается, что Практикан Гиясабади…

– Дядя Асадолла…

– Да прекрати ты свое нытье! Смотри, какой трюк выкинул Практикан: договорились, что он за определенную сумму женится на Гамар, а потом разведется с ней. А теперь он настолько прочно там закрепился, что скорее Дустали из дома выживет, чем сам уйдет… Ему удалось так заморочить

глупую голову Гамар, что она от матери родной отказаться готова, только бы ему угодить.

– Ой, смотрите, дядя Асадолла, Практикан с Гамар пришли!

Под руку с Гамар Практикан Гиясабади шествовал рядом с Азиз ос-Салтане. Он выглядел вполне прилично и ничем не напоминал былого убогого сморчка. Гамар с влюбленным видом так и льнула к нему.

– Дядя Асадолла, а где же его парик?

– С париком покончено. Он рассказал о нем Гамар, а та – будто всю жизнь обожала плешивых… Да она скоро мангал для терьяка ему разжигать будет! И вообще похоже, что лечение на курорте Сан-Франциско привело ее в разум. Придется признать, что от душевных заболеваний это лучшее лекарство!

Асадолла сделал несколько шагов навстречу Практикану:

– Приветствую, господин Практикан, как вы поживаете?

Ответ Практикана звучал в высшей степени почтительно:

– Только вашими милостями… Я ваш покорнейший слуга. Как раз сегодня утром я Гамар говорил, давно уж мы не свидетельствовали свое почтение его высочеству, надо будет упросить его как-нибудь вечерком осчастливить нас посещением.

– А что же ваша матушка не изволила пожаловать, господин Практикан?

– Она свидетельствует почтение, сейчас она Ахтар дожидается, попозже вместе придут.

Асадолла-мирза поцеловал Гамар в щеку:

– Ах, какая красивая стала дама! И кокетка какая!

– Посмотрите, дядя Асадолла, какое хорошенькое у меня платье! – улыбнулась в ответ Гамар. – Это мамочка мне сшила.

– Браво, ханум Азиз ос-Салтане, у вас каждый пальчик таланты рассыпает!

– Да нет, дядя Асадолла, это же не мама Азиз, а мамочка Нане-Раджаб.

Азиз ос-Салтане было нахмурилась, но комплименты, которые Асадолла-мирза принялся ей щедро расточать, заставили ее опять повеселеть.

Гости направились к отцу. В это время к нам подошел слуга дяди Полковника, неся на подносе стаканы с шербетом. Асадолла-мирза, окинув взглядом поднос, заявил:

– Спасибо, папаша, я этого не пью, скажи Маш-Касему, чтоб принес мне кой-чего покрепче.

– Маш-Касему? – негромко повторил слуга. – Да разве господин не знает? Маш-Касема час назад в полицейский участок забрали.

– Что? В участок?… Да что же он натворил?

Слуга дяди Полковника огляделся по сторонам:

– Ага об этом говорить запретили… Так что – я вам ничего не рассказывал! А только Маш-Касем в англичанина с крыши кирпичом швырнул.

– Да ты шутишь! Кирпичом в англичанина?

– Какие уж тут шутки. У того-то вся голова в крови была… Ага теперь тоже пошел в полицию.

Асадолла-мирза поспешно вскочил:

– Давай-ка сразу сбегаем, выясним, в чем дело. Боюсь, что это опять интриги твоего отца.

В дежурной комнате полиции нам прежде всего бросился в глаза сидевший на скамье молодой еще человек с перевязанной головой. Лицо его было залито кровью, кольца рыжих вьющихся волос слиплись от запекшейся на них крови.

Маш-Касем, повесив голову, стоял недалеко от двери перед дядюшкой и дежурным офицером. Рядом с Маш-Касемом вытянулся по стойке «смирно» полицейский, видимо тот, кто доставил его сюда. Дядюшка Наполеон сдавленным голосом говорил:

– Я сам накажу его. Но я все же ничуть не сомневаюсь, что он совершил это неумышленно…

Человек с разбитой головой, чуть покосившись в сторону, возразил с сильным гилянским[34] акцентом:

34

– Как это неумышленно? Что же, кирпич сам у него из рук выпрыгнул и мне в голову угодил? А ругань-то, которой он так и сыпал, она тоже сама изо рта вылетала?!

– Денег тебе дали, возмещение ущерба ты получил, – вмешался дежурный офицер, – чего еще тебе надо? Если ага желает лично наказать своего слугу, это тебя уже не касается. Вставай, пошел отсюда, занимайся своим делом!

– Слушаюсь, ваше благородие.

Раненый подобрал корзинку с копченой рыбой и ушел, мы вместе с Маш-Касемом тоже отправились домой. Едва закрыв за собой дверь полицейского участка, дядюшка обрушил на Маш-Касема поток брани. Тот, не поднимая головы, пробурчал:

– Можете что угодно мне говорить, ваше право… А все равно я на своем стоять буду: этот мерзавец если и не англичан сам, значит, лазутчик ихний. Я в этом квартале цельных тридцать лет живу, чего же я его раньше-то здесь не видел? Опять же, значит, тридцать годов с англичанами воюю, и все в них не разобрался?!

– Маш-Касем, замолчи, а не то я тебе собственными руками глотку заткну! – дрожащим от ярости голосом заорал дядюшка.

– Я-то молчу… Да тот несчастный чистильщик, чья кровь неотомщенной осталась, в день Страшного суда он вас за полу-то схватит… Теперь он, бедняжка, смотрит на вас с

того света, ожидает, что вы за его невинную кровь с англичанов взыщете…

Когда мы вернулись, прием был в полном разгаре. Прибыло множество гостей, тар учителя Ахмад-хана бренчал во всю мочь. Господину коменданту все выказывали чрезвычайную почтительность и уважение, так что место, где он сидел, превратилось в центр собравшегося общества… Даже дядюшка Наполеон при всем его отвращении к англичанам и их сторонникам вежливо уселся по правую руку от почетного гостя.

Отец все время следил за входной дверью. Я шепнул на ухо Асадолла-мирзе:

– Видите, дядя Асадолла, как отец волнуется? Я думаю, он ожидает еще каких-то важных гостей.

Асадолла-мирза отхлебнул глоток вина и, тихо посмеиваясь, пробормотал:

– Лорда Асгара-Трактора он ожидает и леди Ахтар-ханум…

Из страха перед дядьями, особенно перед дядей Полковником, который все еще бросал на меня суровые взгляды, я не решался приблизиться к Лейли. Но тем не менее, с кем бы я ни говорил, мои жаждущие взоры все время были прикованы к ней. Бедняжка Лейли после моей драки с Пури тоже не осмеливалась ко мне подойти. Очевидно, мы оба чувствовали себя виноватыми.

Ожидания отца наконец завершились успехом: появилась Ахтар, сестра Практикана. В жгуче-красном платье с огромным вырезом, вызывающе выставив грудь, она вошла в сопровождении своей матери и Асгара-Трактора. Внешность Асгара обращала на себя еще большее внимание, чем кричащий туалет его дамы. Это был здоровенный мужик, на его бритой голове отчетливо лиловели шрамы от ножевых ран, на шее болтался зеленый галстук – по всей вероятности, из гардероба Дустали-хана. Манера здороваться и произносить положенные любезности сразу выдавала, к какому сорту людей он относится.

С их приходом отец так и просиял, а дядюшка Наполеон и дядя Полковник, наоборот, сразу скисли. Воспользовавшись тем, что тар на минуту замолчал, отец принялся обхаживать пришедших:

– Что вам предложить, господин Асгар-хан? Чаю, шербета, вина? Будьте как дома, не стесняйтесь!

Асгар, который, оказавшись в таком обществе, вероятно, чувствовал себя не в своей тарелке, сдавленным голосом отвечал ему:

– Очень вами благодарны, спасибо, я уже кушал.

– Да вы не тушуйтесь! – вступил в разговор Асадолла-мирза. – Пиво тоже есть.

– Премного благодарен… разве что пивка…

Ахтар, громко смеясь, сказала:

– Ваше высочество, Асгар у меня просто стеснительный. А вообще-то он что поднесут, то и выпьет.

– Моменто, моменто, от нас так скоро не отделаешься. Хоть вы и стесняетесь, но за здоровье Ахтар-ханум надо ведь выпить! Прошу вас!

Асгар-Трактор, опустив голову, промямлил:

– Ну тогда, ежели позволите… может, водка виноградная найдется? А коли нет – не беда, сойдет и пиво, будьте добреньки…

– Пожалуйста, извольте, – встав с места, проговорил Асадолла-мирза. – Эй, Маш-Касем, подай ту бутылку с виноградной водкой.

Хмурый и мрачный Маш-Касем принес бутылку водки и несколько стаканов, поставил их на столе, возле вазы с фруктами.

– Пожалуйста.

– Пью за ваше здоровье! – И Асгар одним глотком осушил стакан.

Асадолла-мирза принялся угощать мать Практикана:

– Ханум, отведайте и вы глоточек!

Бородатая старуха басом захохотала, показывая редкие гнилые зубы:

– Вай, чтоб вам до старости дожить! Да разве я пьющая?

– Ну, что за важность, в такой-то день… Вы, слава богу,

сынка женили, да еще какого сынка… – И он всучил бородачихе стаканчик с водкой.

– Господи помилуй… Правду говорят, что имама Резу бородатая баба убила… – услыхал я над ухом шепот Маш-Касема.

Пока продолжалась эта сцена, дядюшку Наполеона сотрясала дрожь, точно вулкан перед извержением. Все, кто сидел вокруг коменданта, с изумлением внимали разговору в нашем углу. Только сам комендант с откровенным удовольствием, улыбаясь, разглядывал сестрицу Практикана. Асадолла-мирза и ее угостил стаканчиком.

В это время отец, сочтя момент подходящим, обратился к генералу:

– Ваше превосходительство, мы сегодня вечером радуемся от всего сердца. Ведь наш дорогой зять – один из сотрудников тайной полиции!

Дядюшке, который разгадал намерения отца, пришлось молча проглотить этот выпад. Но комендант, пропустив две-три рюмки коньяка, пребывал в полном благодушии.

– Ну-ну, очень рад… Надеюсь, бог благословит… – Тут он повернулся к Практикану: – Господин Гиясабади, в каком отделе тайной полиции вы служите?

– В отделе расследования уголовных преступлений, ваше превосходительство.

– А с кем вы там работаете? Начальник ваш кто?

– Господин Теймур-хан, он тоже должен был сегодня прийти. Не знаю, что могло его задержать…

– Какой Теймур-хан, тот, что возглавлял одно время тайную полицию Хорасана?

– Нет, ваше превосходительство, он никогда…

Тут дядюшка Наполеон воспользовался появлением доктора Насера оль-Хокама, чтобы как-то замять опасный разговор:

– А, господин доктор, здравствуйте! Милости просим, проходите сюда! Что это вы так поздно? Господин генерал, я не помню, вы знакомы с доктором Насером оль-Хокамой?

Обмен любезностями между доктором и комендантом, которые, очевидно, встречались прежде, затянулся надолго. Асадолла-мирза вполголоса произнес:

– Не знаю, куда мог деться Дустали-хан? А, вот он, легок на помине! Господин Дустали-хан, пожалуйте! Господи, где ты до сих пор пропадал, Дустали?

Вид у Дустали-хана был необычайно мрачный и расстроенный, я сразу догадался, что его планы сорвались. Силясь изобразить веселость, он выдавил из себя:

– Да я хотел еще артистов пригласить. – Подчеркивая каждое слово, он продолжал: – У Аббас-хана в ансамбле один малый есть – Черным Абдаллахом зовут, так негра изображает – живот от смеха надорвешь!

Теперь я окончательно понял его замысел. Черный

Абдаллах, о котором он говорил, был внуком сводной сестры моего отца. С детства ленивый, никчемный, он рано пристрастился к опиуму, стал наркоманом и ушел из дома. Год назад на одном свадебном торжестве, когда музыкантов попросили выступить перед гостями, мы вдруг обнаружили среди них Абдаллаха в роли негра.

Дустали-хан, видимо, обегал весь город, чтобы разыскать Черного Абдаллаха и привести его к нам на праздник: он хотел посчитаться с отцом, но, как на грех, Абдаллаха нигде не оказалось, и затея его лопнула. Тогда он решил отыграться за счет своего злого языка. Он хлебнул водки и продолжал:

– Нет, правда, забавный черномазый. Ну, он, само собой, наркоман и проходимец, но очень смешной! Жаль, что мне не удалось его найти.

– Да, в самом деле жаль! – поддержал его комендант. – Я обожаю, когда негры выступают. Если вам известно, где он бывает, я отправлю за ним своего шофера на машине.

Тут Асгар-Трактор, который вливал в свою утробу один стакан водки за другим, и теперь в голове у него, видно, уже зашумело, с громким смехом заявил:

– Генерал-джан, я тоже страсть люблю, когда эти черные представляют, кабы знать, где он, я бы сам за ним сходил…

Дустали-хан поскреб за ухом, потом обратился к отцу:

– А вы не скажете, где его найти? Ведь вы… он, кажется, имеет к вам отношение? Он вроде сынок сестрицы нашей…

Отец с такой силой стиснул зубы, что раздался громкий скрип. Он хотел что-то сказать, но не мог выговорить ни слова. Асадолла-мирза ринулся на поле боя:

– Здесь ведь есть граммофон, почему никто не ставит пластинки? Хотя да – Ахмад-хан нас сегодня услаждает… Ахмад-хан, что же вы замолчали? Играй, братец!

И этот славный человек, чтобы пресечь начинающуюся ссору, вскочил с места и пустился в пляс, подпевая себе:

Что за денек, что за денек, радость
кипит ключом:
Жених и невеста, жених и невеста
за праздничным столом.
Будет им счастье, будет им
счастье, бог благословит!
И мы поздравляем, мы
поздравляем невесту с женихом!

Ахмад-хан начал подыгрывать ему на таре и тоже запел в полный голос, гости подхватили, прищелкивая пальцами, атмосфера разрядилась, а отцу представилась прекрасная возможность овладеть собой.

Когда Асадолла-мирза, усталый и потный, вернулся на свое место, а веселье опять немного утихло, отец, который за это время собрался с силами, уже разработал новый стратегический план. Подливая Асгару-Трактору водки, он обратился к матери Практикана:

– Наверное, душа покойного отца господина Практикана сейчас любуется на нас из райских садов. Ведь каждый отец мечтает справить свадьбу своему сыну.

Мать Практикана по настоянию Асадолла-мирзы выпила-таки две-три стопки водки, и теперь багровевшие сквозь бороду щеки выдавали ее хмель. Невпопад захохотав, она ответила:

– Покойничек… Да… Он однажды под конец жизни в лавке у плиты пережарился, домой пришел – худо ему стало. Ну, позвали мы лекаря, а муж мне и говорит: «Нане-Раджаб, знаешь, есть у меня одно-единственное желание: чтоб, пока я жив, женили бы мы Раджаба…» Но такой уж бессовестный парень уродился – с тем дорогой покойник и помер…

Чтобы рассказ старухи не остался, не дай бог, незамеченным, отец немедленно переспросил:

– У плиты? А чем занимался ваш покойный супруг?

– Да он, покойник, последние-то годы вареной требухой торговал… Ну, а помоложе был – кяризы[35]рыл, а потом…

Тут Нане-Раджаб, как видно, сообразила, что

35

наговорила лишнего, она поднесла руку к своей бороде и покаянным тоном произнесла:

– Ох, очень извиняюсь, конечно… Это все князь виноват, напоил меня… Согрешила! А так-то я уж сколько лет ни словечка…

Отец, который не пропускал ни малейшей возможности прицепиться, тотчас сказал:

– Ну что вы, ханум, неужели нужно стыдиться того, что ваш покойный муж торговал требухой?… В наше время это не имеет никакого значения! Богу угоден тот человек, который добродетелен, а профессия это не мерка. Правда, господин Дустали-хан?

Отец обращался к Дустали-хану, но настоящей его мишенью был дядюшка Наполеон, лицо которого, все перекошенное, бледное, как у мертвеца, было страшно.

Дустали-хана прямо затрясло от злобы, жилы на его шее надулись, он посмотрел на дядюшку, который взглядом призывал своего любимца успокоиться. Между тем отец, нанеся удар, принялся спокойно чистить огурец. Асадолла-мирза хотел отвлечь гостей от этого инцидента, но тут Дустали-хан не выдержал:

– Что же вы с такими взглядами насчет равенства и братства не пускаете к себе в дом родного племянника? Помните тот случай, когда он пришел к вам за помощью, а вы – с полицией – выставили его на улицу?

Отец, стараясь сохранить хладнокровие, возразил:

– Его профессия тут ни при чем. Это произошло из-за того, что он растоптал свое человеческое достоинство, из-за того, что он стал наркоманом, пристрастился к опиуму. Он запятнал мою честь…

Дустали-хан так рассвирепел, что, не владея собой, завопил:

– А-а, собственная честь вам небось дорога, а честь семейства, принадлежащего к высшей аристократии страны, нет?!!

Дядюшка хотел было его утихомирить, но от злости слова у него застряли в горле. Зато отец опять не упустил случая ввернуть:

– Вы что же – хотите поставить на одну доску господина Гиясабади, человека уважаемого и почтенного, и какого-то мальчишку наркомана?

– Как будто этот не наркоман! – ляпнул сгоряча Дустали-хан.

Не успели гости, пораженные и испуганные вспыхнувшей ссорой, вмешаться, как Нане-Раджаб, опрокинув вазу с фруктами, крикнула страшным голосом:

– Да ты понимаешь, что говоришь?… Ты и все твое семейство и в подметки моему Раджабу не годитесь!… Еще раз подобную глупость сболтнешь, я тебя так вдарю, что ты собственными зубами подавишься… У, морда бесстыжая!…

Пошли, Раджаб, нам здесь не место!

Дустали-хан, окончательно выйдя из себя, взвизгнул:

– Заткнись, старая ведьма! Чтоб ты сдохла, тварь бородатая!

Нане-Раджаб сорвалась с места и, прежде чем ее смогли удержать, влепила Дустали-хану увесистую оплеуху. Дустали-хан хотел пнуть старуху в живот, но попал ей по ляжке, она громко завопила от боли, вслед за ней закричала во всю мочь сестрица Практикана:

– Злодеи, разбойники, матушку мою уби-и-или!

Не теряя времени, она тоже кинулась на Дустали-хана. Завязалась настоящая потасовка. В этот момент Асгар-Трактор, дружок сестры Практикана, долгое время, видимо, сдерживавший свой гнев, одним прыжком подскочил сзади к Дустали-хану, обхватил его поперек туловища и помчался со своей ношей к бассейну посреди двора. Он с такой силой швырнул туда тело Дустали-хана, что всех гостей окатило водой с ног до головы…

Суматоху, шум и гам, которые поднялись после этого, я описать не в силах. Но уже через полчаса наш дом совершенно опустел. Столы, стулья, вазы с фруктами и сластями в беспорядке валялись на земле. Мать, забившись в угол, беззвучно плакала, а отец, заложив руки за спину, нервно мерял шагами двор. Время от времени он останавливался и, вперив взор в темный сад, что-то невнятно

бормотал.

Это была одна из самых скверных и печальных ночей в моей жизни. Наутро я упросил мать, чтобы мне разрешили погостить у кого-нибудь из родных, живущих поблизости: я чувствовал необходимость некоторое время побыть на нейтральной территории.

Когда я через два дня вернулся, то с изумлением увидел, что между нашим домом и домом дядюшки Наполеона протянулась через весь сад изгородь в полтора метра высотой, из четырех рядов колючей проволоки, так что даже кошке было не пролезть.

Глава двадцатая

– Здравствуй, Маш-Касем, с добрым утром.

– Здравствуй, родимый. Чего это ты так рано поднялся? Милок, раз уж ты встаешь в такую рань, ты бы взял да и помолился, совершил бы намаз, как положено!

– Ладно, Маш-Касем… Я и сам решил, когда вырасту… ну, когда учиться кончу, непременно стану молиться…

– Ну, голубчик ты мой, для этого и расти не надобно. Вот у меня был один земляк…

Нет, если дать ему пуститься в воспоминания, удобный случай будет упущен! Я прервал рассказ:

– Маш-Касем, можно тебя попросить передать записку

Лейли?

– Ты, видать, опять забрал себе в голову эти выдумки про любовь? Известно ведь, что такие дела добром не кончаются… «Кто за девушкой припустит, только счастие упустит». Сказал бы я тебе кой-чего, да уж и не знаю…

Маш-Касем на мгновение задумался. По его виду я догадался, что произошло какое-то новое событие. Волнуясь, я спросил:

– Это про меня и Лейли?

– Нет, совсем наоборот даже. А ты уж возомнил…

– Маш-Касем, ну прошу тебя, пожалуйста, скажи!

– Упаси боже… Честному человеку болтать ни к чему. Нет, правда – зачем врать?! До могилы… Ничего и не было.

Я опять стал его упрашивать. То ли сердце Маш-Касема смягчилось, то ли он не смог совладать со своей природной болтливостью, но только он кивнул и сказал:

– Такое дело, значит, – подошло время свадьбы Лейли-ханум с Пури-агой.

– Что? Свадьба? Да как же так?! Маш-Касем, умоляю, не скрывай от меня ничего. Заклинаю тебя всем самым святым, открой мне, что тебе известно.

Маш-Касем сдвинул шапку на затылок, почесал лоб и сказал:

– Понимаешь, недуг Пури-аги начисто излечился. Значит, средствия доктора Насера оль-Хокама славу свою

оправдали.

– Маш-Касем, прошу тебя, всю правду говори! Что случилось? Что ты знаешь?

– Ей-богу, отец родимый, зачем врать? До могилы ведь… Понимаешь, елекстричество, которое доктор в нутро Пури-аге вложил, свое дело сделало… Сейчас хотят ему испытание устроить.

– Какое испытание? Да разве можно…

– А то как же, милок. Нашли тут одну женщину, чтобы, значит… Только ты должен клятву дать, что меня не выдашь.

– Клянусь! Жизнью отца клянусь… святым Кораном… Клянусь жизнью Лейли!

– Барчук наш, у которого мужская сила ослабла, теперь он, понимаешь, ну, как бы сказать, поправился. Хотят привести к нему женщину, чтобы он себя проверил. Ежели на испытании этом осечки не получится, на следующий день сыграют его свадьбу с Лейли-ханум.

Хотя я все еще не понимал толком, о чем идет речь, сердце мое сжалось. Вытаращив глаза и открыв рот, я смотрел на Маш-Касема, ожидая дальнейших разъяснений. Но он пошел прочь, говоря:

– Подожди, родимый, я за молоком схожу, потом вернусь и все тебе растолкую.

Маш-Касем вышел на улицу, а я, потрясенный и

оцепеневший, остался на месте.

Это было утром в пятницу, весной тысяча девятьсот сорок второго года. Маш-Касем давно уже знал тайну моего сердца – от меня самого.

Со времени приема, который отец устроил в честь Практикана Гиясабади, миновало несколько месяцев, и мне пришлось перенесли немало обид и лишений. Дядюшка, отгородившись от нашего дома колючей проволокой, не только пресек всякие контакты между мною и Лейли, но и запретил всем своим близким разговаривать с кем-либо из семьи моего отца. Поскольку он был твердо убежден, что его родню неминуемо ожидают гонения и притеснения со стороны мстительных англичан, то потребовал от дяди Полковника, чтобы тот взял себе специального денщика. Этот денщик, происходивший из тюркского племени и по-персидски знавший всего несколько слов, был мрачного вида детиной. По утрам он провожал Лейли в школу, в обед приводил ее домой, вечером повторялось то же самое, так что мне, вопреки моим планам, никак не удавалось ничего ей сказать. Раз-другой я попытался подождать ее на улице в надежде перекинуться хоть словом, но денщик снял свой толстый сыромятный ремень и так накинулся на меня, что забил бы до смерти, если бы не мои быстрые ноги.

Телефон тоже взяли под строгий контроль, и после долгих и тщетных попыток повидать Лейли или поговорить

с нею, я в конце концов счел единственным выходом открыться Маш-Касему (который, как выяснилось, сам обо всем догадывался) и попросить его о помощи. Маш-Касем внимательно выслушал меня и, сочувственно покачав головой, сказал:

– Ну, родимый, пускай бог над тобой смилуется. Ага, как никто другой в этом городе, о своей чести печется. И ежели узнает, что прямо под боком у него такой ухажер за его дочкой увивается, он тебе скорее кишки выпустит, чем к ней близко подпустит.

– Маш-Касем, дядюшке наверняка все известно. Быть не может, чтобы Пури или дядя Полковник ничего ему не рассказывали.

– Ты что, милок, несмышленыш совсем? Разве господину Полковнику или Пури жизнь не дорога, чтобы они стали аге такие вести доставлять?

В тот день Маш-Касем поведал мне много жутких историй о том, какие беды навлек дядюшка на поклонников уже просватанных девиц из нашей семьи, но я зашел слишком далеко, любовь к Лейли слишком глубоко проникла в мою грудь, чтобы мысль об опасности могла меня удержать. Во всяком случае, мне удалось уговорить Маш-Касема, чтобы он иногда передавал Лейли мои письма. Он согласился при условии, что я не буду писать в них ничего недостойного. Разумеется, каждый раз, когда я

приносил ему письмо, он спрашивал:

– Голубок ты мой, а там ничего такого нет?

– Честное слово, Маш-Касем, ни единого дурного слова.

Долгое время, кроме этих записок – да и те Маш-Касем отказывался передавать чаще, чем раз в неделю – и двух-трех случаев, когда мне неожиданно удалось увидеть Лейли, мы были отрезаны друг от друга, и мне приходилось терпеть неисчислимые муки и горести.

К счастью, последняя ссора между дядюшкой и отцом продолжалась не больше трех-четырех месяцев и под влиянием неусыпных стараний всей семьи закончилась миром. Сегодня мне открылась истинная причина примирения.

С началом этой распри страх дядюшки перед грядущей местью англичан с каждым днем увеличивался, в собственном доме он жил почти как в тюрьме. Даже в постели он не расставался со своим пистолетом. Вооруженный винтовкой, Маш-Касем теперь постоянно дежурил по ночам у его дверей. На окна спальни поставили железную решетку. По настоянию дядюшкиной жены, которая находила такой образ жизни невыносимым для себя и детей, несколько раз собирался семейный совет в самом узком составе: дядя Полковник, Асадолла-мирза, Шамсали-мирза и еще два-три человека. О развитии событий меня информировал Асадолла-мирза. Каждый из членов совета по

отдельности имел с дядюшкой Наполеоном беседу. Дядюшка же пришел к новому заключению: англичанам удалось договориться на его счет со сторонниками Гитлера. Договоренность эта сводилась к тому, что англичане обещали предоставить Гитлеру преимущество в какой-то другой сфере при условии, что Гитлер развяжет им руки для расправы с дядюшкой. И по этой причине Гитлер и отозвал своего агента, то бишь чистильщика Хушанга.

Асадолла-мирза по собственной инициативе, не говоря ничего остальным, несколько раз измененным голосом звонил дядюшке и, прибегая к условному языку, пытался убедить его, что переброска чистильщика на другое место основана на уверенности фюрера в том, что опасность миновала, чистильщик же переведен на другой важный пост, – но дядюшка не поверил и передал Гитлеру и Герингу весьма резкий ответ. Он даже назвал Гитлера соглашателем и прислужником англичан и заявил, что обретет спокойствие лишь в том случае, если чистильщика вторично назначат ответственным за его охрану.

В результате Асадолла-мирза сбился с ног, чтобы напасть на след чистильщика. После долгих поисков ему удалось узнать, что чистильщик бежал из нашего квартала, боясь мясника Ширали. Оказалось, что между ними произошла стычка, так как чистильщик позволил себе пошутить с Тахирой, женой мясника, а тут как раз и

появился ревнивый муж.

Он ударил чистильщика по голове бараньей ногой и, клокоча от гнева как вулкан, бросился в дом за более действенным оружием. Когда он выскочил оттуда с секачом, чистильщик, спасаясь от гибели, помчался с такой быстротой, на какую только были способны его молодые ноги, ни разу не оглянувшись назад.

Асадолла-мирза с величайшим трудом склонил Ширали отпустить чистильщику его вину. Потом после неустанных розысков нашел чистильщика на проспекте Амирис, довольно далеко от нашего дома.

Итак, через три месяца после своего исчезновения чистильщик вернулся на прежнее рабочее место – напротив нашего сада, и некоторое время дядюшка был относительно спокоен. Но не прошло и двух недель, как он завел старую песню: ведь англичане не забыли его старых грехов!

Теперь я могу проанализировать причины примирения дядюшки с моим отцом. Все члены семьи всячески пытались доказать, что англичане давно не помнят о дядюшке и его «преступлениях». Но он никак не желал принять эту мысль. Окруженный людьми, неспособными оценить всю «опасность» его положения, он нуждался в таком человеке, который, как и сам дядюшка, знал бы наверняка, что англичане никогда никого не прощают. Тем более не простят они противника, за которым числится столь серьезное дело:

уничтожение полков и целых армий. Они не успокоятся, пока не упрячут в могилу этого виновника своих поражений. Человеком, который понимал бы все это, мог быть только мой отец.

Подобное состояние духа неизбежно подводило дядюшку к тому, чтобы сделать первый шаг к примирению. Конечно, важную роль сыграли и старания Асадолла-мирзы, действовавшего по моему наущению.

Словом, после нескольких месяцев ссоры они помирились, часть колючей проволоки убрали, и я опять мог видеться с Лейли. Но, разумеется, не так свободно, как прежде: Пури строго следил за нами.

Пури грозил, что если еще раз увидит меня увивающимся вокруг Лейли, то покажет дядюшке Наполеону мое злосчастное любовное письмо. Для отвода глаз и с согласия Лейли я притворился, что между нами все кончено, что я больше и не мечтаю о ней. К счастью, Пури тоже не предпринимал дальнейших шагов к заключению брака, – ясное дело, не из сочувствия ко мне. Позднее я узнал, что в результате нервного шока, который вызвала у него пальба союзной артиллерии, а также в результате усекновения одного из существенных органов, он утратил охоту жениться и все это время под большим секретом ходил лечиться к доктору Насеру оль-Хокама.

Возвращение Маш-Касема прервало мои размышления:

– Подожди, голубчик ты мой, сейчас отнесу на кухню миску с молоком и приду.

Вернувшись в сад, Маш-Касем, закатывая повыше штаны, чтобы залезть в арык и пустить воду для поливки цветов, сказал мне:

– Ты, сердешный мой, свою клятву помни: ничего ты от меня не слыхал.

– Маш-Касем, я готов еще хоть сто раз поклясться. Даю честное слово, даже если меня на куски разорвут, я не признаюсь, что от тебя слышал. Ну, что же ты молчишь? Я умираю от нетерпения! Что случилось? Для чего это испытание?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Вот что я собственными ушами слыхал. – Маш-Касем огляделся и продолжал тихим голосом:

– Вчера пришел к аге господин Полковник, а я, значит, ненароком ухо к замочной скважине приложился и разговор ихний услыхал. Про Пури-агу говорили…

– Да что говорили-то?

– Зачем врать… Знаешь ведь, что с тех пор, как у Пури один из залогов мужества отхватили, он не в себе чуток… Вроде бы ему мужество отказало… Сейчас доктор Насер оль-Хокама его этим током елекстрическим пользует.

– Знаю, Маш-Касем.

– Иди ты! Откуда же ты знаешь-то?

– А мне докторов сын рассказал потихоньку. Он один раз, когда Пури был у доктора, в кабинет зашел, видел, как ему к телу круг прикладывали, блестящий такой.

– Иди ты! Я-то, дурак, думал – кроме полковника, аги и меня, никто об этом не знает… Словом, теперь доктор изо всех сил старается Пури-агу уговорить, что поправился тот, а парень не верит. Твердости, значит, лишился. Вот доктор полковнику-то и скажи, что, мол, единственный выход – сигэ[36]ему взять, чтобы через это проверку его мужеству произвести. Но Пури-ага ни в какую – говорит, вообще не женюсь, или на Лейли-ханум.

Я слушал разинув рот. Маш-Касем, польщенный вниманием, продолжал:

– А теперь господин Полковник средство одно нашел. Договорились с этой Ахтар, сестрой Гиясабади, что заплатят ей деньги хорошие, а она чтоб пришла и Пури-ага испытала.

– Что? С сестрой Практикана Гиясабади?… Как можно?… Разве так делают…

– Известно, делают. Да и бабенка эта отказываться не стала.

– И что же дядюшка, Маш-Касем?

– Ага сначала против был, а потом все же дал согласие.

– Ну, а Практикан Гиясабади? Он про это знает?

– Зачем врать? До могилы… Этот мой земляк, с пор как

36

Гамар-ханум родила, а ребеночек, всем на удивление, оказался на его сестру похожим, совсем бога забыл. Все-то у него не по-людски… Ты слыхал, как он бедных Дустали-хана и Азиз ос-Салтане из дому выгнал?… Ежели он и сообразит что к чему, то как деньжат огребет, так и попридержит язык-то.

– Когда же они хотят это устроить?

– Ей-богу, зачем врать? Тут они совсем тихо заговорили, я толком не разобрал. Вроде бы сегодня-завтра. Договорились, значит, что полковник с супругою уйдут, Пури дома оставят. Ну, отыщут предлог какой, чтоб его не брать. Потому как сам он ничего знать не должен. Тогда эта Ахтар чего-нибудь придумает, придет туда и свое дело сделает.

– Маш-Касем, а ты считаешь… Как по-твоему… получится эта проверка?

– Ей-богу, родимый ты мой, с такой шустрой бабенкой что угодно получится. Она, ежели захочет, покойно старого агу из могилы подымет да расшевелит! Что там агу – она и меня самого, кабы случай представился, в грех ввела бы…

Я, не подумав толком, предложил:

– Маш-Касем, а может, мы подстережем ее и не дадим наедине с Пури остаться?

– Ну так она в другой раз придет, когда тебя не будет. Надо что-то другое сообразить. Да еще – как бы не вышло

наружу, что тебе все известно… Ведь, кроме аги, полковника и Ахтар-вертихвостки, никто и не слыхал об этом. Ежели толки пойдут, ага мне башку расшибет… А вообще ага говорит, коли англичаны проведают – ославят его на весь город… Так оно и есть. Они ведь о-го-го…

– Маш-Касем, я прямо не знаю, что предпринять… Надо что-то делать! Ради бога, если узнаешь, когда они назначили эту встречу, извести меня.

– Ты давай успокойся. Натворишь чего-нибудь, меня подведешь… Я, может, больше твоего хочу это дело расстроить. Для меня честь всякой девушки из Гиясабада, может, собственной чести дороже… Ты хоть всю округу обойди, никого не найдешь, кто бы так честью дорожил, как гиясабадцы.

Маш-Касем еще раз взял с меня клятву, чтобы я держал секрет про себя, никому не выдавал бы его и, главное, остерегался козней англичан.

Расстроенный и несчастный, я вернулся в свою комнату. Сколько я ни ломал голову, ничего на ум не шло. Вернее, каждая новая идея, которая у меня появлялась, наталкивалась на непреодолимые трудности.

В отчаянии я отправился прогуляться к дому Асадолла-мирзы, который, как мне было известно, уехал. Но, когда я подошел ближе, господь будто приоткрыл передо мной райские врата: из дома слышались звуки граммофона.

– Слава богу, что вы здесь, дядя Асадолла! Когда вы вернулись?

– Вчера вечером, дружок. Ну, что еще случилось, отчего ты такой бледный? Опять дядюшка и отец твой поссорились? Или генерал Вихроу напал на дядюшкин дом?

– Хуже, дядя Асадолла, гораздо хуже.

– Моменто, моменто, хочешь, я догадаюсь? Вы с Лейли-джан немножко того… в Сан-Франциско съездили… И ты оставил Лейли один гостинчик!

– Нет, дядя Асадолла, не шутите, все гораздо серьезнее.

– Ох, молчи уж, дурачок! Значит, это вообще не про Сан-Франциско? Там еще подальше Лос-Анджелес есть. Если о нем речь, тоже неплохо.

– Нет, дядя Асадолла. Но вы, пожалуйста, поклянитесь, что все это останется между нами.

– Моменто, так что же: это не имеет никакого отношения к Сан-Франциско?

– Почему же, имеет, – неохотно ответил я, – но только это связано с Пури.

– Не дай бог! Ты так долго откладывал, что Пури свозил ее в Сан-Франциско?

– Нет, нет! Вы совсем не слушаете меня… Пури с другой в Сан-Франциско…

– Да тебе-то что? Неужели ты хочешь ему все пути Сан-Франциско закрыть? Вообще запретить въезд туда?

Асадолла-мирза так разошелся, что с ним невозможно было разговаривать. От нетерпения я даже закричал:

– Да послушайте вы меня хоть минутку!

– Виноват, ваша милость, слушаю, я весь внимание! Извольте рассказывать!

Заставив Асадолла-мирзу поклясться всем святым, что тайна останется между нами, я описал ему, что произошло. Тут на него напал такой хохот, что он свалился с дивана, а когда немного успокоился, вытер, выступившие на глазах слезы и проговорил, все еще прерывая сам себя смехом:

– Значит, наш доктор для проверки эффекта своего лечения прописал больному Сан-Франциско… До чего хороший доктор! Я давно говорю, что этот Насер оль-Хокама – гений. Вот у кого лечиться надо! Впрочем, я бы предпочел лекарство из другой аптеки.

Хоть мне было и не до веселья, меня тоже разобрал смех:

– Потому что это лекарство вы уже принимали, да?

– Нет, бог свидетель, к Ахтар, сестрице Практикана я и не притрагивался.

Он божился с таким пылом, что я сразу решил – лжет! Немного помолчав, я опять спросил:

– Как по-вашему, что мне теперь делать? Если они будут довольны результатами проверки, то на следующей неделе обязательно состоится сватовство, а еще через

неделю – свадьба. Я любой ценой должен добиться, чтобы Пури не прошел этого испытания…

– Моменто, а откуда ты знаешь, что он пройдет? Ученик настолько тупой…

– Зато Ахтар, как я слышал, очень…

– Да, это верно, – перебил он меня. – У такого экзаменатора провалов не бывает… Я-то болван – надо мне было догадаться, пусть бы сначала она тебе экзамен устроила, а то у тебя в географии большие пробелы: ни Сан-Франциско не знаешь, ни Лос-Анджелеса!

– Дядя Асадолла, пожалуйста, не шутите. Я вас умоляю, придумайте что-нибудь!

– В два счета. Ударь-ка его еще разок… Как это Маш-Касем выражается? Один «залог чести» ты ему уже загубил, теперь дай пинка по другому «залогу» и выведи его из строя тоже. Вот и получится у нас достопочтенная Пури-ханум с тонким голосочком… Уж тогда твоя душа успокоится!

– Дядя Асадолла!

– Да, но ведь завтра появится другой претендент. А послезавтра – третий… Придется тебе расширить свою практику – с утра до вечера надо будет осыпать пинками мужскую честь наших сограждан…

– Дядя Асадолла, я подумал, может быть, Асгар-Трактор, этот друг Ахтар…

– Ну-ну, браво – блестящая идея! Только тебе и остается

притащить сюда этого пьяного хулигана – пустить его любовнице кровь… Но можно обойтись и без кровопролития: возьми Лейли за руку и приведи ее в экзаменационный зал в соответствующий момент.

– Этого я сделать не могу. Я дал честное слово, что не выдам того, кто открыл мне эту затею. А тогда как же я Лейли объясню…

– Но ты ведь уже нарушил свое честное слово.

– Почему, я же вам не назвал того, кто мне это сообщил.

– А то я не знаю, кто! Издалека видно, чьих рук дело.

– А на кого вы думаете, дядя Асадолла?

Асадолла-мирза, растопырив пальцы правой руки, забубнил:

– Зачем врать? До могилы-то – ать! ать! – четыре шага всего.

– Нет, дядя Асадолла, уверяю вас, Маш-Касем ничего об этом не знает.

– Ну, ладно, ладно, нечего зря клясться и божиться… По-моему, тебе надо либо обо всем рассказать Лейли и устроить скандал, либо призвать на помощь Асгара-Трактора, который произведет кровопускание ученику и экзаменаторше, либо немедленно установить слежку за Ахтар, чтобы, как только они приступят к экзамену, завопить «караул».

Мы еще долго разговаривали с Асадолла-мирзой, и он

то в шутку, то всерьез искал для меня выход из положения. Мы пришли к заключению, что, если и удастся избавиться от Ахтар, все равно вместо нее найдут другую, наконец Асадолла-мирза, закуривая сигарету, сказал:

– По-моему, тебе не следует препятствовать этому экзамену. А во время его проведения устроить какой-нибудь переполох, чтобы ученику это надолго запомнилось, чтобы он еще месяцев шесть-семь ходил лечиться к доктору Насеру оль-Хокама, ну, а дальше – бог милостив. Может, за это время англичане дядюшку… или даже Пури в отместку за дядюшкины злодеяния на тот свет спровадят!

Вдруг меня осенило, и я торжествующе закричал:

– Дядя Асадолла, нашел! Если мне удастся узнать время экзамена, я в этот самый момент выстрелю из ружья или взорву петарду, чтобы Пури испугался… Вы ведь знаете, доктор Насер оль-Хокама сказал дядюшке, что причина недомогания Пури – не только мой удар, но еще и нервный шок, который у него случился во время выступления союзников. Ну, он услышал выстрелы и перепугался.

– Только будь осторожен, чтобы твоя петарда глаза ему не выжгла… Равновесие одной половины его тела ты уже нарушил, берегись, как бы не нарушить координацию другой половины! Он ведь гений, надежда всей нации. Особенно теперь, когда получил должность в налоговом управлении.

– Не волнуйтесь, я знаю, что делаю.

– И, пожалуйста, не лезь напролом! Как только твой осведомитель сообщит, когда назначен экзамен, сейчас же извести меня.

– Есть, дядя Асадолла!

– И еще одна просьба: не причиняй вреда экзаменаторше, – добавил Асадолла-мирза, смеясь, – я хочу, чтобы она и тебе устроила выпускные экзамены, научила бы тебя, паршивца, что Сан-Франциско – распрекрасное местечко, а Лос-Анджелес – еще лучше.

– До свидания, дядя Асадолла.

– До свидания, противник Сан-Франциско!

– Разрешите? Йаллах![37]Салам алейкум.

Дверь класса распахнулась, и вошел Маш-Касем. Я и прочие ученики, опешив, переводили взгляд с него на учителя. У нашего математика был на редкость дурной, злобный характер. Даже школьному инспектору не разрешалось во время урока входить в класс. Прищурившись, учитель через очки в черной оправе уставился на вошедшего. Ребята, которые его ужасно боялись, замерли от страха. О моем состоянии нечего и говорить.

Маш-Касем, невозмутимо оглядев учеников, опять обратился к учителю:

37

– Я поздоровался… С давних пор говорили, что по шариату[38] привет – желателен, ответ обязателен! В этой комнате человек пятьдесят сидят… Я вхожу, здороваюсь – никто не отвечает.

Учитель хрипло спросил:

– Кто вы такой?

– Маш-Касем, с вашего позволения. Я «салам» сказал.

– Кто вам разрешил входить в класс во время урока?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Я спросил «Разрешите?» – а вы не сказали, что не разрешаете. Вот я и вошел. А еще я поздоровался. Может, с божьей помощью, вы соберетесь с духом хоть как-нибудь мне ответить.

– Алейкум салам! – проговорил учитель, явно рассерженный. – Ну, кто тебе нужен? Зачем ты сюда явился?

Маш-Касем показал на меня пальцем – я, сидя за своей партой во втором ряду, прямо помертвел от страха – и произнес:

– Я слуга дяди вон того барчука. Отцу его вдруг худо стало, меня послали забрать барчука домой.

С этими словами Маш-Касем подмигнул мне, да так, что все ребята видели, только учитель, к счастью, ничего не заметил.

Учитель перестал морщиться. Знаком приказав мне встать, он спросил:

38

– Разве твой отец чем-то болен?

– Мой отец… то есть, нет… я…

– С чего же он вдруг заболел? – повернулся учитель к Маш-Касему.

– Я и сам не понимаю, ей-богу. Сидел вот так, курил свой кальян, а потом вроде бы подавился чем… Завертелся на месте, вскрикнул и упал…

Маш-Касем опять весьма неосторожно подмигнул, но учитель и на этот раз ничего не заметил.

– Ладно, отправляйся домой. А вы, пожалуйста, в другой раз так не врывайтесь в класс!

Я поспешно собрал свои книжки, но, когда с портфелем в руке направился к дверям, учитель окликнул меня:

– Постой-ка! В среду у другого ученика мать вдруг захворала – тоже приходили за ним… А может, ты просто урок не выучил, провести меня вздумал? Ну-ка, ступай к доске!

Маш-Касем хотел возразить, но я сделал ему знак молчать. Учитель велел мне решить у доски задачку. Но мне в голову не лезла никакая математика: я был уверен, что у Маш-Касема появились новые сведения насчет экзамена Пури. Ведь я сам умолял его прийти за мной в школу, если ему в мое отсутствие что-нибудь станет известно. Естественно, задачка у меня не получилась.

– Я так и знал! – заорал учитель. – Ну-ка, дуралей,

пиши: $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$. Вот и вся задача!

– Извините, господин учитель… Я… я совсем растерялся… Очень за отца волнуюсь, не могу ничего сообразить.

– Удивительное дело! Подойди сюда. Ближе, ближе! Я тебя выведу на чистую воду!

Дрожа от страха, я подошел к нему, и он влепил мне такую пощечину, что у меня в ушах зазвенело. Я прижал руку к лицу, опустил голову, но тут вдруг Маш-Касем выступил вперед и закричал:

– Вы почему чужих детей бьете? Видать, только про уроки свои помните, а про отца родного забыли?

– Не лезь не в свое дело, пошел отсюда!

– Как это не в свое? Я знать желаю, это что – школа или лавка мясника Ширали? Вы еще секач сюда принесите, вылитый Ширали будете…

Я хотел крикнуть, остановить Маш-Касема, но слова застряли у меня в горле. Учитель побледнел от злости, у него задрожал подбородок, когда он прорычал:

– Эй, кто-нибудь, сходите за Хадж-Исмаилом, чтобы он выкинул вон этого грубияна!

– Да я и сам уйду, – сердито сказал Маш-Касем, – будьте спокойны, здесь не останусь… Мы, слава богу, в школах не обучались, к таким делам не привыкли… У меня, господи прости, был один земляк в Гиясабаде…

– Вон!! – взревел учитель, так что стекла зазвенели.

Я схватил Маш-Касема за руку и изо всех сил потащил его из класса. Минуту спустя, усадив его на багажник моего велосипеда, я уже катил по направлению к дому.

– Ну, Маш-Касем, подвел ты меня… Теперь, этот учитель с меня три шкуры спустит! Давай говори, что случилось?

Маш-Касем, хорошенько ухватившись за велосипедное седло, изрек:

– От таких вот учителей и бегут ученики к сброду всякому, отребью безродному, слоняются с ними по улицам с утра до ночи.

– Да говори же, что случилось?

– Ей-богу, милок… После обеда, гляжу я, Полковник шушукается с этой Ахтар возле дома ихнего… Ну, а через час, как увидел я, что Полковник с женой ушли и людей всех отослали, сразу почуял, к чему дело идет… А полчаса назад, гляжу – идет эта бесстыжая, разнарядилась в пух и прах! Ну, думаю, сегодня что-то будет. Не стал канителиться, побежал за тобой. Обещал ведь тебе… Но уж смотри: ты жизнью отца клялся, жизнью Лейли-ханум, так что ежели кому проговоришься…

– Частное слово, Маш-Касем! Что бы ни случилось, я всегда могу сказать, что ничего от тебя не слышал…

– Только уж, голубчик, теперь ногами-то его не бей.

Ведь они тебе в этот раз спуску не дадут.

– Не волнуйся. Слово даю, я вообще к Пури не притронусь. Маш-Касем, а почему они в такое время?…

– Потому что в это время дома никого нет. Дети в школе, кто служит – на службу ушли.

– Пури тоже служит.

– Ей-богу, не знаю, как это вышло, только сегодня господин Полковник велел ему в контору не ходить. Тут я и сообразил, чем дело пахнет.

К счастью, от школы до дома было близко, так что мы добрались очень быстро. Я так жал на педали велосипеда, что совсем запыхался. В начале нашего переулка я ссадил Маш-Касема:

– Маш-Касем, прежде всего надо проверить, пришла Ахтар в дом дяди Полковника или нет.

– Нет, милок, ты сперва скажи, что делать собрался. Беспокойно мне что-то.

– Слово даю, никакого вреда Пури не будет. Я только, как увижу, что до крайности доходит, подниму шум, чтобы он не мог совершить такого бесчестья.

– Ай, молодец! Сильно мне нравится, когда честью дорожат. Ничего-то важнее чести нет. Вот один мой земляк…

– Маш-Касем, после расскажешь… Ты сейчас пойди посмотри, как там? А я – полезу на крышу, оттуда загляну в

дом дяди Полковника.

Глава двадцать первая

Когда я вбежал в дом, отец с матерью как раз собирались уходить.

– Что ты так рано вернулся?

– У нас сегодня учитель заболел, урока не было. А вы куда?

– Фаррохлега-ханум прихворнула, идем навестить ее, – ответила мать. – Хочешь, пошли с нами.

– Нет, у меня уроков много.

– Виноград я в холодном месте, около крана, оставила, захочешь – возьмешь.

С этими словами они ушли, что было весьма кстати. Дело в том, что из окна моей комнаты можно было вылезти на кровлю бани, пройти по узкому карнизу, добраться до уступа стены, а оттуда – заглянуть во внутренний двор дома дяди Полковника. Однако, проделав все это, я, вопреки ожиданиям, не обнаружил там Ахтар. Только Пури, обвязавшись лонгом, купался в бассейне. Я вернулся к себе.

За день до этого я взял у своего одноклассника четыре петарды. Каждая из них была с грецкий орех величиной. Не знаю, из чего они были сделаны, но, чтобы взорвать, их надо было бросить оземь. Рассчитывая произвести побольше

шума, я завернул все четыре петарды в тряпку, обмотал ниткой, потом, покончив с заготовкой боеприпасов, вышел в сад. Из-за деревьев послышался голос Маш-Касема, он звал меня и, едва я приблизился, прошептал:

– Голубчик ты мой, бегу тебе сказать. Я сейчас стоял у ворот с чистильщиком, а сам все в ту сторону поглядывал. Гляжу, Ахтар в полном параде, в цветной чадре, через сад чешет. Проследил я за ней, вижу, в дом Полковника наладилась…

– Спасибо, Маш-Касем, спасибо тебе.

Я хотел бежать на свой пост, но Маш-Касем удержал меня:

– Будь осторожен, родимый, ежели Полковник узнает, прикончит он тебя!

– Я осторожно, Маш-Касем. А ты, пожалуйста, сходи к Асадолла-мирзе, как-нибудь сделай, чтобы он сюда пришел: если что – пусть меня вызволит.

– Он еще, наверно, со службы не вернулся.

– Ну, когда вернется.

С этими словами я поспешил в свою комнату, сунул в карман петарду и тем же путем пробрался на облюбованное место.

На Ахтар было зеленое платье с глубоким вырезом. Чадру с пестрым узором по белому полю она опустила на плечи и так восседала в плетеном кресле посреди цветника.

Пури облачился в полосатую фланелевую пижаму, от чего его лошадиная физиономия и тощая фигура казались еще длиннее. Разговор пока шел вполне официальный:

– Я вам очень благодарна буду, господин Пури-хан, если вы мне с этим делом поможете.

– А как же в прошлом году? – пришепетывая, спрашивал Пури. – В прошлом году с него брали такой же налог?

– Нет, в прошлом году у него знакомый нашелся, все ему устроил. Он намного меньше уплатил.

– Так вы, пожалуйста, приходите завтра-послезавтра ко мне в управление, я посмотрю, что можно сделать. Надо взглянуть на его карточку.

Ахтар, обмахиваясь краем чадры, которую она совсем спустила, проговорила:

– Сил нет, до чего же жарко!

Ясное дело – она хотела привлечь внимание Пури к своим голым рукам и пышной груди. Но Пури, ничего не замечая, ответил:

– Хотите, я принесу вам стакан холодного вишневого шербета?

– Мне бы хотелось стаканчик пива или вина… Того вина, которым ваш отец в прошлый раз нас угощал.

– К сожалению, отец убирает вино в кладовую, а дверь запирает.

– Наверно, боится, как бы вы все не выпили!

– Нет, я вообще не пью.

Ахтар засмеялась:

– Так я и поверила! Когда девушкам свиданье в кафе назначаете, шипучку заказываете небось?

Лошадиная физиономия Пури покраснела. Смущенно фыркнув, он опустил голову:

– Ничего я такого не умею.

– Да ладно, хватит притворяться-то! Такой видный, красивый молодой человек, а не умеет! Даже если вы сами не желаете, женщины вас в покое не оставят.

– Помилуйте!

– А теперь сходи поищи, может, осталось где-нибудь то винцо.

Пури встал и, направляясь к двери, возразил:

– Я же знаю, что не осталось.

Когда Пури ушел, Ахтар расстегнула на платье еще одну пуговицу. Маш-Касем был прав: эта женщина действительно возбуждала страсть. У меня, хоть я торчал высоко на стене и того гляди мог свалиться вниз, и то во рту пересохло. Я вспомнил слова Асадолла-мирзы и возблагодарил бога, что это не мой экзамен. Но тут же я приказал себе выбросить из головы посторонние мысли. Сунув руку в карман, я поигрывал петардой, которая теперь была величиной с померанец. Я никак не мог решить, когда

бросить ее вниз. Послышался голос Пури:

– Удивительный случай – действительно, на столе стоит бутылка.

– Я так и знала, – со смехом сказала Ахтар. – Ну, где же ты там?

– Штопор ищу… А, нашел.

Пури появился на пороге с маленьким подносом в руках. На подносе была бутылка вина и один стакан.

– Ох, разрази меня гром! Почему же стакан-то один?

– Я ведь сказал, что не пью.

Ахтар наполнила стакан вином. Отхлебнула немного, причмокнула:

– Ах, какое вино! Да разве от такого можно отказываться?… Ты только попробуй – до чего вкусно!

– Нет, не хочу… Я один раз пробовал – мне от него нехорошо, голова болит.

– Ну, за мое здоровье! Выпей за здоровье Ахтар!

С этими словами она поднесла стакан к губам Пури. Тот сделал глоток и сморщился:

– Кислятина!

– Это ты не распробовал. Ну, еще глоточек – за здоровье Ахтар!

Она вылила ему в глотку почти весь стакан и вдруг закричала:

– Ой, разрази меня гром! Ты мне платье облил…

Тут она ухватилась за подол платья и задрала его так высоко, что стали видны толстые белые ляжки. Пури громко засмеялся:

– Говорил я вам – не надо настаивать! Вот бог-то и наказал!

Этот парень был до того тупой и серый, что мне захотелось, отбросив все личные проблемы, стукнуть его петардой прямо по голове. Он вытащил из кармана пижамы платок, намочил его в бассейне и протянул Ахтар:

– Возьмите, вот, замойте.

– Нет, это креп-жоржет, его так испортить можно. Я лучше натяну, а вы потрите платочком.

Ахтар приподняла подол еще выше, обнажив чуть ли не все бедро, а лошадиная физиономия Пури почти уткнулась ей в грудь. Нетрудно было догадаться, какие чувства пробудились в его нескладном теле.

– Ну что же, я теперь не совру, если скажу, что Пури-хан меня запятнал…

Пури мерзко захихикал, этот смешок совсем не походил на его обычное ржание.

– Хорошо, что отца нет дома, – сказал он, – а то стыдно так.

– Если бы отец твой дома был, я бы с таким красивым мальчиком не сидела… Ой, ой! Комары здесь какие! Под коленкой так и жжет… Ой, какой волдырь вскочил!

Потрогай-ка, какой большой…

Ахтар взяла руку Пури и прижала к своей голой ноге, продолжая говорить:

– У вас в доме одеколона нету?

– Почему, есть… Подождите, я сейчас принесу.

Пури направился к дому, Ахтар за ним. Теперь я не видел их, но из открытой двери комнаты доносились их голоса. Ахтар говорила:

– Ух, как щиплет! Потри еще немного, только не по одному месту… Смотри-ка, а сам говорил, будто не ходил на свиданья с женщинами.

– Нет, не надо… Отец с мамой могут прийти.

– Да ни за что они не придут… Я Полковника в дверях встретила, он сказал, что до вечера не вернутся.

– А вдруг слуги…

– Не болтай, милый… Никто сюда не войдет…

По тому, как голос Пури вдруг прервался, и по невнятному кудахтанью, которое он теперь издавал, я догадался, что Ахтар соответствующим образом заткнула ему рот. Господи, бросать мне петарду или нет?… Хоть бы здесь был Асадолла-мирза, он бы мне скомандовал: «Огонь!» По скрипу пружин я понял, что оба они повалились на кровать. Раз, два, три… Изо всех сил я швырнул петарду как можно ближе к дверям комнаты…

Грохот взрыва превзошел все ожидания. Звук был

такой, словно каменная глыба обрушилась на склад стекла… Осколки вихрем взлетели вверх, я от страха потерял равновесие и нога моя сорвалась с кирпичного выступа. Но на землю я не упал, так как инстинктивно уцепился за карниз руками. Хорошо еще, что, замахиваясь для броска, я повернулся к стене лицом – не то обязательно сорвался и переломал бы себе кости. Мгновение я висел на руках, пытаясь нащупать ногой точку опоры. До земли было метра два.

Вопли Ахтар слились со странными звуками, вылетавшими из глотки Пури:

– Пури-джан!… Пури-джан!… Что с вами? Что это было? О-ох, провалиться мне на этом месте, отвечай, тебе говорю…

Заикаясь, Пури с трудом выговорил:

– Нет… ни-и-чего… я… Э-это пу-у-ушки… р-р-ру-ужья…

– Ну, я пошла! – крикнула Ахтар. Она накинула на голову чадру и поспешно побежала к садовым воротам.

В дверь дяди Полковника стучали кулаком, что-то вопили. Но Пури, похоже, не в силах был двинуться с места, только по-прежнему сипел, запинаясь:

– И-и-иду… и-и…

Мое положение оставалось отчаянным: ногу некуда было поставить, а руки уже отказывались меня держать. Но

прежде чем я решился разжать пальцы, один из кирпичей, за которые я ухватился, вывалился из гнезда, и мы вместе рухнули вниз. Меня пронзила сильная боль, однако кое-как я все же поднялся, но, прежде чем успел обратиться в бегство, в дверном проеме показалась длинная фигура Пури, бледного как мертвец.

Должно быть, от злости, охватившей его при виде меня, испуг несколько отступил, он опять обрел дар речи и завопил:

– Значит, это твоих рук дело!… Это ты… ты все устроил?…

– Нет, нет, Пури, жизнью отца клянусь… Это не я, клянусь здоровьем дядюшки!

Но явная растерянность и волнение выдавали меня с головой. Воспользовавшись минутным колебанием Пури, я бросил взгляд в ту сторону, куда швырнул петарду. Оказывается, мой снаряд попал в отверстие здоровенной широкогорлой бутыли, которая неизвестно зачем стояла в углу двора, и разорвал ее. Верхняя конусообразная часть сосуда валялась на прежнем месте, все вокруг было усыпано осколками стекла.

Не обращая внимания на шум, доносившийся снаружи, Пури кинулся на меня и начал колотить. На мгновение инстинкт самозащиты взял верх, и я уже занес ногу, чтобы лягнуть его, но, вероятно, обещание обойтись без

членовредительства, данное Асадолла-мирзе и Маш-Касему, заставило меня прирасти к месту. Тут дверная задвижка, не выдержав сильного напора, отскочила, и дядя Полковник впереди, а за ним несколько человек родственников ввалились во двор.

Рев дяди Полковника перекрыл все прочие крики:

– Что случилось, Пури? Что тут за грохот?!

– Этот выродок гранату в наш дом бросил.

Я тотчас начал оправдываться:

– Клянусь здоровьем отца, жизнью вашей, дядя, клянусь, если бы это я…

Полковник, оттолкнув Пури, сам вцепился мне в горло:

– Признавайся, паршивая тварь, поганец!

– Клянусь вашей жизнью… отцом клянусь… Я услышал шум и выскочил на крышу поглядеть… Поскользнулся там…

В отчаянии я смотрел на дверь: я надеялся, что Маш-Касем или Асадолла-мирза прибегут меня спасать, но никого не было. Дядя Полковник, продолжая сдавливать мне шею, опять зарычал:

– Вот я сейчас набью тебе на ноги колодки да всыплю палок по пяткам, так что ногти с пальцев сойдут, а потом еще и в тюрьму брошу… Пури, ну-ка, дай мне розгу!

Пури с готовностью сломал ветку с дерева и подал ему. Я всячески пытался освободиться, но прежде чем первый

удар обрушился на меня, от дверей раздался голос:

– Руки прочь!

Все замерли, а я от страха прямо к месту прирос: на пороге появился дядюшка Наполеон. Из-под складок его абы мрачно сверкало дуло пистолета, который он сжимал в руке. К счастью, рядом с дядюшкой показалось добродушное лицо Маш-Касема, с болтавшейся за плечом двустволкой.

Дядя Полковник и Пури начали было жаловаться ему, но дядюшка Наполеон оборвал их:

– Вы что – совсем одурели?! В такой опасный момент, вместо того, чтобы укреплять оборону, вы всем скопом навалились на ребенка!

– Дядечка, этот безродный пащенок забросал дом гранатами… Хотел меня убить!

– Молчать! И у глупости есть предел… Вы столько времени впустую потеряли, что истинный виновник этого покушения уж до дому добрался!

Пока продолжался этот диалог, Маш-Касем с винтовкой на плече ходил взад-вперед по двору, присматриваясь. Он обследовал заднюю стену дома дяди Полковника, выходившую на узкую улочку, и пробормотал:

– Вот проклятые! Либо с этой улицы швырнули… Либо с иростата.

Все повернулись к нему. Маш-Касем, как бы разговаривая сам с собой, но уже в полный голос,

продолжал:

– Я вроде бы слыхал, иростат гудел недавно… Ох, погуби господь этих англичанов!…

Все сразу зашумели, запротестовали – особенно дядя Полковник и Пури:

– Опять англичане?! Глупости болтаешь, Маш-Касем, начинается снова…

Дядюшка Наполеон несколько мгновений молчал. Ему было трудно освоиться с мыслью, что бред про англичан приписывают не ему. Но потом он взорвался:

– Да, англичане… англичане! Вы воображаете, что вражда между мною и англичанами шуточки… Я, значит, спятил… Все это сказки одни… Я, значит, вздор несу… Вы меня в могилу вгоните!… Я ни днем, ни ночью глаз не смыкаю, стараюсь вас защитить от происков англичан, я рискую своей жизнью, своей, честью и добрым именем. Какие еще доказательства нужны?… Недостаточно разве, что в наш дом бомбу бросили – то ли с улицы, то ли с самолета, то ли черт их знает откуда?… Как мне вам, олухам, растолковать? Господи, пошли мне смерть, избавь от родни от этой!

Вид у дядюшки был ужасающий. Все тело его сотрясала дрожь. Он прижал руку ко лбу, прислонился к стене и медленно сполз на землю. Глаза его закатились, пистолет выпал из рук.

Маш-Касем подбежал к дядюшке. Возможно, для того, чтобы освободить меня из рук мучителей, он завопил:

– Вай, отец родимый! Убили!! Кругом родни полно, зачем было англичанам его-то убивать?!

– Я совершенно уверен, во всем этот поганец виноват, – заявил Пури. – Я на этом настаиваю.

Маш-Касем, который кинулся растирать дядюшке плечи, при этих словах резко выпрямился, направил дуло двустволки прямо на Пури и заорал:

– Вы агу убили… Всех вас сейчас перестреляю! Господи, прости мне грехи мои, другого выхода нет!… Читайте предсмертную молитву!

Пури, дядя Полковник и все остальные побледнели. Не сводя глаз с винтовки, они попятились, лепеча при этом:

– Маш… Маш-Касем… Голубчик… ты… с ума-то не сходи…

Я отлично знал, что Маш-Касем не умеет даже взвести курок, кроме того, почти не было сомнений, что ружье не заряжено, но все-таки и мне стало как-то беспокойно. Но тут наконец от ворот послышался возглас:

– Моменто, моменто, моментиссимо!

Асадолла-мирза, высоко подняв брови в знак удивления, входил во двор. Тотчас раздался вопль Пури:

– Помогите, дядя Асадолла! Маш-Касем нас убить хочет!

– Браво, Маш-Касем! Я и не знал, что ты на людей охотишься!

Но Маш-Касем не дал ему договорить.

– Они моего господина прикончили, я им отомстить должен, – заорал он. – Все до единой пули в них выпущу, а последнюю – в себя!…

Асадолла-мирза начал старательно пересчитывать присутствующих:

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, со мной – восемь… Маш-Касем, в двустволке столько пуль нету, чтобы их всех перестрелять! Да еще чтобы на тебя хватило… Ладно, довольно шутить, скажи-ка, что случилось? Кто покушался на твоего господина?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то – ать! ать!… – прокричал Маш-Касем. – Я должен их всех порешить, потому как они господина моего убили!

– Ладно, прости ты их… Этот парень – осел безмозглый, он ошибся… Что?… Что ты сказал? Господина ли?… Где ага?! Что с ним?!

Тут только его взгляд упал на неподвижное тело дядюшки Наполеона. Он кинулся к нему:

– Так ты вместо того, чтобы за врачом бежать и за лекарством, отмщением занялся?… Ага! Что с вами?

Опустившись на землю, Асадолла-мирза захлопотал возле дядюшки, Маш-Касем, закинув винтовку за спину,

бросился помогать ему.

– Да что же произошло? – с беспокойством спрашивал Асадолла-мирза. – Маш-Касем, подай ту циновку, подстелим ее… Эй, мальчик, беги в соседний дом, принеси пузырек с нашатырем… Да живо!

Волнение Асадолла-мирзы заразило всех, все забегали, засуетились. Сам он, продолжая массировать дядюшке руки и ноги, воскликнул:

– Неужели никто не может мне объяснить, что здесь произошло?! Отчего ага потерял сознание?

Пури, тыча тощим пальцем в мою сторону, прошепелявил:

– Во всем виноват этот ублюдок… Он в наш дом бомбу бросил… Хотел убить меня.

– Моменто, бомба попала в агу?

– Нет, только грохот ужасный был. Все стекла вылетели, но в меня не попало.

– Так, значит, ага лишился чувств от грохота?

Пури затряс своей лошадиной мордой:

– Нет, дядюшка после пришел. Я говорю, что этот мерзавец бомбу бросил, а дядюшка говорит, нет, это англичане.

– Ну, это еще не причина для обморока. Наверно…

– А он разволновался очень, – перебил его Пури.

Осторожно похлопывая дядюшку по щекам, Асадолла-

мирза сказал:

– Вполне вероятно, что это дело рук англичан. Откуда этому невинному младенцу взять бомбу?

– Дядя Асадолла, вы не смотрите, что он обиженным прикидывается, это такой выродок, вы даже представить себе не можете! Ведь он же в прошлом году…

Тут Пури, видно, сообразил, что слишком разговорился, и что напоминать о прошлогоднем происшествии ему невыгодно, так как внезапно замолчал. Я воспользовался случаем.

– Поверьте, дядя Асадолла, я совершенно ни в чем не замешан. Можете спросить Ахтар-ханум, которая здесь была.

Брови Асадолла-мирзы поползли вверх:

– Моменто, моменто, а при чем здесь Ахтар-ханум?

Маш-Касем тоже решил вставить слово:

– Ей-богу, зачем врать? Я, значит, понять не мог, чего этой вертихвостке здесь делать? Когда бонба грохнула, вижу, она из ворот выскочила и давай рысью к своему дому…

Теперь вмешался дядя Полковник:

– Ахтар, сестра Практикана, приходила, чтобы Пури разъяснил кое-что одному из ее родственников, ему надо налог уплатить…

Маш-Касем покачал головой:

– Вот уж на вашем месте я бы эту чертовку наедине с Пури-ханом не оставил… Это она все нарочно придумала, чтобы чужого ребенка с пути сбить…

Я опять улучил момент:

– А еще если Асгар-Трактор проведает, что Ахтар приходила к Пури, он Пури зарежет, на куски его изрубит!

Дядя Полковник и Пури были явно встревожены. Полковник похлопал меня по плечу:

– Сынок, ты так больше не говори… Невзначай дойдет до того хулигана отпетого, он и вообразит, что…

Принесли пузырек с нашатырем, Асадолла-мирза открыл пробку, поднес склянку к носу дядюшки Наполеона. Тут прибежала Лейли. Увидев отца без сознания, она залилась слезами, повторяя:

– Папа, папочка… папочка…

Теперь не хватало только мне зареветь при виде плачущей в три ручья Лейли! К счастью, дядюшка приоткрыл глаза. Асадолла-мирза воскликнул:

– Ну, что я говорил! Слава богу, ничего серьезного… Небольшой солнечный удар… Ага… Ага! Как вы себя чувствуете?

Дядюшка Наполеон поднес руку ко лбу и слабым голосом проговорил:

– Почему… почему я… Мне, кажется, стало дурно…

Несколько мгновений он дико озирался вокруг, потом

вспомнил, что произошло. Глянул в тот угол, где валялись остатки разбитой бутыли, и вдруг глаза его округлились, и он закричал:

– Руки прочь, дурак! Кто тебе велел заметать? Отберите кто-нибудь метлу у этого болвана.

Слуга, который намеревался собрать осколки стекла, застыл на месте. Я подскочил и вырвал у него из рук метлу. Нагибаясь за ней, я успел подхватить с земли и почерневший лоскуток – деталь моей адской машины и зажал его в кулаке. Дядюшка, с трудом приподнявшись, сказал:

– Пусть кто-нибудь сходит за Практиканом Гиясабади!

Дядя Полковник и Пури опять забеспокоились. Полковник поспешил сказать:

– Братец, ну зачем вам Практикан? Вы этим глупостям… Нам теперь тоже ясно, что этот ребенок не виноват…

– Я хочу знать мнение Практикана как специалиста, – прервал его дядюшка.

– Да на что нам этот Практикан? Я и сам куда лучше разберусь…

Дядюшка слабым голосом снова оборвал его:

– Не мели ерунды! Ты всю жизнь насчет денег старался, а в этих вопросах ты ничего не смыслишь.

Маш-Касем сейчас же влез в разговор:

– Все-таки аге лучше знать… Сколько мы с агой пороху

нюхали около этих пушек да винтовок… Да, славное было времечко! Англичаны чем только в агу не стреляли из пушек из своих… Эх, много лет прошло, а все словно бы вчера! Помню я в бою под Мамасени у нас один пушкарь был – ему скажешь, стреляй по Кяхризаку, а он, чтоб ему лопнуть, по Гиясабаду лупит… Все снаряды извел, последний снаряд остался… Ага, храни его господь, сам к пушке встал, будто лев… Сам прицелился! С одного выстрела все палатки английские, все их знамена и хоругви эти разлетелись, только дым пошел… А после, как мы вошли туда, смотрим, снаряд-то угодил англичанам прямо посередь стола… Все миски с похлебкой, плов-шашлык ихний на клочки разнесло…

Дядя Полковник в раздражении проговорил:

– Маш-Касем, будет когда-нибудь конец твоей брехне?

Но Маш-Касем, который рассчитывал на поддержку своего хозяина, совсем обнаглев, завопил:

– Это что же – может ага из пушки стрелять не умеет?… Может, вообще ничего?… Может, вся война аги с англичанами – брехня?

– Когда я такое говорил? – произнес Полковник. – Я к тому веду, что сейчас таким речам не время…

К счастью, на том перебранка и прекратилась: во двор с младенцем на руках вошел Практикан Гиясабади и следом за ним Гамар.

Хотя Практикан по-прежнему покуривал терьяк, цвет лица и все его обличье изменились к лучшему. На нем был темно-синий в полоску костюм, крахмальный воротник белой рубашки так и сверкал, длинные пряди волос с висков зачесаны назад, так чтобы лысина не бросалась в глаза. Гамар тоже стала другой. Она немного похудела, а глаза ее так и светились счастьем.

Асадолла-мирза потряс дядюшку Наполеона за плечо:

– Ага… ага… Откройте глаза – Практикан пришел.

Дядюшка разомкнул веки и чуть слышно проговорил:

– Господин Практикан, в этом доме сегодня произошел взрыв… Наверно, грохот и до вас докатился. Я хочу, чтобы вы как специалист осмотрели место происшествия и доложили мне, какого рода взрывчатка была применена.

– Странно, что я ничего не слышал… Хотя наш дом в стороне стоит, а я еще вздремнул малость…

– Ослепи господь их косые глаза, – сказал Маш-Касем. – Спаси бог от англичанов этих…

Похоже было, что он хотел таким образом подбросить Практикану ключ к решению загадки. Но тот резко проговорил:

– Молчать! Я согласен вести дело с условием, что никто не будет вмешиваться. Гамар-джан, возьми-ка Али.

Практикан передал малыша Гамар, вытащил из кармана лупу и принялся разглядывать осколки стекла. Сынишка

Гамар был на редкость красивым ребенком. Хотя наше семейство силилось доказать, что всеми чертами и особенно круглым личиком он смахивает на сестру Практикана, в глаза бросалось его сходство с Дустали-ханом.

Сам Дустали-хан последнее время почти не появлялся в семейном кругу. Он, бедняга, через два-три месяца после свадьбы Гамар начал усердно хлопотать, чтобы Практикан дал ей развод, но тому удалось так завладеть сердцем толстушки, что их мечом острым невозможно было разлучить, тем более что муженек проведал о размерах наследственного состояния Гамар и не желал выпускать из рук этот жирный кусок.

Хотя ему сразу же дали еще денег, чтобы он выполнил прежнее обещание, Гамар в последнюю минуту подняла такой шум, что все планы сорвались. Глупышка всей душой полюбила мужа, да и Практикан мало-помалу искренне привязался к ней. Присутствие в доме матери и сестры Практикана послужило поводом к тому, что Дустали-хан и Азиз ос-Салтане съехали и поселились в другом своем доме поблизости. Конечно, Азиз ос-Салтане вынуждена была поддерживать отношения с дочерью и зятем, но Дустали-хан жаждал крови Практикана и его родичей. Тем более, что Практикан, притворившийся ни к чему способным калекой, на самом деле оказался совсем не таким. Не только Гамар, но и кое-кто из соседок, состоявших прежде на частичном

попечении Дустали-хана, были им вполне довольны. Прошел даже слух, что Практикан завел интрижку с Тахирой, женой Ширали.

Практикан внезапно остановился и поднял голову:

– Сейчас поглядим! Кто из вас первым услышал взрыв?

Дядя Полковник, который рыхлой кучей развалился на стуле, фыркнул:

– А какое это имеет отношение к делу?

– Я спрашиваю, кто находился ближе всех к месту взрыва и раньше прочих услышал грохот?

Маш-Касем вылез вперед:

– Эх, зачем врать? До могилы-то… – и, показав пальцем на меня и Пури, продолжил: – Я сам-то не видел, но слыхать – слышал… Эти вот два барчука вроде пораньше моего услыхали…

Практикан обратился к Пури:

– Какой звук вы слышали? Похожий на взрыв обычной петарды или другого рода?

– Как от петарды, только…

Я вмешался:

– Нет, на петарду совсем непохоже было… Вроде бомбы грохнуло.

Практикан тут же повернулся ко мне:

– А где ты слышал взрыв бомбы? Отвечать быстро, немедленно, точно!

– В кино, в фильмах про войну… Ну, знаете, военная кинохроника…

Пури поспешно сказал:

– Вздор он мелет, больше всего похоже…

Но я не дал ему договорить:

– А вот и нет! Хотите, спросите человека, который здесь был. Об этом…

– Кого спросить? Отвечай! Быстро, немедленно, точно!

Пури понял мой намек и, чтобы заткнуть мне рот, смущенно проговорил:

– Ну, пожалуй, немного похоже на взрыв бомбы… Бам! Бам! – вот так.

Но Практикан не отставал от меня:

– Ну-ка говори, кого надо спросить? Ну? Живо отвечай, раз-два!

Мне пришлось сбавить тон.

– У Маш-Касема, – промямлил я. – Он ведь тоже поблизости был.

Тут завопил дядя Полковник:

– Сколько будет продолжаться эта комедия? Давайте ближе к делу!

Но Практикан, подражая своему старому начальнику, инспектору Теймур-хану, рявкнул в ответ:

– Тихо! Разговаривать во время расследования запрещено! Пока я не спрошу… Маш-Касем! Отвечай!

Какого рода звук ты слышал?

Маш-Касем поднял брови:

– Зачем врать? До могилы-то… Как я собственными ушами слышал, звук этот, значит, был… вроде как пушка и ружье и бонба вместе трахнули… И на выстрел похоже, и на бонбу, и на рыканье тигра тоже… А еще вдобавок иростат гудел, понимаешь…

Асадолла-мирза со смехом прервал его выступление:

– Моменто, а может, еще звук кеманче[39] Абу-Ата сюда примешался?

Практикан бросил на него быстрый взгляд, но симпатия и даже любовь, постоянно выказываемая им к Асадолла-мирзе (причиной которых было дружелюбие самого князя) помешали ему перейти на крик. Он только с мягким упреком сказал:

– Ваше высочество, позвольте мне продолжать расследование.

Практикан опять нагнулся к земле со своей лупой, помедлил, а потом твердо заявил:

– Все совершенно ясно. Эта бомба относится к тому виду, который называют «гранада».

Дядюшка Наполеон с вытаращенными глазами привстал и быстро спросил:

– Чье производство?

39

Практикан почесал голову:

– Ей-богу… надо бы еще… Ну, либо бельгийское, либо английское… Одно время у англичан много таких было.

Дядюшка опять откинулся на подушку, которую подложили ему под голову:

– Теперь видите? Поняли теперь? Вы ведь убеждены были, что я ничего не понимаю, ну, теперь удостоверились?… Или сомневаетесь еще? Все считаете, что ненависть англичан ко мне – сказки? По словам Наполеона, глупость – вот что не знает предела.

Голос дядюшки становился все громче. Лейли жалобно воскликнула:

– Папочка, не надо волноваться, вам вредно… Умоляю, не волнуйтесь, пожалуйста!

Но возбуждение дядюшки не проходило.

– Когда я, несчастный, говорю, кричу, призываю, никто слушать не желает, никому дела нет, головы никто повернет…

От дядюшкиного рева зазвенели стекла, на губах у него выступила пена.

– Но… но… англичанам до меня не добраться… Я уничтожу… Спалю их всех… Пусть бомбы бросают, пусть гранаты… А-а-а…

Теперь он уже корчился в судорогах, закатив глаза, потом потерял сознание.

Все засуетились, загалдели. Но голос Асадолла-мирзы прорвался сквозь общий шум и гам:

– Да что же здесь творится? Хотите угробить старика?… Маш-Касем, бегом за Насером оль-Хокама!

Припустившись к выходу, Маш-Касем успел все-таки сказать:

– Говорил я вам, ваше высочество, дай я их перебью всех… Они самые враги господина и есть…

Присутствующие продолжали шуметь и суетиться, Лейли – рыдать, пока не появился доктор Насер оль-Хокама со своим саквояжем.

– Жить вам не тужить, жить не тужить, что случилось?…

Врачебный осмотр длился несколько минут. Все, затаив дыхание, не сводили с доктора глаз. Наконец он поднял голову и сказал:

– Жить вам не тужить, сердечная недостаточность! Надо срочно отвезти агу в больницу.

– А не опасно перевозить его в таком состоянии?

– Во всяком случае, не так опасно, как стоять сложа руки. Я сейчас сделаю ему укол, а потом повезем. Пошлите за машиной.

Два человека побежали за машиной, а доктор начал кипятить шприц. Лейли продолжала плакать. Дядюшкина жена, которая вернулась домой за несколько минут до

случившегося, тоже рыдала.

Я, потрясенный и виноватый, стоял в стороне, когда Асадолла-мирза подошел ко мне и пробормотал мне на ухо:

– Стыдись, сынок! Смотри, какой переполох ты поднял из-за своей неспособности к одному короткому путешествию!

– Я откуда знал, дядя Асадолла…

– Теперь иди запасай ящик гранат… Потому что через три месяца здоровье этого осла мордастого поправится, и тебе надо будет опять бросать гранату. Еще через три месяца – другую, а там мало-помалу придется увеличить рацион, кидать по три, по четыре зараз.

– Дядя Асадолла, я принял окончательное решение, что…

– Что – прокатиться в Сан-Франциско? Браво, отлично… А ты не мог принять это решение на два дня раньше, чтобы не доводить старика до такого состояния?

– Нет, дядя Асадолла…

– То есть как «нет»? Что у тебя два дня назад – дорожные принадлежности еще не были собраны, а сейчас ты их собрал, так? Ну что ж, и на том спасибо.

– Нет, нет, нет! Вы все шутите… Другое решение, вовсе не Сан-Франциско ваше…

– Лос-Анджелес?

Я чуть не завопил во все горло, но, хоть и с трудом, взял

себя в руки и прерывающимся голосом сказал:

– Я принял решение… покончить с собой!

Асадолла-мирза посмотрел на меня, улыбнулся:

– Ах, какой молодец, это тоже прекрасно. Ладно, а когда же, помоги тебе бог?

– Я серьезно, дядя Асадолла!

– Моменто, моменто, полегче, значит, путь выбираешь… Человек всегда ищет, что попроще… Для многих перекочевать к праотцам легче, чем отправиться в Сан-Франциско… Что ж, такова человеческая натура. Если ты обанкротился, если, по словам сардара, сила твоя отказ делать, в Сан-Франциско нечего и соваться, отправляйся в гробницу.

– Дядя Асадолла, перед вами человек, принявший твердое решение. Не надо шутить.

– Ну хорошо, а способ ты тоже выбрал?

– Пока нет, но какой-нибудь найду.

– Загляни вечерком ко мне, я тебе подберу что-нибудь повернее и без боли.

Потом с мрачным и серьезным видом он добавил:

– Прости тебя господь! Ты был парень неплохой. Пусть на твоем могильном камне начертают: «Добрые люди мира сего иль те, что родятся после того! Тот, кто во прахе почил, это я, кто в Сан-Франциско не был, бедный я! Пусть этот мир будет добрым для вас, путь в Сан-Франциско откроет

для вас!»

В это время раздался голос доктора Насера оль-Хокама:

– Как только машина придет, будем переносить… Этот укол немного привел его в себя, но случай такой, что нужно принимать капитальные меры.

Через несколько минут сообщили, что такси ждет у ворот. По указанию доктора принесли походную кровать. Дядюшку осторожно уложили на нее. Маш-Касем и двое других слуг подняли эти импровизированные носилки.

Таким способом дядюшку доставили к воротам сада. Когда носилки опустили на землю, чтобы снять с них больного и перенести его в машину, он вдруг открыл глаза и начал дико озираться, а потом еле слышно произнес:

– Где я?… Что случилось? Куда меня несут?

Дядя Полковник, стоявший ближе всех, ответил:

– Братец, у вас сердечный приступ. Доктор сказал, чтобы мы отвезли вас в больницу.

– В больницу? Меня в больницу?

– Жить вам не тужить, жить вам не тужить, ничего серьезного, просто может статься, что потребуются средства, которых здесь нет. Возможно, кислород…

Дядюшка расслабленно молчал, потом вдруг взревел:

– Нет, неправильно, нельзя меня в больницу! Кто вам сказал, чтоб меня туда везти? Хотите барашка волкам на растерзание отдать?… Хотите передать меня в руки

англичан?

Вопли дядюшки слились с выкриками родных. Почти все считали, что, вопреки дядюшкиной воле, следует насильно отправить его в больницу. Бурное обсуждение было в самом разгаре, когда появились мои родители.

– Ох, господи, да что же это? – вскрикнула мать. – Что случилось, братец?

Все опять зашумели, пытаясь объяснить, что произошло. Дядюшка, по-прежнему лежавший на носилках, увидев отца, отчаянно простонал:

– На помощь, брат!… Эти дураки убить меня хотят. Англичане, словно волки лютые, по городу рыщут, до меня добираются, а они хотят меня в больницу отдать!

– Этого делать нельзя! – категорически объявил мой отец. – Пока англичане в Тегеране, нежелательно отправлять агу в больницу. Вызовите врача на дом.

– Жить вам не тужить! – вмешался доктор Насер оль-Хокама. – Но, возможно, потребуется аппаратура, которой здесь нет.

– Доставьте домой всю аппаратуру, – отрезал отец. – Я беру расходы на себя.

Дядюшкин взор увлажнился слезой благодарности. Он с облегчением закрыл глаза.

Глава двадцать вторая

– Здравствуй.

– Здравствуй, Лейли, как ты поживаешь?

– Иди сюда, я тебе что-то скажу.

Лейли говорила быстро, она была бледна, ее черные глаза выражали необычное волнение. Я поспешил за ней, мы почти бегом укрылись в розовой беседке.

– Говори, Лейли, что случилось? Состояние дядюшки…

– Маш-Касем послал за тобой.

– Маш-Касем?

– Да! Папа, боже избавь, немного не в своем уме… Утром вдруг погнался за Маш-Касемом с ружьем. Хотел убить беднягу…

От удивления широко раскрыв глаза, я прервал ее:

– Убить?… Почему, что Маш-Касем натворил?

– Папа говорит, он английский шпион.

Я чуть не расхохотался. Но при виде взволнованного личика Лейли у меня перехватило дыхание.

– Что? Маш-Касем – английский шпион?… Ты шутишь?

– Нет, сейчас не до шуток. Он за ним с ружьем погнался. Если бы бедняжка не убежал, наверное, убил бы…

– А сейчас как?

– Сейчас Маш-Касем забрался на кухню, закрылся там, а выйти не смеет, боится. Через дверь тихонько сказал мне,

чтобы я тебе передала: беги скорей за твоим отцом и Асадолла-мирзой, пусть придут к нему на помощь.

– А ты что?

– Я хотела словечко сказать, но папа так на меня закричал, что я перепугалась насмерть… Он все время ходит по двору с винтовкой и бормочет что-то непонятное.

– Ну ладно, возвращайся, только будь осторожна, а я сбегаю за ними.

Было утро пятницы. Отец ушел из дома, пока я еще спал. Я со всех ног кинулся к дому Асадолла-мирзы.

Прошло уж около двух недель, как я бросил петарду в дом дяди Полковника. Дядюшка Наполеон несколько дней провел в постели. Врачи-специалисты – кардиолог и невропатолог – наблюдали за ним на дому. Кардиолог был твердо убежден, что причина дядюшкиной болезни – нарушение сердечной деятельности, а невропатолог говорил, что кардиолог ничего не смыслит и что причина всему – нервное расстройство. Через неделю состояние дядюшки под влиянием успокоительных средств и наркотиков немного улучшилось, но он не допускал к себе никого, кроме моего отца и изредка – Асадолла-мирзы, а когда другие родные приходили навестить его, тотчас засыпал.

Теперь только сильные лекарства могли подавить владевшее им нервное беспокойство, когда же срок действия микстур и пилюль истекал, он начинал кричать и охать.

Везде ему мерещились пособники англичан.

Я жалел дядюшку, но еще больше волновался за Лейли: глаза ее не просыхали от слез, бедная девочка так любила отца. Переживания Лейли заставили меня совсем позабыть о собственных заботах и огорчениях.

Асадолла-мирза спал, и старуха прислуга не хотела пускать меня в дом. Но я так просил и молил ее, что она смилостивилась.

Когда Асадолла-мирза услышал мой голос, он крикнул через дверь спальни:

– Посиди минуточку в гостиной, я сейчас приду!

– Дядя Асадолла, откройте, у меня очень важное дело.

– Моменто, подожди, я приведу себя в порядок.

– Какой там порядок, – перебил я, – когда жизнь человека в опасности! Впустите меня!

– Говорю тебе, посиди в гостиной, я сейчас… Пока приготовишь все, что нужно для самоубийства, я приду…

Асадолла-мирза намекал на мои слова, сказанные ему несколько дней назад. Но с тех пор роковое решение было вытеснено тревогой за Лейли… Однако сейчас приходилось смириться и ждать – к тому же по доносившемуся из спальни шушуканью я понял, что князь там не один.

Через несколько минут Асадолла-мирза в красном шелковом халате вошел в гостиную. Не дав мне и рта раскрыть, он затараторил:

– Ну что, сегодня в добрый час и приступишь? Я-то рассчитывал, может, ты передумаешь, в Сан-Франциско смотаешься. Но – дело твое. Если человек не ездит в Сан-Франциско, ему, конечно, на этом свете задерживаться незачем. Чем скорее он покончит счеты с жизнью, тем лучше.

– Нет, дядя Асадолла, Лейли очень волнуется, я не могу сейчас думать о себе…

– Ну, понятно. Бедная детка заждалась совсем. У нее вся душа изболелась.

– Дядя Асадолла, да не обо мне речь, а о Маш-Касеме. Бедный Маш-Касем…

– Моменто, моменто… Маш-Касем в Сан-Франциско? Этот гиясабадец и то раньше тебя…

– Да нет, дядюшка хочет убить Маш-Касема.

– Из-за Сан-Франциско?

– Нет, из-за того, что он английский шпион.

Асадолла-мирза громко расхохотался:

– Наверно, нашел у него в кармане телеграмму: Черчилль из Лондона в Гиясабад послал.

– Не знаю, что он там нашел, но сегодня дядюшка схватил винтовку и погнался за ним. А тот от страха спрятался на кухне и запер изнутри дверь. Через дверь упросил Лейли, чтобы я привел туда вас и отца… Потому что дядюшка с ружьем в руках поджидает его во дворе.

– Ну ладно, ступай, я через часок подойду.

– Дядя Асадолла, разрешите мне остаться, вместе пойдем. Ведь отца дома нет, а потом может уже поздно оказаться.

Асадолла-мирза поскреб в затылке:

– Ну, я же не могу… договорился, что… в общем, архитектор должен прийти, у меня на кухне потолок обвалился.

В этот момент из спальни послышался нежный женский голосок:

– Аси! Аси, ну где же ты?

– Дядя Асадолла, кажется, архитектор уже пришел, – сказал я. – Вообще-то у него голос очень знакомый…

Асадолла-мирза подтолкнул меня к выходу:

– Не болтай чепухи! Этот архитектор из другого города… Ступай во двор, пока я оденусь.

Похоже, он забеспокоился, как бы я снова не услышал голос его «архитектора». Несколько минут я взволнованно ходил по двору, пока Асадолла-мирза не собрался, потом мы вместе отправились к нам домой.

– Ну, а что слышно про осла-губошлепа? Подействовала на него твоя хлопушка?

– Не знаю… Только он по-прежнему ходит к доктору Насеру оль-Хокама.

– Ну, пока им занимается доктор Насер оль-Хокама,

можешь быть уверен, что Лейли ничего не грозит. Доктор Насер оль-Хокама сорок лет себя самого лечит – вылечить не может. От него уже две жены ушли, да и теперешняя жена, если бы не попечительство Дустали-хама, тоже не стала бы с ним жить.

– Но ведь у доктора от этой жены сын есть.

– Моменто, моменто, что он сам, что ли, его выродил?

Когда мы подошли к садовой калитке, то увидели в щелку Лейли, которая поджидала нас.

– Побудь тут, я войду первым, а ты задержись немного, чтобы он не догадался, зачем мы явились.

С этими словами Асадолла-мирза скрылся за дверью, а мы с Лейли чуточку отстали. Дядюшка был в своей абе, в руках он держал ружье. Асадолла-мирза весело приветствовал его:

– Бог в помощь, вы, видно, на охоту собрались? В какие края?

Дядюшка Наполеон обернулся и несколько мгновений пристально смотрел на вошедшего. Асадолла-мирза оборвал смех:

– Хотя, насколько мне известно, сейчас для охоты не сезон.

Дядюшка прищурился и странным, не своим каким-то голосом проговорил:

– А вот как раз и сезон… Сезон охоты на шпионов и

английских приспешников.

– Вы меня имеете в виду? – с удивлением спросил Асадолла-мирза.

– Нет, я не про тебя… Хотя возможно… Возможно, когда-нибудь выяснится, что и ты пособник англичан!

Он еще некоторое время неподвижно смотрел на князя, потом воскликнул:

– Ведь кто бы мог подумать, что англичане подкупят Касема?… Кто думал, что Касем вонзит мне нож в спину…

– Моменто, моменто… Маш-Касем вас предал?

– Да еще как предал!… Каким благородным предателем был маршал Груши! При Ватерлоо Груши мог прийти на помощь своему благодетелю – и не пришел. Но он не всаживал ему нож в спину.

– Но, ага, позвольте… – Асадолла-мирза хотел что-то сказать, но осекся. Вероятно, сообразил, что лучше начать по-другому.

– Очень странная история. В самом деле, я на кого угодно подумал бы, но Маш-Касем, которого вы так любили…

Сочувствие Асадолла-мирзы немного успокоило дядюшку. Почти жалобно он произнес:

– Нет, Асадолла, ты мне скажи… За что мне такое наказанье? Надо же, чтобы человек, ради которого я столько раз в бою подвергал опасности собственную жизнь, спасал

его подлую шкуру, меня так предал! Почему он продался англичанам?…

– А как вы узнали об его измене?

– Было у меня подозрение… А сегодня утром поймал его с поличным, он сознался… Слышишь? Сам признался, что служит англичанам.

В этот момент из-за массивной кухонной двери послышался голос Маш-Касема, вопившего:

– Ага приставили винтовку мне к груди, сознавайся, говорят, а не то убью, ну я и сознался…

При звуках его голоса дядюшку затрясло. Он хотел крикнуть, но не мог. Асадолла-мирза усадил его на ступеньку, а плачущая Лейли воскликнула:

– Папочка, не волнуйтесь! Это вредно для сердца.

– Сбегай, милая, принеси папе стакан воды.

В дядюшкином особняке кухня, где укрылся Маш-Касем, располагалась в отдельном флигеле. Вход туда был со двора: надо было спуститься вниз на несколько ступенек, дверь справа вела в туалет, слева – к крану водохранилища, снабжавшего дом водой, а дверь напротив – в кухню. Маш-Касем, заперев входную дверь, отрезал путь к туалету и водохранилищу. Теперь я рассчитывал, что потребность в этих трех помещениях заставит обитателей дома придумать что-нибудь для спасения Маш-Касема.

После того как дядюшка выпил воды, ему стало

немного лучше. Тем временем Асадолла-мирза подошел к двери флигеля и позвал:

– Маш-Касем, Маш-Касем, выходи, поцелуй руки аге, покайся!

– Я-то что, вы ага скажите, чтоб он меня не трогал! А я готов служить… Я человек маленький…

– Проклятый шпион! – закричал дядюшка. – Читай молитву перед смертью! Или сдохнешь там с голоду, или я тебе голову свинцом набью!

– Клянусь пророком из рода Хашима, – послышалось из-за дверей, – да ежели бы я англичанов этих хоть разок встретил… Я, значит, сто лет с англичанами воюю, вы сами знаете как…

– Маш-Касем, что толку отрицать, – сказал Асадолла-мирза, – ага все знает. Будет лучше, если ты покаешься в своих грехах.

– Так зачем же врать?! Я ведь ни в чем не виноват.

Асадолла-мирза тихим голосом, так, чтобы не услышал дядюшка, проговорил:

– Маш-Касем, не будь таким нахалом, скажи, виноват, мол.

– Чтоб я всю жизнь с англичанами сражался, а сейчас пошел и сказал, будто я лазутчик ихний? Господи избави!… Как я потом гиясабадцам в глаза глядеть буду? Наши гиясабадцы англичанов люто ненавидят!

Все старания Асадолла-мирзы разрешить противоречия были тщетными. Приходили мой отец, дядя Полковник и еще целая толпа народу, всячески уговаривали обоих – никакого результата. Шпион по-прежнему отсиживался на кухне, а дядюшка с винтовкой в руках вышагивал перед кухонной дверью и всячески поносил его.

Я, растерянный и взволнованный, метался то туда, то сюда. В саду я услышал разговор Асадолла-мирзы с моим отцом.

– Боюсь, как бы бедняга Маш-Касем там со страху концы не отдал, – говорил Асадолла-мирза. – Ну, час-другой, надеюсь, протянет, а там, может быть, найдем какую-нибудь зацепку…

– Какая зацепка, ваше высочество?… Ага совершенно невменяем… Если вы думаете воспользоваться тем, что кухня нужна, а Маш-Касем там заперся, так не рассчитывайте! Ага послал в чайхану принести всем челоу-кебаб[40].

– Моменто, моменто, там, кроме кухни, еще и туалет помещается. Ну, домашние могут к вам сбегать, а когда ему самому-то приспичит – он тоже будет вынужден отправиться в ваш дом, вот тогда мы и высвободим Маш-Касема.

– Не думаю. Он настолько поглощен мыслями об англичанах…

40

Асадолла-мирза не дал ему договорить:

– Да я сам с утра под предлогом, что ему надо успокоиться, влил в него не меньше пяти стаканов воды! Теперь будем ждать результатов…

Прошло еще некоторое время. Все уповали на воду, которая произведет на дядюшкин организм должное воздействие, но дядюшка по-прежнему сидел с винтовкой на ступеньках, не сводя глаз с кухонной двери. Время подходило к полудню, когда я опять выглянул во двор. Теперь дядюшка встал с места. По тому, как он переминался с ноги на ногу, я догадался, в чем дело, и уже хотел бежать за Асадолла-мирзой, который сидел с отцом у нас в доме, чтобы порадовать его, но решил все же раньше удостовериться.

Дядюшка потоптался еще несколько минут, а потом крикнул:

– Матушка Билкис, принеси-ка сюда мой горшок!

Все надежды рухнули. Асадолла-мирза, когда я сообщил ему о положении дел, только головой покачал:

– Придется придумать еще что-нибудь. Есть у меня одна неплохая идейка, надо ее провернуть. Прошу вас, пойдемте вместе.

– Да разве от меня что-нибудь зависит? – возразил отец.

– Может статься, что именно от вас и зависит. Ведь вы единственный человек, который не раздражает его. Ага

сейчас чувствует потребность, чтобы весь мир узнал, что король Великобритании спит и видит, как бы его уничтожить, и для укрепления духа вы ему нужнее всех… И потом, я один не справлюсь с этим безумцем.

Асадолла-мирза и отец направились к дядюшке, я, крадучись, последовал за ними. Разговор начал Асадолла-мирза:

– Согласитесь, ага, предательство – штука не новая. Разве маршал Ней не предал Наполеона?

Дядюшка через свои дымчатые очки бросил на Асадолла-мирзу пронзительный взгляд:

– Маршал Ней, хоть и изменил, но потом искупил свою вину… Когда Наполеон вернулся с острова Эльбы, и Нея выслали против него, то маршал, как увидел своего благодетеля, слез с коня и поцеловал ему руку… Он склонил пред ним свой меч.

– И на этот раз преданно служил Наполеону?

– Да, преданно служил… До самой смерти хранил ему верность.

Тут вмешался отец:

– Случается, что люди, которые раскаялись в своей измене, становятся самыми преданными и верными слугами.

– Конечно, именно великодушие Наполеона побудило Нея к такой верности, – заметил Асадолла-мирза.

Дядюшка, казалось, немного успокоился. Устремив взор

куда-то вдаль, он изрек:

– Да, я сам во время войны неоднократно убеждался в этом… Когда я приказывал щадить солдат противника, вражда сразу превращалась в искреннюю дружбу…

Асадолла-мирза подмигнул отцу и сказал:

– И все же, по-моему, Ней был достойным человеком. Немного слабым, пожалуй… Он поддался обману. Нужно обладать незаурядной силой воли, чтобы вырваться из их сетей. Ведь если бы вы не были таким сильным человеком, они бы и вас провели.

Дядюшкино лицо расплылось в довольной улыбке:

– Да, сколько раз они пытались… Чего только не обещали, хитрили как! Деньги обещали, женщин посылали… Что только не делали!

– Моменто, у меня есть один вопрос. Как вы думаете, если бы на вашем месте был кто-нибудь другой, сумел бы он устоять? Не поддался бы им?

– Безусловно, поддался бы… Несомненно, запятнал бы себя.

– Так чего же тогда ждать от неотесанного деревенского чурбана? Беднягу обвели вокруг пальца, обманули…

– Но этот негодяй не желает чистосердечно и искренне повиниться, попросить прощения, – резко сказал дядюшка. – Не хочет раскаяться!

– Ну еще бы! Этот несчастный блокирован в кухне…

Вы с винтовкой в руках стережете его, чего же тут ждать! Сделайте милость, отойдите, я с ним поговорю – и вы убедитесь, что он действительно раскаивается.

Дядюшка процедил:

– Ну ладно, попробуем!

Все облегченно вздохнули. Винтовку унесли в дом. Маш-Касем, после заверений, что все уладилось, открыл дверь. Асадолла-мирза нырнул в кухню. Через несколько минут «предатель», опустив голову, вышел наружу, Асадолла-мирза следовал за ним.

Дядюшка поднялся с места и немигающим взором уставился перед собой.

– Ага, разрешите Маш-Касему поцеловать вашу руку и попросить прощения, – начал Асадолла-мирза.

После паузы дядюшка сказал, не глядя на слугу:

– Пусть сначала ответит на мои вопросы.

– Спрашивайте все что вам угодно.

Дядюшка обращался только к Асадолла-мирзе:

– Прежде всего пусть скажет, где англичане вошли с ним в контакт?

– Слышишь, Маш-Касем? Где англичане вошли с тобой в контакт?

– Эх, ага, зачем врать? До могилы-то… В этом… ну… в общем, в булочной.

– В какое время?

– Э-э-э… ну… в тот вторник… нет, ей-богу, в среду.

– Каким образом?

Асадолла-мирза повторил дядюшкин вопрос Маш-Касему. Тот несколько мгновений укоризненно смотрел на неподвижную фигуру дядюшки, потом ответил:

– Эх, зачем врать?… До могилы-то… Я, значит, покупал хлеб… Вижу, значит, один англичан на меня косится… И в это самое время знаки мне делает… Я, правда, сначала подумал, отсохни мой язык, что это он за мной следит… Как говорил один мой земляк…

Дядюшка, не глядя на него, резко бросил:

– Не отвлекайся!

Асадолла-мирза похлопал Маш-Касема по спине:

– Не отвлекайся, Маш-Касем! Говори, каким образом они установили с тобой контакт?

– Ей-богу, остановили… Только я удрать хотел, они остановили.

– Сколько ему обещали денег, если убьет меня?

– Избави бог! Чтоб я убил агу? Да пусть у меня лучше руки отсохнут!

Асадолла-мирза поспешно вмешался:

– Нет, ага, об убийстве и в самом деле речи не было. Он просто должен был передавать сведения о вас…

– Каковы теперь его намерения?

– Ага, вот как перед богом…

Асадолла-мирза, знаком остановив его, объяснил:

– Намерен ли ты раскаяться или хочешь служить англичанам?

– Ей-богу, ага, зачем врать?! Ну, виноват, признаюсь, было дело… Да я их теперь так изругаю, живо к чертям собачьим сгинут… Я им скажу, нас так просто не возьмешь, я своему господину служил и служить буду…

– Когда им будет дан такой ответ?

Тут Маш-Касем смешался:

– Клянусь луной рода Хашима…

Но Асадолла-мирза не дал ему договорить, крикнув:

– Маш-Касем, говори! Когда ты ответишь им – прямо сегодня или тянуть будешь?

– Ей-богу, ага… ну… прямо сегодня… сейчас прямо.

– Тогда подойди, поцелуй руку аги.

Дядюшка все так же неподвижно стоял на месте, выпрямившись во весь рост и свысока глядя на остальных. Я уверен, что он воображал себя Наполеоном в момент встречи императора с армией маршала Нея.

Маш-Касем нерешительно подошел, нагнулся, поцеловал ему руку…

Дядюшка раскрыл объятия и прижал его к груди.

– В память о прежней твоей службе я прощаю тебя… Разумеется, при условии, что ты искренне раскаялся и приложишь все силы, чтобы верно служить своему хозяину!

И в глазах дядюшки Наполеона блеснула слеза.

Часом позже отец и Асадолла-мирза беседовали в нашей гостиной.

– Ага меня очень беспокоит… Он уже стоит на грани безумия. Пора нам всерьез задуматься.

– Меня больше всего удивляет, как такой умный человек дошел до этого?…

– Моменто, что ж тут удивительного… Э, да что говорить, таковы факты, предпринимать что-то надо… Похоже, что сейчас ненависть англичан стала для него жизненной необходимостью…

– Да, так же как уверенность, что кругом все кишит шпионами и предателями.

– Его, пожалуй, излечило бы, если бы он попал в английскую тюрьму – на долгий срок.

– Ну, этого не будет. Чего ради англичанам сажать в тюрьму отставного прапорщика казачьей бригады? Делать им нечего, что ли?…

Асадолла-мирза поерзал на диване.

– Есть у меня одна мыслишка… Встань-ка, сынок, прикрой дверь, – кивнул он мне.

– С той стороны! – добавил отец.

– Нет, пусть остается. Не чужой ведь, ваш собственный сын. Не исключено, что поможет нам чем-нибудь. Но, разумеется, – не болтать!

В первый раз совещание проводилось в моем присутствии. Асадолла-мирза начал:

– По-моему, надо не откладывая предпринимать что-то. Старик вот-вот свихнется. Ведь бедняга Маш-Касем чуть было не пал сегодня жертвой его бредовых фантазий!

– Я уже несколько раз говорил Полковнику, что надо бы проконсультироваться с психиатрами, иначе…

– Моменто, даже и не думайте об этом, – прервал отца Асадолла-мирза. – Разве только ага нагишом выскочит па площадь Тупхане – тогда Полковник и другие столпы семейства согласятся вызвать психиатра. Как может ага, сын покойного аги, внук Великого Праотца, спятить!… Сохрани бог, даже речи об этом не заводите.

– Ну, значит, придется ждать, пока он убьет кого-нибудь как английского шпиона. Тогда-то его арестуют… Судите сами, если бы Маш-Касем сегодня утром немного замешкался, его труп уже лежал бы в морге, а ага сидел бы в тюрьме… И разбирать не будут, кто чей внук! Посадят убийцу в тюрьму, и все.

– Верно, но это ничего не меняет, – возразил Асадолла-мирза. – Так что выбросьте из головы мысль о психиатре. Если мы хотим помочь ему, надо придумать что-то другое.

– Да что придумаешь, Асадолла? Если вы полагаете, что Черчилль приедет налаживать отношения с агой, то я сомневаюсь, чтобы сейчас у него нашлось время…

– Черчилль не Черчилль, а какой-нибудь его представитель мог бы приехать…

– Например, командующий английских войск в Иране, – съязвил отец, – или министр королевского флота, да?

– Нет, позвольте мне договорить. Если мы сумеем разыграть небольшой спектакль, – ну, например, будто англичане прислали своего представителя для мирных переговоров, – то возможно…

Отец опять перебил его:

– Шутить изволите? Ага, конечно, не в себе, но он же еще не впал в детство, чтобы поверить таким выдумкам!

– Человек, готовый написать Гитлеру письмо с изъявлениями преданности, не впал в детство?

Отец так и открыл рот. Асадолла-мирза, улыбаясь, продолжал:

– Если покойный Великий Праотец мог есть бозбаш с Жаннет Макдональд, то и представитель Черчилля может приехать к аге.

Отец, заикаясь, пробормотал:

– Так значит… вы… я намеревался… в случае…

– Да, я в курсе дела, – рассмеялся Асадолла-мирза.

– Кто вам сказал?

– Да как-то сам ага рассказывал. Оставим это.

– Ну, мы тогда просто шутили, – деланно засмеялся отец. – Ага и сам не принял всерьез…

– Очень даже принял. Но оставим этот разговор. Сейчас вопрос в том, хотите ли вы помочь старику облегчить немногие оставшиеся ему дни?

В голосе отца прозвучало искреннее чувство:

– Клянусь жизнью детей! Духом отца клянусь, что теперь я не испытываю к нему никакой неприязни и искренне желаю, чтобы он образумился.

– Хорошо, в таком случае, я полагаю, у нас кое-что получится. Полковника не было дома, я велел передать, чтобы он, когда вернется, пришел сюда – надо с ним тоже договориться. Я думаю, если мы как следует разыграем эту сцену – представитель явится, переговорит с агой и даст ему слово, что англичане прощают его вину, – положение в корне изменится.

Но отец покачал головой.

– Да пусть хоть сам Черчилль явится и собственноручно выдаст ему охранную грамоту – ага не примирится с мыслью, что англичане отступились от него. Ведь на самом деле он просто не хочет верить в это. Отвлекитесь на минуту от действительности. Представьте себе человека, который в длительной, кровопролитной войне уничтожил тысячи английских солдат… Нарушил все их колонизаторские планы… И этот человек способен поверить, что англичане ни с того ни с сего прощают ему все грехи?

– Моменто, моменто, но если у англичан есть третий

великий враг, они могут, пусть не от чистого сердца, объявить перемирие на некоторое время – скажем, до конца войны. Во всяком случае, попробовать не мешает.

– Но, ваше высочество, откуда вы возьмете английского представителя?

– С помощью этого индийца Махарат-хана… Я слышал, он в ближайшие дни возвращается с юга, я, наверное, смогу уговорить его, чтобы он подыскал нам какого-нибудь англичанина.

Тут меня осенило. В ушах у меня опять зазвучал знакомый голос, который я утром слыхал в доме Асадолла-мирзы. Я тихонько сказал:

– Дядя Асадолла, это вы от архитектора слышали?

Асадолла-мирза свирепо посмотрел на меня и поспешно продолжал:

– Этот сардар ведет дела с англичанами, именно поэтому он регулярно выезжает на юг…

В это время вошел дядя Полковник. Когда он выслушал рассказ о событиях дня и Асадолла-мирза изложил ему свой план, он грубо сказал:

– А что, без детей вы это обсудить не могли?

Асадолла-мирза похлопал меня по спине:

– Моменто, господин Полковник, во-первых, он уже не ребенок. Он рассудительный молодой человек. Во-вторых, сегодня только благодаря этому юноше удалось

предотвратить несчастье. Во всяком случае, он заслуживает доверия и может нам пригодиться.

Дядя Полковник больше не возвращался к этому, но зато начал возражать против плана Асадолла-мирзы. Он считал, что такую выдающуюся личность, играющую столь важную роль в семье, не следует подвергать розыгрышу.

– Моменто, моменто, господин Полковник, – сказал Асадолла-мирза, – вы сегодня не изволили присутствовать, поэтому не видели, насколько усугубилась опасность. Придется либо поместить агу в лечебницу для душевнобольных, либо…

– Не говори глупостей, Асадолла! – резко оборвал его Полковник. – Да я скорее пущу себе пулю в лоб, чем соглашусь отдать братца в лечебницу для душевнобольных. Вековая честь знатного семейства это не шутка! Я жизнь готов положить за братца, но придумайте же что-нибудь разумное!

После долгих споров и обсуждений дядя Полковник наконец уступил. Он только сказал безнадежно:

– Загвоздка в том, что братец не поверит, будто англичане так сразу, без всяких условий решились его простить.

– Моменто, моменто, конечно, если найдется подходящий человек, мы все тщательно обсудим. Этот представитель сначала выдвинет непомерные претензии,

потом начнет понемногу уступать, а кончится дело договоренностью, что если ага до конца войны не будет чинить препятствий англичанам и вмешиваться в их политику, они по согласованию с вышестоящими инстанциями отложат его дело.

Дядя Полковник немного подумал и спросил:

– А под каким предлогом вы все это изложите братцу? Так прямо и скажете, что вот, мол, англичане решили вступить с ним в контакт?

– Скажем, что, поскольку у англичан сложилось напряженное военное положение, они пришли к мысли устранить излишние конфликты. Уговорить агу я беру на себя.

В это время появился Пури с сообщением, что к Полковнику пришел гость. После того как дядя ушел, отец сказал:

– Ваше высочество, я сделаю все от меня зависящее, но должен вас еще раз предупредить, что особых надежд на успех ваш план у меня не вызывает. Ага, насколько я его понимаю, уже определил свою судьбу. Англичанам предстоит всячески преследовать его, а под конец низвергнуть во прах, как Наполеона. Слово даю, что он уже сейчас видит перед собой бесплодные скалы острова Святой Елены!

Я проводил Асадолла-мирзу до ворот. Когда мы вышли,

из дома, он взял меня за ухо:

– Чертов сын, что это за разговоры про архитектора? Можешь ты по-человечески объяснить?

– Ей-богу, я не нарочно, дядя Асадолла, только я…

– Только ты негодяй… Сардар Махарат-хан мой близкий друг.

– Но я никогда не видел, чтобы вы с ним…

– Это я от страха перед дядюшкой, боялся, он скажет, что я тоже английский шпион.

– Но в тот день, когда вы на извозчике отвозили леди Махарат-хан домой…

– Моменто, сардар уехал в деловую поездку, а жену поручил мне… Не оставлять же ее скучать дома! Я повез ее в ресторан, угостил мороженым.

– Только мороженым, дядя Асадолла?

– Да, только мороженым. Когда речь идет о замужней женщине, женщине с положением, я даже в мыслях не допускаю никаких вольностей. Понимаешь, о чем я говорю? Это совершенно невозможно! Слава богу, подобные связи меня и не привлекают!

– Дядя Асадолла, а разве в вашем семнадцатом уроке не говорилось: «Когда завидишь Сан-Франциско, сначала входи, а потом уже посмотри, кто твой спутник?»

– До чего же нахальный ребенок! Если я что-то сказал, так тебе уж и повторять надо?… Смотри, все твои силы на

болтовню ушли! Раз ни на что другое не годишься, так язык распустил?!

– Дядя Асадолла, так вы считаете, что изобретенный вами план сработает?

– Тебе молиться надо, чтобы сработал. Ведь главные виновники этих бед – ты и твой отец. Отец твой мстил старику за попреки в низком происхождении, а ты из страха перед Сан-Франциско взрывал всякие петарды – вот и свели раба божьего совсем с ума.

Через несколько дней Асадолла-мирза вместе с дядей Полковником пришел к нам.

– События, кажется, начинают развиваться. Я детально обсудил все с сардаром. Бедняга преисполнен добрых намерений, но говорит, что не может найти никакого англичанина. У него есть только приятель индиец, ефрейтор английской армии, вот его он может уговорить, чтобы тот принял участие в нашем представлении. За вознаграждение, конечно!

Дядя Полковник ничего не сказал, а отец покачал головой:

– Представляю, какой прием окажет ага индийскому ефрейтору, который явится для переговоров. А как выглядит этот индиец? За англичанина его не удастся выдать?

– Не то что за англичанина, его и за бельгийца-то не выдашь. Как рассказывал Махарат-хан, он из темнокожих

индийцев, к тому же ловкач невероятный.

– Но, ваше высочество, если даже удастся уговорить агу на индийца – как быть с чином? Ага не согласится разговаривать ни с кем, ниже генерала.

– Ну, это неважно. Ведь ага не знает английских знаков различия. Мы ему скажем, что это полковник.

– А вы вообще-то беседовали с агой, ваше высочество?

– Я его подготовил морально. Те два раза, когда мы виделись, я распространялся об акциях англичан во всех союзных и нейтральных странах по привлечению на свою сторону прежних противников.

– И как он реагировал?

– Начал, конечно, сыпать всякими пустыми угрозами, кричать, что, мол, если они думают с ним поладить, то он никогда на это не согласится. Но, я думаю, когда до дела дойдет, все образуется.

– Значит, пока еще прямо насчет нашего ефрейтора вы не говорили?

– Обиняками, – отвечал Асадолла-мирза. – Ага заявил, что ни в коей мере не полагается на англичан и на их обещания, мол, если когда-нибудь случится, что они пришлют к нему посла, он прежде всего велит отобрать у него оружие, а Маш-Касема с винтовкой спрячет за занавеской, так что едва их посланец попробует сделать враждебный выпад, верный слуга опередит его и разделается

с ним.

– Вот видите, ваше высочество? Я боюсь, мы накличем беду себе на голову. Раз он в таком настроении и состоянии, стоит индийцу полезть в карман за платком, чтобы высморкаться, как ага отдаст Маш-Касему приказ открыть огонь. Представляете, чем нам это грозит?

Асадолла-мирза на секунду задумался, потом сказал:

– По-моему, надо ввести Маш-Касема в курс дела.

После коротких дебатов по этому предложению меня послали за Маш-Касемом.

– Желаю здравствовать!

– Здравствуй, Маш-Касем. Как поживаешь? Не болеешь, не дай бог?

Асадолла-мирза настоял, чтобы Маш-Касем сел, и тот после долгих уговоров опустился на корточки у стены гостиной.

– Послушай, Маш-Касем, я знаю, как ты любишь агу и как беспокоит тебя его болезнь.

– Ей-богу, ваше благородие, у меня веры нет лекарствам этим, которые врачи прописывают. Похоже, ага на солнце маленько перегрелся. Вот у меня один земляк…

– Подожди, Маш-Касем! Уже много времени, как ага не в себе. В тот день такого накрутил, что, не дай бог, чуть не убил тебя. Рассуди сам, разве человеку в здравом уме придет в голову такой вздор про тебя говорить, будто ты с

англичанами спелся, изменил своему господину… Ясное дело, что с головой у аги не в порядке. Ты согласен?

– Ей-богу, зачем врать, до могилы-то… Я вам, конечно, перечить не желаю, только вы про англичанов напрасно забываете.

Асадолла-мирза с удивлением воззрился на него:

– Маш-Касем, но ты ведь знаешь, что это все чепуха сплошная?

– Откуда мне знать, ваше благородие?

– Ладно, Маш-Касем, англичане, конечно, подлые, нехорошие, гнусные, – нетерпеливо сказал Асадолла-мирза, – но разве прав ага, что приписывает тебе всякие шашни с ними?!

Опустив голову, Маш-Касем ответил:

– Ей-богу, ага не сказать, чтоб совсем не прав…

Тут вмешался мой отец и с раздражением спросил:

– Значит, англичане установили с тобой контакт?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Ежели хотите правду знать – да.

Закипая от злости, в разговор вступил дядя Полковник:

– Касем, мы здесь не шутки шутить собрались. Перестань вздор болтать!

– Ладно, ваше благородие, коли вы считаете, что я вздор болтаю, мне вообще нечего говорить, так-то лучше… Разрешите, я пойду цветы поливать.

– Моменто, моменто, господин Полковник, дайте ему сказать. – Тут Асадолла-мирза, стараясь сохранять дружелюбный тон, обратился к Маш-Касему: – Ты говори, но побыстрей, у нас очень много дел.

– Ей-богу, ваше благородие, а мне и говорить нечего. Спрашивайте, чего надо, я отвечу.

Асадолла-мирза, видимо, совсем потерял терпение, но попытался взять себя в руки:

– Как же это получилось, Маш-Касем, что англичане установили с тобой связь? Аге в голову вдарило, он сказал непонятно что, но ты-то ведь клялся, что это все неправда…

– Ей-богу, зачем врать? Неправда – она не ложь.

– Брось, Маш-Касем, я ведь сам тебе подсказывал, признавайся. Не я ли тебя учил на кухне, что говорить надо? А теперь ты мне же…

– Ей-богу, ваше благородие, вы меня, конечно, научили, но и я тоже не соврал.

– Значит, ты и в самом деле был связан с англичанами? Да опомнись, Маш-Касем. Зачем ты чепуху эту порешь? Где они с тобой связывались, когда? И главное – зачем?!

– Ваше благородие, вы мне сказать не даете!

– Как же, тебе не дашь! – взорвался дядя Полковник. – Ты кого угодно переговоришь! Ну, давай рассказывай, мы молчать будем. Каким образом они с тобой связь установили?

Маш-Касем уселся поудобнее и начал:

– Ей-богу, ваше благородие, зачем врать? До могилы-то – ать! ать! До сего дня сто раз хотели убить нас обоих… Вот помню, однажды в Гиясабаде приходит один англичан….

Асадолла-мирза, изо всех сил пытаясь говорить спокойно, прервал его:

– Маш-Касем, ты, пожалуйста, сейчас оставь в покое Гиясабад, расскажи про этот случай.

– Как желаете, конечно… про этот, значит… Вот, значит, на этих самых днях было, однажды пошел я в булочную, вижу англичан идет. Стал он туда-сюда прохаживаться, своими косыми глазами на меня поглядывать, будто я девица четырнадцатилетняя… Я сначала думал, это он по косоглазию своему, а он еще раз глазом зыркнул, а потом в булочную сунулся и весовщика о чем-то спрашивает, а как я на улицу вышел, за мной увязался… Вроде бы, извиняюсь, следом за мной идет. Потом, как с домом поравнялись, он ко мне и подкатился… мол, чтоб тебе худа не видать… А голос у него хриплый, точно дикий зверь рычит… А говорил он… не то по-турецки, не то по-решткски, не то по-хорасански… Спрашивает меня, вы, мол, тут живете? Я, конечно, отвечать не стал, а про себя говорю, чтоб всем англичанам ослепнуть! Ну, зашел я в дом, а сам в щелку дверную на него поглядываю. Вижу, он туда-сюда кинулся, а потом постучал

в дверь индийца этого, ну, его и впустили.

– Ты кончил, Маш-Касем?

– Нет, ваше благородие, это еще только начало… Я его потом еще два раза видел. Как он на меня глянул, так у меня сердце-то и не стерпело.

Асадолла-мирза безнадежно посмотрел на отца:

– Ну, точно, установили связь… Вообще что касается вопросов связи… – Он подмигнул отцу и опять повернулся к Маш-Касему: – Ладно, остальное потом доскажешь. Мы видим, что ты очень хорошо осознал, какие опасные планы англичане строят насчет аги…

Маш-Касем перебил его:

– И насчет меня тоже…

– Конечно… Всенепременно… Нам стало известно, что англичане хотят официально установить контакт с агой. Но тут могут возникнуть трудности, так что, дай бог, чтобы дело обошлось миром.

– Только, ваше благородие, про хитрости этих англичанов тоже забывать нельзя…

– Ясное дело… Вот мы и хотим к тебе обратиться, чтобы ты нам помог. Конечно, когда английский посол к аге придет, ага обязательно захочет, чтобы ты на страже стоял – не провели вас чтобы…

Маш-Касем ухмыльнулся:

– Чтоб англичаны меня провели? Пусть лучше

вспомнят, как я в Гиясабаде против десятерых англичанов выстоял… С вечера до утра так лопатой размахивал, что ни один не осмелился подойти. Под конец ихний начальник – нижняя-то деревня его была – товарищам своим говорит: «Давай пошли отсюда! Я этого Маш-Касема знаю! Лучше с ним и не связываться….» Повесили головы и ушли. А я им вслед кричу: «Эй вы, подлецы, скажите вашим хозяевам, Маш-Касем не из таких, только на труп мой вам удастся ногу поставить, воду забрать…» Ссора-то из-за, воды была.

– Маш-Касем, какое дело англичанам до гиясабадской воды?… – заорал дядя Полковник.

Маш-Касем покачал головой:

– За столько-то лет могли бы вы в англичанах разобраться… Да во всей стране другого такого места нет, чтобы у англичанов столько врагов было, как в Гиясабаде. Они хотели воду отвести, чтобы, значит, с Гиясабадом покончить, порушить его совсем и надругаться…

– Господин Полковник, Маш-Касем не зря говорит, – вмешался Асадолла-мирза. – Конечно, если отрезать город или селенье от воды, жители в конце концов вынуждены будут сдаться.

– Вот спасибо, что разъяснили.

– Так вот, Маш-Касем, просьба у нас к тебе такая. Когда английский посланец придет повидать агу, договорятся они или нет – ты наблюдай, чтобы этому послу вреда никто не

причинил. Ведь английская армия здесь стоит! Если одному из них удар нанести, они весь наш род уничтожат! Пусть придет, побеседует, если договорится с агой – чего уж лучше, а если нет… Даже если ага тебе в сердцах прикажет, ты знай остерегайся: посол должен целым и невредимым из дому выйти.

Маш-Касем, высказав свои возражения против этой идеи, затем все же дал себя убедить, что так или иначе он должен заботиться о безопасности представителя англичан.

После того как Маш-Касем удалился, Асадолла-мирза сказал:

– Нет, просто бред какой-то… Теперь и Маш-Касем совершенно определенно вообразил себя Талейраном!… Да, вот еще какое обстоятельство. Сардар Махарат-хан говорит, что этот ефрейтор, его приятель, соглашается сыграть роль, только если ему дадут в виде вознаграждения исфаханский коврик. Лично у меня в доме всего-то два ковра. Может быть, господин Полковник…

– У братца есть исфаханские ковры, возможно, один из них мы сумеем…

– Моменто, моменто, господин Полковник, вы хотите сказать аге, что надо дать ковер полковнику английской армии, личному представителю Черчилля, чтобы они простили аге грехи?…

– Не хочу, но ведь другого выхода нет.

Отец, который сидел, задумавшись, и, казалось, не слушал их, вмешался:

– Нет, господин Полковник, тут вы должны уступить. Ну что стоит какой-то коврик по сравнению с душевным спокойствием аги?

– Для успокоения братца я жизнь готов отдать, но ведь мои ковры все парные, если разделить, эффект пропадет…

Прошло немала времени, прежде чем дядю Полковника уговорили передать сардару Махарат-хану какой-нибудь коврик в качестве вознаграждения индийскому ефрейтору.

Результаты этих совещаний не замедлили сказаться. Асадолла-мирзе при поддержке отца и дяди Полковника удалось склонить дядюшку Наполеона на встречу с представителем англичан. Конечно, сказать ему, что этот представитель индиец, они не решились, так как еле-еле уговорили его встретиться с полковником вместо генерала. Дядюшка настаивал, чтобы посланец явился к нему в дом, а Асадолла-мирза и его помощник твердили, что дядюшка должен ехать в ставку английского командования. Наконец сошлись на том, что встреча состоится на нейтральной территории, то есть в нашем доме. Коврик полковника переправили с помощью сардара Махарат-хана индийцу-ефрейтору. Договорились, что сначала, в среду вечером, Асадолла-мирза и отец повидаются с ефрейтором в доме сардара и обсудят с ним детали операции. Дядюшка,

который, вероятно, чувствовал себя Наполеоном в Фонтенбло перед прибытием представителей союзников, в ожидании встречи не покидал своей комнаты.

Глава двадцать третья

Наступила среда, день, когда представитель англичан должен был прийти для переговоров с дядюшкой Наполеоном.

Еще с утра отец под предлогом, что ждет к себе нескольких мужчин, услал всех домашних, даже слуг, погостить к маминой тетке, которая жила около моста Тадж-риш. Я кое-как уговорил его разрешить мне остаться. Встреча была назначена на четыре часа дня. Начиная с двух часов Асадолла-мирза и отец несколько раз ходили к сардару и обратно, лица их при этом то светлели, то мрачнели, как будто им приходилось разрешать многочисленные затруднения. Потом к нам пришел и дядя Полковник. По их шушуканью, по отдельным обрывкам разговора я понял, что единственным неразрешимым препятствием оставалось то обстоятельство, что посол – индиец. Наиболее оптимистично был настроен Асадолла-мирза, который несколько раз повторил:

– Бог даст, все образуется!

Немного позже трех дядя Полковник послал за

дядюшкой Наполеоном.

Я уже два дня избегал разговаривать с Лейли и даже приближаться к ней, так как не знал, что ей говорить. Если она случайно узнала что-нибудь о предстоящей встрече и станет спрашивать меня, что я ей скажу? Ведь я был уверен, что дядюшка не разрешит мне присутствовать, и отыскал себе подходящее потайное местечко за одной из дверей нашей гостиной, в маленькой комнатенке. Она открывалась также в коридор, так что мой тайник не мог обернуться для меня тюрьмой – ведь Асадолла-мирза поручил мне, где бы я ни был, быть готовым в случае необходимости прибежать на помощь.

Когда дядюшка Наполеон проходил по нашему двору, я наблюдал за ним из окошка верхнего этажа. Дядюшка надел темный костюм, к борту был прикреплен орден, который, по его словам, он получил из рук самого Мохаммада Али-шаха. Белая рубашка, черный в белую полоску галстук… Его вид напомнил мне Даладье, довоенного французского президента, которого я видел в кинохронике о подписании Мюнхенского пакта. Маш-Касем следовал за ним. Вероятно, на него напялили один из дядюшкиных костюмов, так как рукава и брюки были ему очень длинны. Отец и Асадолла-мирза вышли дядюшке навстречу. На их сердечные приветствия дядюшка отвечал крайне сухо и холодно.

Я бросился в свой тайник. Едва войдя в гостиную,

дядюшка занялся размещением присутствующих.

– Братец Полковник станет здесь… Ты тоже здесь, Асадолла…

– Моменто, я должен находиться справа от английского представителя.

– Это кто ж так решил? Нет, станешь, как я сказал.

– Примите во внимание, что мне предстоит выполнять обязанности переводчика, я оттуда не смогу… Мне нужно быть между вами и послом.

– А разве сардар Махарат-хан не придет?

– Вы же сами были против того, чтобы он приходил.

– Да, присутствие индийца на таких важных переговорах представляется нежелательным.

Асадолла-мирза, отец и дядя Полковник обменялись безнадежными взглядами, а дядюшка Наполеон продолжал:

– Ну ладно, тогда становись тут. Маш-Касем будет стоять чуть позади меня, слева.

– Я очень рад, что вы отказались от прежней мысли насчет Маш-Касема – в часовом за занавеской вообще нет необходимости.

Маш-Касем, который едва мог передвигаться в слишком просторной для него одежде, сказал:

– Дай вам господь здоровья, ага… Я этих англичанов столько на войне перебил – на семь вьюков хватит… Что теперь бога гневить, кровью еще одного англичанишки руки

марать… Вот, помню я, один мой земляк…

Дядюшка суровым взглядом оборвал его разглагольствования и проговорил:

– Для этого дела нужен человек совершенно надежный.

Асадолла-мирза и отец удивленно посмотрели друг на друга, но не успели ничего спросить, как дверь гостиной открылась и появился Пури с двустволкой в руках.

– Пури, ты все это время, как я тебе наказывал, будешь стоять в коридоре за дверью и держать палец на спусковом крючке, – твердо сказал дядюшка. – Как только я подам знак, откроешь огонь.

– О-о, святые предки! – не выдержал Асадолла-мирза, с изумлении созерцавший эту сцену. – Но как же, ага!… Ведь мы договаривались, что посол явится без оружия. Это нарушение всех правил, обычаев гостеприимства и даже законов ведения войны.

Дядюшка, сквозь дымчатые очки устремив взор в неизвестном направлении, спокойно отвечал:

– Военные законы мне получше твоего известны. Но не следует забывать о врожденном вероломстве врага. Пури! Выполняй приказ твоего командира!

Дядя Полковник, который некоторое время молча слушал этот разговор, наконец вмешался:

– Братец, этот ребенок вообще не умеет стрелять. Вдруг, не дай бог…

– Не умеет?… Что же он тогда в армии делал?

– Да ведь он служил писарем… Ну, конечно, стрелять тоже приходилось, но не из дробовика!

Дядюшка Наполеон повернулся к Пури, который, побледнев, слушал этот спор с весьма дурацким видом.

– Пури, если ты в самом деле не умеешь, прежде чем заступить на пост, скажи откровенно! По словам Наполеона, признание в неспособности – своего рода способность!…

Пури, заикаясь и пришепетывая, выдавил из себя:

– Я… дядюшка… Я как только вы прикажете… Я готов жизнь за вас отдать.

– Тогда иди на свой пост. Твой командир приказывает тебе!

Асадолла-мирза вмешался:

– Моменто, моменто, стрельба из боевой винтовки сильно отличается от стрельбы из дробовика. С вашего разрешения, я разъясню Пури некоторые детали.

И прежде чем дядюшка успел ответить, он увлек Пури в коридор и захлопнул дверь. Я тотчас высунул нос из своего убежища.

Асадолла-мирза, взяв винтовку из рук Пури, говорил:

– Ну-ка, посмотрим, голубчик… Вот так штука! Винтовка-то, оказывается, заряжена…

– Вот и я того же боюсь, – залопотал Пури. – Но ведь дядюшка приказал.

– Моменто, моменто, ты ведь человек взрослый, должен соображать, что к чему. Мы с таким трудом устроили, чтобы пришел этот английский представитель, уладил бы кое-какие противоречия, – а там, глядишь, и дядюшкино состояние улучшилось бы… Теперь представь себе, что переговоры не приведут к желаемому результату или зайдут в тупик… Что же, надо всадить послу пулю в живот? Тебе не приходит в голову, что потом тебя повесят за убийство?

– А я на самом деле не буду стрелять, дядя Асадолла.

– Знаешь, когда ружье заряжено, достаточно пальцем за курок задеть – оно и выстрелит.

Пури опять начал заикаться:

– А разве здесь нет предохранителя?

– Ты что, какие предохранители у этих дедовских винтовок? А потом, ты забыл про шок, который с тобой случился от взрыва бомбы? Хорошо еще, если винтовку у тебя в руках не разорвет! За последние несколько месяцев четыре таких дробовика разорвались в руках охотников.

– Я тоже очень этого боюсь, дядя Асадолла.

– И правильно делаешь, что боишься… Я сейчас вот что сделаю… так… и так!

– Да вы же патроны вынули!

– Тс-с! Не поднимай шума, ходи себе здесь с этой винтовкой, я тебе слово даю, что до стрельбы все равно не дойдет… С винтовками шутки плохи. В пятидесяти случаях

из ста они разрываются в замковой части, а дробовики – те весь заряд в живот владельцу отправляют… Хорошо будет остаться молодым калекой?… Или у тебя всякое желание пропало в Сан-Франциско кататься?

Пури от страха дрожь разобрала. Он разинул рот, но выговорить ничего не мог.

Когда Асадолла-мирза вернулся в гостиную, дядюшка Наполеон сидел в кресле, а остальные стояли. Асадолла-мирза несколько раз подмигнул дяде Полковнику. Тот некоторое время только гримасничал в ответ, а потом все-таки начал:

– Знаете, братец, я должен вам кое-что сообщить…

Дядюшка Наполеон резко повернул к нему голову. Полковник голосом, выдававшим его волнение и нерешительность, продолжал:

– Англичане при переговорах с противником стараются в каждой стране использовать граждан этой страны или ее провинций… и, так сказать… поскольку они считают, что местные жители лучше понимают психологию…

– Не пойму, к чему ты ведешь.

– То есть… как известно… Этот полковник, который сейчас прибудет, он… один из выдающихся военачальников английской армии…

– А иначе какой мог быть разговор? – сухо парировал дядюшка Наполеон. – Им следует бога благодарить, что я

согласился вместо генерала разговаривать с полковником.

Бедняга бросил обеспокоенный взгляд на Асадолла-мирзу и моего отца и продолжал:

– Так вот, этот полковник… который пользуется большим доверием Черчилля… говорят даже, что он его правая рука и подлинный руководитель всех английских войск, он – индиец…

Асадолла-мирза зажмурился. Дядюшка Наполеон как-то странно скривил губы. Лицо его побелело. Глухим, сразу севшим голосом, он повторил:

– Индиец… индиец!

Маш-Касем вдруг всплеснул руками:

– Ох, голубчики вы мои! Спасенья от этих индийцев нету!

Полковник, казалось, боясь потерять нить разговора, беспомощно забормотал:

– Этот Эштияг-хан такой человек, такой человек… вице-король Индии без его совета шагу не сделает…

К счастью, вмешательство Асадолла-мирзы предотвратило трагедию, которую предвещал ужасный вид дядюшки Наполеона.

– Моменто, господин Полковник, не забудьте, что полковнику Эштияг-хану пожалован титул «сэр». К нему следует обращаться сэр Эштияг-хан.

Упоминание словечка «сэр» произвело на дядюшку

Наполеона чудотворное действие. Он сразу притих – будто огонь, на который плеснули водой. Через минуту он совсем другим тоном проговорил:

– Если он полномочный представитель англичан, мне-то какая разница…

Асадолла-мирза и остальные облегченно вздохнули. В этот момент отец, стоявший у окна, выглянул во двор и крикнул:

– Эй, Ширали, у вас дело какое-нибудь?

Снаружи послышался грубый, хриплый голос Ширали:

– Здравствуйте, здравствуйте…

Но прежде чем он успел ответить отцу, дядюшка Наполеон сказал:

– Пусть войдет. Я ему велел заглянуть к вам, чтобы было кому чай подать.

Отец опять высунулся во двор:

– Ширали, будьте как дома! Наши ушли все… Сами налейте себе чайку, прошу вас! Там внизу самовар стоит.

Присутствующие только взглядами обменялись, не говоря ни слова. Не было никаких сомнений, что дядюшка предусмотрел все. Даже позвал Ширали, чтобы тот был под рукой в случае необходимости.

Дядюшка по-прежнему сидел в кресле, а четверо других участников мирной конференции стояли по углам. Даже Асадолла-мирза, обычно неспособный помолчать и минуты,

не разжимал рта. Наконец, тишину нарушил голос Маш-Касема:

– Так чего же этот англичанский индиец не идет? Очень я беспокоюсь. Прости господи, был у меня один земляк…

– Маш-Касем! – заворчал Полковник, но тот не умолкал:

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то…

К счастью, с лестницы послышался пропитой голос Ширали:

– Ага, гость ваш пришел.

Дядюшка поспешно встал, знаком приказал всем занять указанные места, провел рукой по ордену на лацкане пиджака и застыл в ожидании.

Ширали распахнул дверь. Ефрейтор Эштияг, то бишь полковник сэр Эштияг-хан, оказался низеньким, толстым индийцем. Он был одет в летнюю военную форму – рубашку с короткими рукавами и шорты. У пояса висела пустая кобура, которую он открыл так, чтобы отсутствие в ней револьвера бросалось в глаза.

Войдя, он щелкнул каблуками и, отдав честь по-военному, проговорил:

– Гуд афтернун, сэр! Хау ду-ю-ду!

Дядюшка, вытянувшийся по стойке «смирно» и побледневший, поднес руку к виску. Но торжественность момента, видно, так повлияла на него – впрочем, как и на

остальных присутствовавших, – что никто не ответил Эштияг-хану. Только Маш-Касем откликнулся:

– И вы тоже будьте здоровы.

Вмешательство Маш-Касема пробудило Асадолла-мирзу, который поспешно сказал:

– Гуд афтернун, сэр Эштияг-хан.

Индиец что-то проговорил по-английски, – мне показалось, что он возразил против титула «сэр», поскольку, очевидно, подобное обращение было ему непривычно, но по знаку Асадолла-мирзы замолчал.

После того как дядюшка и индиец пожали друг другу руки – индиец при этом вновь щелкнул каблуками – все, кроме Маш-Касема, расселись там, где было заранее условлено. Маш-Касем остался стоять.

Хотя в школе я всегда отличался на уроках английского, разобрать речь индийца мне почти не удавалось, зато я прекрасно понимал Асадолла-мирзу и сразу замечал, когда тот ошибался и путал женский и мужской род.

После обмена приветствиями дядюшка вновь обрел свой сухой официальный тон.

– Асадолла, пожалуйста, переводи все, что я говорю, слово в слово. Скажи, что я готов отдать родине свою жизнь, имущество и честь. Если он потребует, чтобы я признал превосходство англичан, перешел на их сторону, – то пусть меня лучше убьют и тело мое бросят на съедение волкам и

гиенам… Переводи!

Асадолла-мирза начал одно за другим нанизывать английские слова, особенно нажимая на слово «вулф», то есть «волк» – очевидно, для того, чтобы показать, что переводит точно, потом сделал паузу и сказал по-персидски:

– Моменто, моменто, странно, но я забыл, как по-английски будет «гиена»! Гиена… Как же они ее называют?…

– Вроде бы «стервятник», – подал голос Маш-Касем.

– Ну, это не важно, – решил дядюшка. – Скажи, что я сознаю, сколь велик урон, нанесенный мной английской армии… В сражениях при Казеруне, Мамасени и в десятках других мною уничтожены, вероятно, несколько тысяч английских солдат. Я причинил огромный вред их колонизаторским замыслам, но все это – ради отечества… Из-за того, что англичане вторглись в нашу страну… Один наш поэт в детстве сунул руку в куриное гнездо, и наседка клюнула его до крови. Он так сказал: «Отец до слез меня побил. Он родину любить учил!» Асадолла, прошу перевести слово в слово!

Асадолла-мирза тоскливо посмотрел по сторонам и начал сыпать английскими словами, среди которых дважды громко повторил слово «чикен», что, как мне было известно, значит «цыплёнок».

Индиец, очевидно, ничего не понял из перевода – он

размеренно кивал головой и приговаривал:

– Йес, йес, чикен… Йес, чикен, делишиоз… вэри делишиоз…

Наш учитель английского языка как раз объяснял нам слово «делишиоз» – это означает «вкусный».

Асадолла-мирза повернулся к дядюшке:

– Полковник сэр Эштияг-хан говорит: «Да, конечно, мы полностью осведомлены обо всех подробностях вашей борьбы, мы весьма уважаем ваши патриотические намерения, однако… »

Дядюшка вдруг нахмурился и хрипло прошипел:

– Асадолла, этот человек сказал всего несколько слов… Тебе понадобилось столько болтать, чтобы перевести два-три слова?… Уж не прибавляешь ли ты чего? Или, может, приукрашиваешь?

– Позвольте, ага, – быстро возразил Ассадолла-мирза, – я знаю английский или вы?… Всем известно, что английский – язык краткий и лаконичный. Там есть такие слова, что, если перевести их на персидский, полчаса говорить придется… Разве вы не слышали последнюю речь Черчилля? Он выступал в парламенте четверть часа, а перевод в персидских, французских и арабских газетах получился такой длины, что все над ним просто засыпают.

Маш-Касем, который давно уже молчал, потерял терпение:

– Ежели меня спросить, я скажу, золотые это слова! Об англичанах, чего ни скажи – все годится! В тот раз, когда англичан-сержант пришел к нам пощады просить, он нам, значит, говорит: «седаюся» – так толмач нам потом час цельный объяснял, чего ему надо.

Полковник свирепо глянул на него и тихим голосом проговорил:

– Молчи, Маш-Касем! И ты знатоком английского стал?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Да я этот английский лучше их самих знаю. Что хотите говорите, я сорок лет с ними сражаюсь, да чтоб я ихнего языка не понимал? Как сейчас помню, один земляк мой…

– Заткнись, Маш-Касем! – тоже тихо, но весьма выразительно сказал дядюшка Наполеон. – Асадолла, а ты побыстрей выясни обстановку… Спроси его, с какой миссией он прибыл? И в то же время скажи, что борьба с чужеземцами у нас в крови. Покойный Великий Праотец в свое время жизнь отдал в борьбе с чужеземцами.

– Моменто, моменто, – вмешался Асадолла-мирза, – если вы помните, покойный Великий Праотец скончался во время эпидемии от холеры.

– Не болтай глупостей, Асадолла-мирза! Переводи, как я тебе сказал!

Асадолла-мирза начал что-то бормотать на английский

лад, часто повторяя «ласт грейт-ага»[41], – я только эти слова и разобрал. Похоже, что индиец понял не больше моего.

Асадолла-мирза повернулся к дядюшке:

– Полковник сэр Эштияг-хан говорит, что государство, которое он здесь представляет, осведомлено о доблестях вашего семейства, но, если вы в настоящее время официально обязуетесь не вмешиваться в их дела, после войны ваше досье будет передано не рассмотрение вышестоящим…

Тут его речь прервал невообразимый гвалт, поднявшийся во дворе. Похоже, что несколько человек затеяли там драку… Все присутствующие застыли от изумления. Тем временем прочие голоса во дворе перекрыл могучий бас Ширали:

– Говорю вам, у господ гости иностранные!

Другой голос, который я сразу узнал, так как он принадлежал Дустали-хану, прокричал в ответ:

– Подумаешь, гости иностранные! А у меня срочное дело!

Шум доносился уже с лестницы. Дверь в гостиную с треском распахнулась. Дустали-хан с криком ввалился в комнату, волоча за собой Практикана Гиясабади в полосатой пижаме:

– Я тебе покажу… Негодяй, ни стыда, ни совести… Я

41

тебе сейчас растолкую, какие такие у меня обязанности…

Дядюшка Наполеон быстро поднялся с места и воскликнул:

– В чем дело, Дустали-хан? Почему вы так себя ведете? Вы же видите…

Не обращая ни на кого внимания, Дустали-хан подтащил Практикана к дядюшке и завопил:

– Этот бесстыжий мерзавец, который обещал, что женится на бедной девочке, а два месяца спустя разведется, всё никак не разводился, а теперь обрюхатил девчонку!… Да еще Акбарабад продает, чтобы денежки пропить…

Сердечные приветствия, которыми встретил Практика на Гиясабади Маш-Касем, немного ослабили напряженность обстановки:

– Ну, как ты поживаешь, Раджаб-Али-хан? Знаешь, вчера приезжал из Гиясабада Маш-Кёрим, про тебя спрашивал, а я говорю, ей-богу, хоть мы и соседи, я господина Гиясабади не вижу совсем…

Практикан Гиясабади высвободился из рук Дустали-хана и ответил Маш-Касему с такой же любезностью. Потом он обратился, к другим:

– Здравствуйте… Прошу прощения… Этому барану в голову взбрело… Не понимаю, разве человек права не имеет с собственной женой…

Но не успел он закончить своих объяснений, как

Дустали-хан воскликнул:

– А, господин Эштияг-хан, приветствую вас! Какими судьбами? А я как раз несколько дней назад спрашивал о вас у сардара Махарат-хана…

Дядюшка Наполеон застыл на месте как громом пораженный:

– Дустали, ты знаком с полковником Эштияг-ханом?…

Дустали несколько раз перевел взгляд с дядюшки на индийца, а потом, не замечая предостерегающих знаков Асадолла-мирзы и дяди Полковника, разразился хохотом:

– С каких это пор ефрейтор Эштияг-хан стал полковником? Поздравляю, господин Эштияг-хан! В прошлый раз, когда мы вместе с сардаром ездили в Пас-гале, ты еще был ефрейтором…

Все так и оцепенели. Эштияг-хан, который не был готов к столь неожиданной встрече, растерянно смотрел на Асадолла-мирзу, моего отца и дядю Полковника, но и они так опешили, что никто не приходил к нему на помощь, а Дустали-хан продолжал приставать к индийцу:

– Эштияг-хан, ты что – язык проглотил? Что с тобой?

С недовольным и встревоженным видом индиец ответил ему по-персидски, хоть и с сильным индийским акцентом:

– А что говорить… Я сегодня с агой пришел беседовать…

Дядюшка Наполеон судорожно вцепился в ручки кресла. Его трясло, он страшно побледнел, откинулся назад и, теряя сознание, повторял побелевшими губами:

– Измена… измена… брат мой… Люсьен Бонапарт…

– Ага, ага, что с вами? – воскликнул отец.

– Измена… измена… мой зять… маршал Марат…

– Моменто, моменто, при чем тут измена? Послушайте…

– Молчи! Маршал Мармон!

Маш-Касем хотел ввязаться, но Асадолла-мирза прикрикнул на него:

– А уж ты-то, генерал Груши, помалкивай, твоя биография самая подозрительная.

Вдруг дядюшка громовым голосом воскликнул:

– Измена… Пури! Ширали! В атаку!

Этот боевой клич довершил общее смятение. Индийца, хоть истинный смысл дядюшкиного приказа явно ускользнул от него, грозный приказ обескуражил и обеспокоил, он пытался знаками привлечь к себе внимание Асадолла-мирзы и отца. Я, полагая, что больше нет необходимости прятаться, решил тоже пробраться в гостиную и, стоя в дверях, услышал, как Асадолла-мирза тихонько сказал ефрейтору:

– Сардар, давай сматываться. Обстановка очень накаляется, – и потащил его к двери. В коридоре он

столкнулся с Ширали, который взбежал по лестнице:

– Подождите, ваше благородие, сейчас я с ним разделаюсь, – пробормотал мясник, замахиваясь бараньей ногой, которую держал на манер палицы. Ширали, после того как год назад побывал с паломниками в Мешхеде[42], дал обет, что больше ни на кого не поднимет секач.

Асадолла-мирза, удерживая его, тихим голосом приговаривал:

– Моменто, Ширали, ты спятил, что ли… Гость – любимец божий!

– Вот, ей-богу, ага велели, как только они крикнут, чтоб я бежал с ихними недругами рассчитаться.

– Ширали, приди в себя… Этот сардар – друг аги.

Сильно побледневший индиец, который, обращаясь к Ширали, вынужден был высоко задрать голову, испуганно повторил:

– Клянусь, я не имею никакой вражды… Ага – мой любимый друг… Ага – кумир моего сердца…

Ширали посторонился, пропуская его. В этот момент сзади нас показался Пури, который, по-моему от волнения, бегал по нужде и сейчас вылез из туалета.

– Подождите, дядя Асадолла, это ведь мой долг с индийцем рассчитаться, – заверещал он.

– Кончай крик! – замахнулся на него Асадолла-мирза. –

42

Тоже мне еще генерал Роммель нашелся! – И поскольку Пури не оставлял своих намерений, он повернулся к Ширали: – Ширали, попридержи-ка этого паренька, пока я не вернусь.

Мясник схватил тощего, длинного Пури в охапку, а Асадолла-мирза с ефрейтором, перепрыгивая через две ступеньки, побежали вниз. Асадолла-мирза при этом звонко хлопал в ладоши и в такт каждому хлопку громко ругался: «Ты что придумал, подлец, негодяй, висельник!… Уж я тебе теперь покажу! Своих не узнаешь!»

Когда он выпроводил индийца и вернулся, то в два счета вправил мозги Пури, который все так же барахтался в руках Ширали:

– Олух, если бы ты на этого индийца руку поднял, тебе бы в английском лагере живо свинца вкатили в пустую твою башку!

– Дядя Асадолла, я же не всерьез хотел… Я только чтобы дядюшка слышал… Вы теперь сами дядюшке скажите.

– Скажу, скажу. Ладно уж, Ширали, отпусти его. И сам спускайся во двор.

Следуя по пятам за Асадолла-мирзой, я вошел в гостиную. Отец и дядя Полковник с помощью Маш-Касема кое-как приподняли дядюшку и, поддерживая его со всех сторон, по глотку поили его коньяком. Практикан Гиясабади

и Дустали-хан с изумлением взирали на них.

Услышав голос Асадолла-мирзы, дядюшка приоткрыл глаза:

– Ну как, Асадолла? Что там?

– Без задних ног бежал… Позорное отступление. Поносил я его – на чем свет стоит! В пух и прах разнес!

Тут дядюшка, кажется, опять вспомнил о предательстве своих близких, глаза его снова выкатились из орбит, губы задрожали, и он из последних сил крикнул:

– Не желаю видеть ваши лица, изменники!…

Дядя Полковник собирался сказать что-то, но Асадолла-мирза опередил его:

– Ага, клянусь вам… клянусь духом Великого Праотца, он и нас тоже обманул.

– А вы, значит, такие дураки? Вас, значит…

– Моменто, – перебил его Асадолла-мирза, – надо ли вам рассказывать о хитрости и коварстве англичан? Да они на чурбан фуражку натянут и… Уж если Гитлера они ухитряются за нос водить, то что говорить о нас?

Это было прямое заимствование из дядюшкиного репертуара, подействовавшее на него наилучшим образом:

– Бедняги! Говорил я вам: остерегайтесь коварства этих старых лисиц, а вы все смеялись надо мной!

Присутствующие облегченно перевели дух. В этот момент у Маш-Касема, который на протяжении всей

описанной сцены хранил против обыкновения молчание, развязался язык:

– Ага, да разве господа когда вас поймут?… Богом клянусь, был бы я заместо Гитлера этого, сделал бы агу своим полковником, чтобы он англичанов на месте преступления поймал… Защитил бы от хитростей ихних…

Слава богу, на этот раз и вмешательство Маш-Касема оказалось уместным, так как на лице дядюшки обозначились признаки успокоения. Но Маш-Касем не замолкал:

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… В жизни я такого безобразия не видывал, чтоб, значит, вместо главного английского начальника подсунуть поганого индийского ефрейтора.

Дядюшка, который было закрыл глаза, снова вытаращил их и прохрипел:

– Умышленно, умышленно…

И, постепенно распаляясь, продолжал:

– Хотели вовлечь меня в переговоры с каким-то ефрейтором, чтобы подорвать мою репутацию, честь семьи… Унизить меня хотели. Это тоже один из их способов мести.

– Братец, братец, успокойтесь, – с тревогой в голосе сказал дядя Полковник. – Не волнуйтесь так, вам опять станет плохо.

– Как же мне не волноваться?! – воскликнул дядюшка. –

Как я могу молчать? Как оставаться спокойным перед лицом этих происков?… Подсылают ко мне какого-то ефрейтора, чтобы затем записать в историю: «Великий борец позорно сдался на милость ефрейтора-индийца…»

– Слава богу, теперь их коварные планы провалились, – вставил отец.

– Это была рука провидения, – немного тише сказал дядюшка. – Бог Марс, видно, не хотел такого унижения старого вояки. Если бы не Дустали…

– Правда, правда, – вмешался Маш-Касем, – если бы не земляк мой, быть беде! Вот какие молодцы у нас в Гиясабаде!

Дядюшка остановил взгляд на Дустали-хане и проговорил:

– Подойди, Дустали… сядь возле меня… Если бог им глаза-то отвел, то тебе непременно знамение послал, чтобы ты пришел мне на помощь в этом водовороте ужасном! Ты мой лоцман!

Асадолла-мирза сначала с изумлением наблюдал за этой сценой, потом тихонько сказал отцу:

– Полюбуйтесь… Теперь мы все нехороши стали… А Дустали-хан превратился в любимца Марса, бога войны.

– Ничего… Лишь бы только ага успокоился, – так же тихо ответил ему отец. – А Дустали-хан пускай хоть в самого бога войны превратится.

Асадолла-мирза поскорее налил дядюшке еще рюмку коньяку. После бури воцарилось желанное спокойствие. В этот момент в дверях показался Пури. Но, прежде чем дядюшка успел заметить его, Асадолла-мирза подскочил к двери и прошипел:

– Ступай прочь… Ага тебя увидит и опять все вспомнит. Побудь пока за дверью!

С этими словами он закрыл дверь в коридор. Я стоял в сторонке, так что дядюшке меня не было видно, и Асадолла-мирза знаком показал мне, чтобы я там и оставался. Дядя Полковник подошел к князю и шепнул:

– Асадолла, а как же теперь с моим ковриком?

– Моменто, моменто, Полковник! Хотите, чтобы все сначала повторилось? Вы, кажется, говорили, что готовы собственную жизнь отдать ради аги…

– Но, князь, ведь этот шарлатан ничего не сделал! Я такого обета не давал, чтобы ни за что ни про что подарить ефрейтору Эштияг-хану исфаханский ковер!

Асадолла-мирза поднял брови:

– Ну, значит, заберете ваш ковер назад. Есть о чем волноваться!

– Да где же я теперь этого жулика разыщу?

– Ей-богу, ну я же объясняю вашей милости, что… Правда, ефрейтор согласился принять участие в нашей игре лишь потому, что сегодня вечером они должны были

выступить из города. Но вы не беспокойтесь, он дал мне свой адрес. Напишите ему завтра: сардару Эштияг-хану, действующая армия, танк № 238.

– Чтоб ты провалился со своими княжескими фокусами, – сквозь зубы прорычал Полковник.

– Моменто, разумеется, если его не убьют, прежде чем письмо дойдет. Конечно, есть и другой путь: скажите, чтобы ага дал вам взамен свой исфаханский ковер!

– В самом деле! Только и остается сказать братцу, я, мол, дал этому ефрейтору взятку в виде коврика, чтобы он прибыл на переговоры вместо английского генерала! Что мне – жизнь надоела?

– Э-э, Полковник, жизнь ведь она по-разному поворачивается… То выигрыш, то проигрыш.

Дядя Полковник свирепо посмотрел на него и направился к остальным родственникам, которые окружили дядюшку Наполеона.

Глава двадцать четвертая

Сомкнутые веки дядюшки приоткрылись. Спокойным голосом он произнес:

– Да, я такого немало повидал… Даже Наполеон, которого всю его жизнь англичане преследовали своей злобой, даже он, когда после Ватерлоо удалился от дел,

опять поддался на их обман и доверил им свою судьбу… Они ему много чего наобещали. Но в конце концов несчастный сложил голову на острове Святой Елены. Ну что ж, я ничем не лучше его…

Затем, как бы желая совершенно переменить тему, он обратился к Дустали-хану:

– Ну, Дустали, что у вас там вышло с Практиканом Гиясабади?

Дустали-хан, барабаня пальцами по столу, угрожающе заявил:

– Вы в семье старший… Или сами разъясните этому козлу поганому его обязательства передо мной, или разрешите мне законным путем пресечь его попытки посягнуть на честь и имущество нашего семейства.

Практикан Гиясабади, который, очевидно, накурился терьяку и пребывал в полном душевном равновесии, хладнокровно провозгласил:

– Во-первых, кто так говорит, тот поганый козел и есть, а во-вторых, когда это я нападал на жизнь, имущество и честь аги?

Тут в разговор влез Маш-Касем:

– Ей-богу, до сих пор никто не слыхал, чтобы какой-нибудь гиясабадец, отсохни мой язык, на чужую честь замахнулся… И вообще, зачем врать? Да во всей стране никто так честью не дорожит, как гиясабадцы.

Хотя Дустали-хан старался не терять самообладания, но при этих словах он не выдержал и накинулся на Маш-Касема:

– А ты бы уж молчал! Чтоб твои гиясабадцы вместе с их честью в аду сгорели!

Маш-Касем, который редко грубил, на этот раз огрызнулся:

– А вам так и надо – правильная пословица есть: «По господину и почет!» Про меня чего хотите говорите, а честь гиясабадцев это вам не шутка!

В этот момент я нечаянно посмотрел в сторону Асадолла-мирзы. К нему вернулась обычная беззаботность, лукавая улыбка снова заиграла на лице.

– Моменто, моменто, Дустали-хан. Маш-Касем прав. Честь гиясабадцев вас не касается. Вы ведь и сами рыцарь чести, так что…

Дядюшка повелительно возвысил голос:

– Тихо! Между двумя лицами возник спор. Они вынесли его на обсуждение старейшин семьи. Надо подойти к их делу справедливо. Прошу дать сторонам возможность говорить. Продолжай, Дустали, но не отвлекайся по пустякам.

Дядюшкина строгость всех обрадовала. Было ясно, что на время англичане забыты. Дустали-хан, стараясь говорить спокойно, начал снова:

– Для сохранения чести семьи было решено, что этот человек придет, женится на девушке, через месяц разведется с ней – и за все это получит две тысячи туманов. Так и сделали. Теперь, не говоря уж о том…

Практикан Гиясабади, который тем временем лакомился фисташковой халвой, перебил его:

– Две тысячи туманов вы дали, а я потом кое-что подсчитал… Так с вас еще…

– Что ты болтаешь, подлец, бесстыжая морда? Чего тебе подсчитывать?

Практикан невозмутимо ответил:

– Вы пять лет в доме моей жены прожили. Арендная плата – сто туманов в месяц… Ну, будем считать по пятьдесят. За пять лет набегает три тысячи. Пожалуйте разницу – тысячу туманов.

Дустали-хан от злости просто онемел. Зато Асадолла-мирза пробормотал:

– Нет, сто туманов в месяц это вполне умеренная плата. Правильно подсчитали. Шесть тысяч туманов – нормально…

Гнев Дустали-хана обратился против Асадолла-мирзы:

– Замолчи хоть ты, Асадолла!

– Моменто, я ничего не говорил. Господин Практикан допустил ошибку в подсчетах, я ему указал.

– Тихо, Асадолла, – одернул его дядюшка.

Но тут опять вмешался Маш-Касем:

– Конечно, коли не хочешь дать, и двести туманов много… Вот у меня земляк был…

– Маш-Касем, дай господину Дустали-хану сказать, – остановил его Асадолла-мирза, – он же изволил говорить о посягательстве на честь.

Практикан Гиясабади, слегка постукивая по халве ручкой перочинного ножа, чтобы отколоть кусочек, хладнокровно произнес:

– Да, скажите, пожалуйста, на чью честь я покушался.

Весь дрожа от возбуждения, Дустали-хан прохрипел:

– Ага, вы только посмотрите, до чего может наглость дойти!… Эта невинная дурочка…

– Сам ты дурак невинный, – тут же вставил Практикан.

Дядюшка Наполеон воскликнул:

– Господин Практикан, вы же служите в полиции, вы должны знать, каковы правила судебного заседания! В настоящий момент здесь происходит заседание семейного совета. Пока я не дам вам слова, вы не имеете права говорить! В свое время вы тоже сможете высказаться. Продолжай, Дустали!

– Обращаю ваше внимание на то, что эту невинную больную девушку обманул какой-то неизвестный негодяй…

Практикан опять прервал его:

– Обращаю ваше внимание, ага, он опять попусту болтает! – Воздев глаза к потолку, он продолжил: – Во-

первых, негодяй тот, кто такие слова говорит, во-вторых, никого неизвестного не было.

Дустали-хан угрожающе приподнялся на стуле:

– Не было? Значит, тебе он известен? Ты знаешь, кто эту непорочную девицу ребенком наградил?

Положив в рот кусочек халвы, Практикан спокойно ответил:

– Еще бы не знать. Это я и был.

– Ты?! Ах ты лгун бессовестный!

– Нет, я чистую правду говорю.

Асадолла-мирза, лицо которого так и засияло, сказал:

– Моменто, господин Дустали-хан, разум и логика тоже иногда полезны. Господин Практикан откровенно признает, что это его ребенок, а вы утверждаете, что это ребенок неизвестного? Тогда либо назовите отца, либо согласитесь со словами господина Практикана.

Лицо Дустали-хана стало красным, как помидор. Он едва мог выговорить:

– Да когда же?… Где?… Этот человек вообще не был знаком с Гамар. Как это могло случиться, что мы ничего не знали?

Практикан все так же невозмутимо ответил:

– Эка, хватился, дядя! Да я с прошлого года, когда еще с инспектором Теймур-ханом приходил ваше тело искать, по Гамар сохну. Полюбили мы друг друга… Ах, что за ночки

были! Лунные ночи!

Асадолла-мирза, едва сдерживая смех, сказал:

– Ну что выспрашивать, когда и где, – не у вас же на глазах им любовью заниматься. В этом деле – третий лишний. Или вы другого мнения?

Дустали-хан, которого душила ярость, завопил:

– Асадолла, это ведь при тебе было, когда он сказал, что вообще ни к чему не пригоден…. Что ему, проклятому, причинное место пуля в бою отстрелила!

– Это у вашей милости причинное место проклятое! – с полным ртом парировал Практикан.

– Моменто, теперь состав суда должен высказаться по поводу причинного места каждой из тяжущихся сторон. Я голосую за господина Практикана.

Дядюшка Наполеон стиснул зубы. Он порывался положить конец этому зубоскальству, но не мог вставить ни слова. Асадолла-мирза, которому хотелось раззадорить спорщиков, с притворным удивлением повернулся к Практикану:

– Моменто, господин Практикан, я что-то не помню, чтобы вы называли место ранения…

– Нет, тут он как раз правильно говорит, – усмехнулся Практикан. – Я сам так сказал.

– Вы слышали? – заорал Дустали-хан, обращаясь к дядюшке. – Обратите внимание, он сам признал!

Но прежде чем дядюшка успел задать вопрос, Практикан все так же хладнокровно заявил:

– Клянусь богом, дело вот как было. В тот день меня с инспектором Теймур-ханом отрядили к вам под предлогом расследования о пропаже часов… А я думал, вам стало известно, что это я Гамар ребенка сделал, и вы хотите заставить меня сознаться, а потом отдадите под суд и засадите в тюрьму… Знаю я, как это делается, сам тысячу преступников задержал… Ну, я и сказал, будто у меня ранение такое, чтобы вы меня не схватили и не передали в руки полиции…

Тут Маш-Касем, который непривычно долго молчал, так и подпрыгнул:

– Ай, молодец, брат! Ну и голова!… Господи, благослови Гиясабад! Это я к тому, значит, что в мужской силе и удальстве никому с гиясабадцами не равняться.

Асадолла-мирза не мог больше сдерживаться. Он раскатисто захохотал, а потом проговорил, то и дело прерывая свои слова взрывами смеха:

– Да здравствует… Практикан Гиясабади!… С сегодняшнего дня объявляю тебя почетным гражданином Сан-Франциско!

– Рад стараться, ваше высочество, – ответил Практикан, присоединяясь к его веселью, – вы-то меня любите, я знаю.

– Господа, вы затягиваете заседание вашим смехом и

шутками, – прикрикнул дядюшка. – Асадолла! Практикан! Тихо!

Он опять повернулся к Дустали-хану:

– Продолжай, Дустали!

Но Дустали-хан, словно громом пораженный, не говорил ни слова. Молчал и дядя Полковник, сидевший опустив голову. Как я догадывался, сожаления об исфаханском коврике отвлекли его от семейного совета. Зато у отца вид был веселый и довольный.

Между тем Практикан Гиясабади начал контратаку:

– Я свою жену люблю. И она меня любит. Дитя у нас любимое… и еще одно на подходе… На взгляд господина Дустали-хана это все неприличие одно, а вот когда он сам в среду заявился в дом замужней женщины, а муж, между прочим, в это время отсутствовал, это прилично…

Дустали-хан, выйдя из охватившего его оцепенения, завопил:

– Я… Я ходил к замужней женщине?…

– Разрешите крикнуть Фати? – мягко осведомился Практикан. – Фати – дочка кормилицы Гамар. Если желаете, спросим у нее, кто в среду выходил, крадучись, из дома мясника Ширали?

Дустали-хан снова остолбенел. Асадолла-мирза широко улыбнулся. Он достал из кармана свои очки, надел их и, пристально глядя на Дустали-хана, сказал с плутовской

улыбкой:

– Дустали, неужели?… Наконец решился съездить в Сан-Франциско с Тахирой, женой Ширали? Ну и как – добрались?

– Замолчи, Асадолла!

– Моменто, Дустали! Откровенное признание смягчает вину! Повинись, не то Практикан пошлет за Фати.

– Асадолла, если я что-нибудь с тобой сделаю, потом не жалуйся!

– Моменто, моменто, моментиссимо! Господи помилуй! Мало ему жены Ширали, теперь он со мной хочет что-то сделать! Каких ты пилюль наглотался, что тебе удержу нет?

– Асадолла, Асадолла! – крикнул дядюшка. В этот момент Дустали-хан схватил банку с халвой и, угрожающе занеся ее над головой, как бы собираясь швырнуть в Асадолла-мирзу, зарычал:

– Как дам сейчас – башку расшибу!

– Что-что? Не понял! – перестав смеяться, сказал Асадолла-мирза и тут же, вскочив с места, ринулся к окну. Высунувшись во двор, он закричал:

– Ширали! Эй, Ширали!

Дядюшка Наполеон и все остальные во весь голос воскликнули:

– Асадолла!… Прекрати!!

Но Асадолла-мирза продолжал:

– Ширали, если не трудно, принеси наверх чаю.

В комнате воцарилась тишина. Этим воспользовался Маш-Касем:

– Ей-богу, зачем врать?! До могилы-то… Да я за все сорок лет такого безобразия не видал… Господь защитник, да если этот Ширали пронюхает… Знаете, господин Дустали-хан, Ширали нынче баранью ногу прихватил с собой…

Минуту спустя на пороге выросла исполинская фигура Ширали, который держал в руках поднос с чаем.

– Доброго здоровья всем!

Пока все молча разбирали с подноса стаканы и сыпали в чай сахар, Асадолла-мирза с серьезным видом заговорил, как бы продолжая прерванную беседу:

– Так, значит, как я вам уже докладывал, дела принимают скверный оборот… Понятно, что люди, которые дорожат своей честью, весьма озабочены. И тут уж не имеет значения, какое положение человек занимает, богач он или скромный ремесленник. Возьмем, к примеру, того же господина Ширали…

Выдержав паузу, он обратился к Ширали:

– Вот вы, господин Ширали… Я вас спрашиваю… Допустим, есть у вас друг, приятель какой-нибудь. И вот вы видите, как в его отсутствие чужой человек заходит к нему в дом. Как вам это понравится?

Ширали сквозь зубы прорычал:

– Ваше высочество, не надо при аге такие речи заводить! Я когда такое слышу, у меня аж в глазах темнеет, так и хочется все вокруг переломать, окна-двери повышибать…

При этих словах Ширали, совершенно забыв про поднос с последним стаканом чая, так потряс ручищами, что стакан соскользнул прямо на голову дяде Полковнику, а тот истошно завопил: «Ошпарили!»

Губы дядюшки Наполеона опять затряслись, он побледнел и, пытаясь подняться, устрашающим голосом вскрикнул:

– Я сказал, хватит! Довольно! Опять заговор… Теперь с другой стороны зашли… Хотят внести раскол в мою семью… Меня боятся, так за семью принялись… Боже, до чего эти подлецы, трусы эти докатились!

И под шум и гам собравшихся дядюшка Наполеон снова без чувств свалился в кресло.

Пури, который на крик отца вбежал в комнату, как заведенный, твердил:

– Кто это сделал? Кто обварил папочку?

– Чем реветь, как осел, ты бы лучше за доктором сходил, – наконец рявкнул на него Асадолла-мирза. – Кто сделал, тот и сделал. Не нарочно ведь. Ну, стакан из руки Ширали выпал, на папочку твоего чаем плеснуло. Принеси-

ка полотенце или салфетку да оботри его.

– Так мне за доктором идти?

– Куда хочешь иди, только подальше – все меньше крику будет, глядишь, больные сами по себе поправятся.

Пури поспешил за помощью, а Асадолла-мирза и Маш-Касем занялись дядюшкой Наполеоном. На ожог дяди Полковника никто не обращал внимания. Только Дустали-хан взволнованно сказал:

– Во всем этот проходимец виноват… Мало того, что он вор и мошенник, он еще и убийца. Видали – Полковнику глаза выжег!

На что Практикан Гиясабади с полным самообладанием ответил:

– Опять на меня свалить хотите, уважаемый! Нет, вам меня…

– Сейчас я тебе докажу, кто отец!!! – прервал его вопль Дустали-хана. – Это ты господину Полковнику все лицо обварил…

– Жду не дождусь ваших доказательств, – сказал Практикан и как бы про себя добавил: – Очень даже удивительно, что общего между беременностью моей жены и ожогом господина Полковника? Что у меня там – самоварный кран, что ли?…

– Господин Практикан прав, – подхватил Асадолла-мирза. – Разве там бывает самоварный кран? Ну пусть даже

бывает – каким образом туда попала голова господина Полковника? Если только, не дай бог…

– Да заткнись ты, Асадолла, – истошно заорал Дустали-хан.

Вместо ответа Асадолла-мирза повернулся к Ширали:

– Ширали, оставьте нас ненадолго одних… Но мне еще нужно вам кое-что сказать, если вас не затруднит, подождите внизу, пока я вас позову.

Дустали-хан, который от силы нахлынувших на него чувств совсем забыл о Ширали, опять позеленел.

– Асадолла, ты меня погубить хочешь, – пролепетал он.

Тут наконец вмешался мой отец.

– Успокойтесь, Дустали-хан, – решительно сказал он и, обращаясь к Асадолла-мирзе, мягко добавил:

– Асадолла, угомонись. Ты же видишь, что аге дурно… А Полковника обварили!

Ширали вышел из комнаты, дядя Полковник, громко охая, простонал:

– Кто же мной, несчастным, займется? Вспомнит обо мне хоть кто-нибудь?…

– Потерпите немного, господин Полковник, мы все о вас помним, но аге плохо… Надо сначала привести его в чувство.

– А мне, значит, хорошо?… – чуть ли не плача протянул Полковник. – У меня все лицо горит, словно его в печь

засунули…

– Да вы руки-то примите, поглядим, что там случилось…

Тут прибежал Пури и, задыхаясь, объявил, что доктора Насера оль-Хокама нет дома. Пока мой отец и Маш-Касем вливали дядюшке в рот шербет, Асадолла-мирза почти силой отвел руки Полковника от лица. Подбородок и губы у него чуть покраснели. Асадолла-мирза насмешливо произнес:

– О-о! Смотрите, кожа вся слезла, мясо видно!

Маш-Касем, приняв всерьез его слова и даже не взглянув на Полковника, заголосил:

– Ой, родимые вы мои, это что же творится!… У господина Полковника вместо лица, извиняюсь…

Асадолла-мирза, догадавшись, с чем Маш-Касем хотел сравнить лицо Полковника, оборвал его:

– Что ты шум поднимаешь, Маш-Касем? Я пошутил. Смотри, только чуть-чуть покраснело.

Но Маш-Касема нелегко было унять:

– Ей-богу, ваша милость, зачем врать? До могилы-то… Я насчет ожогов этих прямо мастер, лекарь то есть. От такого ожога только одно средство есть.

– Какое средство? – оживился дядя Полковник. – Что нужно сделать?

– Ей-богу, зачем врать? Вы, конечно, не обессудьте… Надо взять мочу от дитя малого и этой мочой полить…

Асадолла-мирза хотел было возразить, но передумал и после секундного колебания подхватил:

– Я тоже об этом слышал. Только где нам искать это дитя малое?

– Ничего, ежели какой побольше, тоже сгодится. Лишь бы совсем старый не был… Коли меня спросить, то, по моему разумению, Пури-ага для этого дела подойдет, не пропадать же добру.

Тут дядя Полковник завопил во всю мочь:

– Да прекратите вы наконец! Вы уж готовы всякую пакость мне на голову лить!… Чем глупости болтать, Маш-Касем, принес бы масла немного. Миндального принеси или касторового… Ступай, чего ждешь!

– Слушаюсь, бегу… Но только мое средство все равно лучше.

– Ну так попробуйте, большого вреда не будет, – предложил Асадолла-мирза, но Пури, по обыкновению шепелявя, бурно запротестовал:

– Что за невежество! И потом мне сейчас не хочется…

Дядя Полковник готов был опять поднять крик, но тут вернулся Маш-Касем с большой деревянной ложкой в руках:

– Ей-богу, ваша милость, ни миндального, ни касторового масла нет. Вот я с кухни немного подсолнечного принес…

Делать нечего, пришлось смазать кожу дяди

Полковника подсолнечным маслом. После этого он немного успокоился и заявил:

– Ладно, наплевать, если и помру… Вы бы лучше о братце позаботились.

– Не тревожьтесь, – раздался голос отца, – ага начал дышать ровнее… Скоро придет в себя… Только, пожалуй, лучше вам перейти в другую комнату, чтобы ага мог здесь немного полежать, пока окончательно не оправится.

– Я тоже думаю, лучше было бы нам уйти отсюда, – поддержал его Асадолла-мирза, – здесь будет потише… Давай, Пури. Пошли, Дустали!

Но Дустали-хан, плотнее усевшись в кресло, заявил:

– Я дал клятву, пока не кончится разбирательство, шага отсюда не сделаю. Останусь здесь, пока ага в себя не придет. Пусть рассудит меня с дорогим зятьком!

Тут же подал голос и Практикан:

– И я тоже. Буду дожидаться, пока ага своего родственника не укротит.

– Выходи, Дустали, – повелительно сказал Асадолла-мирза.

– Говорю тебе, с места не двинусь!

– Ах, не двинешься?… Моменто, моменто… Эй, Ширали!

– Ох, пожалеешь, да поздно будет… Давай, зови его, а я погляжу, как ты при нем про его жену речь поведешь.

– Ваше высочество, бога за вас молить буду, – вмешался Маш-Касем, – если этот Ширали до сих пор своей жене окорот не сделал, так это потому, что никто ему сказать не решается, чего она тут проделывает. А как решишься-то? Вы про Уста-Гуляма забыли?… А про подручного пекаря?… От того, кто ему слово скажет, мокрое место останется… Да он и дом, где такое услышит, спалит начисто!

Прежде чем Асадолла-мирза успел возразить, сквозь плотно сжатые губы дядюшки Наполеона прорвался стон. Все столпились вокруг него.

Несколько мгновений спустя дядюшка открыл глаза. Он долго озирался по сторонам, потом слабым голосом произнес:

– Не понимаю, почему это я…

Затем он, видимо, вспомнил, что произошло:

– Ефрейтор… Вместо полковника – ефрейтор-индиец!

Асадолла-мирза поспешно сказал:

– Моменто, ага… с ним мы счеты свели, прогнали прочь с позором. Что о нем вспоминать.

Дядюшка некоторое время отрешенно молчал, потом проговорил как бы про себя:

– Выгнали его… выгнали… Это хорошо… Хорошее дело… Мне уж недолго осталось, но вы не должны терпеть позор! Мы вместе сражались, рука об руку, плечом к плечу… А теперь вместе будем в плену.

– Братец, братец, – с беспокойством окликнул его дядя Полковник. Но дядюшка Наполеон, казалось, не слышал его. Все с тем же отрешенным видом он продолжал:

– Да, мы оказались в плену, но в плену почетном… Мы сберегли свое доброе имя, свою честь! В истории будет записано: великий полководец сопротивлялся до последней возможности…

– Братец, братец!

Дядюшка Наполеон повернулся к нему, минутку рассматривал, потом ласково спросил:

– Почему у тебя все лицо в масле?

– Братец, ведь обожгло мне лицо-то…

– Обожгло?… Обожгло лицо?… Я рад за тебя. Это ожог храбреца, это не клеймо труса!

Потом оглядел остальных:

– Видишь, Дустали? Видишь, какова жизнь великих полководцев?… Ты тоже разделишь со мной почетный плен!

Дядюшка умолк. Присутствующие с тревогой переглядывались. Молчание прервал Дустали-хан:

– Ага, да я уж и сейчас пленник. Пленник этого злодея безжалостного… Я останусь здесь, пока вы не рассудите меня с этим человеком, с этим бла-го-родным господином Практиканом Гиясабади!

– С Практиканом Гиясабади? Практикана тоже захватили вместе с нами?… Дорогой ты мой…

Практикан, с изумлением взиравший на дядюшку, пробормотал себе под нос:

– Нет, ему уж совсем в голову вдарило!

Дустали-хан тут же залепил ему увесистую пощечину:

– Отцу твоему вдарило, мерзавец бессовестный!

Практикан ответил ему затрещиной, и они было сцепились всерьез, но единодушный окрик отца и дяди Полковника заставил их разойтись. В этот момент дядюшка Наполеон с трудом поднялся на ноги – казалось, он и не заметил драки и, пошатываясь, побрел к двери:

– Я пойду собираться.

Асадолла-мирза бросился к нему:

– Моменто, моменто… Ага, позвольте… Ага, разрешите помочь вам!

Дядюшка Наполеон, не оборачиваясь, так же тихо сказал:

– Асадолла, ты? Вот и мой черед наступает… Но ведь со славой уйду, Асадолла? Плен, вот моя доля… Но я не запятнал себя!

Дядюшка Наполеон, поддерживаемый под руки Асадолла-мирзой и Маш-Касемом, пошел к выходу. Остальные с похоронным видом двинулись за ними.

Отведя дядюшку домой, Асадолла-мирза вернулся к нам. Он был тих и печален. Первым заговорил отец:

– Во всем виноват этот идиот Дустали-хан, всю музыку

нам испортил.

– Моменто, моменто, уверяю вас, что ага, не отдавая себе отчета, стремился оказаться в этом самом плену! Он убежден, что рука судьбы начертала ему жребий, подобный наполеоновскому. Остается только благодарить бога, что заявился Дустали, и события приняли такой оборот. Я уверен, что, даже если бы индиец предоставил ему все возможные привилегии, он все равно к чему-нибудь прицепился бы, нашел бы предлог и напустил бы на «посла» мясника Ширали, так что без скандала не обошлось бы.

– Что же теперь делать, как вы думаете?

– Ей-богу, я до сих пор никак в себя не приду. Надо подождать, посмотреть, как будет складываться обстановка.

Через три дня после переговоров с ефрейтором Маш-Касем рано утром знаками вызвал меня в сад и сказал, что Лейли желает меня видеть.

Лейли сидела в беседке, такая милая и скромная в своем сером школьном халатике. Но при виде ее опухших испуганных глаз у меня защемило сердце: она, наверное, проплакала всю ночь. Когда же я узнал причину ее смятения, сердце мое сжалось еще сильнее.

Накануне вечером отец позвал ее и Пури и объявил: в ближайшие два дня англичане схватят его и сошлют куда-нибудь, надежды на возвращение почти нет и поэтому его последняя просьба к ним – пускай готовятся к свадьбе,

чтобы в тот момент, когда англичане явятся, нотариус уже оформил бы брачный договор.

Я с трудом выдавил из себя:

– Что же ты ответила, Лейли?

Моя любимая опять залилась слезами и, всхлипывая, проговорила:

– А что я могла?… Папа болен, если я скажу «нет», я уверена, что ему с его больным сердцем этого не пережить!

– Ну, если он хочет поженить вас, когда английские власти начнут его разыскивать, то беспокоиться нечего. Ты ведь, Лейли, взрослая, понимаешь, что это бред. Англичанам вообще нет дела до дядюшки.

– Я знаю… Если он будет ждать их прихода, тогда ничего, но он еще говорил, что в следующем месяце день рождения какого-то имама, и новобрачным надо ехать в паломничество… А под конец сказал, что мы должны быть готовы, если англичане придут за ним раньше, чем через месяц, он срочно пошлет за муллой, и нас поженят… Ну скажи, что мне делать?

– Лейли, если ты выйдешь замуж, мне не жить… Скажи папе, что ты хочешь подождать, а потом выходи за меня!

– Если бы он был здоров, если бы не болезнь эта, я бы так и сказала, – плача ответила Лейли. – Но теперь боюсь. Да если я стану ему противоречить, у меня тут же язык отнимется! Придумай хоть что-нибудь…

В полном смятении я обещал ей, что постараюсь.

Но что я мог придумать?

Опять мои взоры обратились к единственному в семье человеку, на чей здравый смысл и сочувствие я мог бы опереться, то есть к Асадолла-мирзе. Вместо того чтобы идти в школу, я нерешительно отправился к его дому. Я был уверен, что он снова примется повторять свои всегдашние шуточки и советовать всякие глупости, но другого выхода не было. Я так и слышал наш разговор: «Дядя Асадолла, я не знаю, что делать». – «Идиот, не отвиливать! Я тебе говорил, чтобы ты не пренебрегал путешествием в Сан-Франциско…»

Каждый раз Асадолла-мирза направлял меня по этой дорожке, но я так любил Лейли, что едва пытался по его наущению представить себе что-нибудь подобное, как становился противен сам себе. Я с отвращением гнал от себя такие мысли.

Асадолла-мирза собирался идти на службу. Мои предположения оправдались. Бреясь перед зеркалом, он сказал:

– Чтоб ты провалился! Говорил ведь тебе – езжай в Сан-Франциско…

Мои протестующие возгласы не могли заглушить его монолог:

– Я тебе тысячу раз говорил, не пренебрегай поездкой в Сан-Франциско… Путешествия вообще отличная штука…

Вот я на днях собираюсь отправиться в командировку… Но я ведь неудачник. Вместо Сан-Франциско придется ехать в Бейрут… Путешествиями нельзя пренебрегать… Как завещал великий ширазский мудрец: «Доколе, подобно куренку, ты будешь копаться в пыли? Не лучше ли вольною птицей искать свое счастье вдали?» Не читал небось? Это из знаменитого стихотворения Саади: «Душою к друзьям иль чертогам не льни в сей юдоли земной, земли бесконечны пределы и род изобилен людской…»

Тут Асадолла-мирза вдруг замолчал и пристально посмотрел на меня:

– Моменто, моменто, дай-ка я на тебя погляжу… Подними глаза! Ты что, всерьез плачешь?… Ах ты дурачок, осленок несчастный… Вместо того чтобы слушать и ума набираться, он, как девчонка, нюни распустил!

Асадолла-мирза только притворялся, будто ему все нипочем, было совершенно ясно, что он очень расстроился. Он кое-как стер мыльную пену со щек и сел рядом со мной. Лицо у него стало непривычно серьезным, когда он озабоченно сказал:

– Ну, не огорчайся, сынок, что-нибудь придумаем.

Потом он полез в шкаф, из какой-то таинственной бутылки налил доверху две рюмки и снова подошел ко мне:

– Сначала выпей-ка, а потом поговорим. Пей, тебе говорю! Это не отрава.

Я неохотно взял у него из рук рюмку и выпил. Меня так и обожгло.

– Теперь сигарету возьми, закури. Закуривай, я сказал! Молодец.

Асадолла-мирза закурил сам, откинулся на спинку кресла. Немного помолчав, он заговорил:

– Пожалуйста, выслушай меня внимательно. На этот раз я совсем не шучу. Принимая во внимание, что ваша милость неоднократно сами доказывали свою неспособность к Сан-Франциско, а также учитывая тот факт, что решение вопроса все же находится в указанном районе, я настаиваю, чтобы ты согласился притвориться, будто ездил в Сан-Франциско.

– Дядя Асадолла…

– Моменто, не прерывай меня! Представь себе, что в каком-то университете или другом высшем учебном заведении условием успешного окончания служит грамотность и усердное чтение книг. Но появляется человек, который университет окончить хочет, а ни малейшей склонности к чтению не имеет. Значит, ему приходится выдать себя за книголюба, увлеченного науками! По-моему, если Лейли тоже согласится, вы можете и без всякой поездки принять вид утомленных путников и притвориться, что вернулись из Сан-Франциско… Тогда дядюшка будет вынужден либо сразу же устроить вашу свадьбу, либо подождать два-три года, после чего поженить вас.

– Дядя Асадолла, это все тоже довольно трудно. Даже если я соглашусь, не думаю, что удастся уговорить Лейли.

– Ну тогда пускай выходит за этого шепелявого лошака.

– А другого способа нет?

– Разве только мне ее в жены взять… В любом случае нужно торопиться, ведь возникли новые обстоятельства – я вчера уже рассказывал твоему отцу. Сегодня могу и тебе повторить: если дядюшка прослышит об этих событиях, он в тот же час пошлет за Сеид-Абулькасемом и оформит брак Лейли и Пури.

– А что случилось, дядя Асадолла?

– Конечно, официально об этом не сообщалось, но факт остается фактом – англичане арестовали большую группу государственных деятелей, известных пронемецкой ориентацией, и отправили их в Арак…[43]Если известие об этом сорока на хвосте принесет дядюшке, то он кинется собирать вещи, а когда соберет, немедленно отошлет Лейли в дом мужа.

– Дядя Асадолла, можно мне еще рюмку того коньяка?

– Браво! Ты понемногу становишься мужчиной! Это один из признаков возмужания…

– Дядя Асадолла, а вы не могли бы поговорить с дядюшкой и сами ввести его в курс дела?

– Моменто, моменто, моментиссимо… Можешь не

43

сомневаться, что, как только дядюшка сообразит, о чем речь, он Сеид-Абулькасема за ногу с кафедры в мечети стащит, и через пять минут Лейли будет замужем за Пури.

Я опять принялся упрашивать его: ведь я прекрасно знал, что у меня не хватит сил выполнить замысел Асадолла-мирзы, что даже притвориться побывавшим в Сан-Франциско я не в состоянии. В конце концов он смягчился:

– Я как доктор, который знает, что больному после операции нельзя пить, но все-таки уступает его просьбам и уговорам. Ведь ясно, что это только обострит положение… Впрочем… Ладно, потерпи немного, я сегодня обдумаю хорошенько, что из этого получится.

В тот же вечер Асадолла-мирза разыскал меня.

– Дядя Асадолла, вы что-нибудь придумали? Есть выход?

– К сожалению, говорить с дядюшкой о твоем романе с Лейли решительно бесполезно. Я ведь предупреждал, что, стоит затронуть эту тему – делу конец. Я специально приходил, чтобы поговорить с ним о тебе, но положение очень и очень скверное.

– Что он сказал, дядя Асадолла? Прошу вас, не скрывайте от меня!

Немного поколебавшись, Асадолла-мирза ответил:

– Лучше, пожалуй, тебе знать, чтобы не питать напрасных надежд… Когда речь зашла о тебе, он заметил

только: «Волчонок станет взрослым волком. Как ни воспитывай – без толку!»

– А вы что ответили, дядя Асадолла?

– Моменто, ты, видно, рассчитывал, что после этого я открою ему цель своего визита? Мол, пришел сватать вашу дочь за волчонка?… Я теперь вот чего опасаюсь: когда он мне стишки читал, приперся Дустали-хан и все слышал. Боюсь, что он доведет это до сведения твоего отца и добавит к нашим затруднениям еще одно. Короче говоря, положение может ухудшиться.

– Куда же еще хуже, дядя Асадолла?

– А вот увидишь. Если только эти слова дойдут до твоего отца, не пройдет и двух часов, а уж он исхитрится как-нибудь оповестить дядюшку о ссылке этих деятелей в Арак. Вот тут-то и сыграют срочным порядком свадебку.

– А вы скажите Дустали-хану, чтоб не поднимал шума.

– То ли ты еще ребенок, то ли не понимаешь всей гнусности нрава Дустали-хама… Что бы я ему ни говорил, только хуже получится, а так все же есть надежда, что господь вразумит его и он попридержит свой мерзкий язык… На всякий случай ты пока разрабатывай версию Лжесанфранциско, а там посмотрим, что получится.

Растерянный и встревоженный, я расстался с Асадолла-мирзой. Опасения, которые он заронил мне в душу, мучили меня невыносимо. Что будет, если слова дядюшки

действительно дойдут до отца и он выложит ему обстоятельства ссылки тех людей в Арак?

Тревога моя оказалась не напрасной. Я думаю, сплетник Дустали-хан сделал свое дело, потому что на следующий вечер, во время ужина у дяди Полковника, куда были приглашены дядюшка Наполеон и несколько человек ближайших родственников, нежданно-негаданно появилась Фаррохлега-ханум. Как всегда, она была с ног до головы облачена в черное.

– Низкий поклон вам всем… О-о, да тут цвет общества! А я вечером ходила на поминки по мужу Монир-ханум… Возвращалась оттуда, дай, думаю, зайду проведаю.

В комнате стало тихо. Шамсали-мирза, недавно вернувшийся из Хамадана, руководствуясь собственными представлениями о поддержании разговора, спросил:

– Кто это Монир-ханум?

– Монир-ханум – дочь Этемада оль-Мамалека… Бедняжке эти дни так тяжело… Муж ее – еще и не старый совсем – вернулся домой из министерства, пошел руки помыть да прямо около крана и упал замертво! Пока за доктором послали, он уж, прости господи, скончался. Сегодня на поминках говорили, что удар-то его хватил из-за этой истории с зятем…

– А что случилось с его зятем?

– Ну уж это-то вы должны знать… Зятя несколько дней

назад вместе со всеми англичане арестовали и увезли. Говорят, в Арак сослали….

Вдруг раздался хриплый голос дядюшки Наполеона:

– Англичане? Почему?

Асадолла-мирза засуетился, пытаясь отвлечь внимание собравшихся от опасной темы, но дядюшка воскликнул:

– Подожди-ка, Асадолла! Вы, ханум, сказали, что англичане арестовали какую-то группу?

– Да, и среди них несчастного зятя Этемада. Жена, бедняжка, ничегошеньки о нем не знает.

Я в ужасе следил за разливавшейся по лицу дядюшки бледностью. Возможно, не все поняли причину дядюшкиного волнения, но кое-кто знал наверняка, а еще кое-кто догадывался.

Несколько мгновений стояло молчание. Только дядюшка бормотал:

– Англичане… англичане… приступили к делу, значит…

Внезапно он вскочил и крикнул:

– Касем… Касем! Пошли домой.

И, не обращая внимания на протестующие возгласы собравшихся, вышел из гостиной.

Глава двадцать пятая

Дядя Полковник побежал вслед за дядюшкой Наполеоном. Собравшиеся удивленно переглядывались. Асадолла-мирза испытующе смотрел на отца, но тот держался вполне спокойно.

Наконец Фаррохлега-ханум сказала:

– Я не поняла, с чего это ага так разволновался? Ведь муж Монир-ханум и его зять ему совершенно чужие!

Асадолла-мирза сердито покосился на нее, потом, стараясь скрыть раздражение, проговорил:

– Нет, ага волнуется из-за несчастного Мансура ос-Салтане. Знаете, это дядя Дустали-хана.

– А разве с дядей Дустали-хана случилось что?

– Да неужели вы, ханум, не в курсе? Уж так он, прости его господь, страдал…

Глаза Фаррохлега-ханум, почуявшей поминальную тризну, алчно блеснули:

– Ах ты боже мой! Как же это, я не слыхала? Когда он отмучился-то? А поминать где будут?

– Да пока не решили, где поминки устроить, он ведь только сегодня скончался.

– Надо же, горе какое! А я совершенно ничего не знала…

– Моменто, я полагаю, хорошо бы вам утешить Дустали-хана.

– Жалко, что час поздний, а то бы я…

– Да что вы, сейчас совсем не поздно, – заверил ее Асадолла-мирза, – я, как раз когда сюда шел, видел, что Дустали-хан только что вернулся домой.

Фаррохлега-ханум заколебалась, а Асадолла-мирза продолжал:

– При той дружбе, которую ваша матушка питала к покойному, я думал, что вы-то уж непременно будете у его смертного одра.

Фаррохлега-ханум решительно встала:

– Да, вы правы, некрасиво получилось. Я сейчас же загляну к Дустали-хану и Азиз ос-Салтане…

Когда Фаррохлега-ханум выкатилась, присутствующие, которые с большим интересом наблюдали, как Асадолла-мирза фабриковал свою новость, облегченно вздохнули. Асадолла-мирза обратился к дяде Полковнику:

– Надо было как-то сплавить отсюда эту старую сову. А теперь скажите, как там ага?

Дядя Полковник с мрачным видом ответил:

– Братец был очень рассержен и отправил меня назад. Сказал, что желает побыть один.

Час спустя в гостиной оставались только Асадолла-мирза, отец и дядя Полковник. Я притулился в уголке и слушал, о чем они говорят.

– Я всерьез боюсь, как бы ага не наложил на себя руки, – говорил мой отец. – Помните, он тогда рассказывал, что

Наполеон принял яд после поражения?

Асадолла-мирза отпил немного вина.

– На этот счет я спокоен. Ведь и Наполеон, если помните, когда ему пришлось отречься, выпил яд, но затем, после Ватерлоо, он дожидался, пока его отошлют на остров Святой Елены.

– Ну, нельзя же надеяться, что ага будет следовать каждому шагу Наполеона…

Тут в разговор вступил дядя Полковник, долго сидевший в глубокой задумчивости:

– Асадолла, мне подумалось, может, мне лучше самому поговорить с сардаром Махарат-ханом?

– Поговорить с сардаром Махарат-ханом насчет аги? А какое отношение…

– Да не насчет аги, а насчет меня, – прервал его дядя Полковник. – Насчет моего коврика, который этот индиец забрал, – и дело с концом… Надо же что-то придумать! Это невиданное мошенничество и наглость…

– Господи, Полковник, речь идет о жизни вашего брата, а вы все о коврике!

– Да нет, за братца я не тревожусь. Братец не лозинка тонкая, чтобы эта буря сломила его. Человек, который всю жизнь провел в бою, сумеет выстоять под ударами судьбы.

Асадолла-мирза безнадежно посмотрел на отца:

– Ну, пожалуй, и мне пора. Отправлюсь ночевать под

крылышко дражайшей мамаши Дас-хатун!

Шагая вслед за отцом и Асадолла-мирзой к нашему дому, я слышал, как князь тихо и саркастически спрашивал отца:

– Вы не догадываетесь, кто мог рассказать Фаррохлега-ханум эту историю про арест англичанами группы лиц и высылку их в Арак?

Отец остановился и доверительно коснулся его руки:

– Я не совсем понимаю ваши намерения, князь.

– Моменто, моменто, нет у меня никаких намерений, я просто спросил.

– Да нет, нет, вы намекали… Если вы думаете, что я приложил к этому руку, то ошибаетесь. Клянусь духом отца, я сам был в полном недоумении.

Видимо, не только я, осведомленный, как запросто отец обращается с духом своего родителя, усомнился в его искренности, поскольку, когда отец уже скрылся в доме, а я провожал князя, он сказал:

– Ну теперь нет ни малейшего сомнения в том, что зловредный Дустали передал твоему отцу разговор про волчонка.

– Что же делать, дядя Асадолла?

– Ей-богу, мне уже ничего на ум не идет… Я ведь как квартальный лекарь: когда недуг в ранге простуды, я могу прописать липовый цвет или таблетку аспирина, но если

болезнь действительно серьезная и запущенная, надо звать профессора… В первый же день я порекомендовал курорт Сан-Франциско, потому что только в этом я специалист. Больной не послушался моих советов… А теперь уже поздно, придется все это большое семейство везти не на курорт, а к профессору, лечить всерьез.

– Значит, вы хотите бросить нас?

– Нет, сынок, просто сейчас у меня ничего не выходит… Надо потерпеть, посмотрим, как пойдет дело с изгнанием дядюшки на остров Святой Елены, а потом уж подумаем…

Тут мы дошли до поворота. Вдруг я увидел, что кто-то издалека бежит к нам.

Это был чистильщик. После приветствий и обмена вопросами о здоровье он заявил, обращаясь к князю:

– Ваша милость, помогите мне в одном деле.

– Моменто, и тебе тоже надо помогать?… Вот удивительно, я с собственными делами никак не разберусь, а сам оказался штатным защитником всех жителей квартала… Так в чем дело? Что стряслось?

– Да вот ага уже несколько дней настаивает, чтобы я собирал свои манатки и катился отсюда. Раза два-три уже передавал через Маш-Касема, не желает, мол, больше, чтобы я тут располагался.

– А ты что?

– Ваша милость, вы сами посудите. Я все это время здесь торчал, у меня и клиенты свои завелись, куда же мне опять перебираться? Разве это дело, с места на место бродить?

– Да нет, я спрашиваю, что именно ты ответил Маш-Касему?

– Ответил, скажи, мол, аге, что я тут останусь… Не могу, мол, отсюда уйти.

Асадолла-мирза даже зубами скрипнул с досады и пробормотал:

– Ответ хуже некуда! Так ведь и правда придется уходить.

Потом он принялся наставлять чистильщика, убеждая его не упорствовать, объясняя, что самое благоразумное будет покориться и устроиться квартала на два подальше. Но чистильщик стоял на своем, продолжая умолять Асадолла-мирзу о поддержке.

– Моменто, моменто, а может, правду люди говорят, что тебя одна из здешних женщин присушила?

После многословных уверений чистильщика, что ничего подобного нет и в помине, Асадолла-мирза пообещал посодействовать ему, насколько будет возможно, а когда чистильщик ушел, расхохотался:

– Ну вот, не было печали! Мало мне своих забот, еще одна прибавилась… Этот мальчишка втрескался в жену

Ширали и не желает уходить. А дядюшка, ожидая английских властей, которые заявятся высылать его в Арак, желает, чтобы духу этого парня здесь не было, а то, не дай бог, спугнет англичан… Просто сумасшедший дом какой-то!

– Дядя Асадолла, а вы думаете, дядюшка все еще верит, что этот чистильщик – немецкий агент?

– Возможно, не слишком верит, но сомнение все-таки гложет его душу… На всякий случай он хочет устранить с пути англичан все возможные препятствия.

– Дядя Асадолла, я вам так надоел, что мне право неудобно и говорить вам…

– Да чего уж там, говори, не стесняйся, – смеясь, прервал меня Асадолла-мирза. – Я ведь читаю твои мысли. Ты хочешь сказать, что теперь, когда дядюшка всерьез ожидает англичан, вы с Лейли тоже в опасности. Весьма возможно, но больше ни о чем меня не спрашивай, дай мне подумать до утра, посмотрим, может, что-нибудь придет в голову.

Я опять провел ужасную ночь. Когда я ненадолго засыпал, мне снились кошмары, в которых было перемешано все на свете. Лейли в свадебном наряде, рука об руку с мужем, шла между двух шеренг английских солдат с саблями наголо к подъезду какого-то дворца, а муж ее был не кто иной, как Ширали. Английский главнокомандующий, одетый в шотландскую юбку вместо брюк, оказался вдруг

Маш-Касемом. Я вскрикнул, Пури, который выступал за новобрачными, обратил ко мне свою лошадиную морду и жутко заржал.

Следом за женихом и невестой дядя Полковник тащил свой коврик. Практикан Гиясабади в ливрее с галунами и рыжем парике стучал об пол массивной тростью и объявлял: «Жених и невеста!» Доктор Насер оль-Хокама играл на саксофоне. Отец и Асадолла-мирза, взявшись за руки, водили вокруг меня хоровод и распевали песенку на манер американских шлягеров, где без конца повторялись слова «Сан-Франциско», и в ушах моих так и отдавалось эхом «Франциско… анциско!…».

Я опять закричал и бросился бежать. Маш-Касем в своей шотландской юбке направился ко мне и проговорил с английским акцентом: «Уходи, милок, кончено твое дело». Тогда я завопил: «Маш-Касем, ну сделай же что-нибудь! Или ты не друг мне?…» Но он все с тем же английским выговором ответил: «Ей-богу, родимый ты мой, зачем врать? До могилы-то… Моей вины тут нет, с аги спрашивай!» – и я повернулся туда, куда указывал его вытянутый палец. Дядюшка в треугольной шляпе Наполеона восседал на белом коне. Держа в руках баранью ногу, он восклицал: «Вперед! В атаку!» – и я падал, падал, падал под копыта набегавших прямо на меня коней… А одетая в черное Фаррохлега-ханум

читала надо мной «Фатиху»…[44]

Утром я не смог подняться с постели. Все тело у меня болело. Совершенно обессилевший, я лежал, пока не вышло время отправляться в школу. Мать заглянула в мою комнату и не на шутку испугалась – я весь горел. Когда я попытался встать, голова у меня закружилась, и я опять рухнул на подушки.

О том, что болезнь моя серьезна, я догадался скорее по суматохе и тревоге, поднятой родителями, чем по собственному самочувствию. Привели доктора Насера оль-Хокама. Из его пространных рассуждений тихим голосом я уловил только слово «тиф» и, несмотря на то, что голова у меня раскалывалась от боли, успел подумать, что моя горячка вызвана кошмарами минувшей ночи, а доктор, как всегда, ошибся. Весь день меня била лихорадка. Как мне потом говорили, несколько раз даже начинался бред. Но к вечеру дело пошло на поправку. Я узнал улыбающееся лицо Асадолла-мирзы, склонившееся надо мной, но не мог вымолвить ни слова.

Наутро следующего дня я уже являл собой доказательство невежества доктора Насера оль-Хокама, который, оказывается, совершенно не разбирался в медицине. Лихорадку мою как рукой сняло, я ощущал себя почти таким же здоровым, как обычно, только слабость еще

44

не прошла. Мать подняла было крик, когда я захотел встать с постели, однако я, заверив ее, что выздоровел, выбрался в сад.

Маш-Касем поливал цветы. Но вопреки обыкновению на нем было его выходное платье. Закатав штаны до колен, он осторожно наклонял лейку, боясь замочить одежду.

– Слава богу, что ты не расхворался всерьез, родимый, – не поднимая головы, сказал он. – Уж как я тебя жалел. Вчера после обеда приходил навестить тебя… А ты бредил. Вот бы этот доктор сегодня на тебя поглядел! Ведь он, бессовестный, болтал вчера, будто ты тиф подхватил… Богом клянусь, эти лекаря скотину от скамейки отличить не могут!

– Я-то, слава богу, здоров, Маш-Касем, а вот ты зачем так вырядился? Собрался куда-нибудь?

Маш-Касем, печально посмотрев на меня, ответил:

– Ей-богу, сердешный ты мой, зачем врать? До могилы-то… Теперь уж нам недолго осталось… Вот улучил минутку напоследок цветочки полить, очень даже возможно, что англичаны в этот самый час поспешают за нами. Ты на меня не серчай, ежели что не так…

– Маш-Касем, а что дядюшка делает?

– О-хо-хо, и не спрашивай, милок! Прогневил он, видно, господа бога. Прошлую ночь до утра глаз не сомкнул. Должно быть, завещание писал. Лет на двадцать за эту ночь

постарел.

– А сегодня как он себя чувствует?

– Сегодня, слава богу, чуток поспокойнее. Вчерашняя-то суматоха улеглась.

– Маш-Касем, а Лейли в школу ушла или еще дома? Я хочу ей кое-что сказать.

– Хватился, сердешный! Да ага сегодня чуть свет отправил детей с господином Полковником к ним на дачу, в Абали… И правильно сделал… Не хочет, чтобы дети здесь оставались, когда англичаны придут, незачем им глядеть, как на отца кандалы надевают… Еще с ребятишками случится чего. От этих англичанов чего хочешь ожидать можно.

– Когда же они вернутся, Маш-Касем?

– А это уж, голубчик, когда англичаны нас заберут.

– А если не придут англичане?

Маш-Касем усмехнулся:

– Мал ты еще, родимый, не знаешь, кто такие англичаны… Да, мы с агой не раздеваемся со вчерашнего дня. Я два раза судки собирал, чтобы по дороге в Арак с голоду не помереть… Потому как англичаны пленных своих кирпичной похлебкой на змеином сале кормят… У меня один земляк был, которого англичаны схватили, так…

Поняв, что от Маш-Касема больше ничего не добьешься, я решил отправиться к Асадолла-мирзе, но, прежде чем я вышел из дому, он сам появился: забежал

справиться о моем здоровье. Увидев меня на ногах, он очень обрадовался:

– Нет, подумать только! А этот бестолковый Насер оль-Хокама заладил одно: «тиф»… Хорошо еще, что не сказал «болезнь роста»!

Я попробовал было поговорить с ним наедине, но потом сообразил, что он чем-то озабочен или, может быть, просто не хочет вдобавок ко всем семейным неурядицам выслушивать еще и мои любовные жалобы.

Князь немедленно начал разговор с отцом:

– Ну, что слышно? Генерал Веллингтон еще не приехал арестовывать нашего Наполеона?

– Я сам еще не видел агу, но утром спрашивал Маш-Касема, тот говорит, что, с тех пор как семью отправили, он немного успокоился. Конечно, сегодняшнюю ночь опять провел не раздеваясь…

– Может, заглянем к нему, посмотрим?

Отец с Асадолла-мирзой направились к дядюшкиному дому, я, немного помедлив, последовал за ними. Дядюшка даже не взглянул на меня. Похоже, что он и не слыхал о моей болезни, а если и слыхал, то ничего не понял. Он был в темном костюме, на лацкане пиджака поблескивал орден Мохаммада Али-шаха. Меня поразила его необычайная бледность и глубоко запавшие глаза. Он тихо сидел в кресле. Услыхав шаги отца и Асадолла-мирзы, дядюшка попытался

привстать, но не смог. Асадолла-мирза начал было свои шутки, но при виде осунувшегося дядюшкиного лица смешался и замолк. Слишком заметно было, что если дух дядюшки и обрел спокойствие, то плоть его безмерно ослабела.

Отец сказал:

– Вы немного бледны сегодня, наверно, спали плохо. Вам бы полежать лучше.

– Я уже свое отдохнул, – тихим голосом ответил дядюшка, – теперь время бодрствовать.

Я заглянул во двор, в комнаты – все вокруг было пусто и печально. Кроме дядюшки и Маш-Касема, в доме не осталось никого. На дверях висели большие замки.

Асадолла-мирза, встревоженный, дядюшкиным состоянием, сказал:

– Я тоже думаю, вам не помешало бы еще отдохнуть, по-видимому…

Но дядюшка с неожиданной твердостью проговорил:

– Асадолла, возможно, я немного ослабел, но я хочу, чтоб они знали: воин и в плену остается воином… Они не должны видеть моей слабости.

– Моменто, разве воин никогда не спит? Мы прекрасно знаем из истории, что даже Наполеон в ожидании прибытия представителей союзников позволил себе поспать.

– Асадолла, они мечтают захватить меня окончательно

разбитым, чтобы имя мое было опозорено в истории…

– Но, ага…

Асадолла не успел закончить фразу, так как с улицы послышался сильный шум. Дядюшка, не сводя глаз с двери, взволнованно произнес:

– Что там?… Кажется, пришли!

Асадолла-мирза уже хотел пойти выяснить, но тут появился Маш-Касем.

– Из-за чего шум, Маш-Касем?

– Да это у Ширали с чистильщиком разговор вышел.

Дядюшка, приосанившийся было, опять откинулся на спинку кресла и снисходительно спросил:

– Так что же случилось? Ушел чистильщик?

– Какое там ушел… Ширали только замахнулся этой ногой бараньей, так он от страха-то словно на крыльях полетел… Все свои причиндалы, щетки-шмотки тут побросал.

Дядюшка, совершенно успокоенный, повернулся к Асадолла-мирзе:

– Ничего страшного. Этот голодранец не столько трудился, сколько на чужих жен и дочерей зарился.

– Бог вас вознаградит, ага, – тут же поддакнул Маш-Касем. – Жаль, что сразу так не сделали. Я с самого первого дня говорил, что этот парень мерзавец.

Дядюшкин лоб покрылся испариной. Он держался

рукой за сердце, но продолжал все так же прямо и твердо сидеть в кресле. Несколько минут все молчали, потом дядюшка обратился к Маш-Касему:

– Касем, ты уложил мой гетры?

– Которые вы поверх башмаков одеваете?

– Да, те самые.

– Обе пары положил.

Отец и Асадолла-мирза то и дело поглядывали друг на друга, но, похоже, не находили, что сказать. Молчание становилось тягостным. Маш-Касем потихоньку вышел.

Дядюшка ровным голосом произнес:

– Асадолла, все свои дела я привел в порядок, теперь могу спокойно ехать. Но у меня есть к тебе просьба…

Дядюшке не удалось договорить, так как за окном раздался страшный гвалт, на этот раз со стороны сада. Дядюшка выпрямился в кресле, вслушиваясь в нестройный хор голосов, на фоне которого можно было различить голос Маш-Касема, кричавшего, что он ни за что не даст побеспокоить агу.

Отвернувшись, дядюшка хрипло сказал:

– Вроде пришли… Асадолла, погляди, что там делает этот дурак Касем?… Он, кажется, оказывает сопротивление, хотя я приказывал ему не сопротивляться!

Но Асадолла-мирза не успел выйти. Дверь распахнулась, и разъяренный Дустали-хан с перевязанной

головой ворвался в комнату. Он так вопил, что невозможно было разобрать ни слова. Наконец дядюшка строго сказал:

– Успокойся, Дустали! Что с тобой стряслось?

Дустали-хан продолжал орать как резаный.

– Да замолчи ты, Дустали! – прикрикнул на него Асадолла-мирза. – Не видишь, что ли, ага нездоров.

Дустали-хан, который, казалось, только сейчас заметил Асадолла-мирзу, секунду не сводил с него глаз, а потом опять завопил:

– Это ты молчи, негодяй бессовестный! От такого родственничка всей семье тошно!

– Моменто, моменто, Дустали, в чем дело? Должно быть, тот, кто тебе в голову камнем запустил, так постарался, что последние остатки разума вышиб! Что ты кидаешься на меня, как пес бешеный?

– А какой подлец послал третьего дня Фаррохлега-ханум над дядюшкой Мансуром ос-Салтане «Фатиху» читать?… Чем несчастный старик перед тобой провинился, что ты так о смерти его хлопочешь?

– Дустали, не затевай ссоры! – сурово проговорил дядюшка. – Сейчас не время для раздоров. Что произошло?

Дустали-хан немного овладел собой. Он швырнул на стол несколько листков бумаги, которые держал в руках, стукнул кулаком и заявил:

– Или вся семья подпишется под этими показаниями,

или я вам больше не родня.

– Что еще за показания, Дустали? И почему у тебя голова забинтована?

– Спросите у этого наглеца и хулигана, которому девчонку отдали. Этот подлец, негодяй, наркоман паршивый камнем мне голову пробил… Гиясабади этот!

Асадолла-мирза расхохотался:

– Молодец, Гиясабади! Мастерский удар был.

– Ну, а при чем тут свидетельские показания? – снова снисходительно поинтересовался дядюшка.

– Вот, пожалуйста. Это удостоверенное доктором Насером оль-Хокама свидетельство, что Гамар ненормальная. А это другое, несколько человек из соседей подписали. Ага, бедная девушка полоумная. А этот шарлатан Гиясабади транжирит ее состояние… Вы только подумайте, он Акбарабад продает… Разрешите, я вам показания зачитаю: «От лица уважаемых граждан, которым известно…» В это время в саду опять зашумели.

– Тихо, Дустали! – воскликнул дядюшка и почти любовно пробормотал себе под нос:

– На этот раз уж точно они.

Он пытался встать, на лбу его выступили крупные капли пота, но ноги не слушались.

Когда мне впоследствии приходилось читать историю Тристана и Изольды или слышать упоминания о них, я

каждый раз представлял себе это утро. Трепетное ожидание дядюшки можно было сравнить только с томлением Тристана, предвкушавшего встречу с Изольдой.

Мгновение спустя дверь отворилась, и в комнату ввалились Практикан Гиясабади с матерью, а за ними – Азиз ос-Салтане. Глаза дядюшки, который с вожделением взирал на дверь, затуманила безнадежность. Он с отвращением зажмурился. Тем временем новоприбывшие продолжали орать на все голоса, осыпая друг друга бранью. Наконец Асиз ос-Салтане удалось перекричать остальных:

– Дустали, да я тебя с грязью смешаю за твои гнусные выдумки! А ну – катись отсюда, пошел домой! Хоть бы зятя постыдился!

– Чтоб он сдох, зять этот! Да я готов семь лет голодать, только бы от этого мошенника избавиться. Этот негодяй злоупотребляет слабоумием девчонки…

Тут мать Практикана испустила такой рев, что стекла задрожали:

– Ах ты, злыдень… Да тебе и всем твоим предкам гордиться надо, что такого зятя заполучили… Как вдарю сейчас, все зубы тебе повыбиваю! А на невестку мою ты не больно-то наваливайся – она во сто раз поумнее тебя будет!

Практикан Гиясабади, его мамаша и Азиз ос-Салтане хором ругали Дустали-хана, а супруга при этом колотила его сумкой по разбитой, голове, от чего он истошно орал.

Слабого голоса дядюшки было почти не слышно:

– Оставьте! Прекратите!… В такой час… Нашли время… Господи, пошли сюда англичан, чтоб они меня от вас освободили…

Тут дверь с треском распахнулась, Маш-Касем, с глазами, налитыми кровью, и трясущимися от злости губами, вырос на пороге и крикнул:

– Ширали, выброси их всех отсюда… Эти злодеи убьют агу.

Шедший по пятам за Маш-Касемом Ширали поглядел на Асадолла-мирзу и, заметив его одобрительный кивок, не раздумывая, подхватил Дустали-хана под мышки и так тряхнул, что ноги неугомонного господина оторвались от пола и, словно дубинки, обрушились на Практикана, его мать и Азиз ос-Салтане.

– Йаллах, чтоб вам провалиться!… Всех вас сейчас измолочу!

Награждаемые увесистыми пинками Дустали-хана, барахтавшегося в руках Ширали, Практикан с мамашей и Азиз ос-Салтане обратились в бегство. Когда комната опустела, дядюшка, еще более побледневший, простонал:

– Англичане… англичане… Что ж они медлят?

Асадолла-мирза, испуганно вглядываясь в помертвевшее дядюшкино лицо, крикнул:

– Маш-Касем, беги за доктором Насером оль-Хокама!

Скорее, голубчик!

Сам он бросился в переднюю и схватил телефонную трубку. Быстро назвав номер, он сказал:

– Доктор, пришлите на дом то лекарство. Я сам не могу зайти, так что скорей высылайте… Больной в плохом состоянии.

Потом с помощью отца он уложил дядюшку на диван и взял его руку:

– Пульс совсем слабый… Хоть бы этот дурак доктор дома оказался.

Дядюшка был белее полотна. Крупный пот покрывал ему лоб, виски. Асадолла-мирза снял с него дымчатые очки и отложил их в сторону. Отец в волнении бегал по комнате. Не открывая глаз, дядюшка заговорил:

– Ты должен… должен прийти ко мне! Мне так много нужно сказать… Обязательно придут… уже здесь. Господи, дай мне силы встретить их стоя…

Когда во дворе раздались шаги Маш-Касема, дядюшка приоткрыл веки и дрожащим голосом спросил:

– Пришли? Пришли?

Но увидев Маш-Касема, он опять потерял надежду и голова его бессильно упала. Доктора Насера оль-Хокама не оказалось дома. Отец послал Маш-Касема за тем кардиологом, который некоторое время лечил дядюшку.

Асадолла-мирза с явным беспокойством и страхом

следил за дядюшкой, растирая ему руки и ноги. Через несколько минут со двора вдруг послышался четкий строевой шаг. Дядюшка, очевидно собрав последние силы, поднял голову и прошептал:

– Пришли? Пришли?… Подымите меня… Теперь уже точно…

Асадолла-мирза подсунул руку старику под плечи и немного его приподнял. Дверь распахнулась – я так и остолбенел. Английский солдат со знаменем в левой руке шагнул в комнату. Он щелкнул каблуками, поднес правую руку к козырьку и на ломаном персидском языке обратился к дядюшке:

– Икскьюз ми. Прощать прошу. Но я есть командирован… Должен вам арестовать. Прошу не сопротивлять!

Измученные, потухшие глаза дядюшки вновь блеснули. С трудом он поднял руку к виску, как бы отдавая честь, и еле слышным голосом проговорил:

– Я дал указание… приказ… сопротивление прекратить… Великий полководец… великий полководец в вашем распоряжении.

И со счастливым видом лишился чувств. Асадолла-мирза опустил его на диван и сказал:

– Теперь, я думаю, вы можете отдохнуть.

Отец пощупал пульс дядюшки и встревоженно сказал:

– Пульс очень слабый и неровный… Хоть бы скорее врач пришел… Я, пожалуй, еще позвоню доктору Сеид-таги-хану.

Он пошел к телефону, а я, уставившись на английского солдата, вдруг заметил, что Асадолла-мирза знаками просит его выйти из комнаты.

Не в силах разгадать, что происходит, я выглянул в переднюю и сразу наткнулся на Асадолла-мирзу. Князь пытался сунуть солдату деньги, а тот ломался:

– Рад служить вашему высочеству… Я вам очень обязан… Вы же сами за все изволили заплатить, и за рубашку, и за брюки, и за шапку…

– Ну, прошу вас, господин Ардавас! Это так, мелочь – плата за английское знамя. Не отказывайтесь!

– Знамя-то из обыкновенной бязи, я сам его выкрасил. Ну, если и взять, то только чтобы вас не обидеть…

– Вы меня убиваете, барон Ардавас!

– Ну, не дай бог… За такую малость стыдно и деньги брать.

– Пожалуйста, жизнью вас заклинаю! Друг ты мне или нет?

– Помилуйте, я вам очень благодарен. Я ведь ничего особенного не сделал. Надел в саду эту рубашку, брюки, зашел, два слова сказал…

– Ардавас, я рассержусь.

– Ну, как прикажете, как вам угодно, только неудобно мне.

– Вот молодец! Но пусть это дело останется между нами. Переоденься и ступай, а попозже еще увидимся.

– Счастливо оставаться, ваше высочество, до свидания.

– До свидания, Ардавас, счастливо!

На пороге, прислушиваясь к их разговору, показался отец. Армянин, быстро переменив защитную гимнастерку и бриджи на обычную одежду, забрал английскую форму и удалился. Отец покачал головой:

– Ну, князь, виртуозно! Где вы только разыскали такого? Он настолько похож на англичанина, что я уж подумал, будто вы наняли настоящего британца.

– Этот Ардавас – официант в одном кафе на проспекте Лалезар… Его с давних пор прозвали Ардавас-англичанин. И живет он здесь неподалеку. Я со вчерашнего дня готовил подарок аге. Как он?

– Да, кажется, заснул, но все такой же бледный.

– Ну, пусть полежит немного. А что же доктор?

– С доктором Сеид-таги-ханом я договорился, он сейчас приедет.

Через минуту появился кардиолог в сопровождении Маш-Касема, и почти тотчас прибыл доктор Сеид-таги-хан.

Дядюшка лежал неподвижно, во все время осмотра не подавая признаков жизни. Оба врача считали, что его срочно

нужно отправить в больницу. Больше всех горячился Маш-Касем:

– Пусть господь покарает их всех! Одно зло ага от них видел…

– Моменто, Маш-Касем, довольно – теперь эту песню не заводи, – строго сказал Асадолла-мирза.

– Нет, ваша милость, зачем врать?! До могилы-то… Меня ежели спросить, так я скажу: собственными ушами слыхал, что они агу отравили.

Доктор Сеид-таги-хан, запиравший саквояж, насторожился и со своим грубым тебризским акцентом произнес:

– Что? Вы сказали «отравили»?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы…

– Маш-Касем, почтенный! Что за глупости… – разом закричали Асадолла-мирза и отец.

– Дайте ему сказать! – воскликнул доктор Сеид-таги-хан. – Я тоже наблюдаю у этого больного признаки опиумного отравления.

Кардиолог рассмеялся:

– Дорогой коллега… Я давно уже пользую этого больного… Подобные признаки появляются при каждом сердечном приступе.

Доктор Сеид-таги-хан, человек с дурным характером, резко ответил:

– Больного вы, возможно, знаете лучше меня, но я врач государственной больницы, передо мной каждый день проходит по сто человек с подобным отравлением.

– Да хоть тысяча – говорю вам, это типичные признаки сердечной аритмии.

– Прошу вас не учить меня медицине! Моя обязанность, если у больного обнаружены признаки отравления, сообщить об этом в органы здравоохранения, что я и собираюсь сделать.

Несмотря на громкие протесты Асадолла-мирзы и отца, доктор Сеид-таги-хан не желал отступиться от своих слов. Асадолла-мирза, стараясь не выходить из себя, сказал:

– Господин доктор, вы пришли к такому выводу только после слов этого глупого слуги! Почему же вы раньше не заметили признаков отравления?

Потом он обратился к Маш-Касему:

– Кто же, по-твоему, Маш-Касем, отравил агу?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы-то… Я сам-то не видел. Но я так думаю, англичаны это.

– Вы слышите, господин доктор? – повернулся Асадолла-мирза к врачу. – Маш-Касем уверен, что британский король дал аге яд.

– Кто?… Британский король?… В любом случае в больнице все выяснится.

Кардиолог фыркнул:

– Надо извлечь опиум из желудка больного и отдать на анализ в государственную больницу. Конечно, если опиум окажется британским, это дело рук англичан. Тогда надо посылать полицейского к Черчиллю!

Доктор Сеид-таги-хан бросил на своего коллегу злобный взгляд и, если бы не вмешательство Асадолла-мирзы, несомненно обрушил бы на него поток брани.

– Моменто, моменто… Господа, ваш человеческий и профессиональный долг требует, чтобы вы заботились о больном, а не дискутировали по частным вопросам… Маш-Касем! Беги за такси, повезем агу в больницу.

Полчаса спустя дядюшка, несмотря на сделанную ему инъекцию, все еще не пришел в сознание. Его перенесли в машину. Было решено, что Маш-Касем срочно поедет на другом такси за дядей Полковником и попросит, чтобы он, оставив детей на даче, сам вернулся в город. Асадолла-мирза давал Маш-Касему последние наставления:

– Ты только осторожней, чтобы они не очень перепугались. Скажи господину Полковнику, что ага сам просил его вернуться! Ханум, если захочет, тоже пусть приедет, а детям – незачем.

У кардиолога была своя машина, а мы кое-как погрузились в то же такси, куда уложили дядюшку, и отправились в больницу.

Около полудня я сидел на скамейке в больничном

коридоре, наблюдая за суетой родственников, число которых все прибывало.

Дядюшке давали кислород, к нему никого не пускали. Конечно, гипотеза об отравлении, которая так увлекла доктора Сеид-таги-хана, была отвергнута при первом же осмотре больного, и доктор покинул нас в самом скверном расположении духа.

Я думал о Лейли, и порой мысли заводили меня так далеко, что я становился гадок сам себе.

«Если дядюшка… а что, если дядюшка не поправится?… Сколько ему лет? Сам он говорит, что чуть больше шестидесяти, но отец утверждает, что ему все семьдесят! Семьдесят лет – ведь это уже старость!… Нет, не дай бог, пусть до ста лет проживет! Но… но если он выздоровеет, то непременно отдаст Лейли за Пури… И мы оба будем несчастны, и я, и она… Ох, о чем я думаю?… Значит, я хочу, чтобы дядюшка не поправился?… Нет, сохрани бог! Господи, пошли ему исцеление! И вообще, разве можно лезть в дела божьи? Как господь пожелает… Лучше о другом думать. Правда, почему это Асадолла-мирза велел Маш-Касему не привозить детей? А может, Лейли захочет повидать отца в последний раз… Опять я говорю „в последний раз“! Господи, прости меня грешного…»

Родственники собрались в кружок и переговаривались тихими голосами. Моя мать и тетки не находили себе места

от волнения, мужчины пытались их успокоить. Я подошел поближе, чтобы послушать, какие новости.

Последнее слово медиков было: если больной протянет до вечера, возможно, удастся его спасти.

Один из врачей с удивлением рассказывал, что, когда дядюшка на несколько минут пришел в себя, он лишь пробормотал что-то про какую-то святую Елену и про инвалидов – больше не удалось разобрать ни слова.

Наконец я увидел Асадолла-мирзу, сидевшего в стороне. Я направился к нему:

– Дядя Асадолла, как вы думаете, что будет? Ну, доктора говорят, что если до вечера…

– Так и есть, – тихо сказал Асадолла-мирза. – Ты прав. Твой диагноз верен.

В этот момент по легкой улыбке и устремленному куда-то поверх моей головы взгляду я понял, что мысли его далеко от меня. Я проследил, куда он смотрит. Молоденькая медсестра раскладывала на передвижном медицинском столике инструменты и лекарства. Кокетливо улыбаясь, она поглядывала на князя и всецело завладела его вниманием.

Я подождал немного, пока девушка вошла в палату. Теперь с Асадолла-мирзой можно было поговорить.

– Дядя Асадолла, как вы считаете, жизнь дядюшки в опасности?

– Все от бога, сынок. Нам теперь только и остается, что

молиться.

– А вы не думаете, дядя Асадолла… Я просто спросить хочу…

– Так спрашивай, дружок.

– Я хотел спросить, когда вы говорили Маш-Касему, чтобы он дядю Полковника привез, а детей – нет, это вы из-за меня, да?

– Как это из-за тебя? Не понял…

– Ну, вы, наверно, не хотели, чтобы Лейли и Пури здесь оказались, чтобы дядюшка не мог, если очнется, послать за нотариусом и оформить их брак.

Мгновение Асадолла-мирза смотрел на меня, и в глазах его отражалась какая-то странная тоска. Обняв за плечи, он притянул меня к себе, помолчал, потом сказал:

– Ну, теперь здесь столько народу собралось, что от нас с тобой никакого проку не будет… Поехали лучше ко мне обедать.

– Нет, я не могу… Я должен быть здесь.

– Зачем это, интересно? Ты что – врач или кислород давать умеешь?

Тут взгляд его скользнул вдоль больничного коридора, он вскочил и потянул меня за руку.

– Бежим отсюда… Здесь дурно пахнет. Не видишь, что ли, Фаррохлега-ханум пожаловала.

Он потащил меня за собой и, когда мы проходили мимо

отца, сказал ему:

– Я заберу мальчика к себе… Что ему зря торчать в больнице? Пообедаем, потом вернемся.

Отец с матерью были только рады.

По дороге Асадолла-мирза болтал о всякой всячине. Было ясно, что он хочет отвлечь мои мысли от дядюшки и недавних событий.

Когда мы вошли в его гостиную, он сразу направился к шкафу и налил два бокала вина.

– Выпей стаканчик… Мы сегодня так устали и измотались, что заслужили небольшую выпивку.

Потом он настоял, чтобы я выпил еще бокал.

– А больница действительно отличная… Если я заболею, обязательно лягу туда… Видел, какие сестрички там – пальчики оближешь. Знаешь эти стихи Саади: «Был в Мерее врач, словно ангел, хорош. Станом прекрасным на тополь похож». Ты читал?

– Дядя Асадолла, мне как-то не до того.

– Тогда выпей еще. Пей, говорю тебе! Молодец…

Он бросился в кресло и продолжал:

– Я когда-то был вроде тебя… Такой же сентиментальный… меланхоличный. Но время меня изменило. Тело человека куют в маминой кузнице, но душу его выковывает время… Ты слышал историю про мою бывшую жену?

– Нет, дядя Асадолла. То есть я знаю, что вы женились, а потом развелись с ней.

– Так просто? Женился, потом развелся… Тогда садись, я тебе расскажу.

– Не надо сейчас, дядя Асадолла.

– Моменто, значит, тебе надо еще выпить.

– Нет, у меня уже голова кружится… Рассказывайте!

– Мне было лет семнадцать, когда я влюбился… Влюбился в свою дальнюю родственницу… Словом, во внучатую племянницу небезызвестной Фаррохлега-ханум. Девушка тоже увлеклась мною… В сущности, детская или юношеская любовь не возникает самопроизвольно. Это родители толкают на нее детей. С первых дней ребенок слышит шутки старших: «ты мой зятек», «ты моя невестушка». А потом приходит пора влюбиться, вот он и влюбляется в ту самую невестушку. Я влюбился именно так. Но пока наши родители узнали об этом, семья уже разорилась.

Ее отец приискал жениха побогаче, мой отец тоже нашел мне богатую невесту. Не такую уж богатую, впрочем… Ну, к примеру, с земельной рентой в двести туманов. Однако мы не покорились. Мы стойко выносили всю ругань и нападки, пока нас не поженили. В тот день нам представлялось, что начинается райская жизнь… Мне целых два года даже в голову не приходила мысль о другой –

казалось, в мире существует только одна женщина, моя жена. Земной и потусторонний мир, сон и явь, прошлое и будущее – все воплотилось для меня в этой женщине… Очевидно, около года жена испытывала такие же чувства, но понемногу ее отношение ко мне стало меняться. Мне неохота вдаваться в подробности, но на второй год, когда я со всех ног летел домой с работы, она считала это признаком того, что мне больше некуда пойти. Если я не глядел на других женщин, то якобы потому, что был ни на что не способен…

Он подлил себе вина и продолжал:

– Помнишь, ты несколько раз спрашивал меня, чья эта карточка?

Асадолла-мирза ткнул пальцем в фотографию мужчины в арабском головном уборе, годами стоявшую на камине у него в гостиной.

– Помню. Кажется, один из ваших друзей, верно, дядя Асадолла?

– Моменто. Я всегда говорил тебе, что он один из моих старых друзей, но это не так. Это мой спаситель.

– Спаситель?

– Да, потому что однажды утром моя жена сбежала с сим неотесанным арабом. А потом, когда я развелся с ней, стала женой этого самого Абдолькадера Багдади.

– Дядя Асадолла, этот араб увел у вас жену, а вы

вставили в рамку его фото и украсили им камин?

– Ты еще наивный ребенок. Если тонешь в океане и в последнюю минуту, когда уж душа с телом расстается, тебя вытащат из воды, то, будь твой спаситель хоть крокодилом, тебе он покажется краше Жаннет Макдональд.

– Все-таки, по-моему, дядя Асадолла, оставлять на камине эту карточку…

– Моменто, – перебил меня Асадолла-мирза, – прибереги пока свои соображения на этот счет, через несколько лет расскажешь. Я только хочу описать тебе Абдолькадера. Его превосходство передо мной было в том, что я разговаривал с ней нежно, а он – грубо и резко, что я мылся каждый день, а он – раз в месяц, что я даже перышко зеленого лука проглотить боялся, а он съедал целые килограммы лука, чеснока, редьки, я читал стихи Саади, а он отрыгивал… При всем том я в глазах жены был тупицей, а он – мудрецом, я был человеком пустым, а он – интересным, я грубым, а он – обходительным. Хотя спутником он, наверно, был хорошим… На это он годился… Одна нога тут, другая – уже в Сан-Франциско.

Я пристально смотрел на фотографию араба, стоявшую в рамке на камине, а Асадолла-мирза все говорил, говорил… Зачем он завел этот разговор? Наконец я остановил его:

– Дядя Асадолла, зачем вы рассказываете мне все это?

– Затем, чтобы немножко вразумить тебя. Объясняю

тебе вещи, которые тебе потом волей-неволей придется узнать.

– Значит, вы хотите сказать, что Лейли…

– Нет, я говорил не о ней, – прервал он меня, – но я должен тебе заметить, что, если Лейли и отдадут за Пури, ты не так уж много потеряешь… Если она в один прекрасный день захочет бросить мужа ради какого-нибудь Абдольхалега Мосули, так пусть уж лучше за Пури выходит.

– Дядя Асадолла! Дядя Асадолла! Вы не знаете, как я люблю Лейли. Вы тоже любили, но моя любовь…

– Твоя любовь высшего сорта… Никто и не сомневался.

– Но если этот дядюшкин план действительно существует и, когда он поправится…

– Короче, если брак состоится, ты покончишь счеты с жизнью. Знаю. Похоже, что план действительно существует, так как нотариус приходил.

– Что? К дядюшке приходил нотариус?

– Правда, по другому делу. Вчера вечером, как раз когда тебе было совсем плохо, позвали нотариуса. Нотариуса и муллу Сеид-Абулькасема… У дядюшки оставались пять тысяч туманов сбережений Маш-Касема. Вместо них он отдал Маш-Касему какой-то забытый богом пустырь, – тут в пригороде, – гектаров пять, не больше, – которому грош цена. Маш-Касем приходил вчера – точно кабан раненый; тут-то я все и понял. Он, бедняга, страшно расстроился, но

боялся противоречить дядюшке, как бы тому хуже не стало, потому и согласился. Ну, а затем…

– Дядя Асадолла, раз нотариус приходил, почему же они не оформили брак Лейли и Пури?

Асадолла-мирза некоторое время молчал. Я не сводил с него глаз. Наконец он пробормотал:

– Ну, и с этим тоже все.

И положил свою руку поверх моей.

Не знаю, сколько времени я оставался в оцепенении. Голова моя была в каком-то тумане. Его слова, как звук заевшей граммофонной пластинки, все время отдавались у меня в ушах, хотя я не понимал как следует, что они значат.

Много раз потом я мысленно возвращался к этим минутам, пока не смог восстановить в памяти все подробности.

Асадолла-мирза описал мне, как накануне вечером дядюшка призвал к себе Лейли, Пури и дядю Полковника и сначала произнес перед ними взволнованную и горестную речь, а потом потребовал выполнить его последнюю просьбу. В результате в тот же вечер Лейли и Пури официально стали мужем и женой.

Но сколько я ни собирал разрозненные детали нашего разговора, мне не удавалось воссоздать из них свои собственные ощущения. Единственное, что запечатлелось в моем мозгу, были стрелки часов, старинных фамильных

часов, стоявших на камине рядом с фотографией Абдолькадера Багдади. Они показывали без четверти три. Эти часы напомнили мне, что тринадцатого мордада тоже без четверти три началась моя любовь.

В тот же вечер горячка вернулась ко мне, но на этот раз несколько дней температура была такой высокой, что я почти ничего не сознавал. Даже сгоны, слезы и причитания всего семейства по поводу дядюшкиной кончины, последовавшей к концу дня, не оставили ясных воспоминаний о себе.

На третий день болезни меня, по настоянию Асадолла-мирзы, перевезли в больницу. Никто не мог определить, что со мной. Доктор Насер оль-Хокама по-прежнему настаивал, что это тиф, больничные врачи отвергали его диагноз, хотя никакого другого тоже не предлагали. Больше всех обо мне заботился Асадолла-мирза. Потом я узнал, что, когда меня должны были выписать, он уговорил дядюшкину вдову уехать с детьми в Исфахан, к ее брату, а поскольку его самого правительство посылало в Бейрут, то он упросил отца, чтобы мне разрешили отправиться вместе с ним и после выздоровления продолжать там образование. Стояло лето, когда мы с Асадолла-мирзой отбыли в Ливан. Я прожил там до конца войны, а затем перебрался оттуда во Францию. Лишь после долгого отсутствия я вернулся в Тегеран, все еще не избавившись от бремени моей

несчастной любви.

Эпилог

Моя любовная история подошла к концу, но, возможно, мне следует вкратце упомянуть о членах нашей семьи и героях этого повествования.

Как я впоследствии узнал, Лейли перенесла разочарование гораздо легче, чем я. Конечно, ее супружеская жизнь с Пури началась много позднее, – видно, лечение доктора Насера оль-Хокама было замедленного действия. Во всяком случае, когда я вернулся, у них было трое дочерей, которые, к счастью для репутации Пури, были точными копиями его самого. Вместе с дядей Полковником, так и ушедшим в отставку в чине майора, они все еще жили на старом месте и были последними обитателями нашего сада.

Из остальных героев я прежде всего упомяну тех, кто в итоге оказались самыми богатыми – Практикана Гиясабади и Гамар. Практикан весьма разумно и ловко объединил наследственные земли Гамар и понемногу превратился в состоятельного человека. Через несколько лет после моего возвращения из Европы он послал своих детей учиться в Америку, а поскольку Гамар не могла переносить разлуку с ними, то после кончины Азиз ос-Салтане супруги также

отбыли в Америку и теперь обитают в Калифорнии.

Дустали-хан, похоронив Азиз ос-Салтане, женился еще раз, и, как я слышал, новая жена устроила ему такую жизнь, что он тысячу раз на дню вспоминает покойную Азиз.

Несколько лет назад среди бумаг покойного отца я нашел письмо дядюшки Наполеона к Адольфу Гитлеру, на полях которого отец в шутку приписал: «По случаю кончины адресата подшить к делу!» Асадолла-мирзу я последний раз видел на поминках доктора Насера оль-Хокама. Хотя ему теперь уже за шестьдесят, больше пятидесяти ему не дашь. Под предлогом необходимости поздороваться с дамами он влез на женские поминки[45] и был так увлечен болтовней с молоденькими родственницами, что не обратил на меня особого внимания, только сказал:

– Голубушка Фаррохлега-ханум всей душой хотела побывать на поминках у доктора Насера ол-Хокама, но при ее жизни он так и не помер.

– Дядя Асадолла, я хотел бы сказать вам несколько слов.

– Моменто, если большой срочности нет, давай отложим… Выбери минутку, загляни ко мне, посидим, выпьем по стаканчику.

И он подбежал к немолодой даме с дочкой:

– Позвольте засвидетельствовать почтение… У меня

45

сердце так и сжимается, глядя на вас… Боже мой, как деточка Шахла выросла! Пожалуйста, навестите меня как-нибудь вечерком вместе с Шахлой… Шахла-джан, придешь к дяде? Я просто очарован этим прелестным ребенком!

Среди тех людей, в которых все подозревали английских приспешников и шпионов, настоящим шпионом, но только немецким, оказался лишь сардар Махарат-хан, передававший своим хозяевам сведения о перемещениях англичан, за что последние и арестовали его незадолго до конца войны.

Маш-Касем совершенно исчез из вида, и через год после дядюшкиной смерти никому из членов семьи ничего о нем не было известно. Очевидно, описанные события так повлияли на него, что он не хотел больше видеть никого из дядюшкиной родни; впрочем, некоторые говорили, что он умер от тоски по дядюшке. Через много времени после дядюшкиной кончины я узнал, что в больнице дядюшка на мгновение пришел в себя и, когда увидел у изголовья Маш-Касема, на губах у него вдруг появилась слабая улыбка. Маш-Касем и те, кто стоял поближе, слышали, как он прошептал: «Бер-т-ран… и ты… со мной?», и Маш-Касем долго не мог примириться с тем, что дядюшка обозвал его «зверь-баран». Асадолла-мирзе потом пришлось, чтобы смягчить горечь этой незаслуженной обиды, часами рассказывать ему о маршале Бертране, последовавшем за

Наполеоном в изгнание.

Наверное, в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году мне довелось посетить один провинциальный городок. В первый же вечер я отправился на поиски старого приятеля, врача, с которым познакомился, когда учился во Франции. После стольких лет разлуки встреча эта доставила большое удовольствие нам обоим. Но приятель как раз одевался, чтобы выйти из дому, – он собирался в гости к своим друзьям и, поскольку сборище ожидалось весьма многолюдное, предложил мне поехать с ним.

Мы вошли в большой очень красивый сад. В одном конце сада, на лужайке, расположился иранский народный оркестр, в другом – играл европейский ансамбль, молодежь танцевала. Гостей было, наверное, не меньше ста пятидесяти человек. Сын хозяина уезжал в Америку продолжать образование – по этому случаю и устраивали прощальный прием. Вечер явно удался, атмосфера была непринужденной и сердечной, хозяева очень радушны. Меня все время опекали два-три представителя семьи – чтобы я не чувствовал себя одиноким.

После ужина я присел на скамейку у пруда, стоявшую около увитой шиповником беседки, и закурил сигару. В беседке сидело несколько человек, музыкант, которого почтительно величали «остад», пел аккомпанируя себе на таре. Вдруг один из гостей встал:

– К нам, господин генерал, хоть на минутку!

В беседку вошел представительный старик с роскошными седыми усами, в массивных очках. Все поднялись ему навстречу, а музыкант поклонился. В это время подошел мой приятель:

– А ты все грустишь, сидишь тут один-одинешенек?

– Да я просто устал, вот посижу немного…

– Давай-ка лучше выпьем.

– Спасибо… А кто этот седоусый господин?

– Как, разве ты не знаком с генералом? Это хозяин дома.

– А чем он занимается – служит? Похоже, он богач.

– Ну, зачем ему служить – он землевладелец. Говорят, у него в Тегеране был огромный земельный участок, в прошлом пустырь. Потом цены на землю подскочили, и участок этот пошел по тысяче – две за квадратный метр. Словом, он за несколько лет стал миллионером. Но человек он прекрасный. Пойдем, я тебя представлю. Я уверен, он тебе понравится. Он столько всего помнит… Знаешь, он ведь еще за Конституцию выступал… Потом долго сражался с англичанами.

– С англичанами?

– Да, кажется даже, англичане неоднократно покушались на его жизнь. Ну пойдем, я вас познакомлю.

– Спасибо, но… он сейчас занят разговором. Может

быть, попозже.

Генерал, отставив трость, уселся и обратился к музыканту:

– Что, я вам песню испортил? Отчего перестали играть?

– С превеликим удовольствием сыграю – просто устал немножко.

Старик засмеялся:

– Видали эту нынешнюю молодежь? Немного побренчит – и уже устал!

Упоминание моего приятеля о прошлом поборника Конституции и борца против англичан насторожило меня. Теперь и голос генерала показался мне знакомым… Старик между тем продолжал:

– Как сейчас помню… Казерунское сражение было в самом разгаре… Не знаю, рассказывал я вам или нет… Англичане осадили нас с одной стороны, а их прислужник Хододад-хан примерно с тысячью всадников подступал с другой. Я вижу, остается одно – подстрелить Хододад-хана. Была у меня шапка меховая, я ее на палку надел, выставил – Хододад-хан высунулся из-за камня…

Помянул я всех святых, прицелился прямо в лоб ему… Был у меня один, прости господи, рядовой, который позднее, когда англичане во время войны ввели войска в Иран, со страху спятил… Англичане-то хотели меня арестовать, так этот бедняга, который и вообще большой храбростью не

отличался, перетрусил до того, что его удар хватил, в одночасье помер… О чем это я говорил?… Да, так вот, значит, Ходадад-хан погиб, его отряд разбежался, а мы атаковали англичан. А рассказал я это вот к чему: служил у нас некий Дустали-хан, отлично на кеманче играл. Верите ли, как начнет после захода солнца играть, так до рассвета и не перестает. Несколько англичан, которых мы захватили в тот раз, просто диву давались на него. Уж они его по-английски расхваливали: браво, мол, здорово!

В это время дочь хозяина заглянула в беседку и, смеясь, сказала:

– Ну, папа, нашли время для мемуаров! Дайте гостям повеселиться!

Все мужчины хором запротестовали, любезно и с некоторым подобострастием утверждая, что слышали интереснейший рассказ, женщины не отставали от них, кокетливо восклицая:

– Браво, господин генерал, какой вы великолепный рассказчик!

Мне казалось, что я узнаю и голос, и рассказчика, но я все же не был уверен до конца. Тут девушка села к отцу на колени и со смехом сказала:

– И вообще, папуля, разве вы знаете английский?

– Ей-богу, зачем врать? До могилы…

Генерал вдруг осекся, как будто слова эти сорвались у

него против воли, окинул взглядом гостей и продолжал разговор.

В этот момент приятель подошел ко мне со стаканом виски:

– А тебя, я вижу, очень заинтересовал наш генерал! Пошли, я тебя с ним познакомлю.

– Мне действительно очень интересно было бы познакомиться с ним, но лучше не сейчас. Как-нибудь попозже.

Но позже мне уже не представилось случая повидать его.

Сегодня вечером я дописывал последние строки этой истории, когда зазвонил телефон. Вызывали из одной парижской гостиницы.

– Я слушаю.

– Здравствуй, дружок… Ты здоров? Меня небось совсем забыл? Не узнаешь?

– Неужели дядя Асадолла? Вы откуда?

– Да я уже неделю в Париже… Завтра утром думаю двинуться на юг Франции. Двух девочек с собой везу – бутончики! Может быть, ты присоединишься, проведем несколько дней вместе?

– Дядя Асадолла, у меня тысяча разных дел! Если бы я знал раньше…

– Моменто, хочешь, чтобы я тебя за год предупреждал?

Я сам только вчера с ними познакомился, они из Швеции. Да что долго разговаривать, выезжай. Заглянем ненадолго в Сан-Франциско.

– Дядя Асадолла, извините ради бога, но у меня служебные дела. И потом я не уверен, что смогу раньше завтрашнего вечера добраться из Женевы до Парижа. Может быть, в другой раз…

От крика Асадолла-мирзы у меня чуть не лопнули барабанные перепонки:

– Чтоб ты провалился, урод! Что ребенком, что юношей, что сейчас – никаких способностей к путешествию в Сан-Франциско у тебя не было и нет! Ну, тогда до свидания в Тегеране!